

А. А. ДЕЛЬВИГ
СОЧИНЕНИЯ

А. А. ДЕЛЬВИГ
СОЧИНЕНИЯ

А.А.ДЕЛЬВИГ

СОЧИНЕНИЯ

ЛЕНИНГРАД
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Ленинградское отделение
1986

ББК 84.Р1
Д29

Составление, вступительная статья,
комментарии
В. Э. ВАЦУРО

Оформление художника
Е. Б. БОЛЬШАКОВА

Д $\frac{4702010100-052}{028(01)-86}$ 24—86

АНТОН ДЕЛЬВИГ — ЛИТЕРАТОР

Антон Антонович Дельвиг был одной из самых примечательных фигур в русской литературе пушкинской эпохи. Не обладая ни гениальностью Пушкина, ни выдающимися дарованиями Батюшкова или Баратынского, он тем не менее оставил свой след и в истории русской поэзии, и в истории критики и издательского дела, а личность его была неотъемлема от литературной жизни 1820—1830-х гг. Осознание его подлинной роли в литературе, богатой блестящими именами, приходило с течением времени: так, ближайшему поколению она была не вполне понятна, и даже первый биограф его, В. П. Гаевский, с любовью и тщанием собиравший материалы для его жизнеописания, рассматривал их скорее как подсобные для будущей полной биографии Пушкина [1]. Только в наше время Дельвиг стал изучаться как самостоятельный и оригинальный поэт [2].

Творчество Дельвига нелегко для понимания. Оно нуждается в исторической перспективе, в которой только и могут быть оценены его литературные открытия. Но понять его, осмыслить его внутреннюю логику и закономерности, почувствовать особенности его поэтического языка — значит во многом приблизиться к пониманию эпохи, давшей человечеству Пушкина. Тот, кто решится на эту работу, будет сторицей вознагражден: перед ним раскроются художественные и — шире — духовные ценности, которые были сменены другими, но не умерли и не исчезли и постоянно напоминают о себе нашему эстетическому сознанию — хотя бы тогда, когда мы слушаем романсы Глинки, Даргомыжского, Алябьева, или М. Яковлева на слова Дельвига — «Соловей», «Когда, душа, просилась ты...» и др.

---

[1] Гаевский В. П. Дельвиг.— Совр., 1853, № 2, отд. 3, с. 45—88; № 5, отд. 3, с. 1—66; 1854, № 1, отд. 3, с. 1—52; отд. 3, с. 1—64.

[2] Томашевский Б. А. А. Дельвиг; Виноградов И. О творчестве Дельвига.— В кн.: Дельвиг А. А. Полн. собр. стих. Л., 1934.

В 1970 г. вышла английская монография о Дельвиге (Koehler L. Anton Antonovič Delvig. A Classicist in the Time of Romanticism Mouton. The Hague-Paris, 1970), во многом опирающаяся на эти и другие работы советских ученых.

По отцу Дельвиг принадлежал к старинному эстляндскому баронскому роду, совершенно оскудевшему задолго до его рождения; семья жила на жалованье отца, плац-майора в Москве, а потом окружного генерала внутренней стражи в Витебске; за матерью его было крошечное имение в Тульской губернии. Будущий поэт родился в Москве 6 августа 1798 г.; начальное образование получил в частном пансионе. Родители добивались определения его в только что организованный Царскосельский лицей и пригласили учителя. Учитель этот, литератор А. Д. Боровков, отвез мальчика в Петербург. 19 октября 1811 г. начался лицейский период жизни Дельвига, под знаком которого протекли едва ли не все его юношеские и даже зрелые годы.

Мы располагаем сейчас довольно большим числом свидетельств о «лицейском» Дельвиге. В табели за 1812 г., составленной из рапортов преподавателей, имя его стоит на двадцать шестом месте — и на четвертом от конца. Учителя почти единодушно отказывают ему в способностях, а многие — и в прилежании и, может быть, не без оснований: Пушкин, ближайший и любимый его друг, вспоминал, что способности Дельвига развивались медленно, и что до четырнадцати лет «он не знал ни одного иностранного языка и не оказывал склонности ни к какой науке» [1]. «Мешкотность», флегматичность Дельвига обращала на себя всеобщее внимание; она оставляла его лишь тогда, когда он шалил или резвился; в нем открывалась тогда насмешливость и даже дерзость: «...человек 〈...〉 веселого, шутливого нрава», «один из лучших остряков»,— писал о нем однокашник его Илличевский [2]. Большинство товарищей вспоминало, однако, о нем как о записном ленивце, более всего любящем поспать; эта репутация, отнюдь не лишенная оснований, отразилась и в лицейских куплетах и в пушкинских «Пирующих студентах». Нужно иметь в виду при этом, что в стихах Дельвига «лень» и «сон» — более поэтические, чем бытовые понятия: темы эти были широко распространены в анакреонтической и горацианской лирике и постоянно встречаются, например, у Батюшкова и в лицейских стихах Пушкина.

«Любовь к поэзии пробудилась в нем рано,— вспоминал Пушкин.— Он знал почти наизусть «Собрание русских стихотворений», изданное Жуковским. С Державиным он не расставался». Он читает — жадно и бессистемно, большей частью во время занятий, преимущественно русские книги,— и за четыре года приобретает репутацию едва ли не лучшего знатока русской литературы среди лицеистов. В 1816 г. директор Лицея Энгельгардт замечает, что Дельвигу свойственно «какое-то воинствующее отстаивание красот русской литературы» [3]. Первые известные нам его стихи — патриотическая стилизация народной песни по случаю

---

[1] Пушкин. Полн. собр. соч., т. XI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949, с. 273.

[2] См.. [Грот К. Я.] Пушкинский Лицей (1811—1817). Бумаги 1-го курса, собранные акад. Я. К. Гротом. СПб., 1911, с. 63.

[3] См.: Мейлах Б. Пушкин и его эпоха. М., 1958, с. 124.

занятия Москвы Наполеоном (1812) и оды. Эти ранние стихи очень слабы даже технически,— много слабее, чем у его товарищей.

Война 1812 г. пробудила национальное самосознание и дала новый импульс русской литературе. В нее хлынул поток общественных и эстетических идей, опиравшихся на широкую европейскую просветительскую традицию. Поэзия Жуковского, Батюшкова, Вяземского, Д. Давыдова была преддверием романтического движения, и она решительно захватила литературную авансцену и заставила померкнуть старые кумиры — даже Державина. Литературная жизнь Лицея развивалась под знаком новых веяний.

Юный Дельвиг был непосредственным и ближайшим ее участником. Он постоянный сотрудник рукописных лицейских журналов, а с 1814 г. его стихи начинают появляться в печати. Его формирование как поэта идет стремительно. То, что написано им в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет, стоит на уровне профессиональной поэзии. И Пушкин, и Илличевский в упомянутом уже отзыве называли стихи «К Диону», «К Лилете», где, по словам Пушкина, «заметно необыкновенное чувство гармонии и ⟨...⟩ классической стройности».

«Гармония», «классическая стройность» — категории эстетики Батюшкова и Жуковского. Но поэтическая традиция здесь иная.

Пушкин вспоминал, что первыми опытами Дельвига в стихотворстве были подражания Горацию, которого он изучал в классе под руководством профессора Н. Ф. Кошанского.

Кошанский научил Дельвига понимать латинские тексты, но не мог научить понимать поэзию. Кошанский был «классик», к поэтическим опытам лицеистов относился с предубеждением, и Дельвиг написал пародию на его стихи — «На смерть кучера Агафона». Когда Дельвиг говорил, что «языку богов» он учился «у Кошанского» — это также была пародия. М. Л. Яковлев, однокашник Дельвига, свидетельствовал: «Дельвиг вовсе не Кошанскому обязан привязанностью к классической словесности, а товарищу своему Кюхельбекеру» [1]. С Кюхельбекером же Дельвиг читает немецких поэтов: Бюргера, Клопштока, Шиллера и Гельти. В его лицейских стихах есть следы интереса и к Э. фон Клейсту, и к М. Клаудиусу.

То, что приверженец национальных начал в литературе подражает Горацию и заинтересован более всего немецкой поэзией,— неожиданно лишь на первый взгляд.

Поэты, которых читали Дельвиг и Кюхельбекер — Клопшток и его ученики и последователи, принадлежавшие, как Гельти и Клаудиус, к «геттингенскому поэтическому союзу» или родственные ему, как Бюргер,— были как раз борцами за национальное искусство и бунтарями против классических норм. Они открывали дорогу романтическому дви-

---

[1] См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1. М., 1974, с. 68.

жению. Одной из особенностей их творчества было обращение к античности, в частности к античной метрике, как к средству избежать нивелирующей, вненациональной классической традиции, которую связывали прежде всего с влиянием французской поэзии.

Шиллер, как и Гете, воплотил в своем творчестве дух этой переходной эпохи.

Дельвиг и Кюхельбекер обращаются к Клопштоку и «геттингенцам» как раз в тот период, когда в русской литературе начинается «спор о гекзаметре» и о путях перевода «Илиады»,— спор, проведший размежевание между «классиками» — сторонниками александрийского стиха — и новым поколением поэтов, требовавшим приближения к формам подлинной античной поэзии. Через несколько лет Кюхельбекер с молодым задором заявит публично, что обновление русской литературы придет через освобождение от «правил» литературы французской, и вспомнит Востокова, переведшего Горация мерой подлинника, Гнедича и Жуковского. «Принявши образцами своими великих гениев, в недавние времена прославивших Германию», Жуковский «дал ⟨...⟩ германический дух русскому языку, ближайший к нашему национальному духу, как тот, свободному и независимому» [1].

Это пишется в 1817 г.; через несколько лет Кюхельбекер будет требовать освобождения русской поэзии от пут «германского владычества»,— но то уже будет в иную поэтическую эпоху. Сейчас и Кюхельбекер, и Дельвиг рассматривают «германский» и национальный русский элемент как внутренне родственные.

Дельвиг, по совету Жуковского, упорно занимается немецким языком. Кюхельбекер пишет по-немецки не дошедшую до нас книгу о древней русской поэзии, стремясь познакомить Европу со «Словом о полку Игореве», сборником Кирши Данилова и народными песнями.

Дельвиг пишет рецензию на эту книгу (так и не вышедшую) и печатает ее в журнале «Российский музеум» (1815).

В 1817 г. Дельвиг и Плетнев с восхищением читают слабые стихи Востокова. В том же году Кюхельбекер пропагандирует в Благородном пансионе востоковский «Опыт о русском стихосложении».

И отсюда же удивительное сходство стихов Дельвига и Кюхельбекера в первые послелицейские годы,— сходство жанровое, образное, метрическое. Оба пишут «горацианские оды», элегии античным элегическим дистихом, гекзаметрические послания, дифирамбы; оба насыщают свои стихи античными мифологическими и историческими ассоциациями. И даже избирают сходные темы. Так, Дельвиг пишет «Видение», где имитирует античную метрику, и посвящает его Кюхельбекеру, у которого тоже есть «Видение» и «Призрак». Последнее стихотворение варьирует те же мотивы, что и «Видение» Дельвига. Многое приходит к обоим поэтам от их

---

[1] Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. М.; Л.: Наука, 1979, с. 434—435.

образцов; так тема исчезающего призрака возлюбленной была популярна у «геттингенцев» (ср. «Die Erscheinung», 1781, или «Die Traume», 1774, гр. Фридриха Леопольда Штольберга). Но заимствованные образы и темы порой изменяются до неузнаваемости. Так происходит с сюжетом идиллии Гельти «Костер в лесу», на основе которой выросла впоследствии одна из лучших русских идиллий Дельвига «Отставной солдат».

Новая русская поэзия осваивала опыт европейского преромантизма, включая его в культурный фонд национальной русской литературы.

2

Дельвиг окончил Лицей в 1817 г. и вынужден был искать средства к существованию. Он служит в Департаменте горных и соляных дел, в Министерстве финансов и наконец в 1821 г. обосновывается в Публичной библиотеке, где начальниками его были И. А. Крылов и А. Н. Оленин. Служебные занятия его не слишком привлекают; большая доля времени его проходит в литературных общениях.

Конец 1810-х гг.— период литературных кружков и обществ. Лицейские поэты также сформировали кружок, оказавший затем мощное влияние на всю литературную жизнь. В него входили Дельвиг, Кюхельбекер и Пушкин.

Дельвиг был первым, кто гласно предсказал Пушкину блестящую будущность. Его стих. «Пушкину» («Кто, как лебедь цветущей Авзонии...», 1815) и в особенности «На смерть Державина» (1816) декларативно указывали на Пушкина как на преемника Державина,— то есть на главу современной поэзии. Подобно «арзамасцам», участники кружка адресуют друг другу послания; культ дружбы, составлявший в эти годы своего рода литературную тему, здесь приобретает специфические черты: поэтизируется именно лицейская дружба, союз поэтов-единомышленников. Эти формулы — «союз поэтов», «любимцы вечных муз», «святое братство» — возникают в лицейских посланиях и становятся своеобразным знаком связи, за которым реакционерам чудилось нечто вроде масонской ложи. Адресаты посланий, носящие реальные имена, вместе с тем обобщены. Это не «поэты», а «Поэты» с прописной буквы, пророки, страдальцы, противопоставленные «безумной толпе» и презираемые ею, бросающие свой вызов року и судьбе. Самая поэзия рассматривается как жертвенное служение. Поэтому приобщение к ней есть своего рода акт посвящения. О нем постоянно упоминают в стихах: так, Дельвиг называет Кюхельбекера своим «вожатым» в поэтический мир («К Кюхельбекеру», 1817) и гордится тем, что «первый ⟨...⟩ услышал пенье» Пушкина («К Языкову», 1822),— но это отнюдь не только литературный мотив. Когда в Петербург приезжает Баратынский, за мальчишескую шалость исключенный из Пажеского корпуса с запрещением служить иначе как солдатом, Дельвиг берет его под свое покровительство. Они поселяются вместе (это происходит в 1819 г.), ведут веселую, полунищенскую богемную жизнь, и Дельвиг оказывается первым, кто приобщил будущего

поэта к творчеству; без ведома Баратынского он посылает в печать его ранние стихи. «Союз поэтов» приобретает нового члена.

«Союз поэтов» был очень характерным явлением в кружковом литературном быту 1810-х гг. Он не был оформленным объединением и включал очень разных поэтов, тем не менее ощущавших свой кружок как некую общность — личностную, психологическую, литературную, социальную. В последнем отношении этот кружок составлял как бы периферию будущего декабризма. И Дельвиг, и Баратынский (не говоря уже о Кюхельбекере) находятся почти в открытой оппозиции к режиму последних лет александровского царствования — к аракчеевщине, официальному мистицизму, цензурной политике. Дух религиозного и политического вольномыслия пронизывает стихи Дельвига начала 1820-х гг.— от «Подражания Беранже» до послания «Петербургским цензорам». О «глупых» и «очень опасных ⟨...⟩ разговорах» Дельвига с беспокойством упоминал Энгельгардт; по некоторым косвенным признакам можно предположить, что Дельвиг склонялся иной раз к весьма радикальным взглядам [1]. Имя его мы находим в числе участников целого ряда преддекабристских и связанных с будущим декабризмом обществ: еще в Лицее он посещает вместе с В. Д. Вольховским и Кюхельбекером «Священную артель»; он участвует в «Зеленой лампе», известной в биографии Пушкина; наконец, он заседает в масонской ложе «Избранного Михаила», через которую прошли многие из будущих декабристских деятелей [2].

Все это определило его позицию в двух больших петербургских литературных обществах: «Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств» («Михайловское» или «Измайловское») и «Вольном обществе любителей российской словесности», называемом иногда «ученой республикой».

В первое из них Дельвиг был принят в 1818 г. Это было общество под председательством известного баснописца А. Е. Измайлова, где задавали тон литераторы старшего поколения, традиционалисты и рационалисты.

Первым стихотворением Дельвига, прочитанным для избрания, было «На смерть Державина». Через месяц он уже сам читает «К Пушкину»; еще через два месяца Кюхельбекер выступает со своим «Посланием к Пушкину». Вся эта кампания, утверждавшая литературный авторитет главы лицейского кружка, почти неизвестного широкой публике, предшествовала приему в общество самого Пушкина. В день же его избрания (18 августа 1818 г.) Кюхельбекер читает «Послание к Дельвигу и Пушкину» — апологию «тройственного союза» «питомцев, баловней и Феба, и природы». Это был почти вызов, литературная «агрессия» группы новых поэтов, только что покинувших лицейские стены.

---

[1] См.: Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962, с. 47—58.

[2] Нечкина М. В. Священная артель. Кружок Александра Муравьева и Ивана Бурцова 1814—1817 гг.— В кн.: Декабристы и их время. Материалы и сообщения. М.; Л., 1951, с. 155—188; Базанов В. Ученая республика. М.; Л., 1964 (указатель).

Не довольствуясь публичными выступлениями, они несли свою эстетику и психологию за кулисы общества, в домашний кружок Софьи Дмитриевны Пономаревой, где безраздельно царили А. Е. Измайлов, платонически влюбленный в хозяйку, идиллик В. И. Панаев, Орест Сомов, впоследствии автор трактата «О романтической поэзии» и ближайший сотрудник Дельвига, а в те годы — защитник просветительского нормативизма. Назревавшее литературное столкновение осложнялось личным.

Салон Пономаревой был одним из самых значительных и самых демократических дружеских литературных объединений 1820-х гг. Здесь бывали почти все знаменитости петербургского литературного мира, привлекаемые более всего любезностью, образованностью и неотразимым обаянием хозяйки. Появление молодежи — Дельвига, Баратынского и других было встречено старшим поколением весьма неодобрительно, тем более что бесцеремонные пришельцы явно завладевали вниманием капризной и непостоянной Софьи Дмитриевны. Дельвиг, несомненно, пережил сильное увлечение и, по некоторым сведениям, пользовался какое-то время взаимностью. След этого чувства остался в ряде его стихов, в том числе в нескольких сонетах, посвященных Пономаревой. Выбор этой формы характерен: в начале 1820-х гг. сонет (не вполне законно) воспринимался как жанр романтической поэзии.

Все это — и личное, и литературное поведение «Союза поэтов» — подготовило «журнальную войну», начавшуюся в 1820 г. на страницах измайловского журнала «Благонамеренный».

Нам нет необходимости прослеживать подробно эту полемику, которая была неоднократно исследована [1], но важно уловить ее принципиальный смысл. Она началась выступлением О. Сомова против Жуковского. Сомов возражал против «германского» метафорического языка с позиций рационалистических нормативных поэтик. С этой точки зрения, поэтический язык не может отличаться принципиально от языка прозы. Ревизии подвергается аллегоризм, «туманность» символической образности, ассоциативные ряды, возникающие поверх логических значений.

Все это было свойственно и поэзии Дельвига, развивавшейся под воздействием Жуковского и питавшейся теми же истоками. Поэтому «Видение» Дельвига сразу же становится мишенью критических нападок; его обвиняли в «мистицизме». Мистицизму Дельвиг был решительно чужд, и речь шла не о мировоззрении, а о поэтике. Подобным же образом Воейков критиковал «Руслана и Людмилу» Пушкина.

Второй не менее важный упрек касался горацианского и батюшковского гедонизма. «Союз поэтов» обвиняли в посягательстве на нрав-

---

[1] См.: Гаевский В. П. Дельвиг.— Совр., 1853, № 5, с. 55 и след.; Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX в. М.; Л., 1959, с. 185—186, 326—327.

ственность, воспевании оргий и сладострастия. Этот упрек, как известно, адресовали и Пушкину. Возникла даже полемическая кличка «вакхические поэты».

Культ земных радостей, эротические мотивы действительно были свойственны и раннему Баратынскому, и Дельвигу. Это было литературным выражением преромантического,— а затем и романтического мироощущения, где жизненная полнота, почти языческое переживание жизни было едва ли не непременным свойством поэта. Отсюда и обращение Дельвига к таким напряженно лирическим формам, как дифирамб. Все это воспринималось антагонистами как бунт — литературный, моральный и даже социальный.

Полемика, породившая множество пародий, литературных памфлетов, эпиграмм, сыграла значительную роль в становлении русской романтической поэзии. В литературе определялись линии размежевания. В быту эта борьба не всегда разводила полемистов окончательно: так, благодушный Измайлов сохранял и к Дельвигу, и к Кюхельбекеру некоторое доброжелательство.

Тем не менее «союз поэтов» мало-помалу покидает «Михайловское» общество и охотнее посещает второе, «ученую республику», где председателем был Ф. Н. Глинка и где концентрировались более значительные литературные силы. Уже в 1820 г. Дельвиг — активный член этого Общества, в котором примыкает к левому крылу. Он был одним из тех, кто выступил за низложение главы «правой» партии В. Н. Каразина. Ему, конечно, не было известно о тайных доносах Каразина правительству на Пушкина и лицеистов; не мог он знать и того, что Каразин в одном из них цитировал стихотворение Кюхельбекера «Поэты», обращенное к нему, Дельвигу, и находил в нем тайный политический смысл:

Так! Не умрет и наш союз,
Свободный, радостный и гордый...

Но, и не зная о тайной деятельности Каразина, Дельвиг ясно ощущает свою враждебность его социальным и эстетическим позициям и понимает, что выступление против него — общественный акт. И стихи Кюхельбекера были обращены к Дельвигу не случайно: они были связаны с его одой «Поэт», где утверждалась независимость творчества от властей земных и небесных. Эта ода цензурой пропущена не была.

«Каразинская история» происходит накануне высылки Пушкина из Петербурга — первой политической репрессии, постигшей «союз поэтов». Левая группа «ученой республики» выступает в защиту Пушкина. Дельвиг, Ф. Глинка, А. Бестужев, Рылеев, Кюхельбекер оказываются в одном лагере.

Из этого лагеря выходят потом самые крупные литераторы декабризма. Дельвиг связан с ними и лично, и литературно. Рылеева он сам же и предложил в члены Общества. В 1823—1824 гг. он участвует в «Полярной звезде».

Связи не означали, однако, единомыслия. Дельвигу были чужды и революционные программы общественного переустройства, и открыто публицистическая гражданская литература. Когда из «левого крыла» Общества выделилась радикальная декабристская группа, Дельвиг к ней не примкнул.

В 1823 г. Бестужев жаловался, что в Обществе образовались группировки. Группа Дельвига, Плетнева, Гнедича и Глинки обособилась.

Это размежевание объяснялось не столько политическими причинами, сколько тем, что в 1824 г. Дельвиг начинает собирать свой собственный альманах «Северные цветы», силою вещей вступивший в конкуренцию с «Полярной звездой».

Мы мало знаем о деятельности Дельвига в преддекабристские годы.

Его литературные связи расширились — и тому способствовала работа «альманашника». Он посещает Карамзиных, кружок Воейкова, слепого Козлова; близок с Жуковским и Гнедичем, хорош с Крыловым, налаживает контакты и с Вяземским, и с московскими литераторами. Альманах его становится своего рода организующим центром для петербургской и московской литературы.

«Союз поэтов» существует духовно, но физически разобщен: Пушкин в ссылке, Баратынский служит унтер-офицером в Финляндии, Кюхельбекер странствует и наконец обосновывается в Москве. Пересмотрев свою литературную программу, Кюхельбекер в поисках национальных начал в поэзии отверг прежний «германизм» и элегическую школу, обратившись к традициям архаистической «Беседы».

Процесс переоценки ценностей коснулся и Дельвига. Можно думать, что уже в 1822—1823 гг. в его сознании возникают контуры каких-то больших драматических и лиро-эпических замыслов. Захваченный общим интересом к театру, он переводит акт «Медеи» Лонжпьера и небольшой отрывок из «Маккавеев» А. Гиро. Он выбирает классические трагедии, но такие, в которых брезжат темы и мотивы, подхваченные затем романтиками. В «Маккавеях» его, по-видимому, привлекает и тираноборческая идея. Он лелеет мысль о романтической поэме. Тем не менее ему так и не удается отойти от малых лирических форм: основными жанрами его творчества оказываются идиллия, литературная песня и «антология».

В двадцатые годы XIX в. понятие «антология» применялось главным образом к небольшим лирическим стихам, любовным или описательным, ориентированным на античную эпиграмму периода эллинизма. Интерес к этой жанровой форме, создавшей свою, особую поэтику, близкую к элегической, был характерен для европейского преромантизма. К ней обращались Гете и Шиллер, ее убежденным поклонником и пропагандистом был И. Г. Гердер. В русской литературе обращение к антологической лирике было шагом весьма значительным, который сделал Батюшков

и почти одновременно Пушкин. Это был отход от представления об античной культуре как о вневременном эталоне к пониманию ее исторической и художественной определенности. Открытие того непреложного для нас факта, что человек иной культурной эпохи мыслил и чувствовал в иных, отличных от современности, формах и что эти формы обладают своей эстетической самоценностью, и было в существе своем тем, что мы называем историзмом. Но признать этот факт теоретически было легче, чем дать ему художественное воплощение.

Пушкин восхищался идиллиями Дельвига за необыкновенное «*чутье* изящного», с которым он угадал дух греческой поэзии — «эту роскошь, эту негу, эту прелесть более отрицательную, чем положительную, которая не допускает ничего напряженного в чувствах; тонкого, запутанного в мыслях; лишнего, неестественного в описаниях!» (XI, 98). Это определение очень точно выражает сущность именно «антологической поэзии». Гармоническая уравновешенность, скульптурная пластичность образов — все это характерно для дельвиговских «подражаний древним». «Скульптурность» — не совсем метафора: существовал особый тип греческой антологической эпиграммы, представлявшей собою надписи к произведениям пластического и живописного искусства.

Нет сомнения, что связи Дельвига с русскими художниками и художественными критиками (Пушкин называл его «художников друг и советник») не прошли даром для его поэтического творчества. Так, идиллия «Изобретение ваяния» (а может быть, и «Друзья») писалась для «Журнала изящных искусств» В. И. Григоровича, где помещались только стихи, связанные так или иначе с областью скульптуры или живописи. Антологическая и идиллическая лирика Дельвига оказываются близки друг к другу, однако не только по происхождению: они исходят из единого понимания человеческого характера эпохи античности. Это отнюдь не только исторический интерес. Дельвиг решает проблему, которой была занята русская литература с XVIII в. вплоть до Льва Толстого: проблему «естественного человека». Его условный аркадский мир — это мир, как бы заново открываемый естественным сознанием, наивным и гармоничным. В нем есть все: и всегубящее время, и неразделенная любовь, и смерть,— но есть и любовь счастливая, и дружба, и наслаждение, и они-то движут людьми в этом идиллическом обществе. Это мир чувственный, а не интеллектуальный и более языческий, чем христианский. В этом, между прочим, отличие Дельвига от популярного в 1820-е гг. сентиментального идиллика В. И. Панаева, у которого идиллический мир абстрактен и соотнесен с некими внеисторическими, идеальными нормами морали.

И из тех же общих эстетических принципов исходил Дельвиг в своих «русских песнях». Его не раз упрекали в «литературности», отсутствии подлинной народности. Но Дельвиг не имитировал народную песню. Он подходил к русской народной культуре как к своеобразному аналогу античной культуры и пытался проникнуть в ее духовный и художественный мир. Этого не делал никто из русских поэтов до Дельвига, и мало кто

делал после него. Еще при жизни Дельвига ему пытались противопоставить А. Ф. Мерзлякова — автора широко популярных «русских песен», как поэта, ближе связанного со стихией народной жизни. Может быть, это было и так,— но песни Мерзлякова отстоят от подлинной народной поэзии дальше, чем песни Дельвига. Дельвиг сумел уловить те черты фольклорной поэтики, мимо которых прошла письменная литература его времени: атмосферу, созданную не прямо, а опосредствованно («суггестивность»), сдержанность и силу чувства, характерный символизм скупой образности. В народных песнях он искал национального характера и понимал его притом как характер «наивный» и патриархальный. Это была своеобразная «антология»,— но на русском национальном материале.

Даже литературные противники Дельвига не могли не признать достоинств его «русских песен»,— а сторонники, в частности декабристские литераторы, склонны были считать их лучшей частью его наследия.

Разгром восстания декабристов, резко изменивший соотношение сил в русском обществе и литературе, не затронул Дельвига формально. Он не был членом тайных обществ, вряд ли знал об их существовании и не разделял декабристских программ. В первых последекабрьских письмах его звучит резкое осуждение заговора. Однако как раз эти декларации более всего и подозрительны. Дельвиг был крайне обеспокоен судьбой своих друзей и знакомых и знал, что письма перлюстрируются. У него были все основания бояться и за себя, и за адресатов писем — Баратынского и Пушкина,— и, наконец, за свою только что появившуюся семью. Он женился за две недели до 14 декабря на Софье Михайловне Салтыковой, пережив короткий, но бурный роман, и наслаждался наступившими месяцами семейного счастья. Подтверждая свою лояльность, а заодно и лояльность своих друзей, он рассчитывал, конечно, не на них, а на сторонний глаз в III отделении. В разговорах своих он очень осторожен и избегает политических тем.

Разрозненные и косвенные данные позволяют судить, однако, о тяжелой внутренней драме, пережитой им в 1825—1826-х гг. Он был одним из немногих, кто пришел в день казни, 13 июля, к кронверку Петропавловской крепости, чтобы молча проститься с осужденными. Быть может, его рассказы отразились потом в пушкинских рисунках, изображающих казненных. И он не прервал связи с заключенными: он переписывался с Кюхельбекером — тайно, через третьих лиц, и получал от него рукописи; он писал ссыльному Ф. Н. Глинке. В «Северных цветах», а потом в «Литературной газете» он печатал анонимно Кюхельбекера, Н. и А. Бестужевых, Рылеева, А. Одоевского. Его стихи на 19 октября 1826 г. («Снова, други, в братский круг») прямо перекликаются с пушкинским посланием в Сибирь — так же как и некогда написанная им лицейская песня,— «Шесть лет промчалось, как мечтанье». Из нее Пушкин взял слова «Храните гордое терпенье» — один из девизов лицейского братства.

В собственном же его творчестве нарастает драматическая нота. В идиллии «Конец золотого века» Дельвиг показал разрушение аркадского мира. Городская цивилизация принесла с собою «железный век» с его нравами и понятиями, и наивно-патриархальный моральный уклад рухнул под его напором. Это были те же идеи и те же проблемы, к которым с разных сторон и на разной глубине подходили Пушкин в «Скупом рыцаре» и в «Пиковой даме» и Баратынский в «Последнем поэте».

В художественном отношении Дельвиг решился на эксперимент большой смелости: он внес в идиллию трагический конфликт, прямо ориентируясь на сцену самоубийства Офелии в «Гамлете». Вообще проблемы трагедии все более занимают Дельвига в последние годы. Еще в 1819 г. он побуждал Пушкина обратиться к этому роду поэзии. Когда появилась пушкинская «Полтава», он говорил прямо, что сюжет тяготеет к драматической форме. Он с особым вниманием рецензирует исторические драмы, даже слабые («Василия Шуйского» юного Н. Станкевича), анализируя исторические характеры. Его рецензия на «Бориса Годунова», оставшаяся неоконченной, обещала разрастись в целое исследование. И сам он замышляет историческую и социальную трагедию, ориентированную на шекспировскую поэтику.

Это драматическое (и соответственно драматургическое) начало ощущается и в его поздних песнях, и в идиллии «Отставной солдат» (1829), где он пытается создать народный исторический характер, раскрывая его в кульминационный момент Отечественной войны 1812 г.

Все эти творческие замыслы идут рядом с издательской деятельностью.

«Северные цветы» после 1825 г. становятся единственным русским альманахом, объединяющим литературные силы, а дом Дельвига — своего рода центром столичной литературы. Ближайшие помощники его — П. А. Плетнев, а затем и О. М. Сомов, превратившийся из противника в сотрудника, а из сотрудника — в друга и «домашнего человека» Дельвига. Помимо Жуковского, Вяземского, И. И. Козлова, Баратынского, Пушкина, Гнедича, Ф. Глинки, Языкова — прежнего ядра участников альманаха, здесь печатаются теперь и молодые московские литераторы из кружка «любомудров» — Веневитинов, Погодин, Шевырев и следующее поколение лицеистов и пансионеров, которых привлекает к себе Дельвиг: А. Подолинский, М. Деларю. В 1831 г. в альманах приходит и молодой Гоголь. Кружок Дельвига функционирует как литературное общество. О его внутреннем быте вспоминают А. И. Дельвиг, А. П. Керн, Е. Ф. Розен. Литература входит в него естественно и органично; ее не культивируют специально, как это нередко бывало в великосветских аристократических салонах типа салона З. Волконской. Молодое поколение, отнюдь не смотревшее на Дельвига как на мэтра, тем не менее признавало за ним права поэтического арбитра, и Дельвиг естественно взял на себя роль «патриарха» и наставника литературной молодежи.

В 1828 г. в Петербург возвращается Пушкин и сразу же входит в дельвиговский круг на правах одного из идеологических руководителей.

К этому времени «Северные цветы» уже настолько обеспечены литературным материалом, что возникают предпосылки для издания газеты.

1 января 1830 г. выходит первый номер «Литературной газеты» под формальным редакторством Дельвига. Фактически политику ее на первых порах определяли Пушкин, Дельвиг и Вяземский. Уже с первого номера «Литературная газета» приобрела вынужденно полемический характер. Еще в «Северных цветах» была начата полемика, с одной стороны, против Булгарина, с другой — против литературно-эстетических концепций «Московского вестника». «Литературная газета» не могла остаться в стороне от уже начавшейся борьбы. Когда в первом номере в анонимной заметке, принадлежавшей Пушкину, газета декларировала свой кружковый характер, объявив, что она издается «не столько для публики, сколько для некоторого числа писателей, не могущих по разным отношениям являться под своим именем ни в одном из петербургских или московских журналов» [1], возражения посыпались как из рога изобилия. Собственно, эта статья своим вызывающим максимализмом дала мощный толчок обвинениям в «литературном аристократизме», элитарности, пренебрежении читателем. Такого рода упреки исходили от «Северной пчелы» Булгарина и Греча и от «Московского телеграфа» Н. Полевого.

Почти все статьи Дельвига в «Литературной газете» так или иначе связаны с начавшейся вслед за тем полемикой, имевшей как общественный, так и эстетический смысл. Сущность этой полемики, проясненная, в частности, в исследованиях о Пушкине [2], для современного читателя во многом уже ускользает: в ней важно улавливать не только акценты и детали, ушедшие вместе с эпохой, но и исторические оттенки понятий, которыми пользовались полемисты, и социальные и эстетические концепции, стоявшие за этими понятиями.

И Булгарин, и Полевой — каждый по своим особым причинам — нападали на «аристократизм» пушкинского круга и апеллировали к «публике», то есть к широкому демократическому читателю. Это была буржуазно-демократическая литературная программа, которой принадлежало, казалось бы, историческое будущее. Сложность ситуации заключалась в том, что Полевой в отличие от Булгарина тяготел к буржуазному радикализму и искал в России «третьего сословия», на которое он мог бы

---

[1] Пушкин. Полн. собр. соч., т. XI, с. 89.

[2] См.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.; Л.: Наука, 1966, с. 217—227; Блинова Е. М. «Литературная газета» Дельвига и Пушкина. 1830—1831. Указатель содержания. М., 1966; о «Северных цветах» см. также нашу книгу: «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина. М.: Книга, 1978; «Северные цветы» на 1832 год. Изд. подготовил Л. Г. Фризман. М., 1980.

опереться в борьбе с дворянством, утратившим, как ему казалось, свою ведущую роль в социальной и культурной сфере.

Буржуазный радикал Полевой и буржуазный конформист Булгарин вступили в тактический союз против общего врага — «литературной аристократии»: Пушкина, Жуковского, Вяземского, Дельвига, Баратынского и их идейных предшественников, к которым Полевой причислял, в частности, Карамзина.

Отсюда — нападки на развращенность и социальное бесплодие «высшего света», которому противопоставлялись энергичные, нравственно устойчивые и талантливые люди «среднего класса»; отсюда и полемический пафос «Истории русского народа» Полевого, создававшейся в противовес «Истории Государства Российского».

В этой критике дворянства были несомненные позитивные черты. Но в целом в конкретных условиях Российской империи 1830-х гг. эта, на первый взгляд, столь прогрессивная литературно-общественная позиция приобретала — не только у Булгарина, но и у Полевого — ярко выраженный консервативный смысл.

В тридцатые годы в России продолжался период дворянской революционности. Дворяне вышли на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 г. Дворяне создали важнейшие идеологические документы декабристского движения. Они оказались наследниками буржуазно-демократических идей 1789 г., ибо «третье сословие» в России еще не успело развиться.

Пушкин улавливал особенности социальной жизни России, когда утверждал (с нашей точки зрения, не вполне справедливо), что именно дворяне, лишенные своих поместий, и «составляют у нас род третьего состояния, состояния почтенного, трудолюбивого и просвещенного» [1]. Он думал при этом о себе, о князе Вяземском с его номинальным княжеством, и о нищем бароне Дельвиге.

Реальное же «третье сословие» в 1820—1830-е гг. в России было как раз хранителем косных, патриархальных, консервативных устоев и в политической, и в моральной, и в интеллектуальной сфере. На него опиралось и правительство в своей борьбе с политическим вольнодумством и религиозным скептицизмом. «Самодержавие, православие, народность» — эта официальная правительственная формула была понятна и близка не культурной элите, а именно среднему грамотному читателю, который составлял основную массу подписчиков «Северной пчелы» и «Московского телеграфа» и к литературным исканиям Пушкина и Баратынского был невосприимчив.

Чтобы воспитать читателя с необходимым для этого философским, социальным, эстетическим кругозором, нужна была журнальная трибуна и литературная критика. Но к 1830 г.— к моменту появления «Литера-

---

[1] Пушкин. Полн. собр. соч., т. XI, с. 173.

турной газеты» — «Северная пчела» и «Московский телеграф» были полновластными хозяевами читательских вкусов: они предлагали каждый свою, а иногда и общую шкалу социальных и эстетических ценностей и по этой шкале оценивали современную литературу.

Газета Дельвига начинает борьбу за читателя с разрушения «коммерческой эстетики».

Если читать подряд критические статьи Дельвига, вероятно, может показаться странным экзотический выбор книг для рецензирования. «Берлинские привидения» псевдо-Радклиф, «Послание Выпивалина к водке и бутылке...» Ф. Улегова, «Новейшее собрание романсов и песень» и подобный же песенник под названием «Северный певец...». Но этот выбор целенаправлен. Все это — «массовая культура» (пользуясь современным термином), «мелкотравчатая» литература для малообразованного читателя, нижний пласт «коммерческой словесности». Его популярность — показатель, с одной стороны, культурного уровня общества и, с другой — уровня самой «литературной промышленности». Это первые и уродливые проявления буржуазного предпринимательства в литературе. Издатель «Северных цветов» Дельвиг не мог возражать против того, чтобы книга становилась товаром, но он был против экспансии коммерции в область духовной культуры.

С этой точки зрения он оценивает и творчество Булгарина. И «нравственно-сатирический», и исторический роман Булгарина был обращен как раз к «средним классам» и ориентирован на их социальные и моральные представления и на их литературные вкусы. Булгарин модернизировал ту область литературы, на которой они были воспитаны: авантюрный роман и «роман тайн», где центр тяжести лежит на фабуле, а не на характере; где бытовая сфера понимается не как форма исторического бытия народа, а как иллюстрация общей моралистической идеи; где воспитательная роль произведения достигается не логикой характеров и событий, а прямым публицистическим комментарием автора — и где поэтому происходит четкое разделение на персонажей положительных и отрицательных.

В эпоху формирования романтической прозы и зарождения реалистической эстетики Булгарин воскрешал просветительский и преромантический роман XVIII в. в его наиболее эпигонских образцах. Но именно этот роман был понятен и популярен, ибо был эстетически привычен и не содержал никаких открытий, отпугивающих обывателя.

Анализ этого типа литературы, где социальный и эстетический консерватизм шли рука об руку, Дельвиг дал в статьях о «Димитрии Самозванце» Булгарина, комедии «Классик и романтик» К. Масальского и в полемических заметках об «Иване Выжигине». Вероятно, более всего его занимает то, что мы назвали бы сейчас идеей историзма. Он требует от литературы исторических характеров, изображения исторического быта и вскрытия движущих пружин исторического процесса. Этим пафосом литературно-исторического исследования проникнуты и статьи о трагедии

«Василий Шуйский» Николая Станкевича и о переводе «Карла Смелого» В. Скотта — писателя, которого Дельвиг противопоставляет Булгарину. И в самом подходе к теме, и в частных суждениях Дельвиг иной раз оказывается удивительно близок к Пушкину; когда он начинает говорить о Борисе Годунове и в особенности о характере Шуйского, его рассуждения почти буквально совпадают с пушкинскими черновыми набросками. Это общность точки зрения, по-видимому возникавшей в устном общении; многие суждения и даже фразеологические обороты дельвиговских статей были повторены в статьях Пушкина.

Другим направлением критической деятельности Дельвига стала борьба с эпигонством внутри собственного литературного лагеря.

Дельвиг был сторонником конструктивной, «научающей» критики. Когда дело касалось молодых поэтов и их первых произведений, его суд был обычно мягок, но всегда нелицеприятен, как вспоминал Н. М. Коншин. Эта определенность критического приговора заставила сначала А. И. Подолинского, а потом и Е. Ф. Розена прервать связи с кружком; первый считал даже, что Дельвиг увидел в нем своего рода конкурента Пушкина и попытался уничтожить его литературно. Но дело было в ином.

Романтическая поэзия, и в особенности поэма 1830-х гг., испытывала воздействие «неистовой словесности». Она все более порывала с теми принципами стихотворного лиро-эпического рассказа, которые установились в поэме Пушкина и Баратынского, где сюжет и характер развивались по закону необходимости и имели ясно прочерченную логику движения. В 1830-е гг. поэтов меньше интересует развитие характера: он лишь раскрывается в кульминационные моменты страсти и страдания. Внешняя событийная сторона произведения теряет автономность; она предопределяет не характер, а именно эти кульминационные сцены. При такой концепции поэмы основная роль в фабуле принадлежит случаю. Случайное убийство брата, любимой жены; случайный повод к ревности — все эти элементы «неистовой поэтики» были решительно отвергнуты Дельвигом в рецензиях на «Нищего» Подолинского, на «Рождение Иоанна Грозного» Е. Розена, на «Разбойника» М. Покровского. И здесь Дельвиг тоже выступал единомышленником Пушкина.

Он предостерегал молодых поэтов против «поспешности» и требовал уважения к литературному цеху. Пренебрежение к традиции, установка на читательскую популярность, на немедленный, хотя бы и скоропреходящий успех, а в области художественного творчества — мелодраматизм и стилистическая «языковая небрежность» — все это было для него прямым следствием «коммерческого века», когда «публика» навязывает писателю свои этические и эстетические нормы. Во всех этих грехах он упрекал и Полевого, хотя тот, не в пример Булгарину, ориентировался не на устаревшие, а, напротив, на новейшие литературные образцы, порожденные, в частности, новой романтической волной во французской литературе.

Критические схватки продолжались, однако недолго: в ноябре 1830 г. «Литературная газета» была закрыта.

Власти уже давно присматривались к ее выступлениям. В августе 1830 г., в разгар полемики с Полевым и Булгариным, Дельвиг поместил заметку «Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии...», написанную им совместно с Пушкиным. В заметке содержалась аналогия между социальной борьбой 1830-х гг. в России и общественным брожением кануна 1789 г. «Литературная газета» прибегла к политической дискредитации противников, которые пользовались поддержкой правительства.

Это был этически не безукоризненный, а тактически—самоубийственный полемический ход.

Бенкендорф вызвал к себе Дельвига. Издатель «Литературной газеты» держался невозмутимо и ссылался на законодательство, запрещающее преследовать редактора за пропущенные цензурой статьи. Формально он был прав, но шеф III отделения прямо заявил ему, что законы существуют не для начальства, а для подчиненных.

В конце октября за помещение четверостишия, посвященного жертвам Июльской революции (1830), Дельвиг снова был вызван в кабинет шефа жандармов. Бенкендорф был разъярен. Он был убежден, что кружок Дельвига собирает людей, настроенных против правительства, и что руководят им сам Дельвиг, Пушкин и Вяземский, которых он пообещал «упрятать в Сибирь».

Бенкендорф прямо ссылался на Булгарина как на источник своей информации. Но дело было не только в тайных доносах. Конечно, ни Дельвиг, ни Пушкин не были главами противоправительственных кружков,— но их газета решительно не хотела, а точнее, не могла идти в фарватере николаевской идеологической политики. Весь дух дельвиговского кружка, сформировавшегося в период общественного и литературного оживления 1810-х гг., противостоял требованиям «усердия и служения», всеобщему конформизму и официальной эстетике. Пережив эпоху декабризма, он сохранил воспоминания о ней, он остался оазисом «вольнодумства» в обществе, искоренявшем вольнодумство, и поэтому каждую минуту оказывался чреват крамолой.

Независимое поведение Дельвига лишь еще сильнее укрепило Бенкендорфа в его мнении.

Репрессии против «Литературной газеты» вызвали, однако, в обществе нежелательную для правительства реакцию. Дельвигу сочувствовали и влиятельные лица,— например управлявший Министерством юстиции Д. Н. Блудов. Бенкендорф вынужден был принести извинения за резкость и разрешить газету, но уже с другим формальным редактором. Им стал О. М. Сомов.

Нервное потрясение, испытанное Дельвигом, было велико, и долгое время держался слух, что выговоры Бенкендорфа приблизили его раннюю кончину. Слух, вероятно, был не лишен основания. Дельвиг был болен

давно; каждый год легкая простуда надолго укладывала его в постель, и выздоравливал он все труднее. Душевные травмы были непосильным испытанием для ослабленного и изнуренного организма.

И семейная жизнь, так счастливо начатая, через несколько лет повернулась к Дельвигу своей теневой стороной. Софья Михайловна не могла и не хотела противостоять новым увлечениям.

Случайная простуда, которой Дельвиг не придавал значения, после нескольких дней болезни свела его в могилу 14 (26) января 1831 г.

Со смертью Дельвига распался его кружок и ушел в прошлое «союз поэтов». Наступала новая эпоха — «гоголевский период русской литературы», где ведущей стала проза, а не поэзия, и альманахи сменились журналами.

И творчество, и литературная жизнь Дельвига остались памятником эстетических идей и литературного быта предшествующей, пушкинской эпохи — золотого века русской поэзии. В этом их историческая ограниченность, но в этом же и их непреходящая культурная ценность.

В. Вацуро

СТИХОТВОРЕНИЯ

«СТИХОТВОРЕНИЯ БАРОНА ДЕЛЬВИГА»

Ich singe, wie der Vogel singt,
Der in den Zweigen wohnet:
Das Lied, das aus der Kehle dringt
Ist Lohn, der reichlich lohnet.

Goethe.

1. ДАМОН

(Идиллия)

Вечернее солнце катилось по жаркому небу,
И запад, слиянный с краями далекими моря,
Готовый блестящего бога принять, загорался;
В долинах, на холмах звучали пастушьи свирели;
По холмам, долинам бежали стада и шумели;
В прохладе и блеске катилися волны Алфея.

Дамон, вдохновенный певец, добродетельный старец,
Из хижины вышел и сел у дверей на пороге.
Уж семьдесят раз он первыми розами лиру
И длинные кудри свои украшал, воспевая
На празднике пышном весны и веселье, и младость.
А в юности зрелой камены его полюбили.
Но старость, лишив его сил, убелив ему кудри,
Отнять у него не могла вдохновенного дара
И светлой веселости: их добродетель хранила.
И старец улыбкой и взором приветливым встретил
Отвсюду бегущих к нему пастухов и пастушек.
«Любезный Дамон, наш певец, добродетельный старец!
Нам песню ты спой, веселую песню,— кричали,—

Мы любим, после трудов и полдневного жара,
В тени близь тебя отдыхать под веселые песни.
Не сам ли ты пел, что внушенные музами песни
На сердце больное, усталое веют прохладой,
Которая слаще прохлады, из урны Алфея
С рассветом лиющейся, слаще прохлады, лилеям
Свежесть дающей росы, и вина векового,
В амфорах хранимого дедами, внукам на радость?
Что, добрый? Не так ли ты пел нам?» Дамон улыбнулся.
Он с юности ранней до позднего вечера жизни
Ни в чем не отказывал девам и юношам милым.
И как отказать? Убедительны, сладки их просьбы:
В прекрасных устах и улыбка, и речи прекрасны.
Взглянул он на Хлою, перстом погрозил ей и молвил:
«Смотри, чтоб не плакать! и ты попадешь в мою песню».
Взял лиру, задумался, к солнцу лицом обратился,
Ударил по струнам и начал хвалою бессмертным:

«Прекрасен твой дар, Аполлон,— вдохновенные мысли!
Кого ты полюбишь, к тому и рано и поздно
В смиренную хижину любят слетаться камены.
О Эрмий, возвышен твой дар — убедительность речи!
Ты двигаешь силою слова и разум и душу.
Как ваших даров не хвалить, о Гимен, о Паллада!
Что бедную жизнь услаждает? — Подруга и мудрость.
Но выше, бесценней всего, Эрот и Киприда,
Даяние ваше — красою цветущая младость!
Красивы тюльпан, и гвоздика, и мак пурпýровый,
Ясмин, и лилея красивы — но краше их роза;
Приятны крылатых певцов сладкозвучные песни —
Приятней полночное пенье твое, Филомела!
Все ваши прекрасны дары, о бессмертные боги!
Прекраснее всех красотою цветущая младость,
Прекрасней, проходчивей всех. Пастухи и пастушки!
Любовь с красотою не жители — гости земные,
Блестят, как роса, как роса, и взлетают на небо.
А тщетны без них нам и мудрость, и дар убежденья!
Крылатых гостей не прикличешь и лирой Орфея!
Все, други, вы скажете скоро, как дед говорит ваш:
Бывало, любили меня, а нынче не любят!
Да вот и вчера... Что краснеешь ты, Хлоя? взгляните,
Взгляните на щеки ее: как шиповник алеют!
Глядите: по ним две росинки, блестя, покатились!
Не вправду ль тебе говорил я: смотри, чтоб не плакать!
И ты попадешь в мою песню: сказал — и исполню».

И все оглянулись на Хлою прекрасную. Хлоя
Щеками горячими робко прижалась к подруге,
И шепот веселый и шум в пастухах пробудила.
Дамон, улыбаясь на шум их и шепот веселый,
Громчей заиграл и запел веселей и быстрее:

«Вчера, о друзья, у прохладной пещеры, где нимфы,
Игривые дщери Алфея и ближних потоков,
Расчесывать кудри зеленые любят сходиться
И вторить со смехом и песням, и клятвам любовным,
Там встретил я Хлою. «Старинушка добрый, спой
песню»,—
Она мне сказала.— «С охотой, пастушка, с охотой!
Но даром я песень не пел никогда для пастушек;
Сперва подари что-нибудь, я спою».— «Что могу я
Тебе подарить? Вот венок я сплела!» — «О, прекрасен,
Красиво сплетен твой венок, но венка мне не надо».
— «Свирелку возьми!» — «Мне свирелку! красавица?
Сам я
Искусно клею их воском душистым».— «Так что же
Тебе подарю я? Возьмешь ли корзинку? Мне нынче
Ее подарил мой отец — а ты знаешь, корзинки
Плетет он прекрасно. Но, дедушка, что же молчишь ты?
Зачем головой ты качаешь? Иль этого мало?
Возьми же в придачу ты овцу любую!» — «Шалунья,
Шалунья, не знать в твои годы, чем платят за песни!»
— «Чего же тебе?» — «Поцелуя».— «Чего?» —
«Поцелуя».
— «Как, этой безделицы?» — «Ах, за нее бы я отдал
Не только венок и свирелку, корзинку и овцу:
Себя самого! Поцелуй же!» — «Ах, дедушка добрый!
Все овцы мои разбежались; чтоб волк их не встретил,
Прощай, побегу я за ними».— Сказала, и мигом
Как легкая серна, как нимфа дубравная, скрылась.
Взглянул я на кудри седые, вздохнул и промолвил:
Цвет белый пастушкам приятен в нарциссах, в лилеях;
А белые кудри пастушкам не милы. Вот, други,
Вам песня моя: весела ли, судите вы сами».

Умолк. Все хвалили веселую песню Дамона;
А Хлоя дала поцелуй (так хотели пастушки)
Седому слагателю песней игривых и сладких —
И радость блеснула во взорах певца. Возвращаясь
К своим шалашам, пастухи и пастушки: «О боги,—

Молились,— пошлите вы нам добродетель и мудрость!
Пусть весело встретим мы старость, подобно Дамону!
Пусть так же без грусти, но с тихой улыбкою скажем:
«Бывало, любили меня, а нынче не любят!»

1821

2. ОТВЕТ

Зачем на меня ты и глупость, и злобу,
Плетнев, вызываешь нескромной хвалой?
К чему величаешь любовью бессмертных
Простого певца?

Так, были мгновенья ниспосланы Фебом:
Я плавал в восторгах, я небом дышал!
Я пел — и мне хором, веселые, вторить
Любили друзья.

Я пел — но в то время роскошная младость
Мне жизнь озаряла волшебным лучом:
Я веровал в счастье, я жаждал любови,
Я славой горел!

И опыт суровый смирил обольщенья,
Мой взор прояснился; но скрылись мечты,
За ними и счастье, и прелесть любови,
И славы призрак.

Как слушал Лаертид, привязанный к мачте,
Волшебные песни Скиллийских сирен
И тщетно к ним рвался — упрямые верви
Держали его,—

Так я, твоей лирой печально пленяясь,
Вотще порываюсь к святым высотам,
Знакомым бывало, и в робкие струны
Напрасно звучу.

Напрасно у неба прошу вдохновений:
Мне путь на родную страну возбранен,
И глас мой подобен унылому гласу
Жестоким стрелком

Подстреленной птицы, когда завывают
Осенние ветры и к теплым странам
Веселою стаей при кликах несутся
Подруги ее.

1820

3. ДВЕ ЗВЕЗДОЧКИ

Со мною мать прощалася
(С полком я шел в далекий край);
Весь день лила родимая
Потоки слез горючие,
А вечером свела меня
К сестре своей кудеснице.
В дверь стукнула, нет отклика,
А за́ дверью шело́хнулось;
Еще стучит, огонь секут;
В окно глядим, там светится.
Вот в третий раз стучит, кричит:
«Ты скажешься ль, откликнешься ль,
Ото́прешься ль?» — Нет отзыва!
Мы час стоим, другой стоим:
А за дверью огонь горит,
Дрова трещат, котлы кипят,
Ворчат, поют нерусское.
Но полночь бьет, все смолкнуло,
Все смолкнуло, погаснуло!
Мы ждать-пождать, дверь скрыпнула,
Идет, поет кудесница:

«Туман, туман! В тумане свет!
То, дитятко, звезда твоя!
Туман тебе: немилый край;
Туманный свет: туманно жить.
Молись, молись! туман пройдет,
Туман пройдет, звезда блеснет,
Звезда блеснет приветнее,
Приветнее, прилучнее!»

Ах, с той поры в краю чужом
Давным-давно я ведаю
Тоску-печаль, злодейку-грусть;
Злодейка-грусть в душе живет.
Так, старая кудесница,
Туман, туман — немилый край!
В нем тошно жить мне, молодцу!
Но та звезда, та ль звездочка,
Свети иль нет, мне дела нет!
В краю чужом у молодца
Другие есть две звездочки
Приветные, прилучные —
Глаза ль моей красавицы!

1824 или 1825

4. ГЕНИЙ-ХРАНИТЕЛЬ

(Сновидение)

Грустный душою и сердцем больной, я на одр мой недавно
Кинулся, плакать хотел — не мог и роптал на бессмертных.
Все испытанья, все муки, меня повстречавшие в жизни,
Снова, казалось, и вместе на душу, тяжелые, пали.
Я утомился, и сон в меня усыпление пролил:
Вижу — лежу я на камне, покрытый весь ранами, цепи
Руки мои бременят, надо мною стоит и рыдает
Юноша светлый, крылатый, созданье творящего Зевса.

«Бедный товарищ, терпенье!» — он молвил мне. (Сладость внезапно
В грудь мою полилась — и я жадно стал дивного слушать.)
«Я твой гений-хранитель! Вижу улыбку укора,
Вижу болезненный взгляд твой, страдалец невинный, и плачу.
Боги позволили мне в сновиденьи предутреннем ныне
Горе с тобой разделить и их оправдать пред тобою.
Любят смертных они, и уж радость по воле их ждет вас
С мрачной ладьи принять и вести в обитель награды.
Но, доколе вы здесь, вы игралище мощного Рока;
Властный, законы ужасные пишет он паркам суровым.

Эрмий со мною (тебя еще не было) послан был Зевсом
Миг возвестить, когда им выпрясть нить твоей жизни.
Вняли веленью они и к делу руки простерли.
Я подошел к ним, каждую собственным именем на́звал,
Низко главу наклонил и молил, всех вместе и розно,
Ровно нить сию прясть иль в начале ее перерезать.
Нет! и просьбы, и слезы были напрасны! Дико
Песню запели они, и в перстах веретено закружилось».

1820 или 1821

5. НА СМЕРТЬ В⟨ЕНЕВИТИНО⟩ВА

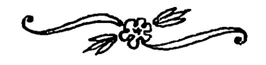
Дева

Юноша милый! на миг ты в наши игры вмешался!
Розе подобный красой, как Филомела, ты пел,
Сколько любовь потеряла в тебе поцелуев и песень,
Сколько желаний и ласк новых, прекрасных, как ты.

Роза

Дева, не плачь! я на прахе его в красоте расцветаю.
Сладость он жизни вкусив, горечь оставил другим;
Ах! и любовь бы изменою душу певца отравила!
Счастлив, кто прожил, как он, век соловьиный и мой!

Март 1827

6. Н. И. ГНЕДИЧУ

Муза вчера мне, певец, принесла закоцитную новость:
В темный недавно Айдес тень славянина пришла;
Там, окруженная сонмом теней любопытных, пропела
(Слушал и древний Омер) песнь Илиады твоей.
Старец наш, к персям вожатого-юноши сладко приникнув,
Вскрикнул: «Вот слава моя, вот чего веки я ждал!»

1823

7. ЭПИТАФИЯ

Жизнью земною играла она, как младенец игрушкой.
Скоро разбила ее: верно, утешилась там.

1824

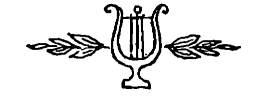
8. В АЛЬБОМ А. Н. ВУЛЬФ

В судьбу я верю с юных лет.
Ее внушениям покорный,
Не выбрал я стези придворной,
Не полюбил я эполет
(Наряда юности задорной),
Но увлечен был мыслью вздорной,
Мне объявившей: ты поэт.

Всегда в пути моем тяжелом
Судьба мне спутницей была,
Она мне душу отвела
В приюте дружества веселом,
Где вас узнал я, где ясней
Моя душа заговорила
И блеск Гименовых свечей
Пророчественно полюбила.
Так при уходе зимних дней,

Как солнце взглянет взором вешним,
Еще до зелени полей
Весны певица в крае здешнем
Пленяет песнию своей.

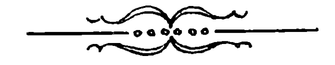
20 января 1826

9. В АЛЬБОМ С. Г. К—ОЙ

Во имя Феба и харит
Я твой альбом благословляю
И, по внушенью аонид,
Его судьбу предвозвещаю:
В нем перескажет дружба вновь
Все уверенья, все мечтанья,
И без намеренья любовь
Свои откроет ожиданья.

1824 или 1825

10. РОМАНС

Друзья, друзья! я Нестор между вами,
По опыту веселый человек;
Я пью давно; пил с вашими отцами
В златые дни, в Екатеринин век.

И в нас душа кипела в ваши леты,
Как вы, за честь мы проливали кровь,
Вино, войну нам славили поэты,
Нам сладко пел Мелецкий про любовь!

Не кончен пир — а гости разошлися,
Допировать один остался я —
И что ж? ко мне вы, други, собралися,
Весельчаков бывалых сыновья!

Гляжу на вас: их лица с их улыбкой,
И тот же спор про жизнь и про вино,
И мнится мне, я полагал ошибкой,
Что и любовь забыта мной давно.

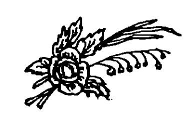
1824

11. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночку пропоешь?
Кто-то бедная, как я,
Ночь прослушает тебя,
Не смыкаючи очей,
Утопаючи в слезах?
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синие моря,
На чужие берега;
Побывай во всех странах,
В деревнях и в городах:
Не найти тебе нигде
Горемышнее меня.
У меня ли у младой
Дорог жемчуг на груди,
У меня ли у младой
Жар-колечко на руке,
У меня ли у младой
В сердце миленький дружок.
В день осенний на груди
Крупный жемчуг потускнел,
В зимню ночку на руке
Распаялося кольцо,
А как нынешней весной
Разлюбил меня милой.

1825

12. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Пела, пела пташечка
    И затихла;
Знало сердце радости
    И забыло.

Что, певунья пташечка,
    Замолчала?
Как ты, сердце, сведалось
    С черным горем?

Ах! убили пташечку
    Злые вьюги;
Погубили молодца
    Злые толки!

Полететь бы пташечке
    К синю морю;
Убежать бы молодцу
    В лес дремучий!

На море валы шумят,
    А не вьюги;
В лесе звери лютые,
    Да не люди!

1824

13. ЛУНА

Я вечером с трубкой сидел у окна;
Печально глядела в окошко луна;

Я слышал: потоки шумели вдали;
Я видел: на холмы туманы легли.

В душе замутилось, я дико вздрогнул:
Я прошлое живо душой вспомянул!

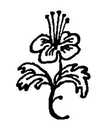
В серебряном блеске вечерних лучей
Явилась мне Лила, веселье очей.

Как прежде, шепнула коварная мне:
«Быть вечно твоею клянуся луне».

Как прежде, за тучи луна уплыла,
И нас разлучила неверная мгла.

Из трубки я выдул сгоревший табак,
Вздохнул и на брови надвинул колпак.

1821 или 1822

14. ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Други, други! радость
Нам дана судьбой —
Пейте жизни сладость
Полною струей.

Прочь от нас печали,
Прочь толпа забот!
Юных увенчали
Бахус и Эрот.

Пусть трещат морозы,
Ветр свистит в окно —
Нам напомнит розы
С Мозеля вино.

Нас любовь лелеет,
Нас в младые дни,
Как весна, согреет
Поцелуй любви.

Между 1814 и 1817

15. НА СМЕРТЬ СОБАЧКИ АМИКИ

О камены, камены всесильные!
Вы внушите мне песню унылую;
Вы взгляните: в слезах Аматузия,
Горько плачут амуры и грации.
Нет игривой собачки у Лидии,
Нет Амики, прекрасной и ласковой.
И Диана, завидуя Лидии,
Любовалась невольно Амикою.
Ах! она была краше, игривее
Резвых псов звероловицы Делии.
С ее шерстью пуховой и вьющейся
Лучший шелк Индостана и Персии
Не равнялся ни лоском, ни мягкостью.
Не делила Амика любви своей:
Нет! любила одну она Лидию;
И при ней не приближьтесь вы к Лидии
(Ах, и ревность была ей простительна!):
Она вскочит, залает и кинется,
Хоть на Марса иль Зевса могучего.
Вот как нежность владела Амикою,
И такой мы собачки лишилися!
Как на рок не роптать и не плакаться?
Семь уж люстров стихами жестокими
Бавий мучит граждан и властителей;
А она и пол-люстра, невинная!
Не была утешением Лидии.
Ты рыдай, ты рыдай, Аматузия,
Горько плачьте, амуры и грации!
Уж Амика ушла за Меркурием
За Коцит и за Лету печальную,
Невозвратно в обитель Аидову,
В те сады, где воробушек Лесбии
На руках у Катулла чиликает.

1821

16. КУПАЛЬНИЦЫ

(Идиллия)

«Как! ты расплакался! слушать не хочешь и старого друга!
Страшное дело: Дафна тебе ни полслова не скажет,
Песень с тобой не поет, не пляшет, почти лишь не плачет.
Только что встретит насмешливый взор Ликорисы, и обе
Мигом краснеют, краснее вечерней зари перед вихрем!
Взрослый ребенок, стыдись! иль не знаешь седого сатира?
Кто же младенца тебя баловал? день целый, бывало,
Бедный, на холме сидишь ты один и смотришь за стадом:
Сердцем и сжалюсь я; старый, приду посмеяться с тобою,
В кости играя, поспорить, попеть на свирели. Что ж вышло?
Кто же, как ты, свирелью владеет и в кости играет?
Сам ты знаешь, никто. Из чьих ты корзинок плоды ел?
Всё из моих: я, жимолость тонкую сам выбирая,
Плел из нее их узорами с легкой, цветною соломой.
Пил молоко из моих же ты чаш и кувшинов: тыквы
Полные, словно широкие щеки младого сатира,
Я и сушил, и долбил, и на коже резал искусно
Грозды, цветы и образы сильных богов и героев.
Тоже никто не имел (могу похвалиться) подобных
Чаш и кувшинов и легких корзинок. Часто, бывало,
После оргий вакхальных другие сатиры спешили
Либо в пещеры свои, отдохнуть на душистых постелях,
Либо к рощам пугать и преследовать юных пастушек —
Я же к тебе приходил, и покой, и любовь забывая;
Пьяный, под песню твою плясал я с ученым козленком;
Резвый, на задних ногах выступал и прыгал неловко,
Тряс головой и на роги мои и на бороду злился.
Ты задыхался от смеха веселого, слезы блестели
В ямках щечек надутых — и все забывалося горе.
Горе ж какое тогда у тебя, у младенца, бывало?
Тыкву мою разобьешь, изломаешь свирель, да и только.
Нынче ль тебя не утешу я? нынче ль оставлю? поверь мне,
Слезы утри! успокойся и старого друга послушай».—
Так престарелый сатир говорил молодому Микону,
В грусти безмолвной лежащему в темной каштановой роще.
К Дафне юный пастух разгорался в младенческом сердце
Пламенем первым и чистым: любил, и любил не напрасно.
Все до вчерашнего вечера счастье ему предвещало:
Дафна охотно плясала и пела с ним; даже однажды
Руку пожала ему и что-то такое шепнула
Тихо, но сладко, когда он сказал ей: «Люби меня, Дафна!»
Что же два вечера Дафна не та, не прежняя Дафна?

Только он к ней — она от него. Понятные взгляды,
Ласково-детские речи, улыбка сих уст пурпурóвых,
Негой пылающих,— все, как весенней водою, уплыло!
Что случилось с прекрасной пастушкой? Не знает ли, полно,
Старый сатир наш об этом? не просто твердит он:
«Послушай!
Ночь же прекрасная: тихо, на небе ни облака! Если
С каждым лучом богиня Диана шлет по лобзанью
Эндимиону счастливцу — то был ли на свете кто смертный
Столько, так страстно лобзаем и в полную пору любови!
Нет и не будет! Лучи так и блещут, земля утопает
В их обаятельном свете; Иллис из урны прохладной
Льет серебро; соловьи рассыпаются в сладостных песнях;
Берег дышит томительным запахом трав ароматных;
Сердце полнее живет, и душа упивается негой».
Бедный Микон сатира послушался, медленно поднял
Голову, сел, прислонился к каштану высокому, руки
Молча сложил и взор устремил на сатира; а старый
Локтем налегся на длинную ветвь и, качаясь, так начал:
«Ранней зарею вчера просыпаюсь я: холодно что-то!
Разве с вечера я не прикрылся? где теплая кожа?
Как под себя не постлал я трав ароматных и свежих?
Глядь, и зажмурился! свет ослепительный утра, не слитый
С мраком ленивым пещеры! Что это? дернул ногами:
Ноги привязаны к дереву! Руку за кружкой: о боги!
Кружка разбита, разбита моя драгоценная кружка!
Ах, я хотел закричать: ты усерден по-прежнему, старый,
Лишь не по-прежнему силен, мой друг,
на вакхических битвах!
Ты не дошел до пещеры своей, на дороге ты, верно,
Пал, побежденный вином, и насмешникам в руки
попался! —
Но плесканье воды, но веселые женские клики
Мысли в уме, а слова в растворенных устах удержали.
Вот, не смея дышать, чуть-чуть я привстал; предо мною
Частый кустарник; легко листы раздвигаю; подвинул
Голову в листья, гляжу: там синеют, там искрятся волны;
Далее двинулся, вижу: в волнах Ликориса и Дафна —
Обе прекрасны, как девы-хариты, и наги, как нимфы;
С ними два лебедя. Знаешь, любимые лебеди: бедных
Прошлой весною ты спас; их матерь клевала жестоко,—
Мать отогнал ты, поймал их и в дар принес Ликорисе:
Дафну тогда уж любил ты, но ей подарить их боялся.
Первые чувства любви, я помню, застенчивы, робки:
Любишь и милой страшишься наскучить и лаской излишней.

Белые шеи двух лебедей обхватив, Ликориса
Вдруг поплыла, а Дафна нырнула в кристальные воды.
Дафна явилась, и смех ее встретил: «Дафна, я Леда,
Новая Леда».—«А я Аматузия! видишь, не так ли
Я родилася теперь, как она, из пены блестящей?»
— «Правда; но прежняя Леда ничто перед новой! мне служат
Два Зевеса. Чем же похвалишься ты пред Кипридой?»
— «Мужем не будет моим Ифест хромоногий и старый!»
— «Правда и то, моя милая Дафна; еще скажу правда!
Твой прекрасен Микон; не сыскать пастуха его лучше!
Кудри его в три ряда; глаза небесного цвета;
Взгляды их к сердцу доходят; как персик, в пору созревший,
Юный, он свеж и румян и пухом блестящим украшен;
Что ж за уста у него? Душистые, алые розы,
Полные звуков и слов, сладчайших всех песень воздушных.
Дафна, мой друг, поцелуй же меня! Ты скоро не будешь
Часто твою целовать Ликорису охотно; ты скажешь:
«Слаще в лобзаньях уста пастуха, молодого Микона!»
— «Все ты смеешься, подруга лукавая! все понапрасну
В краску вводишь меня! и что мне Микон твой? хорош он —
Лучше ему! я к нему равнодушна».— «Зачем же краснеешь?»
— «Я поневоле краснею: зачем все ко мне пристаешь ты?
Все говоришь про Микона! Микон да Микон; а он что мне?»
— «Что ж ты трепещешь и грудью ко мне прижимаешься? что так
Пламенно, что так неровно дышит она? Послушай:
Если б (пошлюсь на бессмертных богов, я того не желаю),—
Если б, гонясь за заблудшей овцою, Микон очутился
Здесь вот, на береге,— что бы ты сделала?» — «Я б? утопилась!»
— «Точно, и я б утопилась! Но отчего? что за странность?
Разве хуже мы так? смотри, я плыву: не прекрасны ль
В золоте струй эти волны власов, эти нежные перси?
Вот и ты поплыла; вот ножка в воде забелелась,
Словно наш снег, украшение гор! А вся так бела ты!
Шея же, руки — вглядися, скажешь — из кости слоновой
Мастер большой их отделал, а Зевс наполнил с избытком
Сладко-пленяющей жизнью. Дафна, чего ж мы стыдимся!»
— «Друг Ликориса, не знаю; но знаю: стыдиться прекрасно!»
— «Правда; но все непонятного много тут скрыто! Подумай:
Что же мужчины такое? не точно ль как мы, они люди?

То же творенье прекрасное дивного Зевса-Кронида.
Как же мужчин мы стыдимся, с другим же, нам чуждым
созданьем,
С лебедем шутим свободно: то длинную шею лаская,
Клёв его клоним к устам и целуем; то с нежностью треплем
Белые крылья и персями жмемся ко груди пуховой.
Нет ли во взоре их силы ужасной, Медузиной силы,
В камень нас обращающей? что ты мне скажешь?»
— «Не знаю!
Только Ледой и я была бы охотно! и так же
Друга ласкать и лобзать не устала б в сем образе скромном,
В сей красоте белизны ослепительной! Дерзкого ж, боги
(Кто бы он ни был), молю, обратите рогатым оленем,
Словно ловца Актеона, жертву Дианина гнева!
Ах, Ликориса, рога!» — «Что рога?» — «Рога
за кустáми!»
— «Дафна, Миконов сатир!» — «Уплывем, уплывем!» —
«Все он слышал,
Все он расскажет Микону! бедные мы!» — «Мы погибли!»
Так, осторожный, как юноша пылкий, я разговор их
Кончил внезапно! и все был доволен: Дафна, ты видишь,
Любит тебя, и невинная доли прекрасной достойна:
Сердцем Микона владеть на земли и в обителях Орка!
Что ж ты не плачешь по-прежнему, взрослый
ребенок! Сатира
Старого, видно, слушать полезно? Поди же в шалаш свой!
Сладким веленьям Морфея покорствуй! Эрот не оставит
Дела прекрасного! Верь мне, спокойся: он кончит,
как начал».

1824

17. К ЛИЛЕТЕ

Лилета, пусть ветер свистит и кверху метелица вьется,
Внимая боренью стихий, и в бурю мы счастливы будем,
И в бурю мы можем любить! Ты знаешь, во мрачном Хаóсе
Родился прекрасный Эрот.

В ужасном волненьи морей, когда громы сражались
с громами,

И тьма устремлялась на тьму, и белая пена кипела,—
Явилась богиня любви, в коральной плывя колеснице,
И волны пред ней улеглись.

И мы, под защитой богов, потопим в веселии время.
Бушуйте, о чада зимы, осыпайтеся, желтые листья!
Но мы еще только цветем, но мы еще жить начинаем
В объятиях нежной любви.

И радостно сбросим с себя мы юности красну одежду,
И старости тихой дадим дрожащую руку с клюкою,
И скажем: о старость, веди наслаждаться любовью в том мире,
Уж мы насладилися здесь.

1814

18. К ДОРИДЕ

Дорида, Дорида! любовью все дышит,
Все пьет наслажденье с притекшей весной:
Чуть зéфир, струяся, березу колышет,
И с берега лебедь понесся волной
К зовущей подруге на остров пустынный,
Над розой трепещет златый мотылек,
И в гулкой долине любовью невинной
Протяжно вздыхает пастуший рожок.

Лишь ты, о Дорида, улыбкой надменной
Мне платишь за слезы и муки любви!
Вглядись в мою бледность, в мой взор помраченный:
По ним ты узнаешь, как в юной крови
Свирепая ревность томит и сжигает!
Не внемлет... и в плясках, смеясь надо мной,
Назло мне красою подруг затемняет
И узников гордо ведет за собой.

1815

19. ХОР

ИЗ КОЛИНОВОЙ ТРАГЕДИИ «ПОЛИКСЕНА»

Ге́лиос, Ге́лиос!
Там, с беспредельности моря
Снова подъемлешь главу
В блеске лучей.
Горе мне, горе!
Снова я плачу
В сретенье бога!
Через пучину —
С тяжкими вздохами
Слышишь мои ты стенания!

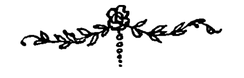
Смолкните, смолкните
Вы, растерзанной груди
Муки жестокие!
Пленнице мне
Горе, горе!
Скоро укажет мне
Грозной рукою грек,
Скоро сокроется
Берег священный отечества!

Троя! Троя!
Ты не эллинами
Ринута в прах,
«Гибель, гибель!» —
Было грозных бессмертных
Вечное слово.
Пала — отгрянул Восток,
Запад содро́гнулся,

Троя! Троя!
Феба любимица,
Матерь воителей,
Жизнью кипевшая!
Ныне — пустыня, уголь, прах,
Ныне — гроб!
Плачьте, о пленницы!
Ваших супругов гроб,
Ваших детей!
Выплачьте горькую,
Выплачьте жизнь вы слезами!

Рок ваш: плакать, плакать,
К долу прилечь,
Умереть!

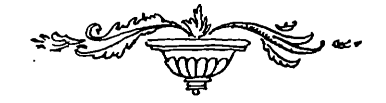
1819 или 1820

20. НАДПИСЬ НА СТАТУЮ ФЛОРЕНТИНСКОГО МЕРКУРИЯ

Перст указует на даль, на главе развилися крылья,
Дышит свободою грудь, с легкостью дивною он,
В землю ударя крылатой ногой, кидается в воздух...
Миг — и умчится! Таков полный восторга певец.

1819 или 1820

21. К АМУРУ

(Из Геснера)

Еще в начале мая
Тебе, Амур жестокий!
Я жертвенник поставил
В домашнем огороде
И розами и миртом
Обвил его, украсил.
Не каждое ли утро
С тех пор венок душистый
Носил тебе как жертву?
А было все напрасно!
Уж сыплются метели

По обнаженным ветвям,—
Она ж ко мне сурова,
Как и в начале мая.

Между 1814 и 1817

22. ИДИЛЛИЯ

Некогда Титир и Зоя, под тенью двух юных платанов,
Первые чувства познали любви и, полные счастья,
Острым кремнем на коре сих дерев имена начертали:
Титир — Зои, а Титира — Зоя, богу Эроту
Шумных свидетелей страсти своей посвятивши. Под старость
К двум заветным платанам они прибрели и видят
Чудо: пни их, друг к другу склонясь, именами срослися.

Нимфы дерев сих, тайною силой имен сочетавшись,
Ныне в древе двойном вожделеньем на путника веют;
Ныне в тени их могила, в могиле той Титир и Зоя.

1827

23. ПЕСНЯ

Наяву и в сладком сне
Все мечтаетесь вы мне:
Кудри, кудри шелковые,
Юных персей красота,
Прелесть — очи и уста,
И лобзания живые.

И я в раннюю зарю
Темным кудрям говорю:
Кудри, кудри, что вы вьетесь?

Мне уж вами не играть,
Мне уж вас не целовать,
Вы другому достаетесь.

И я утром золотым
Молвлю персям молодым:
Пух лебяжий, негой страстной
Не дыши по старине —
Уж не быть счастливым мне
На груди моей прекрасной.

Я твержу по вечерам
Светлым взорам и устам:
Замолчите, замолчите!
С лютой долей я знаком,
О веселом, о былом
Вы с душой не говорите!

Ночью сплю ли я, не сплю —
Все устами вас ловлю,
Сердцу сладкие лобзанья!
Сердце бьется, сердце ждет,—
Но уж милая нейдет
В час условленный свиданья.

1824

24. РОМАНС

Вчера вакхических друзей
Я посетил кружок веселый;
Взошел — и слышу: «Здравствуй, пей!»
— «Нет,— молвил я с тоской тяжелой,—

Не пить, беспечные друзья,
Пришел к вам друг ваш одичалый:
Хочу на миг забыться я,
От жизни и любви усталый.

Стучите чашами громчей;
Дружней гетер и Вакха пойте!
Волнение души моей
Хоть на минуту успокойте!

Мне помогите освежить
Воспоминанья жизни вольной
И вопли сердца заглушить
Напевом радости застольной».

1823

25. ЖАЛОБА

Воспламенить вас — труд напрасный,
Узнал по опыту я сам;
Вас боги создали прекрасной,
Хвала и честь за то богам;
Но вместе с прелестью опасной
Они холóдность дали вам.
Я таю в грусти сладострастной,
А вы, назло моим мечтам,
Улыбкой платите неясной
Любви моей простым мольбам.

1822 или 1823

26. РОМАНС

Одинок месяц плыл, зыбляся в тумане,
Одинок воздыхал витязь на кургане.

Свежих трав не щипал конь его унылый,
«Конь мой, конь, верный конь, понесемся к милой!

Не к добру грудь моя тяжко воздыхает,
Не к добру сердце мне что-то предвещает;

Не к добру без еды ты стоишь унылый!
Конь мой, конь, верный конь, понесемся к милой!»

Конь вздрогнул, и сильней витязь возмутился,
В милый край, в страшный край как стрела пустился.

Ночь прошла, все светло: виден храм с дубровой,
Конь заржал, конь взвился над могилой новой.

1821 или 1822

27. СОН

«Мой суженый, мой ряженый,
Услышь меня, спаси меня!
Я в третью ночь, в последнюю,
Я в вещем сне пришла к тебе,
Забыла стыд девический!
Не волком я похищена,
Не Волгою утоплена,
Не злым врагом утрачена:
По засекам гуляючи,
Я обошла лесничего
Косматого, рогатого;
Я сбилася с тропы с пути,
С тропы с пути, с дороженьки
И встретилась я с ведьмою,
С заклятою завистницей
Красы моей — любви твоей.

Мой суженый, мой ряженый,
Я в вещем сне впоследнее
К тебе пришла: спаси меня!
С зарей проснись, росой всплеснись,
С крестом в руке пойди к реке,
Благословясь, пустися вплавь,
И к берегу заволжскому
Тебя волна прибьет сама.
На всей красе на береге

Растет, цветет шиповничек:
В шиповничке — душа моя:
Тоска — шипы, любовь — цветы,
Из слез моих роса на них.
Росу сбери, цветы сорви,
И буду я опять твоя».

— Обманчив сон, не вещий он!
По гроб грустить мне, молодцу!
Не Волгой плыть, а слезы лить!
По Волге брод — саженный лед,
По берегу ж заволжскому
Метет, гудет метелица!

1828

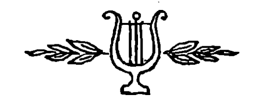
28. РАЗОЧАРОВАНИЕ

Протекших дней очарованья,
Мне вас душе не возвратить!
В любви узнав одни страданья,
Она утратила желанья
И вновь не просится любить.

К ней сны младые не забродят,
Опять с надеждой не мирят,
В странах волшебных с ней не ходят,
Веселых песен не заводят
И сладких слов не говорят.

Ее один удел печальный:
Года бесчувственно провесть
И в край, для горестных не дальный,
Под глас молитвы погребальной,
Одни молитвы перенесть.

1824

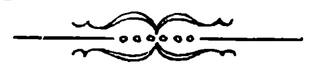

29. НА СМЕРТЬ ***

(Сельская элегия)

Я знал ее: она была душою
Прелестней своего прекрасного лица.
Умом живым, мечтательной тоскою,
Как бы предчувствием столь раннего конца,
Любовию к родным и к нам желаньем счастья,
Всем милая, она несчастлива была,
И, как весенний цвет, расцветший в дни ненастья,
Она внезапно отцвела.
И кто ж? любовь ей сердце отравила!
Она неверного пришельца полюбила:
На миг ее пленяся красотой,
Он кинулся в объятия другой
И навсегда ушел из нашего селенья.
Что, что ужаснее любви без разделенья,
Простой, доверчивой любви!
Несчастная в душе страдания свои
Сокрыла, их самой сестре не поверяла,
И грусть безмолвная и жаждущая слез,
Как червь цветочный, поедала
Ее красу и цвет ланитных роз!
Как часто гроб она отцовский посещала!
Как часто, видел я, она сидела там
С улыбкой, без слезы роптанья на реснице,
Как восседит Терпенье на гробнице
И улыбается бедам.

1821 или 1822

30. ВДОХНОВЕНИЕ

(Сонет)

Не часто к нам слетает вдохновенье,
И краткий миг в душе оно горит;
Но этот миг любимец муз ценит,
Как мученик с землею разлученье.

В друзьях обман, в любви разуверенье
И яд во всем, чем сердце дорожит,

Забыты им: восторженный пиит
Уж прочитал свое предназначенье.

И презренный, гонимый от людей,
Блуждающий один под небесами,
Он говорит с грядущими веками;

Он ставит честь превыше всех честей,
Он клевете мстит славою своей
И делится бессмертием с богами.

1822

31. СОНЕТ

Златых кудрей приятная небрежность,
Небесных глаз мечтательный привет,
Звук сладкий уст при слове даже *нет*
Во мне родят любовь и безнадежность.

На то ли мне послали боги нежность,
Чтоб изнемог я в раннем цвете лет?
Но я готов, я выпью чашу бед:
Мне не страшна грядущего безбрежность!

Не возвратить уже покоя вновь,
Я позабыл свободной жизни сладость,
Душа горит, но смолкла в сердце радость,

Во мне кипит и холодеет кровь:
Печаль ли ты, веселье ль ты, любовь?
На смерть иль жизнь тебе я вверил младость?

1822

32. Н. М. ЯЗЫКОВУ

(Сонет)

Младой певец, дорогою прекрасной
Тебе идти к парнасским высотам,
Тебе венок (поверь моим словам)
Плетет Амур с каменой сладкогласной.

От ранних лет я пламень не напрасный
Храню в душе, благодаря богам,
Я им влеком к возвышенным певцам
С какою-то любовию пристрастной.

Я Пушкина младенцем полюбил,
С ним разделял и грусть и наслажденье,
И первый я его услышал пенье

И за себя богов благословил.
Певца *Пиров* я с музой подружил
И славой их горжусь в вознагражденье.

1822

33. С. Д. П⟨ОНОМАРЕВ⟩ОЙ

ПРИ ПОСЫЛКЕ КНИГИ «ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ИСПАНИИ», СОЧ. БУЛГАРИНА

(Сонет)

В Испании Амур не чужестранец,
Он там не гость, но родственник и свой,
Под кастаньет с веселой красотой
Поет романс и пляшет, как испанец.

Его огнем в щеках блестит румянец,
Пылает грудь, сверкает взор живой,
Горят уста испанки молодой;
И веет мирт, и дышит померанец.

Но он и к нам, всесильный, не суров,
И к северу мы зрим его вниманье:
Не он ли дал очам твоим блистанье,

Устам коралл, жемчужный ряд зубов,
И в кудри свил сей мягкий шелк власов,
И всю тебя одел в очарованье!

1823

34. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Что, красотка молодая,
    Что ты, светик, плачешь?
Что головушку, вздыхая,
    К белой ручке клонишь?
Или словом, или взором
    Я тебя обидел?
Иль нескромным разговором
    Ввел при людях в краску?

Нет, лежит тоска иная
    У тебя на сердце!
Нет, кручинушку другую
    Ты вложила в мысли!
Ты не хочешь, не желаешь
    Молодцу открыться,
Ты боишься милу другу
    Заповедать тайну!

Не слыхали ль злые люди
    Наших разговоров?
Не спросили ль злые люди
    У отца родного;
Не спросили ль сопостаты
    У твоей родимой:
«Чей у ней на ручке перстень?
    Чья в повязке лента,
Лента, ленточка цветная,
    С золотой каймою;
Перстень с чернью расписною,
    С чистым изумрудом?»

Не томи, открой причину
　Слез твоих горючих!
Перелей в мое ты сердце
　Всю тоску-кручину,
Перелей тоску-кручину
　Сладким поцелуем:
Мы вдвоем тоску-кручину
　Легче растоскуем.

1823

35. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Ах ты, ночь ли,
　Ноченька!
Ах ты, ночь ли,
　Бурная!
Отчего ты
　С вечера
До глубокой
　Полночи
Не блистаешь
　Звездами,
Не сияешь
　Месяцем?
Все темнеешь
　Тучами?

И с тобой, знать,
　Ноченька,
Как со мною,
　Молодцем,
Грусть-злодейка
　Сведалась!
Как заляжет,
　Лютая,
Там, глубоко
　На сердце —
Позабудешь
　Девицам

Усмехаться,
    Кланяться;
Позабудешь
    С вечера
До глубокой
    Полночи,
Припевая,
    Тешиться
Хороводной
    Пляскою!
Нет, взрыдаешь,
    Всплачешься,
И, безродный
    Молодец,—
На постелю
    Жесткую,
Как в могилу,
    Кинешься!

1820 или 1821

36. ДОМИК

За далью туманной,
За дикой горой
Стоит над рекой
Мой домик простой;
Для знати жеманной
Он замкнут ключом,
Но горенку в нем
Отвел я веселью,
Мечтам и безделью.
Они берегут
Мой скромный приют,
Дана им свобода —
В кустах огорода,
На злаке лугов
И древних дубов

В тени молчаливой,
Где, струйкой игривой,
Сверкая, бежит,
Бежит и журчит
Ручей пограничный,—
С заботой привычной
Порхать и летать
И песнею сладкой
В мой домик украдкой
Друзейприкликать.

1821

37. ЦЕФИЗ

(Идиллия)

И. А. Б⟨аратынск⟩ому

Мы еще молоды, Лидий! вкруг шеи кудри виются;
Рдеют, как яблоко, щеки, и свежие губы алеют
В быстрые дни молодых поцелуев. Но, скоро ль, не скоро ль,
Все ж мы, пастух, состаре́емся, все ж подурнеем; а Дафна,
Эта шалунья, насмешница, вдруг подрастет и, как роза,
Вешним утром расцветшая, нас ослепит красотою.
Поздно тогда к ней ласкаться, поздно и тщетно! вертушка
Вряд поцелует седых — и, локтем подругу толкая,
Скажет с насмешкою: «Взглянь, вот бабушкин милый любовник!
Как же щеки румяны, как густы волнистые кудри!
Голос его соловьиный, а взор его прямо орлиный!»
— «Смейся,— мы скажем ей,— смейся! И мы насмехались, бывало!
Здесь проходчиво все — одна непроходчива дружба!»

«Здравствуй, здравствуй, Филинт! Давно мы с тобой не видались!
Век не забуду я дня, который тебя возвратил мне,
Мой добродетельный старец! милый друг, твои кудри
Старость не скупо осыпала снегом! Приди же к Цефизу;

Здесь отдохни под прохладою теней: тебя ожидают
Сочный в саду виноград и плодами румяная груша!»
Так Цефиз говорил с младенчества милому другу,
Старца обнял, затвор отшатнул и ввел его в садик.
С груши одной Филинт плоды вкушал и хвалил их,
И Цефиз ему весело молвил: «Приятель, отныне
Дерево это твое; а я от холодной метели
Буду прилежно его укутывать теплой соломой.
Пусть оно для тебя и цветет, и плодом богатеет!»
Но — не Филинту оно и цвело, и плодом богатело:
В ту же осень он умер. Цефиз молил Жизнедавца
Так же мирно уснуть, хоть и бедным, но добрым.
Под грушей
Старца он схоронил и холм увенчал кипарисом.

Часто слыхал он, когда простирала луна от деревьев
Влажные, долгие тени, священное листьев шептанье;
Часто из гроба таинственный глас исходил — казалось,
Был благодарности глас он. И небо давало Цефизу
Много с тех пор и груш благовонных, и гроздий
прозрачных.

Между 1814 и 1817

38. ДИФИРАМБ

(На приезд трех друзей)

О, радость, радость, я жизнью бывалою
Снова дышу!
Трепещет лира:
В струнах позабытых
Я звуков согласных,
Я звуков живительных
В восторге ищу.

Гремит, как прежде, подруга бессмертная;
Други, ко мне!

Опять доступен
Я смехам и песням,
И чаше, венчанной
Минутными розами,
И сладкой любви.

Пришли три гостя в обитель поэтову
С дальних сторон:
От финнов бледных,
Ледяноволосых;
От Реина-старца;
От моря сыпучего
Азийских песков.

Три гостя, с детства товарищи, спутники,
Братья мои!
За мной ко храму!
Я, плющем венчанный,
При гимнах священных
Касто́ру и По́ллуксу
Хвалу воспою.

Август 1821

39. МЫ

Бедные мы! что наш ум? — сквозь туман озаряющий факел
Бурей гонимый наш челн по морю бедствий и слез;
Счастие наше в неведеньи жалком, в мечтах и безумстве:
Свечку хватает дитя, юноша ищет любви.

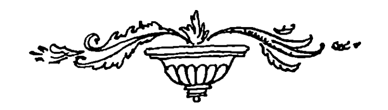
1824

40. УТЕШЕНИЕ

Смертный, гонимый людьми и судьбой! расставаяся с миром,
Злобу людей и судьбы сердцем прости и забудь.
К солнцу впоследнее взор обрати, как Руссо, и утешься:
В тернах заснувшие здесь в миртах пробудятся там.

1826 или 1827

41. К ПТИЧКЕ, ВЫПУЩЕННОЙ НА ВОЛЮ

Во имя Делии прекрасной,
Во имя пламенной любви,
Тебе, летунье сладкогласной,
Дарю свободу я.— Лети!
И я равно счастливой долей
От милой наделен моей:
Как ей обязана ты волей,
Так я неволею своей.

1823

42. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Голова ль моя, головушка,
Голова ли молодецкая,
Что болишь ты, что ты клонишься
Ко груди, к плечу могучему?
Ты не то была, удалая,
В прежни годы, в дни разгульные,
В русых кудрях, в красоте твоей,
В той ли шапке, шапке бархатной,
Соболями отороченной.
Днем ли в те поры я выеду,
В очи солнце — ты не хмуришься;

В темном лесе в ночь ненастную
Ты найдешь тропу заглохшую;
Красна ль девица приглянется —
И без слов ей все повыскажешь;
Повстречаются ль недобрые —
Только взглянут и вспокаются.
Что ж теперь ты думу думаешь,
Думу крепкую, тяжелую?
Иль ты с сердцем перемолвилась,
Иль одно вы с ним задумали?
Иль прилука молодецкая
Ни из сердца, ни с ума нейдет?
Уж не вырваться из клеточки
Певчей птичке коноплёночке:
Знать, и вам не видеть более
Прежней воли с прежней радостью.

1823

43. РОЗА

Роза ль ты, розочка, роза душистая!
Всем ты красавица, роза цветок!
Вейся, плетися с лилеей и ландышем,
Вейся, плетися в мой пышный венок.

Нынче я встречу красавицу девицу,
Нынче я встречу пастушку мою:
«Здравствуй, красавица, красная девица!»
Ах!.. и промолвлюся, молвлю: люблю!

Вдруг зарумянится красная девица,
Вспыхнет младая, как роза цветок.
Взглянь в ручеечек, пастушка стыдливая,
Взглянь: пред тобою ничто мой венок!

1822 или 1823

44. РОМАНС

Только узнал я тебя —
И трепетом сладким впервые
Сердце забилось во мне.

Сжала ты руку мою —
И жизнь, и все радости жизни
В жертву тебе я принес.

Ты мне сказала «люблю» —
И чистая радость слетела
В мрачную душу мою.

Молча гляжу на тебя —
Нет слова все муки, все счастье
Выразить страсти моей.

Каждую светлую мысль,
Высокое каждое чувство
Ты зарождаешь в душе.

1823

45. ДРУЗЬЯ

(Идиллия)

Е. А. Баратынскому

Вечер осенний сходил на Аркадию.— Юноши, старцы,
Резвые дети и девы прекрасные, с раннего утра
Жавшие сок виноградный из гроздий златых,
благовонных,
Все собралися вокруг двух старцев, друзей знаменитых.
Славны вы были, друзья Палемон и Дамет! счастливцы!
Знали про вас и в Сицилии дальней, средь моря цветущей;
Там, на пастушьих боях хорошо искусившийся в песнях
Часто противников дерзких сражал неответным вопросом:
Кто Палемона с Даметом славнее по дружбе примерной?
Кто их славнее по чудному дару испытывать вина?

Так и теперь перед ними, под тенью ветвистых платанов,
В чашах резных и глубоких вино молодое стояло,
Брали они по порядку каждую чашу — и молча
К свету смотрели на цвет, обоняли и думали долго,
Пили и суд непреложный вместе вину изрекали:
Это пить молодое, а это на долгие годы
Впрок положить, чтобы внуки, когда соизволит Кронио́н
Век их счастливо продлить, под старость, за трапезой шумной,
Пивши, хвалилися им, рассказам пришельца внимая.
Только ж над винами суд два старца, два друга скончали,
Вакх, языков разрешитель, сидел уж близь них и, незримый,
К дружеской тихой беседе настроил седого Дамета:

«Друг Палемон,— с улыбкою старец промолвил,— дай руку!
Вспомни, старик, еще я говаривал, юношей бывши:
Здесь проходчиво все, одна не проходчива дружба!
Что же, слово мое не сбылось ли? как думаешь, милый?
Что, кроме дружбы, в душе сохранил ты? — Но я не жалею,
Вот Геркулес! не жалею о том, что прошло; твоей дружбой
Сердце довольно вполне, и веду я не к этому слово.
Нет, но хочу я,— кто знает? мы стары! — хочу я, быть может,
Ныне впоследнее, все рассказать, что от самого детства
В сердце ношу, о чем много говаривал, небо за что я
Рано и поздно молил; Палемон, о чем буду с тобою
Часто беседовать даже за Стиксом и Летой туманной.
Как мне счастливым не быть, Палемона другом имея?
Матери наши, как мы, друг друга с детства любили,
Вместе познали любовь к двум юношам милым и дружным,
Вместе плоды понесли Гименея; друг другу, младые,
Новые тайны вверяя, священный обет положили:
Если боги мольбы их услышат, пошлют одной дочерь,
Сына другой, то сердца их, невинных, невинной любовью
Крепко связать и молить Гименея и бога Эрота,
Да уподобят их жизнь двум источникам, вместе текущим,
Иль виноградной лозе и сошке прямой и высокой.
Верной опорою служит одна, украшеньем другая;
Если ж две дочери или два сына родятся, весь пламень
Дружбы своей перелить в их младые, невинные души.
Мы родили́ся: нами матери часто менялись,

Каждая сына другой сладкомлечною грудью питала;
Впили мы дружбу, и первое, что лишь запомнил я,—
ты был;
С первым чувством во мне развилася любовь к Палемону.
Выросли мы — и в жизни много опытов тяжких
Боги на нас посылали, мы дружбою все усладили.
Скор и пылок я смолоду был, меня все поражало,
Все увлекало,— ты кроток, тих и с терпеньем чудесным,
Свойственным только богам, милосердым к Япетовым
детям.
Часто тебя оскорблял я,— смиренно сносил ты, мне даже,
Мне не давая заметить, что я поразил твое сердце.
Помню, как ныне, прощенья просил я и плакал,
ты ж, друг мой,
Вдвое рыдал моего, и, крепко меня обнимая,
Ты виноватым казался, не я.— Вот каков ты душою!
Ежели все меня любят, любят меня по тебе же:
Ты сокрывал мои слабости; малое доброе дело
Ты выставлял и хвалил; ты был все для меня, и с тобою
Долгая жизнь пролетела, как вечер веселый в рассказах,
Счастлив я был! не боюсь умереть! предчувствует
сердце —
Мы ненадолго расстанемся: скоро мы будем, обнявшись,
Вместе гулять по садам Елисейским, и, с новою тенью
Встретясь, мы спросим: «Что на земле? все так ли,
как прежде?
Други так ли там любят, как в старые годы любили?»
Что же услышим в ответ: по-старому родина наша
С новой весною цветет и под осень плодами пестреет,
Но друзей уже нет, подобных бывалым; нередко
Слушал я, старцы, за полною чашей веселые речи:
,,Это вино дорогое! — Его молодое хвалили
Славные други, Дамет с Палемоном; прошли, пролетели
Те времена! Хоть ищи, не найдешь здесь людей,
им подобных,
Славных и дружбой, и даром чудесным испытывать
вина“».

1826

46. МУЗАМ

С благоговейною душой
Поэт, упавши на колены,
И фимиамом и мольбой
Вас призывает, о камены,
В свой домик низкий и простой!

Придите, девы, воскресить
В нем прежний пламень вдохновений
И лиру к звукам пробудить:
Друг ваш и друг его Евгений
Да будет глас ее хвалить.

Когда ж весна до вечных льдов
Прогонит вьюги и морозы —
На ваш алтарь, красу цветов,
Положит первые он розы
При пеньи радостных стихов.

1821

47. ЭПИГРАММА

Свиток истлевший с трудом развернули. Напрасны усилья:
В старом свитке прочли книгу, известную всем.
Юноша! к Лиде ласкаясь, ты старого тоже добьешься:
Лида подчас и тебе вымолвит слово: люблю.

1826 или 1827

48. СМЕРТЬ

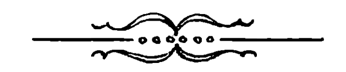
Мы не смерти боимся, но с телом расстаться нам жалко:
Так не с охотою мы старый сменяем халат.

1826 или 1827

49. В АЛЬБОМ

О, сила чудной красоты!
К любви по опыту холодный,
Я забывал, душой свободный,
Безумной юности мечты;
И пел, товарищам угодный,
Вино и дружество — но ты
Явилась, душу мне для муки пробудила,
И лира про любовь опять заговорила.

1821

50. РОМАНС

Прекрасный день, счастливый день:
И солнце, и любовь!
С нагих полей сбежала тень —
Светлеет сердце вновь.
Проснитесь, рощи и поля;
Пусть жизнью все кипит:
Она моя, она моя!
Мне сердце говорит.

Что вьешься, ласточка, к окну,
Что, вольная, поешь?
Иль ты щебечешь про весну
И с ней любовь зовешь?
Но не ко мне,— и без тебя
В певце любовь горит:
Она моя, она моя!
Мне сердце говорит.

1823

51. РОМАНС

Не говори: любовь пройдет,
О том забыть твой друг желает;
В ее он вечность уповает,
Ей в жертву счастье отдает.

Зачем гасить душе моей
Едва блеснувшие желанья?
Хоть миг позволь мне без роптанья
Предаться нежности твоей.

За что страдать? Что мне в любви
Досталось от небес жестоких
Без горьких слез, без ран глубоких,
Без утомительной тоски?

Любви дни краткие даны,
Но мне не зреть ее остылой;
Я с ней умру, как звук унылый
Внезапно порванной струны.

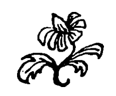
1823

52. ЭПИТАФИЯ

Что жизнь его была? тяжелый сон.
Что смерть? от грез ужасных пробужденье:
Впросонках улыбнулся он —
И снова, может быть, там начал сновиденье.

Между 1814 и 1817

53. ВАКХ

Прощай, Киприда, бог с тобою!
С фиалом счастлив я:
Двоих дружишь ты меж собою,
А Вакхом все друзья.

1815

54. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Сиротинушка, девушка!
Полюби меня, молодца,
Полюбя, приголубливай,
Мои кудри расчесывай.
Хорошо цветку на поле,
Любо пташечке на небе,—
Сиротинушке, девушке
Веселей того с молодцем.
У меня в дому волюшка,
От беды оборонушка,
Что от дождичка кровелька,
От жары дневной ставеньки;
От лихой же разлучницы,
От лукавой указчицы
На воротах замок висит,
В подворотенку пес глядит.

1828

55. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Скучно, девушки, весною жить одной:
Не с кем сладко побеседовать младой.
Сиротинушка, на всей земле одна,
Подгорюнясь ли присядешь у окна —

Под окошком все так весело глядит,
И мне душу то веселие томит.
То веселье — не веселье, а любовь,
От любви той замирает в сердце кровь.
И я выду во широкие поля —
С них ли негой так и веет на тебя;
Свежий запах каждой травки полевой
Вреден девице весеннею порой,
Хочешь с кем-то этим запахом дышать
И другим устам его передавать;
Белой груди чем-то сладким тяжело,
Голубым очам при солнце не светло.
Больно, больно безнадежной тосковать!
И я кинусь на тесовую кровать,
К изголовью правой щечкою прижмусь
И горючими слезами обольюсь.
Как при солнце летом дождик пошумит,
Травку вспрыснет, но ее не освежит,
Так и слезы не свежат меня, младой;
Скучно, девушки, весною жить одной!

1824

56. ПУШКИНУ

Кто, как лебедь цветущей Авзонии,
Осененный и миртом, и лаврами,
Майской ночью при хоре порхающих,
В сладких грезах отвился от матери,—

Тот в советах не мудрствует; нá стены
Побежденных знамена не вешает;
Столб кормами судов неприятельских
Он не красит пред храмом Ареевым.

Флот, с несчетным богатством Америки,
С тяжким золотом, купленным кровию,
Не взмущает двукраты экватора
Для него кораблями бегущими.

Но с младенчества он обучается
Воспевать красоты поднебесные,
И ланиты его от приветствия,
Удивленной толпы горят пламенем.

И Паллада туманное облако
Рассевает от взоров — и в юности
Он уж видит священную истину
И порок, исподлобья взирающий!

Пушкин! Он и в лесах не укроется:
Лира выдаст его громким пением,
И от смертных восхитит бессмертного
Аполлон на Олимп торжествующий.

1815 (?)

57. ХАТА

Скрой меня, бурная ночь! заметай следы мои, вьюга,
Ветер холодный, бушуй вкруг хаты Лилеты прекрасной,
Месяц свети не свети, а дорогу наверно любовник
К робкой подруге найдет.

Тихо, дверь, отворись! о Лилета, твой милый с тобою,
Нежной, лилейной рукой ты к сердцу его прижимаешь;
Что же с перстом на устах, боязливая, смотришь на друга?
Или твой Аргус не спит?

Бог-утешитель, Морфей, будь хранителем таин Амура!
Сны, готовые нас разлучить до скучного утра,
Роем тяжелым скорей опуститесь на хладное ложе
Аргуса милой моей.

Нам ли страшиться любви! счастливец, мои поцелуи
Сладко *ее* усыпят под шумом порывистым ветра;
Тихо пробудит *ее* с предвестницей юного утра
Пламенный мой поцелуй!

1815

58. РОМАНС

«Сегодня я с вами пирую, друзья,
Веселье нам песни заводит,
А завтра, быть может, там буду и я,
Откуда никто не приходит!» —

Я так беззаботным друзьям говорил
Давно,— но от самого детства
Печаль в беспокойном я сердце таил
Предвестьем грядущего бедства.

Друзья мне смеялись и, свежий венец
На кудри мои надевая,
«Стыдись,— восклицали,— мечтатель-певец!
Изменит ли жизнь молодая!»

Война запылала, к родным знаменам
Друзья, как на пир, полетели;
Я с ними — но жребьи, враждебные нам,
Мне с ними расстаться велели.

В бездействии тяжком я думой следил
Их битвы, предтечи победы;
Их славою часто я первый живил
Родителей грустных беседы.

Года пролетали, я часто в слезах
Был черной повязкой украшен...
Брань стихла, где ж други? лежат на полях,
Близь ими разрушенных башен.

С тех пор я печально сижу на пирах,
Где все мне твердит про былое;
Дрожит моя чаша в ослабших руках:
Мне тяжко веселье чужое.

1820 или 1821

59. К МАЛЬЧИКУ

Мальчик, солнце встретить должно
С торжеством в конце пиров!
Принеси же осторожно
И скорей из погребов
В кубках длинных и тяжелых,
Как любила старина,
Наших прадедов веселых
Пережившего вина.

Не забудь края златые
Плющем, розами увить!
Весело в года седые
Чашей молодости пить,
Весело, хоть на мгновенье,
Бахусом наполнив грудь,
Обмануть воображенье
И в былое заглянуть.

Между 1814 и 1819

60. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Мне минуло шестнадцать лет,
  Но сердце было в воле;
Я думала: весь белый свет —
  Наш бор, поток и поле.

К нам юноша пришел в село:
  Кто он? отколь? не знаю —
Но все меня к нему влекло,
  Все мне твердило: знаю!

Его кудрявые власы
  Вкруг шеи обвивались,
Как мак сияет от росы,
  Сияли, рассыпались.

И взоры пламенны его
  Мне что-то изъясняли;

Мы не сказали ничего,
Но уж друг друга знали.

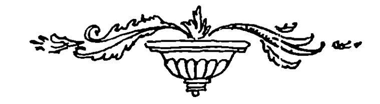
Куда пойду — и он за мной.
На долгую ль разлуку? —
Не знаю! только он с тоской
Безмолвно жал мне руку.

«Что хочешь ты? — спросила я.—
Скажи, пастух унылый».
И с жаром обнял он меня
И тихо назвал милой.

И мне б тогда его обнять!
Но рук не поднимала,
На перси потупила взгляд,
Краснела, трепетала.

Ни слова не сказала я;
За что ж ему сердиться?
Зачем покинул он меня?
И скоро ль возвратится?

1814

61. ПЕСНЯ

«Дедушка! — девицы
Раз мне говорили.—
Нет ли небылицы
Иль старинной были?»

— «Как не быть! — уныло
Красным отвечал я.—
Сердце вас любило,—
Так чего не знал я!

Было время! где вы,
Годы золотые?
Как пленяли девы
В ваши дни былые!

Уж они — старушки;
Но от них, порою,
Много на подушки
Слез пролито мною.

Душу волновали
Их уста и очи,
По огню бежали
Дни мои и ночи».

«Дедушка,— толпою
Девицы вскричали,—
Жаль нам, а тобою
Бабушки играли!

Как не стыдно! злые,
Вот над кем шутили!
Нет, мы не такие,
Мы б тебя любили!»

— «Вы б любили? сказки!
Веры мне неймется!
И на ваши ласки
Дедушка смеется».

1820

62. К ДИОНУ

Сядем, любезный Дион, под сенью развесистой рощи,
Где, прохлажденный в тени, сверкая, стремится источник,—
Там позабудем на время заботы мирские и Вакху
Вечера час посвятим.

Мальчик, наполни фиал фалернским вином искрометным!
В честь вечно юному Вакху осушим мы дно золотое;
В чаше, обвитой венком, принеси дары щедрой Помоны,—
Вкусны, румяны плоды.

Тщетно юность спешит удержать престарелого Хрона,
Просит, молит его — не внимая, он далее мчится;
Маленький только Эрот смеется, поет и, седого
За руку взявши, бежит.

Что нам в жизни сей краткой за тщетною славой гоняться,
Вечно в трудах только жить, не видеть веселий до гроба? —
Боги для счастия нам и веселия дни даровали,
Для наслаждений любви.

Пой, в хороводе девиц белогрудых, песни веселью,
Прыгай под звонкую флейту, сплетяся руками, кружися,
И твоя жизнь протечет, как быстро в зеленой долине
Скачет и вьется ручей.

Друг, за лавровый венок не кланяйся гордым пританам.
Пусть за слепою богиней Лициний гоняется вечно,
Пусть и обнимет ее. Фортуна косы всеразящей
Не отвратит от главы.

Что нам богатства искать? им счастья себе не прикупим:
Всех на одной ладие, и бедного Ира и Креза,
В мрачное царство Плутона, чрез волны ужасного Стикса
Старый Харон отвезет.

Сядем, любезный Дион, под сенью развесистой рощи,
Где, прохлажденный в тени, сверкая, стремится источник,—
Там позабудем на время заботы мирские и Вакху
Вечера час посвятим.

1814

63. ЭЛЕГИЯ

Когда, душа, просилась ты
Погибнуть иль любить,
Когда желанья и мечты
К тебе теснились жить,
Когда еще я не пил слез
Из чаши бытия,—
Зачем тогда, в венке из роз,
К теням не отбыл я!

Зачем вы начертались так
На памяти моей,
Единый молодости знак,
Вы, песни прошлых дней!
Я горько долы и леса
И милый взгляд забыл,—
Зачем же ваши голоса
Мне слух мой сохранил!

Не возвратите счастья мне,
Хоть дышит в вас оно!
С ним в промелькнувшей старине
Простился я давно.
Не нарушайте ж, я молю,
Вы сна души моей
И слова страшного «люблю»
Не повторяйте ей!

1821 или 1822

64. КОНЕЦ ЗОЛОТОГО ВЕКА

(Идиллия)

Путешественник

Нет, не в Аркадии я! Пастуха заунывную песню
Слышать бы должно в Египте иль Азии Средней, где рабство
Грустною песней привыкло существенность тяжкую тешить.
Нет, я не в области Реи! о боги веселья и счастья!
Может ли в сердце, исполненном вами, найтися начало
Звуку единому скорби мятежной, крику напасти?
Где же и как ты, аркадский пастух, воспевать научился
Песню, противную вашим богам, посылающим радость?

Пастух

Песню, противную нашим богам!
Путешественник, прав ты!
Точно, мы счастливы были, и боги любили счастливых:
Я еще помню оное светлое время! но счастье
(После узнали мы) гость на земле, а не житель обычный.
Песню же эту я выучил здесь, а с нею впервые
Мы услыхали и голос несчастья, и, бедные дети,
Думали мы, от него земля развалится и солнце,
Светлое солнце погаснет! Так первое горе ужасно!

Путешественник

Боги, так вот где впоследнее счастье у смертных гостило!
Здесь его след не пропал еще. Старец, пастух сей
печальный,
Был на про́водах гостя, которого тщетно искал я
В дивной Колхиде, в странах атлантидов, гипербореев,
Даже у края земли, где обильное розами лето
Кратче зимы африканской, где солнце с весною проглянет,
С осенью в море уходит, где люди на темную зиму
Сном непробудным, в звериных укрывшись мехах,
засыпают.
Чем же, скажи мне, пастух, вы прогневали бога Зевеса?
Горе раздел услаждает; поведай мне горькую повесть
Песни твоей заунывной! Несчастье меня научило
Живо несчастью других сострадать. Жестокие люди
С детства гонят меня далеко от родимого града.

Пастух

Вечная ночь поглоти города! Из вашего града
Вышла беда и на бедную нашу Аркадию! сядем
Здесь, на сем береге, против платана, которого ветви
Долгою тенью кроют реку́ и до нас досягают.—
Слушай же, песня моя тебе показалась унылой?

Путешественник

Грустной, как ночь!

Пастух

А ее Амарилла прекрасная пела.
Юноша, к нам приходивший из города, эту песню
Выучил петь Амариллу, и мы, незнакомые с горем,

Звукам незнаемым весело, сладко внимали. И кто бы
Сладко и весело ей не внимал? Амарилла, пастушка
Пышноволосая, стройная, счастье родителей старых,
Радость подружек, любовь пастухов, была удивленье
Редкое Зевса творение, чудная дева, которой
Зависть не смела коснуться и злоба, зажмурясь, бежала.
Сами пастушки с ней не равнялись и ей уступали
Первое место с прекраснейшим юношей в плясках
вечерних.
Но хариты-богини живут с красотой неразлучно —
И Амарилла всегда отклонялась от чести излишней.
Скромность взамен предпочтенья любовь ото всех
получала.
Старцы от радости плакали, ею любуясь, покорно
Юноши ждали, кого Амарилла сердцем заметит?
Кто из прекрасных, младых пастухов назовется
счастливцем?
Выбор упал не на них! Клянуся богом Эротом,
Юноша, к нам приходивший из города, нежный Мелетий,
Сладкоречивый, как Эрмий, был Фебу красою подобен,
Голосом Пана искусней! Его полюбила пастушка.
Мы не роптали! мы не винили ее! мы в забвеньи
Даже думали, глядя на них: «Вот Арей и Киприда
Ходят по нашим полям и холмам; он в шлеме блестящем,
В мантии пурпурной, длинной, небрежно спустившейся
сзади,
Сжатой камнем драгим на плече белоснежном. Она же
В легкой одежде пастушки простой, но не кровь,
а бессмертье,
Видно, не менее в ней протекает по членам нетленным»
Кто ж бы дерзнул и помыслить из нас, что душой
он коварен,
Что в городах и образ прекрасный и клятвы преступны.
Я был младенцем тогда. Бывало, обнявши руками
Белые, нежные ноги Мелетия, смирно сижу я,
Слушая клятвы его Амарилле, ужасные клятвы
Всеми богами: любить Амариллу одну и с нею
Жить неразлучно у наших ручьев и на наших долинах.
Клятвам свидетелем я был; Эротовым сладостным тайнам
Гамадриады присутственны были. Но что ж? и весны он
С нею не прожил, ушел невозвратно! Сердце простое
Черной измены постичь не умело. Его Амарилла
День, и другой, и третий ждет — все напрасно! О всем ей
Грустные мысли приходят, кроме измены: не вепрь ли,
Как Адониса его растерзал; не ранен ли в споре

Он за игру, всех ловче тяжелые круги метая?
«В городе, слышала я, обитают болезни! он болен!»
Утром четвертым вскричала она, обливаясь слезами:
«В город к нему побежим, мой младенец!»
И сильно схватила
Руку мою и рванула, и с ней мы как вихрь побежали.
Я не успел, мне казалось, дохнуть, и уж город пред нами
Каменный, многообразный, с садами, столпами открылся:
Так облака перед завтрешней бурей на небе вечернем
Разные виды с отливами красок чудесных приемлют.

Дива такого я и не видывал! Но удивленью
Было не время. Мы в город вбежали, и громкое пенье
Нас поразило — мы стали. Видим: толпой перед нами
Стройные жены проходят в белых как снег покрывалах.
Зеркало, чаши златые, ларцы из кости слоновой
Женщины чинно за ними несут. А младые рабыни
Резвые, громкоголосые, с персей по пояс нагие,
Около блещут очами лукавыми в пляске веселой,
Скачут, кто с бубном, кто с тирсом, одна ж
головою кудрявой
Длинную вазу несет и под песню тарелками плещет.
Ах, путешественник добрый, что нам рабыни сказали!
Стройные жены вели из купальни младую супругу
Злого Мелетия.— Сгибли желанья, исчезли надежды!
Долго в толпу Амарилла смотрела и вдруг, зашатавшись,
Пала. Холод в руках и ногах и грудь без дыханья!
Слабый ребенок, не знал я, что делать. От мысли ужасной
(Страшной и ныне воспомнить), что более нет
Амариллы,—
Я не плакал, а чувствовал: слезы, сгустившися в камень,
Жали внутри мне глаза и горячую голову гнули.
Но еще жизнь в Амарилле, к несчастью ее, пламенела:
Грудь у нее поднялась и забилась, лицо загорелось
Темным румянцем, глаза, на меня проглянув, помутились.
Вот и вскочила, вот побежала из города, будто
Гнали ее эвмениды, суровые девы Айдеса!

Был ли, младенец, я в силах догнать злополучную деву!
Нет... Я нашел уж ее в сей роще, за этой рекою,
Где искони возвышается жертвенник богу Эроту,
Где для священных венков и цветник разведен
благовонный
(Встарь, четою счастливой!) и где ты не раз, Амарилла,
С верою сердца невинного, клятвам преступным внимала.

Зевс милосердый! с визгом каким и с какою улыбкой
В роще сей песню она выводила! сколько с корнями
Разных цветов в цветнике нарвала и как быстро плела их!
Скоро странный наряд изготовила. Целые ветви,
Розами пышно облитые, словно роги торчали
Дико из вязей венка многоцветного, чуднобольшого;
Плющ же широкий цепями с венка по плечам и по персям
Длинный спадал и, шумя, по земле волочился за нею.
Так разодетая, важно, с поступью Иры-богини,
К хижинам нашим пошла Амарилла. Приходит, и что же?
Мать и отец ее не узнали; запела, и в старых
Трепетом новым забились сердца, предвещателем горя.
Смолкла — и в хижину с хохотом диким вбежала,
и с видом
Грустным стала просить удивленную матерь: «Родная,
Пой, если любишь ты дочь, и пляши: я счастли́ва,
счастли́ва!»
Мать и отец, не поняв, но услышав ее, зарыдали.
«Разве была ты когда несчастли́ва, дитя дорогое?» —
Дряхлая мать, с напряжением слезы уняв, вопросила.
«Друг мой здоров! Я невеста! Из города пышного выйдут
Стройные жены, резвые девы навстречу невесте!
Там, где он молвил впервые *люблю* Амарилле-пастушке,
Там из-под тени заветного древа, счастливица, вскрикну:
Здесь я, здесь я! Вы, стройные жены, вы резвые девы!
Пойте: Гимен, Гименей! — и ведите невесту в купальню.
Что ж не поете вы, что ж вы не пляшете! Пойте, пляшите!»
Скорбные старцы, глядя на дочь, без движенья сидели,
Словно мрамор, обильно обрызганный хладной росою.
Если б не дочь, но иную пастушку привел Жизнедавец
Видеть и слышать такой, пораженной небесною карой,
То и тогда б превратились злосчастные в томностенящий,
Слезный источник — ныне ж, тихо склоняся друг к другу,
Сном последним заснули они. Амарилла запела,
Гордым взором наряд свой окинув, и к древу свиданья,
К древу любви изменившей пошла. Пастухи и пастушки,
Песней ее привлеченные, весело, шумно сбежались
С нежною ласкою к ней, ненаглядной, любимой подруге.
Но — наряд ее, голос и взгляд... Пастухи и пастушки
Робко назад отшатнулись и молча в кусты разбежались.

Бедная наша Аркадия! Ты ли тогда изменилась,
Наши ль глаза, в первый раз увидавшие близко несчастье,
Мрачным туманом подернулись? Вечнозеленые сени,
Воды кристальные, все красоты твои страшно поблекли.

Дорого боги ценят дары свои! Нам уж не видеть
Снова веселья! Если б и Рея с милостью прежней
К нам возвратилась, все было б напрасно! Веселье и счастье
Схожи с первой любовью. Смертный единожды в жизни
Может упиться их полною, девственной сладостью! Знал ты
Счастье, любовь и веселье? Так понял, и смолкнем об оном.

Страшно поющая дева стояла уже у платана,
Плющ и цветы с наряда рвала и ими прилежно
Древо свое украшала. Когда же нагнулася с брега,
Смело за прут молодой ухватившись, чтоб цепью цветочной
Эту ветвь обвязать, до нас достающую тенью,
Прут, затрещав, обломился, и с брега она полетела
В волны несчастные. Нимфы ли вод, красоту сожалея
Юной пастушки, спасти ее думали, платье ль сухое,
Кругом широким поверхность воды обхватив, не давало
Ей утонуть? не знаю, но долго, подобно наяде,
Зримая только по грудь, Амарилла стремленьем неслася,
Песню свою распевая, не чувствуя гибели близкой,
Словно во влаге рожденная древним отцом Океаном.
Грустную песню свою не окончив — она потонула.

Ах, путешественник, горько! ты плачешь! беги же отсюда!
В землях иных ищи ты веселья и счастья! Ужели
В мире их нет и от нас от последних их позвали боги!

Примечание

Читатели заметят в конце сей идиллии близкое подражание Шекспирову описанию смерти Офелии. Сочинитель, благоговея к поэтическому дару великого британского трагика, радуется, что мог повторить одно из прелестнейших его созданий.

1828

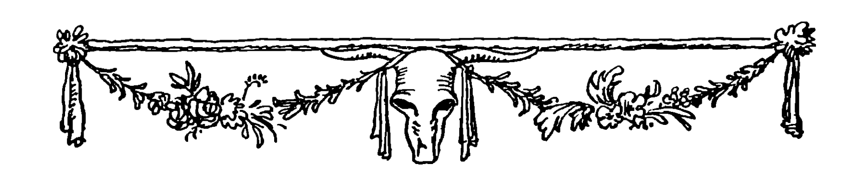

65. ЭПИЛОГ

Так певал без принужденья,
Как на ветке соловей,
Я живые впечатленья
Полной юности моей.
Счастлив другом, милой девы
Все искал душою я —
И любви моей напевы
Долго кликали тебя.

1828

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИК 1829 года

1. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Как разнесся слух по Петрополю,
Слух прискорбнейший россиянину,
Что во матушку Москву каменну
Взошли варвары иноземныи.
То услышавши, отставной сержант
Подозвал к себе сына милого,
Отдавал ему свой булатный меч
И, обняв его, говорил тогда:
«Вот, любезный сын, сабля острая,
Неприятелей разил коей я,
Бывал часто с ней во сражениях,
Умирать хотел за отечество
И за батюшку царя белого.
Но тогда уже перестал служить,
Как при Требио каленó ядро
Оторвало мне руку правую.
Вот еще тебе копье меткое,
С коим часто я в поле ратовал.
Оседлай, мой друг, коня доброго,
Поезжай разить силы вражески
Под знаменами Витгенштеина,
Вождя славного войска русского.
Не пускай врага разорити Русь
Иль пусти его через труп ты свой».

7 сентября 1812

2

От вод холмистых, средиземных
Дождливый ветер полетел,
Помчался в дол, и тучи темны
На небо синее навел.
Столетние дубы ломает и гнет
И гонит со треском по озеру лед.

На Альпах снег звездчатый тая
По ребрам гор гремя летит,
Река, пределы расширяя,
Как море, по лугу бежит.
Высокие волны с громадами льда
Одна за другою несутся шумя.

На каменных столбах широкий
Чрез быстру реку мост лежит,
И на средине — одинокий
Дом бедного пловца стоит.
Живет он с детями и с верной женой,
Страшися, пловец, быть так ⟨близко⟩ * с волной.

Волна волну предупреждая
Кругом уж хижины шумит,
И руки кверху поднимая
Семья, рыдая, вдаль глядит.
О небо! ужели назначено нам
Быть лютою жертвой свирепым волнам.

Ревели волны, завывали,
И по обоим берегам
Столбы и своды отрывали
И с шумом ластились к стенам,
Волны заглушая и бурь грозных вой,
Рыдает пловец и с детьми, и с женой.

1812 или 1813

* В автографе «быстро» (описка.— *Сост.*) •

3

— Дщерь хладна льда! Богиня разрушенья,
Тебя, россиян мать, на лире воспою,
Зима! к тебе летит мое воображенье;
Желаю изразить волшебну красоту.
Когда, последуя холодному Борею,
Опустошаешь ты зеленые луга,
Ложася на весь мир, десницею твоею
Повсюду сеятся пушистые снега.
Дотронешься к водам — и воды каменеют
И быстрый ручеек, окован, не журчит;
Дотронешься к лесам — и древеса пустеют,
Не зе́фир между их, но бурный ветр свистит.
Не любишь песен ты, не знаешь хоровода,
Унылый соловей вдали отсель поет.
В унынии, цепях печалится природа,
И солнце красное тебя страшится зреть.
Но любишь ты народ, с которым обитаешь,
Лиешь в него любовь и грудь его крепишь,
Блюдешь, как нежных чад, от бури укрываешь
И храбрость на боях в душе его живишь.
Недавно с запада, как тучи громоносны,
Стремилися враги россиян поразить,
Шагнули в их предел — гремят перуны грозны,
И зарево Москвы багровое горит.
Воззрела мрачно ты — метели зашумели
И бури на врагов коварных понеслись,
Ступила на луга — и мразы полетели
И, как от ветра прах, враги от нас
взвились.

О муза, возвести, хотя на слабой лире,
Ее все прелести, которы видим мы,
Когда, одеянна во ледяной порфире,
Вселенную тягчит алмазными цепьми.
Еще лиется дождь, и листья пожелтелы
С дерев развесистых шумя на дол летят,
Стоят в безмолвии дождем омыты селы,
И в роще хоры птиц, в гнезда́х сидя, молчат.
Вдруг снежны облака над полем нанесутся,
И снег луга и лес звездча́тый обелит,
И мразы бурные от дремоты проснутся
И ратовать Борей на землю полетит.

Все будто оживет, и вранов стая с криком
Чернеющим крылом покроет небеса,
И с воем серый волк со взором мрачным, диким,
Помчится по холмам с добычею в леса.

1812 или 1813

4

Настанет час ужасной брани,
И заструится кровь рекой,
Когда порок среди стенаний
Восторжествует над землей.
Брат кровью брата обагрится,
Исчезнет с дружеством любовь,
И жизни огнь в отце затмится
Рукой неистовой сынов.

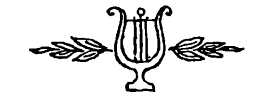
Вослед, метелями повита,
Зима с бореями придет
Из мрачных пропастей Коцита
И на вселенную падет.
Три лета не увидит смертный
В полях ни роз, ни васильков,
И тихий ветерок вечерний
Не будет колебать кустов.

Чудовища с цепей сорвутся
И полетят на мир толпой.
Моря драконом потрясутся,
Земля покроется водой.
Дуб твердый и ветвисты ивы
Со треском на луга падут.
Утесы мшисты, горделивы
Друг друга в океан сотрут.

Свои разрушит Фенрис цепи
И до небес разверзнет пасть,
И вой поднимется свирепый,
И огнь посыплется из глаз.

Светильник дня животворящий,
Который обтекает свет,
Во всем величии горящий,
В его ужасный зев падет.

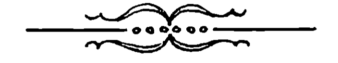
1812 или 1813

5. ПИИТ И ЭХО

П. О лира милая, воспой мне, ах, воспой!
Иль оду, иль рондо, иль маленький сонет!
Э. . . . . нет.
П. Почто несчастного не слушаешь, почто?
Ужель не воспоешь ты, лира, никогда?
Э. . . . . да.
П. Так я ин рассержусь и лиру изломаю.
И ты не тужишь?
Э. . . . . шутишь.

1813 года
27 февраля.
Лицей.

6. ЭПИТАФИЯ

Прохожий, здесь не стой! беги скорей, уйди,
И то на цыпочках и не шелох никак.
Подьячий тут лежит — его не разбуди!
А то замучает тебя! «понеже так».

27 февраля 1813

7. СТИХИ НА РОЖДЕНИЕ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Мрак распростерся везде.— И я под крылами Морфея,
Скукой вчера отягчен, усыпился и грезил:
Будто б муза ко мне на облаке алом слетела,
И благодать воцарилась в бедной хате пиита.
С благоговеньем взирал на прелестны богинины взоры,
Руку простер я возжечь фимиам, но рука онемела,
Как от волшебной главы злой Медузы сын пропасти лютой.
«Феб! — я воскликнул,— почто я последней лишаюся
силы?
Что отвергаешь мои тебе приносимые жертвы?
Или назначил мне рок вовеки не быть твоим сыном?»
— «Нет! — мне сказала тогда богиня со пламенным
взором,—
Ты преступаешь закон — и в неге Морфею предался.
Спишь — и твоя на стене пребывает в безмолвии лира!
Спишь — и фантазии луч остается тобой не обделан!
Встань, отряси от очей последню дремоту, и лирой
Превознеси ты тот день, который увидел рожденье,
Славой уве́нчанна век еще младого пиита.
Да воспоется тобою Вильгельма счастливая участь!»
Я встрепенулся, восстал и на лире гремящей Вильгельму
Песнь воспел: «О любимец пресветлого Феба, ты счастлив!
Музы лелеют тебя и лирою слух твой пленяют!
Ты не рожден быть со мною на степени равной Фортуны —
Нет! твой удел с Алцеем и Пиндаром равен пребудет,
Лирой, как древний Орфей, поколеблешь ты камни и горы!
Парки, прядите вы жизнь Вильгельмову многие лета!
Дайте, чтоб бедный пиит его славу бессмертну увидел!»

Июнь 1813

8. АПОЛОГ

Из ближнего села
В Москву на торг пространный
Душистые цветы пастушка принесла,
Поутру кои набрала

Во рощице пространной.
«Купите у меня, купите,— говорит
Угрюмой госпоже, котора там ходила:
Приятным запахом здесь роза всех дарит,
Росу вот на себе фиалка сохранила,
Она и страз светлей! —
Купите сей букет фиалок и лилей».
«Ах нет, зачем мне их, когда они увянут
И к вечеру сему лить аромат престанут».
— «Но я, сударыня, не говорила вам,
Дано что от небес бессмертие цветам».

Вот то о повестях моих я рассуждаю
И им бессмертия вовек не ожидаю.

1813

9. К ГОЛУБКУ

Здесь тихо все, здесь все живет в печали:
И рощица, голубчик, где ты жил,
И ручеек, где чисту воду пил —
Печальны все, что радость нам являли.
И там, где счастие мне пел,
Сидя на дереве ветвистом,
Сшиб ветр его вчера со свистом.
Лети отсель!

Лети отсель, пусть буду я томиться,
Пусть я один здесь слезы буду лить,
Нет счастья мне, могу ль на свете жить,
Беги меня, приятно ли крушиться.
И счастие с тобой имел,
Но нет, оно меня кидает.
Ужель печаль не устрашает?
Лети отсель!

Лети отсель, и, может быть, весною
Услышишь ты страдальца тихий стон,
То буду я, скажи: печален он,

Не тронься мной, пусть счастие с тобою.
Я жить сперва с тобой хотел,
Но я печаль лишь умножаю,
Ужель тебя не убеждаю?
Лети отсель!

1813

10. ЭПИГРАММА

Поэт надутый Клит
Навеки заклялся со мною говорить.
О Клит возлюбленный! смягчися, умоляю:
Я без твоих стихов бессонницей страдаю!

⟨1814⟩

11. ХЛОЯ

Хлоя старика седого
Захотела осмеять
И шепнула: «Я драгого
Под окошком буду ждать».

Вот уж ночь; через долину,
То за хо́лмом, то в кустах,
Хлоя видит старичину
С длинной лестницей в руках.

Тихо крадется к окошку,
Ставит лестницу — и вмиг,
Протянув сухую ножку,
К милой полетел старик.

Близок к месту дорогому,
На щеке дрожит слеза.
Хлоя зеркало седому
Прямо сунула в глаза.

И любовник спотыкнулся,
Вниз со страха соскочил,
Побежал, не оглянулся
И забыл, зачем ходил.

Хлоя поутру спросила:
«Что же, милый, не бывал?
Уж не я ль тебя просила
И не ты ли обещал?»

Зубы в зубы ударяя,
Он со страхом отвечал:
«Домовой меня, родная,
У окна перепугал...»

Хоть не рад, но должно, деды,
Вас тихонько побранить!
Взгляньте в зеркало — вы седы,
Вам ли к девушкам ходить?

⟨1814⟩

12. К ПОЭТУ-МАТЕМАТИКУ

Скажи мне, Финиас любезный!
В какие веки неизвестны
Была Урания дружна
С поэзией голубоокой?
Скажи, не вечно ли она
Жила не с нею, одиноко,
И, в телескоп вперяя око,
Небесный измеряла свод
И звезд блестящих быстрый ход?

Какими же, мой друг! судьбами
Ты математик и поэт?
Играешь громкими струнами,
И вдруг, остановя полет,
Сидишь над грифельной доскою,
Поддерживая лоб рукою,

И пишешь с цифрами ноли,
Проводишь длинну апофему,
Доказываешь теорему,
Тупые, острые углы?
Возможно ли, чтобы девица,
Как лебедь статна, белолица,
Пленилась модником седым,
И нежною рукой своею
Его бы обнимая шею,
В любви жила счастливо с ним?

Скажи, как может восхищенье,
Души чувствительной стремленье,
Тебя с мечтами посещать?
Как пишешь громкие ты оды
И за пределами природы
Миры стремишься населять
Людьми, которы неподвластны
Ни злу, ни здешним суетам,
У них в сердцах — любови храм;
Они — все юны, все прекрасны
И улыбаются векам,
Летящим быстрою стрелою
С неумолимою косою?

В восторге говорит поэт,
Любовь Алине изъясняя:
«Небесной красотой сияя,
Ты солнца помрачаешь свет!
Твои блестящи, черны очи,
Как светлый месяц зимней ночи,
Кидают огнь из-под бровей!»
Но математик важно ей
Все опровергнет, все докажет,
Определит и солнца свет,
И действие лучей покажет
Чрез преломленье на предмет;
Но, верно, утаит, что взоры
Прелестной, райской красоты
Воспламеняют камни, горы,
И в сердце сладки льют мечты.—

Дерзнешь ли, о мой друг любезный!
Перед натурой токи слезны
Пролив, стремиться к ней душой?

На небесах твой путь опасный
Препнут и Лев, и Змей ужасный,
И лютый Тур поднимет вой!
Через линейки, микроскопы,
Чрез циркули и телескопы
Шагать устанешь, милый друг,
И выспренний оставишь круг!
Оставишь... и на табурете
В своем укромном кабинете
Зачнешь считать, чертить, марать —
И музу в помощь призывать!
И вот, чрез множество мгновений
Твои слова от сотрясений
К ее престолу долетят.
На острый нос очки надвиня,
Берет орудии богиня,
Межует облаков квадрат.
Большие блоки с небесами
Соединяются гвоздями
И под веревкою скрыпят.
И загремела цепь железна;
Открылась музе поднебесна
И место, где витаешь ты.
И Ге́рой облако влечется
И ветерком туда, сюда,
Колеблясь в бок, в другой, несется,
На твой спускаясь кабинет.
Вот бледный и дрожащий свет
Вдруг осенил твою обитель!
Небес веселых мрачный житель
Является перед тобой.
«Стремись, мой сын, стремись за мной,—
Богиня с важностью вещает,—
Уже бессмертие тебе
Венцы лавровые сплетает!
Достигни славы в тишине!
С Невтоном испытуй природу,
С Бландшардом по небесну своду
Как дерзостный орел летай!
Бесстрашно измеряй пучину,
Скажи всем действиям причину
И новы звезды открывай!»

И се раскрылся пред тобою
Промчавшихся веков завес,

И зришь: в священный темный лес
Идут ученые толпою.
Кружась на ветреных крылах,
Волнится перед ними прах —
И рвет их толстые творенья.
Что делать,— плачут, да идут.
И средь такого треволненья
Одни — за Алгеброй бегут,
Те — Геометрию хватают,
Иль, руки опустя, рыдают.

Недосягаемый никем
Между кремнистыми скалами
За Стикса мрачными брегами
Главу возносит, как илем,
Престол богини измеренья,
И Крон не сыплет разрушенья
На хладны мраморны столбы!
Отсель богиня взор кидает
На многочисленны толпы́.
Не многих слушает мольбы,
Не многих лаврами венчает [1].

Но грянет по струнам поэт
И лишь богиню призовет —
При звуке сладостныя лиры,
Впрягутся в облако зефиры,
Крылами дружно размахнут,
Помчатся с Пинда, понесут —
И вот в эфирном одеяньи,
Певец! она перед тобой
В венце, в божественном сияньи,
Пленяющая красотой!
И ты падешь в благоговеньи
Перед подругою твоей!
Гремишь струнами в восхищеньи,
И ты могучий чародей!

Не воздух на небе сгущенный,
Спираяся между собой,
Перуны шлет из тучи темной
И проливает дождь рекой,—

---

[1] Читатели извинят, что я в сем месте воспользовался описанием зимы г-на Хераскова, что единственно по сходству математики с холодом.

То гневный Зевс водоточивый
На смертный род, всегда кичливый,
Льет воды и перун десной
Кидает на полки строптивы.
И не роса на дол падет,
Цветы душисты освежая,—
Аврора, урну обнимая,
Над прахом сына слезы льет.
Не воздух, звуком сотрясенный,
К лесам относит голос твой:
Ах, нет! под тению священной,
Пленясь Нарцизовой красой,
Несчастна Нимфа воздыхает
И грусть с тобою разделяет.
Не солнце, рассевая тень,
На землю сводит ясный день,—
То Феб прекрасный, сановитый,
Лучами светлыми повитый,
Удерживая бег коней,
У коих пламя из ноздрей,
Летит в блестящей колеснице,
Последуя младой деннице.

Так славный Боало певал,
Бросая огнь от громкой лиры;
Порок бледнел и трепетал,
Внимая грозный глас сатиры.

Мессии избранный певец!
Ты арфою пленял вселенну;
Тебе, хвалой превознесенну,
Омиры отдают венец.
Пиндара, Флакка победитель,
Небесных песней похититель,
Державин россов восхищал!
Под дланью трепетали струны,
На сильных он метал перуны —
И добродетель прославлял.

И здесь, когда на вражьи строи
Летели росские герои,
Спасая веру и царя,
Любовью к родине горя,
В доспехах бранных, под шатрами,
Жуковский дивными струнами

Мечи ко мщенью извлекал —
И враг от сих мечей упал.

Но ты сравняешься ли с ними,
Когда, то музами водимый,
То математикой своей,
Со всеми разною стезей
Идешь на высоты Парнаса
И ловишь сов или Пегаса?
Измерь способности свои:
Иль время провождай с доскою
И треугольники пиши;
Иль нежною своей игрою
Укрась друзей приятный хор,
Сзывая пиэрид собор.

⟨1814⟩

13. НА ВЗЯТИЕ ПАРИЖА

В громкую цитру кинь персты, богиня!
Грянь, да, услышав тебя, все народы
Скажут: не то ли перуны Зевеса,
Коими в гневе сражает пороки? —
Пи́ндара муза тобой побежденна;
Ты же не игры поешь Олимпийски,
И не царя, с быстротою летяща
К цели на добром коне сиракузском,
Но Александра, царя миролюбна,
Кем семиглавая гидра сраженна!

О, вдохновенный певец,
Пиндар российский, Державин!
Дай мне парящий восторг!
Дай, и вовеки прославлюсь,
И моя громкая лира
Знаема будет везде!

Как в баснословные веки
Против Зевеса гиганты,
Горы кремнисты на горы

Ставя, стремились войною,
Но Зевс вдруг кинул перуны —
Горы в песок превратились,
Рухнули с треском на землю
И — подавили гигантов,—

Галлы подобно на россов летели:
Их были горы — народы подвластны!
К сердцу России — к Москве, доносили
Огнь, пожирающий грады и веси...
Царь миролюбный подобен Зевесу
Долготерпящу людей зря пороки.
Он уж готовил погибель Сизифу,
И возжигались блестящи перуны;
Враг уж в Москве — и взгремели перуны,
Горы его под собою сокрыли.

Где же надменный Сизиф?
Иль покоряет россиян? —
В тяжких ли россы цепях
Слезную жизнь провождают?
Нет,— гром оружия россов
Внемлет пространный Париж!

И победитель Парижа,
Нежный отец россиянам,
Пепел Москвы забывая,
С кротостью галлам прощает
И как детей их приемлет.
Слава герою, который
Все побеждает народы
Нежной любовью — не силой!

Ведай, богиня! Поэт беспристрастный
Должен пороки показывать мира.
Страха не зная, царю он вещает
Правду — не низкие лести вельможи!
Я не пою олимпийских героев;
Славить не злато меня побуждает,—
Нет, только подвиги зря Александра,
Цитру златую ему посвящаю!
Век на ней буду славить героя
И вознесу его имя до неба!

Кроткий российский Зевес!
Мрачного сердцем Сизифа
Ты низложил и теперь,
Лавром побед увенчанный,
С поля кровавого битвы
К верным сынам возвратися!

Шлем свой пернатый с забралом,
Острый булат и тяжелы
Латы сними — и явися
В светлой короне, в порфире
Ты посреди сынов верных!
В мире опять, в благоденстве
Царствуй над ними — и слава
Будет вовеки с тобою!

1814

14. ПОСЛАНИЕ К А. Д. ИЛЛИЧЕВСКОМУ

Скажи, любезный друг, скажи твою науку,
Как пишешь ты стихи, не чувствуя в них скуку,
Как рифма под перо сама к тебе идет
И за собою сто соотчичей ведет,
Как можешь ты писать столь плавно и приятно
И слог свой возвышать высоко, но всем внятно.
Признаться, прочитав подчас твои стихи,
Браню я чистых муз, что так ко мне лихи,
Что, не внимаючи мне, бедному поэту,
Дают мои стихи на посмеянье свету!
Поверишь ли — весь день я с места не схожу
И за труды мои уродов лишь рожу.
Кряхчу над рифмою, над мерою проклятой,
Ругая Пинд и муз, весь яростью объятый.
А иногда в саду под ивою сижу
И на гору Парнас, зеваючи, гляжу,
Настрою лиру лишь и напишу: «баллада»,
Взбренчу — струна вдруг хлоп — сбиваюся я с лада,
«О лира злобная!» — с досадой я кричу

И с Пинда лбом на низ без памяти лечу.
Почто я не могу быть равен с тем поэтом,
За масленицу кто одобрен целым светом,
Иль тем, кто в мир рожден, чтоб лирой нас пленять
И музою своей, как куколкой, играть;
Иль тем, Полорда кто приятно так представил,
Или Пожарского кто прозою прославил,
Кто Изяслава нам приятно так воспел,
Сердца Силистрией, Москвою нам согрел;
Кто о Европе на⟨м⟩ ⟨в⟩ журнале возвещает
Иль в роще Марьиной кто сильно так рыдает,
Иль тем, кто так весну нам красно описал,
Иль⟨...⟩на свете нам кто с мудрецом певал;
Иль тем, чей Алманзор, чьи Алпы и чья белка,
Теласко чей велик, как крепкий дуб иль елка.
Нет, не могу никак быть с ними наряду,
И, точно сирота, я на Парнас бреду.
Тебя, любезный друг, тебя прошу усердно,
Со мною ежели сидеть тебе не вредно,
То научи меня, как рифму к рифме шить
И оду полную стихами как набить.

1814

15. ТРИОЛЕТ К⟨НЯЗЮ⟩ ГОРЧАКОВУ

Тебе желаю, милый князь,
Чтобы отныне жил счастливо,
Звездами, почестьми гордясь!
Тебе желаю, милый князь,
Видать любовь от черных глаз:
То для тебя, ей-ей, не диво.
Тебе желаю, милый князь,
Чтобы отныне жил счастливо!

30 августа 1814

16. К ТЕМИРЕ

Как птичка резвая, младая,
Ты под крылом любви растешь,
Мирских забот еще не зная,
    Вертишься и поешь.

Но детство быстро унесется,
С ним улетит и твой покой,
И сердце у тебя забьется
    Неведомой тоской.

Тщеславие тебя цветами
Прилежно будет убирать,
И много лет пред зеркалами
    Придется потерять.

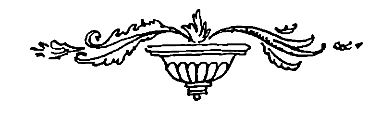
Здесь мода всеми помыкает,
Чернит, румянит и белит,
Веселых плакать заставляет,
    Печальным петь велит.

И ты помчишься за толпою
В чертог блестящей суеты —
И истинной почтешь красою
    Поддельные цветы.

Но знай, что счастие на свете
Не в жемчугах, не в кружевах
И не в богатом туалете,
    А в искренних сердцах.

Цвети, Темира дорогая,
Богиней красотою будь,
В столице роскоши блистая,
    Меня не позабудь!

⟨*1815*⟩

17. ТЛЕННОСТЬ

Здесь фиалка на лугах
  С зеленью пестреет,
В свежих Флоры волосах
  На венке краснеет.
Юноша, весна пройдет,
И фиалка опадет.

Розой, дева, украшай
  Груди молодые,
Другу милому венчай
  Кудри золотые.
Скоро лету пролететь,
Розе скоро не алеть.

Под фиалкою журчит
  Здесь ручей сребристый,
С ранним днем ее живит
  Он струею чистой.
Но от солнечных лучей
Летом высохнет ручей.

Тут, за розовым кустом,
  Пастушок с пастушкой,
И Амур, грозя перстом:
  «Тут пастух с пастушкой!
Не пугайте! — говорит.—
Миг — и осень прилетит!»

Там фиалку, наклонясь,
  Девица срывает,
Зе́фир, в волосы вплетясь,
  Локоном играет,—
Юноша! краса летит,
Деву старость посетит.

Кто фиалку с розой пел
  В радостны досуги
И всегда любить умел
  Вас, мои подруги,—
Скоро молодой певец
Набредет на свой конец!

⟨1815⟩

18. К Т—ВУ

Еще в младые годы,
Бренча струной не в лад,
За пиндарские оды
Я музами проклят.
Подняв печально руки,
С надеждою в очах,
Познаний от науки
Я требовал в слезах.

Наука возвратила
Мне счастье и покой
И чуть не примирила
С завистливой судьбой.
Но я, неблагодарный,
(Чем тихомолком жить!)
С улыбкою коварной
Стал дщерь ее бранить.

И, взявши посох в руки,
На цыпочках, тишком
Укрылся от науки
С затейливым божком.
Амур к младой Темире
Зажег во мне всю кровь,
И я на томной лире
Пел радость и любовь.

Простился я с мечтою,
В груди простыла кровь,
А все еще струною
Бренчу кой-как любовь —
И в песнях дышит холод,
В элегиях бомбаст;
Сатиров громкий хохот
Моя на Пинде часть.

⟨1815⟩

19. ПОЛЯК

(Баллада)

Бородинские долины
 Осребрялися луной,
Громы на холмах немели,
И вдали шатры белели
 Омраченной полосой!

Быстро мчалися поляки
 Вдоль лесистых берегов,
Ива листьями шептала,
И в пещерах завывала
 Стая дикая волков.

Вот в развалинах деревня
 На проталине лежит.
Бурные, ночлег почуя,
Гривы по ветру волнуя,
 Искры сыпали с копыт.

И стучит поляк в избушку:
 «Есть ли, есть ли тут жилой?»
Кто-то в окнах шевелится,
И громчей поляк стучится:
 «Есть ли, есть ли тут жилой?»

— «Кто там?» — всадника спросила
 Робко девица-краса.—
«Эй, пусти в избу погреться,
Буря свищет, дождик льется,
 Тьмой покрыты небеса!»

— «Сжалься надо мной, служивый! —
 Девица ему в ответ.—
Мать моя, отец убиты,
Здесь одна я без защиты,
 Страшно двери отпереть!»

— «Что красавице бояться?
 Ведь поляк не людоед!
Стойла конь не искусает,
Сбруя стопку не сломает,
 Стол под ранцем не падет».

Дверь со скрыпом отскочила,
  Озирается герой;
Сняв большую рукавицу,
Треплет красную девицу
  Он могучею рукой.

«Сколько лет тебе, голубка?»
  — «Вот семнадцатый к концу!»
— «А! так скоро со свечами,
Поменявшися кольцами,
  С суженым пойдешь к венцу!

Дай же выпить на здоровье
  Мне невесты с женихом.
До краев наполнись, чаша,
Будь так жизнь приятна ваша!
  Будь так полон здешний дом!»

И под мокрой епанчею
  Задремал он над ковшом.
Вьюга ставнями стучала,
И в молчании летала
  Стража польская кругом.

За гремящей самопрялкой
  Страшно девице одной,
Страшно в тишине глубокой
Без родных и одинокой
  Ей беседовать с тоской.

Но забылась — сон невольно
  В деве побеждает страх;
Колесо чуть-чуть вертится,
Голова к плечу клонится,
  И томленье на очах.

С треском вспыхнула лучина,
  Тень мелькнула на стене,
В уголку без покрывала
Дева юная лежала,
  Улыбаясь в тихом сне.

Глядь поляк — прелестной груди
  Тихим трепетом дышат:
Он невольно взоры мещет,
Взор его желаньем блещет,
  Щеки пламенем горят.

Цвет невинности непрочен,
Как в долине василек:
Часто светлыми косами
Меж шумящими снопами
Вянет скошенный цветок.

Но злодей! чу! треск булата —
Слышь: «К ружью!» — знакомый глас,
Настежь дверь — как вихрь влетает
В избу русский: меч сверкает —
Дерзкий, близок мститель-час!

Дева трепетна, смятенна,
Пробудясь, кидает взгляд;
Зрит: у ног поляк сраженный
Из груди окровавленной
Тащит с скрежетом булат.

Зрит, сама себе не верит —
Взор восторгом запылал:
«Ты ль, мой милый?» — восклицает,
Русский меч в ножны бросает,
Девицу жених обнял!

⟨1815⟩

20. К К⟨НЯЗЮ⟩ Г⟨ОРЧАКОВУ⟩

Здравия полный фиал Игея сокрыла в тумане,
Резвый Эрот и хариты с тоскою бегут от тебя:
Бледная тихо болезнь на ложе твое наклонилась,
Сон сменяется стоном, моленьем друзей — тишина.

Тщетно ты слабую длань к богине младой простираешь,
Тщетно! — не внемлет Игея, молчит, свой целительный взор
Облаком мрачным затмила, и Скорбь на тебя изливает
С колкой улыбкою злобы болезни и скуки сосуд.

Юноша! что не сзовешь веселий и острого Мома?
С ними Эрот и хариты к тебе возвратятся толпой;
Лирой, звенящею радость, отгонят болезни и скуки
И опрокинут со смехом целебный фиал на тебя.

Дружба даст помощи руку; Вакх оживит твои силы;
Лила невольно промолвится, скажет, краснея, «люблю»,
С трепетом тайным к тебе прижимаясь невинною грудью,
И поцелуй увенчает блаженное время любви.

1815

21. ТИХАЯ ЖИЗНЬ

Блажен, кто за рубеж наследственных полей
Ногою не шагнет, мечтой не унесется;
Кто с доброй совестью и с милою своей
Как весело заснет, так весело проснется;

Кто молоко от стад, хлеб с нивы золотой
И мягкую волну с своих овец сбирает
И для кого свой дуб в огне горит зимой
И сон прохладою в день летний навевает.

Спокойно целый век проводит он в трудах,
Полета быстрого часов не примечая,
И смерть к нему придет с улыбкой на устах,
Как лучших, новых дней пророчица благая.

Так жизнь и Дельвигу тихонько провести.
Умру — и скоро все забудут о поэте!
Что нужды? я блажен, я мог себе найти
В безвестности покой и счастие в Лилете!

⟨1816⟩

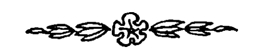
22. К ЛИЛЕТЕ

(Зимой)

Так, все исчезло с тобой! Брожу по колено в сугробах,
Завернувшись плащом, по опустелым лугам;
Грустный стою над рекой, смотрю на угрюмую сосну,
Вслушиваюсь в водопад, но он во льдинах висит,

Грозной зимой пригвожденный к диким, безмолвным
гранитам;
Вижу пустое гнездо, ветром зарытое в снег,
И напрасно ищу певицы веселого мая.
«Где ты, дева любви? — я восклицаю в лесах,—
Где, о Лилета! иль позабыла ты друга, как эхо
Здесь позабыло меня голосом милыя звать.
Вечно ли слезы мне лить и мучиться в тяжкой разлуке
Мыслию: все ль ты моя? Или мне встретить весну,
Как встречает к земле семейством привязанный узник,
После всех милых надежд, день, обреченный на казнь?
Нет, не страшися зимы! Я писал, не слушаясь сердца,
Много есть прелестей в ней, я ожидаю тебя!
Наша любовь оживит все радости юной природы,
В воспоминаньи, в мечтах, в страстном сжимании рук
Мы не услышим с тобой порывистых свистов метели!
В холод согреешься ты в жарких объятьях моих
И поцелуем тоску от несчастного друга отгонишь,
Мрачную, с бледным лицом, с думою тихой в очах,
Скрытых развитыми кудрями, впалых глубоко под
брови,—
Спутницу жизни моей, страсти несчастливой дочь».

⟨1816⟩

23. ДИФИРАМБ

(1816. 15 апреля)

Либер, Либер! я шатаюсь,
Все вертится предо мной;
Дай мне руку — и с землей
Я надолго распрощаюсь!

Милый бог, подай бокал,
Не пустой и не с водою,—
Нет, с той влагой золотою,
Чем я горе запивал!

Зол Амур, клянусь богами!
Зол, я сам то испытал:
Святотатец, разбавлял
Он вино мое слезами!

Говорят: проказник сам —
Лишь вино в бокал польется —
Присмиреет, засмеется
И хорош бывает к нам!

Так пои его ты вечно
Соком радостным твоим,
Царствуй, царствуй в дружбе с ним,
Возврати нам мир сердечный!

Как в то время я напьюсь,
В честь твою, о краснощекой!
Как я весело с жестокой,
Как я сладко обнимусь!

15 апреля 1816

24. НА СМЕРТЬ ДЕРЖАВИНА

Державин умер! чуть факел погасший дымится, о Пушкин!
О Пушкин, нет уж великого! Музы над прахом рыдают!
Их кудри упали развитые в беспорядке на груди,
Их персты по лирам не движутся, голос в устах исчезает!
Амура забыли печальные, с цепью цветочною скрылся
Он в диком кустарнике, слезы катятся по длинным ресницам,
Забросил он лук и в молчаньи стрелу об колено ломает;
Мохнатой ногой растоптал свирель семиствольную бог Пан.
Венча́н осоко́ю ручей убежал от повергнутой урны,
Где Бахус на тигре, с толпою вакханок и древним Силеном,
Иссечен на мраморе — тина льется из мраморной урны,
И на руку нимфа склонясь, печально плескает струею!

Державин умер! чуть факел погасший дымится, о Пушкин!
О Пушкин, нет уж великого! Музы над прахом рыдают!

Веселье в Олимпе, Вулкан хромоногий подносит бессмертным
Амврозию, нектар подносит Зевесов прелестный любимец.
И каждый бессмертный вкушает с амврозией сладостный нектар,
И, отворотясь, улыбается Марсу Венера. И вижу
В восторге я вас, полубоги России. Шумящей толпою,
На копья склонясь, ожиданье на челах, в безмолвьи стоите.
И вот повернул седовласый Хрон часы, пресекли
Суровые парки священную нить — и восхитил к Олимпу
Святого певца Аполлон при сладостной песни бессмертных:
«Державин, Державин! хвала возвышенным поэтам! восстаньте,
Бессмертные, угостите бессмертного; юная Геба,
Омой его очи водою кастальскою! вы, о хариты,
Кружитесь, пляшите под лиру Державина!
Долго не зрели
Небесные утешенья земли и Олимпа, святого пиита».
И Пиндар узнал себе равного, Флакк — философа-брата,
И Анакреон нацедил ему в кубок пылающий нектар.
Веселье в Олимпе! Державин поет героев России.

Державин умер! чуть факел погасший дымится, о Пушкин!
О Пушкин, нет уж великого! Музы над прахом рыдают.
Вот прах вещуна, вот лира висит на ветвях кипариса,
При самом рожденьи певец получил ее в дар от Эрмия.
Сам Эрмий уперся ногой натянуть на круг черепахи
Гремящие струны — и только в часы небесных восторгов
Державин дерзал рассыпать по ней окрыленные персты.
Кто ж ныне посмеет владеть его громкою лирой?
Кто, Пушкин!
Кто пламенный, избранный Зевсом еще в колыбели, счастливец
В порыве прекрасной души ее свежим венком увенчает?
Молися каменам! и я за друга молю вас, камены!
Любите младого певца, охраняйте невинное сердце,
Зажгите возвышенный ум, окрыляйте юные пéрсты!
Но и в старости грустной пускай он приятно на лире,
Гремящей сперва, ударяя,— уснет с исчезающим звоном!

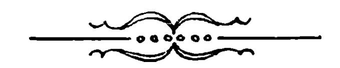
Июль 1816

25. ПЕРЕМЕНЧИВОСТЬ

(К Платону)

Все изменилось, Платон, под скипетром старого Хрона:
Нет просвещенных Афин, Спарты следов не найдешь,
Боги покинули греков, греки забыли свободу,
И униженный раб топчет могилу твою!

1816

26. НА СМЕРТЬ КУЧЕРА АГАФОНА

Ни рыжая брада, ни радость старых лет,
Ни дряхлая твоя супруга,
Ни кони не спасли от тяжкого недуга...
И Агафона нет!
Потух, как от копыт огонь во мраке ночи,
Как ржанье звучное усталого коня!..
О, небо! со слезой к тебе подъемлю очи
И, бренный, не могу не вопросить тебя:
Ужель не вечно нам вожжами править можно
И счастие в вине напрасно находить?
Иль лучшим кучерам жить в мире лучшем должно.
А нам с худыми быть!..
Увы! не будешь ты потряхивать вожжею;
Не будешь лошадей бить плетию своею;
И, усом шевеля, по-русски их бранить;
Уже не станешь ты и по воду ходить!
Глас молодецкий не прольется,
И путник от тебя уж не зажмет ушей,
И при сияньи фонарей
Уж глас форейтора тебе не отзовется,
И ах! Кузьминишна сквозь слез не улыбнется!
Умолкло все с тобой! Кухарки слезы льют,
Супруга, конюхи венки из сена вьют,
Глася отшедшему к покою:
«Когда ты умер — черт с тобою!»

Между 1814 и 1817

27. БЕДНЫЙ ДЕЛЬВИГ

Вот бедный Дельвиг здесь живет,
Не знаем суетою,
Бренчит на лире и поет
С подругою-мечтою.

Пускай невежество гремит
Над мудрою главою,
Пускай и эгоизм кричит
С фортуною слепою,—

Один он с леностью живет,
Блажен своей судьбою,
Век свой о радости поет
И незнаком с тоскою.

О счастии не говорит,
Но счастие с тобою
Живет — и будет вечно жить
И с леностью святою!

Между 1814 и 1817

28. ПОДРАЖАНИЕ 1-МУ ПСАЛМУ

Блажен, о юноша! кто, подражая мне,
Не любит рассылать себя по всем журналам,
Кто час любовников пропустит в сладком сне
И круг простых друзей предпочитает балам.

Когда неистовый влетит к нему Свистов,
Он часто по делам из комнаты выходит;
Ему ж нет времени писать дурных стихов,
Когда за книгой день, с супругой ночь проводит.

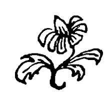
Зато, взгляните, он как дуб высок и прям.
Что вялый перед ним угодник дам и моды?
Цвет полных яблоков разлился по щекам,
Благоразумен, свеж он и в преклонны годы.

А ты, слепой глупец, иль новый философ!
О, верь мне, и в очках повеса все ж повеса.
Что будет из тебя под сединой власов,
Когда устанешь ты скакать средь экосеса?

Скажи, куда уйдешь от скуки и жены,
Жены, которая за всякую морщину
Ее румяных щек бранится на тебя? —
Пример достойнейший и дочери и сыну!

Что усладит, скажи, без веры старика?
Что память доброго в прошедшем сохранила?
Что совесть... ты молчишь! беднее червяка,
Тебе постыла жизнь, тебя страшит могила!

Между 1814 и 1817

29. В АЛЬБОМ КНЯЖНЕ ВОЛКОНСКОЙ

Сестрица! можно ли прелестную забыть?
За это Аполлон давно б мне выдрал уши;
Но красота стрелой велела прикрепить
Амуру к сердцу мне портрет моей Танюши.

Между 1814 и 1817

30. ПЕРЕВОДЧИКУ ДИОНА

Благодарю за переводы
Моих ритмических стихов!
От одного отца рожденные уроды
Ведут свой знатный род от двух теперь отцов.

Между 1814 и 1817

31. МОИ ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА

(Экспромт)

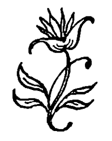
Дитятей часто я сердился,
Игрушки, няньку бил;
Еще весь гнев не проходил,
Как я стыдился.

Того уж нет! и я влюбился,
Томленьем грудь полна!
Бывало, взглянет лишь Она —
И я стыдился.

Того уж нет! вот я женился
На ветреной вдове;
Гляжу — рога на голове!
Я застыдился.

Того уж нет! теперь явился
В собранье с париком.
Что ж? — громкий смех над стариком.
Тут я взбесился.

Между 1814 и 1817

32. ЛЮБОВЬ

Что есть любовь? Несвязный сон,
Сцепление очарований!
И ты в объятиях мечтаний
То издаешь унылый стон,
То дремлешь в сладком упоенье,
Кидаешь руки за мечтой
И оставляешь сновиденье
С больной, тяжелой головой.

Между 1814 и 1817

33. НАДПИСЬ К МОЕМУ ПОРТРЕТУ

Не бойся, Глазунов, ты моего портрета!
Не генеральский он, но сбудешь также с рук,
Зачем лишь говорить, что он портрет поэта!
С карикатурами продай его, мой друг.

Между 1814 и 1817

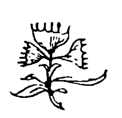

34. К А. М. Т—Й

Могу ль забыть то сладкое мгновенье,
Когда я вами жил и видел только вас,
И вальса в бешеном круженье
Завидовал свободе дерзких глаз?

Я весь тогда желал оборотиться в зренье,
Я умолял: «Постой, веселое мгновенье!
Пускай я не спущу с прекрасной вечно глаз,
Пусть так забвение крылом покроет нас!»

Между 1814 и 1817

35. БЛИЗОСТЬ ЛЮБОВНИКОВ

(Из Гете)

Блеснет заря, и все в моем мечтаньи
Лишь ты одна,
Лишь ты одна, когда поток в молчаньи
Сребрит луна.

Я зрю тебя, когда летит с дороги
И пыль, и прах
И с трепетом идет прошлец убогий
В глухих лесах.

Мне слышится твой голос несравненный
И в шуме вод;
Под вечер он к дубраве оживленной
Меня зовет.

Я близ тебя; как не была б далеко,
Ты все ж со мной.
Взошла луна. Когда б в сей тьме глубокой
Я был с тобой!

Между 1814 и 1817

36. ДОСАДА

Как песенка моя понравилась Лилете,
Она ее — ну целовать!
Эх, други! тут бы ей сказать:
«Лилета, поцелуй весь песенник в поэте!»

Между 1814 и 1817

37. К ФАНТАЗИИ

Сопутница моя златая,
Сестра крылатых снов,
Ты, свежесть в нектар изливая
На пиршестве богов,
С их древних чел свеваешь думы,
Лишаешь радость крыл.
Склонился к чаше Зевс угрюмый
И громы позабыл.

Ты предпочла меня, пиита,
Толпе других детей!
Соломой хижина покрыта,
Приют семьи моей,

Тобой, богиня, претворялась
    В очарова́нный храм,
И у младенца разливалась
    Улыбка по устам.

Ты, мотыльковыми крылами
    Порхая перед ним —
То меж душистыми цветами,
    То над ручьем златым,—
Его манила вверх утеса
    С гранита на гранит,
Где в бездну с мрачного навеса
    Седой поток шумит.

Мечтами грудь его вздымала,
    И, свитые кольцом,
С чела открытого сдувала
    Ты кудри ветерком.
Пусть гул катился отдаленный,
    Дождь в листья ударял,—
Тобой, богиня, осененный,
    Младенец засыпал.

Огни ночные, блеск зарницы,
    Падущей льдины гром
Его пушистые ресницы,
    Отягощенны сном,
К восторгам новым открывали
    И к трепетам святым
И в мраке свода ужасали
    Видением ночным.

Заря сидящего пиита
    Встречала на скалах,
Цветами вешними увита
    И с лирою в руках.
Тобой, богиня, вдохновенный,
    С вершин горы седой
Свирели вторил отдаленной
    Я песнию простой:

«Что ты, пастушка, приуныла?
    Не пляшешь, не поешь?
К коленам руки опустила,
    Идешь и не идешь?

Во взоре, в поступи томленье,
В лице пылает кровь,
Ты и в тоске и в восхищеньи!
Наверно, то любовь?

Но ты закрылася руками!
Мне отвечаешь: нет!
Не закрывай лица руками,
Не отвечай мне: нет!
Я слышал, Хлоя, от пастушек,
Кто в нас волнует кровь,
Я слышал, Хлоя, от пастушек
Рассказы про любовь!»

Кругом свежее разливался
Цветов пустынный дух,
И проходящий улыбался
Мне весело пастух:
«Не улыбайся, проходящий
Веселый пастушок,
Не вечно скачет говорящий
С цветами ручеек,

Взгляни на бедного Дафниса,
Он смолк и приуныл!
Несчастного забыла Ниса,
Он Нису не забыл!»

Так ты, Фантазия, учила
Ребенка воспевать,
К свирели пальцы приложила,
Велела засвистать!
Невинный счастлив был тобою,
Когда через цветы
Вела беспечною рукою
Его, играя, ты.

Как сладко спящего покрыла
В последний раз ты сном
И грудь младую освежила
Махающим крылом.
Я вскрикнул, грезой устрашенный,
Взглянул — уж ты вдали,
Летишь, где неба свод склоненный
Падет за край земли.

С тех пор ты мчишься все быстрее,
А все манишь меня!
С тех пор прелестней ты, живее,
Уныл и томен я.
Жестокая, пустыми ль снами
Ты хочешь заменить
Все, что младенчества я днями
Так мало мог ценить.

Кем ты, волшебница, явилась
Мне с утренней звездой
И, застыдившись, приклонилась,
Обвив меня рукой,
К плечу прелестными грудями?
Скажи, кто окропил
Меня горячими слезами
И, скрывшись, пробудил?

Чей это образ несравненный?
Кто та, кем я дышу?
О ней, грозою окруженный,
На древе я пишу;
Богов усердными мольбами
Ее узреть молю.
Чего не делаешь ты с нами!
Увы, и я люблю.

Между 1814 и 1817

38. БОГИНЯ ТАМ И БОГ ТЕПЕРЬ

(К Савичу)

Прозаик милый,
О Савич мой,
Перед тобой,
Собравшись с силой,
Я нарисую,
Махнув пером,
Всегда младую,

С златым венцом,
С златою лирой
И по плечам
С златой порфирой,
Богиню *Там.*
Она витает
(Поверь ты мне!)
В той стороне,
Отколь блистает,
При тишине
Лесов заглохших
И вод умолкших
В покойном сне
Предтеча Феба,
Камен царя,
В цветах заря,
Аврора неба,
Откинув дверь,
Там выпускает,
Но бог *Теперь*
Ее встречает
И зло кидает
К благим дарам.
Богиня ж *Там,*
Как ты, незлобна!
И не одной
Она душой
Тебе подобна,
Но тож мила
И весела,
И так прелестно
Как, Савич, ты
Поет мечты
О неизвестной
Дали́, дали́!
Внимай пиита:
Он чародей —
Судьбой открыта
Грядущих дней
Ему завеса,
Он от Зевеса
Богиню *Там*
Принял в подругу
Своим мечтам.
Тебе ж, как другу,

Принес от ней
О! сверток дней.
Ты прочитаешь
И в нем узнаешь,
Кто будешь впредь,
Но не краснеть
От слов пророка:
«По воле рока
Ты будешь петь,
Как ночью мая
Поет младая,
В тени древес,
Любви певица,
Когда царица
Ночных небес
Из вод катится
И мрачный лес
Не шевелится;
Когда ж в крови
Зажгутся муки
Святой любви,
То смело руки
Ты на клавир,
И слаще лир
Прольются звуки
Твоей души.
Тогда ж в тиши
Ты, одинокой,
В стихах пиши
Письмо к жестокой —
И ты поэт.
Прошепчет «нет»
Она сердито.
О, не беда!
Полуоткрытой
Верь, скажет «да!»
И ты, счастливый,
От городов
Уйдешь под кров
Домашней ивы,
Блаженный час!
О днях грядущих
Не суетясь,
В местах цветущих
Ты будешь жить

И воздух пить
С душистой розой.
Ты свежей прозой
Семьи простой
Опишешь радость,
Души покой,
И чувства сладость
Рассыплешь ты
На все листы».
О Савич милый!
То будет — верь,
Когда *Теперь,*
Сей бог унылый,
Богиню *Там*
Не повстречает,
Не примешает
К ее дарам
Полезной муки,
Слезы и скуки.

Между 1814 и 1817

39. ДИФИРАМБ

Други, пусть года несутся,
О годах не нам тужить!
Не всегда и грозди вьются!
Так скорей и пить, и жить!

Громкий смех над докторами!
При плесканьи полных чаш
Верьте мне, Игея с нами,
Сам Лиэй целитель наш!

Светлый мозель восхищенье
Изливает в нашу кровь!
Пейте ж с ним вы мук забвенье
И болтливую любовь.

Выпили? Еще! Веселье
Пышет розой по щекам,
И беспечное похмелье
Уж манит Эрота к нам.

Между 1814 и 1817

40. ЖАВОРОНОК

Люблю я задумываться,
Внимая свирели,
Но слаще мне вслушиваться
В воздушные трели
Весеннего жаворонка!

С какою он сладостию
Зарю величает!
Томлением, радостию
Мне душу стесняет
Больную, измученную!

Всю зиму окованная
Земля оживает,
И, им очарованная,
Сильнее пылает
Любовью живительною.

Как ловит растерзанная
Душа его звуки!
И, сладко утешенная,
На миг забыв муки,
На небо не жалуется!

Между 1814 и 1817

41. ЭЛИЗИУМ ПОЭТОВ

За мрачными Стигийскими брегами,
Где в тишине Элизиум цветет,
Минувшие певцы гремят струнами,
Их шумный глас минувшее поет.

Толпой века в молчании над ними,
Облокотясь друг на друга рукой,
Внимают песнь и челами седыми
Кивают, бег воспоминая свой.

И изредка веками сонм почтенный
На мрачный брег за Эрмием грядет —
И с торжеством в Элизиум священный
Тень Гения отцветшего ведет.

Их песнь гремит: «Проклят, проклят богами,
Кто посрамил стихами муз собор!»
О, горе! он чугунными цепями,
Как Прометей, прикован к темю гор;

Вран зависти льет хлад в него крылами
И сердце рвет, и фурий грозный взор
Разит его: «Проклят, проклят богами!»
С шипеньем змей их раздается хор.

— О юноша с невинною душою,
Палладою и Фебом озарен,
Почто ступил ты дерзкою ногою
За Кипрою, мечтами ослеплен?

Почто, певец, когда к тебе стучалась
Прелестница вечернею порой,
И тихо грудь под дымкой колебалась,
И взор светлел притворною слезой,

Ты позабыл твой жребий возвышенный
И пренебрег душевной чистотой,
И, потушив в груди огонь священный,
Ты Бахуса манил к себе рукой.

И Бассарей с кистями винограда
К тебе пришел, шатаясь на ногах.

С улыбкой рек: «Вот бедствиям отрада,
Люби и пей на дружеских пирах».

Ты в руки ковш — он выжал сок шипящий,
И Грация закрылася рукой,
И от тебя мечтаний рой блестящий
Умчался вслед невинности златой.

И твой удел у Пинда пресмыкаться,
Не будешь к нам ты Фебом приобщен!
Блажен, кто мог с невинностью пробраться
Чрез этот мир, возвышенным пленен.

Между 1814 и 1817

42. РАЗГОВОР С ГЕНИЕМ

Кто ты, светлый сын небес!
Златокудрый, быстрокрылый?
Кто тебя в сей дикий лес,
Сей скалы в вертеп унылый,
Под обросший мхами свод,
К бездне, где с рожденья мира
С эхом гор поток ревет,
Приманил от стран эфира?

Что твой пламенник погас?
Что твой образ омрачился?
Что жемчуг скорбящих глаз
По щекам засеребрился?
Почему твое чело
Потемнело, развенчалось?
Или быстрое крыло
От паренья отказалось?

Не найдешь и на земли
Ты веселое жилище!
Вот, где розы расцвели —

Там родное пепелище,
Там страна, где я расцвел,
Где, лелеемый мечтою,
Я любовь и радость пел,
Побежим туда со мною.

Смертный я, и в сих местах,
Посвященных запустенью,
Чувствую холодный страх,
Содрогаюся биенью
Сердца робкого в груди.
Здесь я как-то заблудился.
Добрый бог! со мной поди
К тем садам, где я родился.

Гений

Нет, туда мы не пойдем,
Там прольем мы только слезы,
То не твой уж светит дом,
Не твои блистают розы!
Там тебя отцу не ждать,
Там заботливо к порогу
Не подходит часто мать
И не смотрит на дорогу,

Там младенец имя «брат»
Лепетать не научился,
Чтоб отца внезапно взгляд
Прояснел и ослезился;
Там и резвый хоровод
Возле хижины пустынной
Не сестра твоя ведет
Песней звонкой и невинной,—

Рок привел к чужой стране
Челн с твоей семьей родимой.
Может, горести одне
Примут в пристань их незримо?
Может? Нет, ты обоймешь
(Будет веры исполненье!)
Мать, отца — всех, кем живешь,
С кем и муки — наслажденье!

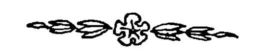
А меня ужели ты
Не узнаешь? Я твой Гений,
Я учил тебя мечты
Напевать в домашней сени;
Сколько смертных — столько нас;
Мы, посланники Зевеса,
Охраняем, тешим вас
От пелен до врат Айдеса!

Но, любя,— ужель судьбе
Нам покорствовать не больно?
Не привязанный к тебе,
Я бы, неба житель вольный,
Полетел к родной стране,
К ним, к товарищам рожденья,
С кем в священной тишине
Я вздохнул для наслажденья.

Вам страдать ли боле нас?
Вы незнанием блаженны,
Часто бездна видит вас
На краю, а напенённый
С криком радости фиал
Обегает круг веселый,
Часто Гений ваш рыдал,
А коварный сын Семелы,

С Купидоном согласясь,
Вел, наставленный судьбою,
Вас, играя и смеясь,
К мрачной гибели толпою.
Будем тверды, перейдем
Путь тяжелых испытаний,
Там мы счастье обретем,
Там — в жилище воздаяний!

Между 1814 и 1817

43. К К⟨НЯЖНЕ⟩ Т. В⟨ОЛКОНСКОЙ⟩

К чему на памятном листке мне в вас хвалить
Ума и красоты счастливое стеченье?
Твердить, что видеть вас уж значит полюбить
И чувствовать в груди восторги и томленье?
Забавно от родни такое восхищенье,
И это все другой вам будет говорить!
Но счастья пожелать и доброго супруга,
А с ним до старости приятных, светлых дней —
Вот все желания родни и друга
Равно и для княжны, и для сестры моей.

Между 1814 и 1817

44. ФАНИ

(Горацианская ода)

Мне ль под оковами Гимена
Все видеть то же и одно?
Мое блаженство — перемена,
Я дев меняю, как вино.

Темира, Дафна и Лилета
Давно, как сон, забыты мной,
И их для памяти поэта
Хранит лишь стих удачный мой.

Чем с девой робкой и стыдливой
Случайно быть наедине,
Дрожать и миг любви счастливой
Ловить в ее притворном сне —

Не слаще ли прелестной Фани
Послушным быть учеником,
Платить любви беспечно дани
И оживлять восторги сном?

Между 1814 и 1817

45. К А. С. ПУШКИНУ

Как? житель гордых Альп, над бурями парящий,
Кто кроет солнца лик развернутым крылом,
Услыша под скалой ехидны свист шипящий,
Раздвинул когти врозь и оставляет гром?

Тебе ль, младой вещун, любимец Аполлона,
На лиру звучную потоком слезы лить,
Дрожать пред завистью и, под косою Крона
Склоняся, дар небес в безвестности укрыть?

Нет, Пушкин, рок певцов — бессмертье, не забвенье,
Пускай Армениус, ученьем напыщен,
В архивах роется и пишет рассужденье,
Пусть в академиях почетный будет член,

Но он глупец — и с ним умрут его творенья!
Ему ли быть твоих гонителем даров?
Брось на него ты взор, взор грозного презренья,
И в малый сонм вступи божественных певцов.

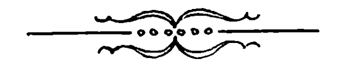
И радостно тебе за Стиксом грянут лиры,
Когда отяготишь собою ты молву!
И я, простой певец Либера и Темиры,
Пред Фебом преклоня молящую главу,

С благоговением ему возжгу куренье
И воспою: «Хвала, кто с нежною душой,
Тобою посвящен, о Феб, на песнопенье,
За гением своим прямой идет стезей!»

Что зависть перед ним, ползущая змеею,
Когда с богами он пирует в небесах?
С гремящей лирою, с любовью молодою
Он Крона быстрого и не узрит в мечтах.

Но невзначай к нему в обитель постучится
Затейливый Эрот младенческой рукой,
Хор смехов и харит в приют певца слетится
И слава с громкою трубой.

1816 или 1817

46. ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЬ ВОСПИТАННИКОВ ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ЛИЦЕЯ

Хор

Шесть лет промчалось, как мечтанье,
В объятьях сладкой тишины,
И уж отечества призванье
Гремит нам: шествуйте, сыны!

1-й голос

О матерь! вняли мы призванью,
Кипит в груди младая кровь!
Длань крепко съединилась с дланью,
Связала их к тебе любовь.
Мы дали клятву: все родимой,
Все без раздела — кровь и труд.
Готовы в бой неколебимо,
Неколебимо — правды в суд.

Хор

Шесть лет промчалось, как мечтанье,
В объятьях сладкой тишины,
И уж отечества призванье
Гремит нам: шествуйте, сыны!

2-й голос

Тебе, наш царь, благодаренье!
Ты сам нас юных съединил
И в сем святом уединенье
На службу музам посвятил!
Прими ж теперь не тех веселых
Беспечной радости друзей,
Но в сердце чистых, в правде смелых,
Достойных благости твоей.

Хор

Шесть лет промчалось, как мечтанье,
В объятьях сладкой тишины,
И уж отечества призванье
Гремит нам: шествуйте, сыны!

3-й голос

Благословите положивших
В любви отечеству обет!
И с детской нежностью любивших
Вас, други наших резвых лет!
Мы не забудем наставлений,
Плод ваших опытов и дум,
И мысль об них, как некий гений,
Неопытный поддержит ум.

Хор

Простимся, братья! Руку в руку!
Обнимемся в последний раз!
Судьба на вечную разлуку,
Быть может, здесь сроднила нас!

4-й голос

Друг на́ друге остановите
Вы взор с прощальною слезой!
Храните, о друзья, храните
Ту ж дружбу с тою же душой,
То ж к славе сильное стремленье,
То ж правде — да, неправде — нет.
В несчастье — гордое терпенье,
И в счастье — всем равно привет!

Финал

Шесть лет промчалось, как мечтанье,
В объятьях сладкой тишины,
И уж отечества призванье
Гремит нам: шествуйте, сыны!
Прощайтесь, братья, руку в руку!
Обнимемся в последний раз!
Судьба на вечную разлуку,
Быть может, здесь сроднила нас!

Апрель или май 1817

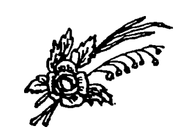

47. К ПУЩИНУ

(В альбом)

Прочтя сии разбросанные строки
С небрежностью на памятном листке,
Как не узнать поэта по руке,
Как первые не вспомянуть уроки,
Как не сказать на дружеском столе:
«Друзья, у нас есть друг и в Хороле!»

Май 1817

48. К А. Д. ИЛЛИЧЕВСКОМУ

(В альбом)

Пока поэт еще с тобой,
Он может просто, не стихами,
С твоей беседовать судьбой,
Открытой пред его глазами.

Но уж пророчественный глас
Мне предсказал друзей разлуку,
И рок в таинственную руку
Уж забрал жребии для нас.

Готовься ж слышать предвещанья,
Страшись сей груди трепетанья
И беспорядка сих власов!

Все, все грядущее открою!
Читай,— написаны судьбою
Вот строки невидимых слов.
. . . .
. . . .

Май 1817

49. К ШУЛЬГИНУ

Прощай, приятель! От поэта
Возьми на память пук стихов.
Бог весть, враждебная планета
В какой закинет угол света
Его, с младых еще годов
Привыкшего из кабинета
Не выставлять своих очков?
Бог весть, увидим ли разлуку,
Перекрестясь, мы за собой?
Как обнимусь тогда с тобой!
Рука сама отыщет руку,
Чтоб с той же чистою душой —
Но, может быть, испившей муку,—
Схватить ее и крепко сжать!
Как дружных слов простому звуку
Мне будет весело внимать!
Ты, может быть!.. но что мечтами,
Что неизвестным мучить нас?
Мне ль спорить дерзко со слезами,
Потечь готовыми из глаз?
Что будет — будет! с небесами
Нельзя нам спорить, милый друг!
Останься ж с этими стихами
До первого пожатья рук.

Май 1817

50. К КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

И будет жизнь не в жизнь и радость мне не в радость,
Когда я дни свои безвестно перечту
И столь веселым мне блистающую младость,
С надеждами, с тоской оставлю, как мечту.
Когда, как низкий лжец, но сединой почтенный,
Я устыжусь седин, я устыжусь тебя,
Мой друг, вожатый мой в страну, где ослепленный,
Могу, как Фаэтон, я посрамить себя;

Когда о будущем мечтаний прежних сладость
Не усладит меня, а будет мне в укор
И, светлый, гаснущим и робким взглянет взор,—
Тогда и жизнь не в жизнь и младость мне не в младость!

И будет жизнь не в жизнь и младость мне не в младость,
Когда души моей любовь не озарит
И, сотворенная мне в счастие и радость,
Не принесет мне их, а сердце отравит.
Когда младой груди я видел трепетанье,
Уст слышал поцелуй, ловил желанья глаз,
И, не завидуя, счастливый в ожиданье,
Когда, измученный, не буду знать я вас,—
Тогда к чему мне жизнь, к чему мне в жизни младость,
И в младости зачем восторги и мечты?
Я для того ль срывал их вешние цветы,
Чтоб жизнь была не в жизнь и радость мне не в радость?

Май 1817

51. К ДРУЗЬЯМ

Я редко пел, но весело, друзья!
Моя душа свободно разливалась.
О Царский сад, тебя ль забуду я?
Твоей красой волшебной забавлялась
Проказница фантазия моя,
И со струной струна перекликалась,
В согласный звон сливаясь под рукой,—
И вы, друзья, талант любили мой.

Все ж песни вам от сельского поэта!
Любите их за то хоть, что мои.
Бог весть куда умчитесь в шуме света
Все вы, друзья, все радости мои!
И может быть, мечты моей Лилета
Там будет мне мучением любви;
А дар певца, лишь вам в пустыне милый,
Как василек, не доцветет унылый.

Май 1817

52. В АЛЬБАУМ

Не мило мне на новоселье,
Здесь все увяло, там цвело,
Одно и есть мое веселье —
Увидеть Царское Село!

— Что ты, цветочек, увядаешь,
Мной сорванный с родных полей?
Иль, гость весенний, ты не знаешь
Завидной участи своей?
Гордись, гордись! — благоухаешь
Ты в злате Лилиных кудрей!
— «О, кудри мягки, их дыханье
Благоуханней пышных роз;
Но в злате их мне жизнь — страданье,
А счастье там, где я возрос!»
— Цветок мой, тише! Сколько Лилой
Потратится жемчужных слез,
Когда сей жалобе унылой
Пришлось и ей со мной внимать!
Ты жалок мне, цветочек милый!
— «Что сожалеть! Зачем срывать!»

Июнь (?) 1817

53. К И. И. ПУЩИНУ

(4-го мая)

О друг! в сей незабвенный час
Пади перед пенатом
И, съединя с друзьями глас,
Фалернским непочатым
Фиал наполнивши вином,
Излей перед богами,
Да благо на пути твоем
Прольют они реками.

Держа могущею рукой,
Твой пестун и хранитель

Еще от младости златой
Твой был путеводитель.
И ты без трепета протек
Цветущею стезею,
И в юность он тебя вовлек
Могущею рукою.

И вся природа пред тобой
Свой вид переменила!
Бывало, к розе полевой
Тебя игра манила.
И с лепетаньем ветерок
Меж розами скрывался,
Срывая с рук твоих цветок,
Тобою забавлялся.

А ныне грудь твоя полна
Неизъяснимой силой,
Везде душа твоя одна,
Везде с мечтой унылой.
И позабыл ты звук мечей
И копий ряд летящий,
И уж не льстит душе твоей
Фортуны шар парящий.

И гений днесь тебя влечет
Волшебною долиной,
Где купол к небесам несет
Над страшною пучиной.
В сени дубрав Киприды храм
С паросскими столпами,
И пред богиней фимиам
Возносится с мольбами.

Амура загремит стрела!
И нимф младых подруга
Тебе с улыбкой уж дала
Название супруга.
Друзья придут в твой светлый дом,
И, младость вспоминая,
Наполнит чаши нам вином
Твоя жена младая!

1817?

54. А. С. ПУШКИНУ

(Из Малороссии)

А я ужель забыт тобою,
Мой брат по музе, мой Орест?
Или нельзя снестись мечтою
До тех обетованных мест,
Где я зовуся *чернобривым,*
Где девы, климатом счастливым
Воспитанные в простоте
(Посмейся мне!), не уступают
Столичным дамам в красоте,
Где взоры их мне обещают
Одну веселую любовь,
Где для того лишь изменяют,
Чтобы пленить собою вновь? —
Как их винить? — Сама природа
Их баловница на лугах;
Беспечных мотыльков свобода,
Разнообразие в цветах
И прелесть голубого свода,
В спокойных влитого водах,
Лежащих в шумных камышах,
И яблонь тихая прохлада,
И лунных таинство ночей,
Когда любовник в мраке сада
Ждет умирание огней,
Когда душа его томится
И ожиданьем и тоской,
И даже ветерка страшится
И свиста иволги лесной —
Все манит здесь к изменам, к неге,
Все здесь твердит: «Чета любви!
Любовь летит — лови, лови!»

Но в тряской, скачущей телеге,
Мой друг, приятно ли мечтать?
И только мысль: тебя обнять,
С тобой делить вино, мечтанья
И о былом воспоминанья —
Меня в ней может утешать.

1817

55. ПРИЗВАНИЕ

Дева, дева! в сень дубровы,
К речке, спящей в камышах,
Приходи: Эрот суровый
Мне уж в трех являлся снах!

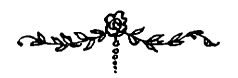
Две стрелы спустил он с лука
К двум противным сторонам —
Знаю, нам грозит разлука,
Сердце верит вещим снам.

Скоро ль тяжкие мученья
Усладишь лобзаньем ты
И мгновеньем наслажденья
Утолишь мои мечты?

Друг, поверь, что я открою:
Время с крыльями! — лови!
Иль оно умчит с собою
Много тайного в любви!..

Бойся строгого Гимена!
За решеткой и замком
Знает разницу Климена
Быть в венке и под венцом.

1817

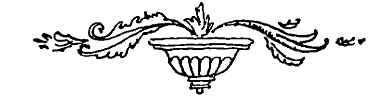
56. МОЯ ХИЖИНА

Когда я в хижине моей
Согрет под стеганым халатом,
Не только графов и князей —
Султана не признаю братом!
Гляжу с улыбкою в окно:
Вот мой ручей, мои посевы,
Из гроздий брызжет тут вино,
Там птиц домашных полны хлевы,
В воде глядится тучный вол,
Подруг протяжно призывая,—
Все это в праздничный мой стол
Жена украсит молодая.

А вы, моих беспечных лет
Товарищи в веселье, в горе,
Когда я просто был поэт
И света не пускался в море —
Хоть на груди теперь иной
Считает ордена от скуки,
Усядьтесь без чинов со мной,
К бокалам протяните руки,
Старинны песни запоем,
Украдем крылья у веселья,
Поговорим о том о сем,
Красноречивые с похмелья!

Признайтесь, что блажен поэт
В своем родительском владенье!
Хоть на ландкарте не найдет
Под градусами в протяженье
Там свой овин, здесь огород,
В ряду с Афинами иль Спартой;
Зато никто их не возьмет
Счастливо выдернутой картой.

1818

57. ОСЕННЯЯ КАРТИНА

Когда земля отдаст плоды
Трудов зимы, весны и лета
И, желтой мантией одета,
Везде печальные следы
Являет роскоши минувшей,
Подобно радости, мелькнувшей
Быстрее молнии небес;
Когда вершиной черный лес,
Шумя, качает над туманом
И, запоздалый, с океаном
Усталый борется пловец,
Тебе, Нептун, дает обеты,
Чтоб не испить с струею Леты
Отрады горестных сердец,—

Я на коне скачу ретивом
И по горам, и по полям,
И вихрем веселюсь игривым,
Который мчится по степям
Из-под копыт с листом и прахом;
И селянин его, со страхом
Под вечер торопясь домой,
Бродящей тенью почитает,
Которую Харон седой
В Аидов дом не пропускает;
Ее протяжный слышен вой,
Он погребенья умоляет.

1818

58. К ИЛЛИЧЕВСКОМУ

(В Сибирь)

Я благотворности труда
Еще, мой друг, не постигаю!
Лениться, говорят, беда —
А я в беде сей утопаю
И, пробудившись, забываю,
О чем заботился вчера.
Мне иногда твердят: «Пора
Сдавить стихи твои станками,
Они раскупятся друзьями,
Друзья им прокричат «ура!»
Веселые за полной чашей.
Тогда, сударь, от славы вашей
Или от вашего вина
Заговорит вся сторона
От Бельта до Сибири скучной,
Куда с запиской своеручной
Пошлете другу толстый том».
Все хорошо, но я не в том
Свое блаженство полагаю:
За стих не ссорюся с умом
И рифму к рифме приплетаю,
Лениво глядя за пером.
Напишет мне — я прочитаю.

Я прочитаю их друзьям:
Люблю внимать я похвалам,
Когда их похвалы достоин.
И я слыхал, худой тот воин,
Кто быть не думает вождем!
Так мыслю я, меж тем пером
Мешая истину с мечтами,
Почти забыл, что мы с тобой
Привыкли говорить сердцами,—
Забыл, что друг далекий мой,
Прочтя мою систему лени,
Но неизвестный о друзьях,
По почте мне отправит пени
Наместо нежных уверений,
Что он и в дальных тех странах
Своих друзей не забывает,
Где мир, дряхлеющий во льдах,
Красою дикой поражает;
Что, как мелькнувшая весна
Там оживляет все творенье,
Так о друзьях мечта одна
Его приводит в восхищенье,
Его уносит в светлый край
Златых надежд, воспоминаний,
Где нет забот, где нет страданий
И слова грозного «прощай!»
Будь счастлив, друг! не забывай
Веселых дней очарованья
И резвых спутников твоих!
Вот непритворные желанья
Далекому от круга их,
От круга радости веселой,
Где дружба нас и сын Семелы
Привыкли часто собирать,
Где можно все заботы света
С мундиром, с фраком скидавать,
Без лести похвалить поэта
И обо всем потолковать.

1818

59. К Е. А. КИЛЬШТЕТОВОЙ

Я виноват, Елена! перед вами,
Так виноват, что с вашими глазами
Не знаю как и встретиться моим!
А знаете ль, как это больно им?
Ах, для меня на свете все постыло,
Коль не глядеть на то, что сердцу мило,
Коль свежих уст улыбку не поймать,
Мелькнувшую по вспыхнувшим ланитам,
И грудь под дымкою не наблюдать,
Какую бы, скажу назло пиитам,
Дай бог иметь и греческим харитам.
Подумайте ж, как трудно мне лишать
Свои глаза тех сладостных мгновений,
Когда б они *на вас могли* взирать
И ваших ждать, как божьих, повелений.
А как велеть медлительной руке
Все уписать на памятном листке,
О чем всегда я мыслю и мечтаю,
Что сам себе за тайну поверяю!
Нет, не могу, Елена! Пусть иной
Вас назовет богинею весной,
Иль Душенькой, или самой Венерой;
Пускай он, слух обворожая наш,
Опишет вас прекрасной, страстной мерой!
И сей портрет не будет, верно, ваш!
Вы на богинь не схожи, не жалейте!
Тщеславия пустого не имейте
Похожей быть на мрамор! Фидий сам
Признался бы, что он подобной вам
Обязан был прелестным идеалом
Своих богинь. Их вера покрывалом
Задернула, и освятил обман,
И окружен был чернью истукан.
И может быть, виновница их славы
Ходила тож просить богинь забавы,
Чтобы всегда был Фидий верен ей.
Тебя ль забыть! Ты красоте своей,
А не мольбе обязана, гречанка.
И милая, младая россиянка
Захочет ли, чтоб кто ее сравнил,
И в похвалу, с ее ж изображеньем?
Куда бы я попал с таким сравненьем?
Нет, хорошо, что вас я не хвалил!

1818

60

В сей книге, в кипе сей стихов
Найдут следы моих мечтаний,
Которые, как жизнь блестящих мотыльков,
Как сны волшебные младенческих годов,
Исчезли — а меня с толпой забот, страданий
Оставили бороться одного.
Я благодарен вам, о боги! ничего
Не нужно для моих умеренных желаний.
Я много получил, чтобы в родной стране,
Трудяся, счастливой предаться тишине:
Спокойствие души, запас воспоминаний
И бедный к песням дар, но *вами ж данный мне.*

13 ноября 1818

61. УТЕШЕНИЕ БЕДНОГО ПОЭТА

Славы громкой в ожиданьи
Много я терплю,
Но стихов моих собранье
Все хранить люблю.

Мне шепнули сновиденья:
«Закажи ларец,
Спрячь туда свои творенья
И залей в свинец!

Пусть лежат! чрез многи лета,
Знай, придет пора,
И четыре факультета
Им вскричат „ура!“».

Жду и верю в исполненье!
Пролетят века.
И падет на их творенье
Времени рука.

Пышный город опустеет,
Где я был забвен,

И река позеленеет
Меж упадших стен.

Суеверие духáми
Башни населит,
И с упадшими дворцами
Ветр заговорит.

Но напрасно сожаленье!
Здесь всему черед!
И лапландцам просвещенье
Весело блеснет.

К нам ученые толпою
С полюса придут
И счастливою судьбою
Мой ларец найдут.

В Афинее, осторожно
Свиток разверня,
Весь прочтут и, сколь возможно,
Вознесут меня:

«Вот Дион, о, сам Гораций
Подражал ему!
А Лилета — дело граций,
Образец уму!»

Сколько прений появится:
Где, когда я жил,
Был ли слеп, иль мне родиться
Зрячим бог судил?

Кто был Лидий, где Темира
С Дафною цвела,
Из чего моя и лира
Сделана была?

Други, други, обнимите
С радости меня,
Вы ж, зоилы, трепещите —
Помните, кто я.

⟨1819⟩

62. ЭПИТАФИЯ

(Экспромт)

Прохожий! здесь лежит философ-человек,
Он проспал целый век,
Чтоб доказать, как прав был Соломон,
Сказав: «Все суета! все сон!»

⟨1819⟩

63. ПЕСНЯ

Как ни больно сердца муки
Схоронять в груди своей,
Но больнее в час разлуки
Не прижать родную к ней,

Не услышать слово «милый»,
Не понять понятный взгляд
И мучений ждать уныло
Вместо всех себе наград.

Все ж не больно, есть больнее,
Чем страдаю, что терплю!
Я б хотел любить нежнее,
Некому ж сказать «люблю».

Сердце ищет разделиться,
Но кого и где найти?
Как слезам из глаз не литься,
Как цветку не отцвести.

⟨1819⟩

64. К ЕВГЕНИЮ

За то ль, Евгений, я Гораций,
Что пьяный, в миртовом венке,
Пою вино, любовь и граций,
Как он, от шума вдалеке,
И что друзей люблю — старинных,
А жриц Венеры — молодых.

Нет, лиру высоко настроя,
Не в силах с музою моей
Я славить бранный лавр героя
Иль мирные дела судей —
Мне крыльев не дано орлиных
С отверстым поприщем для них.

К тому ж напрасно муза ищет
Теперь героев и судей!
Дамон бичом отважно хлыщет
По стройному хребту коней,
А Клит в объятиях Цирцеи
Завялою душою спит.

Кого ж мне до вершин Парнаса,
Возвыся громкий глас, вознесть?
Иль за ухо втащить Мидаса
И смех в бессмертных произвесть?
Вернее в храме Цитереи,
Где сын ее нам всем грозит,

Благоуханной головою
Поникнув, Лидии младой
Приятно нежить слух игрою,
Воспеть беспечность и покой,
И сладострастия томленье,
И пламенный восторг любви,

Покинуть гордые желанья,
В венок свой лавров не вплетать
И в час веселого мечтанья
Тихонько Флакку подражать
В науке дивной, в наслажденьи,
И с ним забавы петь свои.

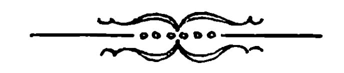
1819

65. Е. А. Б—ВОЙ

(ОТСЫЛАЯ ЕЙ ЗА ГОД ПРЕД ТЕМ ДЛЯ НЕЕ ЖЕ НАПИСАННЫЕ СТИХИ)

Когда Амур еще был вашим богом
И грации вас кликали сестрой,
Когда самой Психее красотой
Вы уступить могли, ей-ей! не в многом —
Я как поэт, как важной музы жрец,
Лишь истине и красоте служащий,
Дерзал вас петь и свежестью блестящий
Вам из цветов парнасских плел венец,
И, признаюсь, я часто в восхищеньи
Вас представлял читающих тайком
Мои стихи в безмолвном умиленьи
И жадно ждал, когда своим певцом,
Счастливого, меня вы назовете
И уголок мне в сердце отведете!
Я так мечтал! Вдруг добрый Гименей
Сменил у вас повесу Купидона,
И от харит вас приняла Юнона —
Я в радости возжег мастики ей
(Хотя не так люблю я эту даму:
Не стыдно ли ей к мужу ревновать?)
И написал притом эпиталаму.
Но вот беда! мне страшно показать
Вам прежние стихи мои, Елена!
Что, если ваш супруг, хоть он поэт
(Но у меня к женатым веры нет),
Вообразит, что я согнул колена,
Как влюбчивый пред вами Селадон!
Нет, можно ли, чтоб так ошибся он?
Мне нечего поэта опасаться!
Я вас предам потомству, хоть в мечте:
Он знает, мы привыкли поклоняться,
Как божествам, уму и красоте.

1819

66

Друзья, поверьте, не грешно
Любить с вином бокал:
Вино на радость нам дано,
Царь Соломон сказал.
Будь свят его закон!
Солгать не смел ты так в Библии дерзко,
Мудрец и певец Соломон!

Что ж Соломону вопреки
Глупцы вино бранят?
Простить им можно: дураки
Не знают, что творят.
Таков второй закон!
Хмельной, забыл о нем в Библии, верно,
Мудрец и певец Соломон.

Любил плясать король Давид,
А что же Соломон?
Он о прыжках не говорит;
Вино все хвалит он!
Великий Соломон!
Друзья! признайтеся, в Библии точно
Мудрец и певец первый он.

1819

67. В ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНЬЯ

С годом двадцать мне прошло!
Я пирую, други, с вами,
И шампанское в стекло
Льется пенными струями.
Дай нам, благостный Зевес,
Встретить новый век с бокалом!

О, тогда с земли без слез,
Смерти мирным покрывалом
Завернувшись, мы уйдем
И, за мрачными брегами
Встретясь с милыми тенями,
Тень *аи* себе нальем.

6 августа 1819

68. ВИДЕНИЕ

(Кюхельбекеру)

В священной роще я видел прелестную
В одежде белой и с белою розою
На нежных персях, дыханьем легким
Колеблемых;

Венок увядший, свирель семиствольная
И посох деву казали пастушкою;
Она сидела пред урною, из-
ливающей

Источник светлый, дриад омовение,—
По плечам кудри, свиваяся, падали.
«Кто ты? — я думал,— откуда, гостья
Небесная?

Не ты ли радость, любимица Зевсова?
Но ты уныла! Не ты ли Фантазия,
Подруга граций и муз, о небе
Поющая?

Иль, может, призрак, душа отлученная
От нашей жизни, впоследнее слушаешь
И шепот листьев, и плеск и лепет
Источника?»

Но взор желанья, на волны потупленный,
Но вера в счастье, беспечность невинности
В простых движеньях, в лице являясь,
Прелестную

Моею звали сестрой по созданию.
Вдали за рощей и девы и юноши
Хвалили Вакха и в хороводах
Кружилися;

Сатиры, фавны, в порывах неистовых,
Делили с ними земные веселия
И часто, в рощу вбежав, над девой
Смеялися.

Она в молчаньи фиалки и лилии
В венок вплетала. О други, поверите ль,
Какое чудо в очах поэта
Свершилося!

Еще восторги во мне не потухнули,
Священный ужас томит меня, волосы
Дрожат, я слышу, глаза не видят,
Не движутся.

Вотще манила толпа, упоенная
И негой страсти и жизнию младости,
Во храм роскошный златой Киприды
Невинную!

Она молчала, не зрела, не слушала!
Вдруг ужас, смертным доселе неведомый,
Погнал от рощи непосвященных,
И амброю

Древа дохнули, запели пернатые,
Источник стихнул, и все обновилося,
Все отозвалось мне первым утром
Создания,

Прекрасным мигом рожденья Кипридина
Из недр Фетиды, Олимпом ликующим,
Когда с улыбкой Зевес внимает
Гармонии.

И ждал я чуда в священном безмолвии!
Вдруг дева с криком веселья воспрянула,
Лазурный облак под ней, расстлавшись,
Заискрился,

Одежда ярким сияньем осыпалась,
К плечам прильнули крыле мотыльковые,
И Эрос [1] принял ее в объятья
Бессмертные!

Все небо плескам созданья откликнулось,
Миры и солнца в гармонии по́плыли,
И все познали Хаос улыбкой
Разгнавшего,

Любовь, связь мира, дыханье бессмертия,
Тебя познали, начала не знающий,
О Эрос! счастье, воздатель чистой
Невинности.

Ты видел в юной любовь непорочную,
Желанье неба, восторгов безоблачных,
Души, достойной делиться с нею
Веселием;

И тщетно взором искал между смертными
Ты ей по сердцу и брата, и равного!
Вотще! Для неба цветет в сей жизни
Небесное!

Метатель грома здесь сеет высокое,
Святое — музы, ты ж, дивной улыбкою
Миры создавший,— красу, невинность
И радости!

---

[1] *Эрос* — любовь, первый и древнейший бог греческой мифологии, создатель вселенной, не имеющий начала, и отец всех богов. Мы встречаем в стихотворцах, и особенно в философах Александрийской школы, другого еще Эроса, сына, а иногда брата Венеры Урании, бога чистой любви, которого не должно смешивать с Купидоном, греческим Приапом, известным из творений новейших поэтов под названиями Амура, Эрота и Цихрепора. Здесь оба божества слиты в одно, как то часто случается у поэтов греческих, например Гелиос и Аполлон, Немезида и Венера, Немезида и Диана нередко означают разных, нередко одних и тех же богов и богинь. (Примеч. первой публикации.— *Сост.*)

Лишь ты небесный супруг непорочности!
С тобой слиявшись, она, упоенная,
В эфире скрылась! Тебя я славлю,
Божественный.

1819 или 1820

69. КУПИДОНУ

Сидя на льве, Купидон будил радость могущею лирой,
И африканский лев тихо под ним выступал.
Их ваятель узрел, ударил о камень — и камень
Гения сильной рукой в образе их задышал.

1819 или 1820

70. ПОЭТ

Что до богов? Пускай они
Судьбами управляют мира!
Но я, когда со мною лира,
За светлы области эфира
Я не отдам златые дни
И с сладострастными ночами.
Пред небом тщетными мольбами
Я не унижуся, нет, нет!
В самом себе блажен поэт.

Всегда, везде его душа
Найдет прямое сладострастье!
Ему ль расслабнуть в неге, в счастье?

Нет! взгляньте: в бурное ненастье,
Стихий свободою дыша,
Сквозь дождь он город пробегает,
И сельский Аквилон играет
На древних дикостью скалах
В его измокших волосах!

Познайте! Хоть под звук цепей
Он усыплялся б в колыбели,
А вкруг преступники гремели
Развратной радостию в хмели —
И тут бы он мечте своей
Дал возвышенное стремленье,
И тут бы грозное презренье
Пороку грянуло в ответ,
И выше б Рока был Поэт.

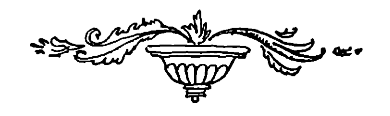
⟨1820⟩

71. УСПОКОЕНИЕ

В моей крови
Огонь любви!
Вотще усилья,
Мой Гиппократ!
Уж слышу — крылья
Теней шумят!
Их зрю в полете!
Зовут, манят —
К подземной Лете,
В безмолвный ад.

⟨1820⟩

72. ПЕРЕВОДЧИКУ ВИРГИЛИЯ

Ты переводчик, я читатель,
Ты усыпитель — я зеватель.

⟨1820⟩

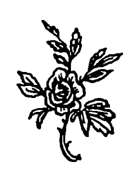

73. Ф. Н. ГЛИНКЕ

(ПРИСЫЛАЯ ЕМУ ГРЕЧЕСКУЮ АНТОЛОГИЮ)

Вот певцу Антология, легких харит украшенье,
Греческих свежих цветов вечно пленяющий пух!
Рви их, любимец богов, и сплетай из них русским каменам
Неувядаемые, в Хроновом царстве, венки.

⟨1820⟩

74. ЕВГЕНИЮ

Помнишь, Евгений, ту шумную ночь (и она улетела),
Когда мы с Амуром и Вакхом
Тихо, но смело прокралися в терем Лилеты?
И что же!
Бессмертные нам изменили!

К чаше! герои Киприды вином запивают победы!
Мы молоды — юность, как роза,
Мигом пленит и увянет! А радость? Она — Филомела
Прелестная! Только в дни розы,

Только в дни юности нам попоет сладкозвучные песни
И вспорхнет! За крылья златую!
Ты опутай летунью цветочною цепью, ты амброй
Окуривай перья и кудри,

Нежно рукою ласкай ее легко-упругие груди
И с резвою пой и резвися!
Будем стары и мы! Тогда, браня ветреность внука
Украдкой вздохнем и друг другу

Сладко напомним, седые! о наших любовных проказах
Измену Лилеты, в досаде
Нами разбитые вазы и Аргусов дикую стаю!
Но кто на героев Киприды?

Дерзкие пали, дверь отскочила, и мы отступили,
Хвалясь и победой, и мщеньем.
«Друг, все прошло,— ты шепнешь,— но при нас
еще дружба и Бахус
Дай руку и вспеним фиалы!»

⟨1820⟩

75. ЛЕКАРСТВА ОТ НЕСЧАСТИЙ

Если мне объявят боги:
«Здесь ты горе будешь пить!» —
Я скажу: «Вы очень строги!
Но я все ж останусь жить».

Горько ль мне — я разделяю
С милой слезы в тишине!
Что ж на небе, я не знаю,
Да и знать не нужно мне!

Мне великую науку
Дед мой доктор завещал:
«Дружбою,— он пишет,— скуку
И печаль я исцелял;

От любви лечил несчастной
Состаревшимся вином;
Вообще же безопасно
Все лечить несчастья — сном».

⟨1820⟩

76. РОМАНС

«Проснися, рыцарь, путь далек
До царского турнира,
Луч солнца жарок, взнуздан конь,
Нас ждет владыка мира!»

— «Оставь меня! Пусть долог путь
До царского турнира,
Пусть солнце жжет, пусть ждет иных
К себе владыка мира!»

— «Проснися, рыцарь, пробудись!
Сон по трудам — услада;
Спеши к столице! Царска дочь
Храбрейшему награда!»

— «Что мне до дочери царя?
Мне почестей не надо!
Пусть их лишусь, оставь мне сон,
Мне только в нем отрада!

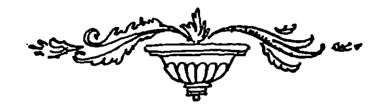
Имел я друга — друга нет,
Имел супругу — тоже!
Их взял создатель! Я ж молюсь:
К ним и меня, мой боже!

Ложусь в молитве, сон едва
Глаза покроет — что же?
Они со мной, всю ночь мое
Не покидают ложе.

Меня ласкают, говорят
О царстве божьем, нежно
Мне улыбаются, манят
Меня рукою снежной!

Куда? За ними! Но привстать
Нет сил! Что сплю я, знаю!
Но с ними жить и в сне я рад
И в сне их зреть желаю!»

⟨1820⟩

77. Г. КРИТИКУ ПОЭМЫ «РУСЛАН И ЛЮДМИЛЫ»

Хоть над поэмою и долго ты корпишь,
Красот ей не придашь и не умалишь! —
Браня — всем кажется, ее ты хвалишь;
Хваля — ее бранишь.

1820

78. К ЛАСТОЧКЕ

Что мне делать с тобой, докучная ласточка!
Каждым утром меня — едва зарумянится
Небо алой зарей и бледная Цинтия
Там в туманы покатится,—
Каждым утром меня ты криком безумолкным
Будишь, будто назло! А это любимое
Время резвых детей Морфея, целительный
Сон на смертных лиющего.
Их крылатой толпе Зефиры предшествуют,
С ними сам Купидон летает к любовникам
Образ милых казать и счастьем мечтательным
Тешить жертвы Киприлины.
Вот уж третью зарю, болтливая ласточка,
Я с Филидой моей тобой разлучаюся!
Только в блеске красы пастушка появится
Иль Психеей иль Гебою,
Только склонит ко мне уста пурпуровые,
И уж мой поцелуй, кипя нетерпением,
К ним навстречу летит, ты вскрикнешь — и милая
С грезой милой скрывается!
Ныне был я во сне бессмертных счастливее!
Вижу, будто бы я на береге Пафоса,
Сзади храм, вкруг меня мирты и лилии,
Я дышу ароматами.
Взор не может снести сиянья небесного,
Волны моря горят, как розы весенние,
Светлый мир в торжестве — и в дивном молчании
Боги к морю склонилися.—
Вдруг вскипели валы и пеной жемчужною
С блеском вьются к брегам, и звуки чудесные

Слух мой нежат, томят, как арфа Еолова;
Я гляжу — вдруг является...
Ты ль рождаешься вновь из волн, Аматузия?
Боги! пусть это сон! Филида явилася
С той же лаской в очах и с тою ж улыбкою.
Я упал и, отчаянный,
«Ах, богиня! — вскричал,— зачем обольстить меня?
Ты неверна, а я думал Филидою
Век мой жить и дышать!» — «Утешься, обманутый,
Милый друг мой! (воскликнула
Снова в наших лугах Филида, по-прежнему
В свежих ку́дрях с венцом, в наряде пастушеском) —
Друг, утешься, я всё...» Болтливая ласточка,
Ты крикунья докучная,
Что мне делать с тобой — опять раскличалася!
Я проснулся — вдали едва зарумянилось
Небо алой зарей, и бледная Цинтия
Там в туманы скатилася.

1820

79. ЭПИТАФИЯ

Завидуйте моей судьбе!
Меня счастливцы не искали,
Я век не думал о себе,
А не видал в глаза печали.

1820

80. КРЫЛОВУ

Уж я не тот поэт беспечный,
Товарищ резвый светлых дней,
Когда Эрот и Бассарей [1]

[1] Бахус.

Мне говорили: друг, мы вечны!
Пусть дни и годы скоротечны,
Но мы с тобой — люби и пей!
Ушли, ушли лета златые,
Когда от чаши круговой
Эрот, хариты молодые
И смехи шумною толпой
Меня влекли к ногам Эльвиры.
Крылов, в то время голос мой,
Под звуки вдохновенной лиры,
Непринужденно веселил
Веселостью непринужденной.
А ныне твой поэт, лишенный
Неопытных, но смелых крил,
Венком поблекшим украшенный,
На землю бедную ступил,
И опыт хладный заключил
Его в жестокие объятья.
В боязни Фебова проклятья
Ленюся я стихи писать,
Лишь иногда во дни ненастья
Люблю о вёдре вспоминать
И мной неведомого счастья
Поэтам-юношам желать.

1820 или 1821

81. В АЛЬБОМ П. А. СПА—КОЙ

Я не привык альбомы наполнять
Надеждами, желаньями и лестью.
А к вам еще (позвольте мне сказать)
Ужасною я пламенею местью.
Недели три и, помнится, с тех пор,
Когда альбом вы этот мне отдали,
Чтоб я, с пелен парнасских крохобор,
Вписал в его воздушные скрижали
Для памяти вам с рифмами кой-что.
Для памяти? Признаться, вряд ли кто
Похвалится такой судьбой завидной!
Итак, альбом вы помните, как видно,

Поболее знакомых ваших! Что ж?
Вам бог простит. Я ж на последний грош
Готов свечу пред образом поставить
И перед ним день целый пролежать,
Лишь только б мог вас хоть альбом заставить
Меня в часы безделья вспоминать.

1820 или 1821

82. К Е⟨ВГЕНИЮ⟩

Ты в Петербурге, ты со мной,
В объятьях друга и поэта!
Опять прошедшего мы лета,
О трубадур веселый мой,
Забавы, игры воскресили;
Опять нас ветвями покрыли
Густые рощи островов
И приняла на шумны волны
Нева и братьев, и певцов.
Опять веселья, жизни полный,
Я счастлив радостью друзей;
Земли и неба житель вольный
И тихой жизнию довольный,
С беспечной музою моей
Друзьям пою любовь, похмелье
И хлопотливое безделье
Удалых рыцарей стола,
За коим шалость и веселье,
Под звон блестящего стекла,
Поют, бокалы осушают
И громким смехом заглушают
Часов однообразный бой.
Часы бегут своей чредой!
Удел глупца иль Гераклита,
Безумно воя, их считать.
Смешно бы, кажется, кричать
(Когда, златым вином налита,
Обходит чаша вкруг столов
И свежим запахом плодов
Нас манят полные корзины),
Что все у бабушки Судьбины

В сей краткой жизни на счету,
Что старая то наслажденье,
То в списке вычеркнет мечту,
Прогонит радость; огорченье
Шлет с скукой и с болезнью нам,
Поссорит, разлучит нас с милой;
Перенесем, глядишь — а там
Она грозит нам и могилой.
Пусть плачут и томят себя,
Часов считают бой унылый!
Мы ж время измерять, друзья,
По налитым бокалам станем —
Когда вам петь престану я,
Когда мы пить вино устанем,
Да и его уж не найдем,
Тогда на утро мельком взглянем
И спать до вечера пойдем.

О, твой певец не ищет славы!
Он счастья ищет в жизни сей,
Свою любовь, свои забавы
Поет для избранных друзей
И никому не подражает.
Пускай Орестов уверяет,
Наш антикварий, наш мудрец,
Почерпнувший свои познанья
В мадам Жанлис, что твой певец
И спит, и пьет из подражанья;
Пусть житель Острова, где вам,
О музы вечно молодые,
Желая счастия сынам,
Вверяет юношей Россия,
Пусть он, с священных сих брегов,
Невежа злой и своевольный
И глупостью своей довольный,
Мою поносит к вам любовь:
Для них я не потрачу слов —
Клянусь надеждами моими,
Я оценил сих мудрецов —
И если б я был равен с ними,
То горько б укорял богов.

Август 1821

83. ПОДРАЖАНИЕ БЕРАНЖЕ

Однажды бог, восстав от сна,
Курил сигару у окна
И, чтоб заняться чем от скуки,
Трубу взял в творческие руки;
Глядит и видит вдалеке —
Земля вертится в уголке.
«Чтоб для нее я двинул ногу,
Черт побери меня, ей-богу!

О человеки всех цветов! —
Сказал, зевая, Саваоф,—
Мне самому смотреть забавно,
Как вами управляю славно.
Но бесит лишь меня одно:
Я дал вам девок и вино,
А вы, безмозглые пигмеи,
Колотите друг друга в шеи
И славите потом меня
Под гром картечного огня.
Я не люблю войны тревогу,
Черт побери меня, ей-богу!

Меж вами карлики-цари
Себе воздвигли алтари
И думают они, буффоны,
Что я надел на них короны
И право дал душить людей.
Я в том не виноват, ей-ей!
Но я уйму их понемногу,
Черт побери меня, ей-богу!

Попы мне честь воздать хотят,
Мне ладан под носом курят,
Страшат вас светопреставленьем
И ада грозного мученьем.
Не слушайте вы их вранья,
Отец всем добрым детям я;
По смерти муки не страшитесь,
Любите, пейте, веселитесь...
Но с вами я заговорюсь...

Прощайте! Гладкого боюсь!
Коль в рай ему я дам дорогу,
Черт побери меня, ей-богу!»

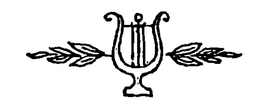
1821(?)

84. В АЛЬБОМ Б⟨АРАТЫНСКОМУ⟩

У нас, у небольших певцов,
Рука и сердце в вечной ссоре:
Одно тебе, без лишних слов,
Давно бы несколько стихов
Сердечных молвило, на горе
Моих воинственных врагов;
Другая ж лето все чертила
В стихах тяжелых вялый вздор,
А между тем и воды с гор
И из чернилицы чернила
Рок увлекал с толпой часов.
О, твой альбом-очарователь!
С ним замечтаться я готов.
В теченье стольких вечеров
Он, как старинный мой приятель,
Мне о былом воспоминал!
С ним о тебе я толковал,
Его любезный обладатель!
И на листках его встречал
Черты людей, тобой любимых
И у меня в душе хранимых
По доброте, по ласкам их
И образованному чувству
К свободно-сладкому искусству
Сестер бессмертно-молодых.

1821 или 1822

85. ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

«ES KANN SCHON NICHT IMMER SO BLEIBEN!»

(Посвящена Баратынскому и Коншину)

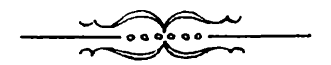
Ничто не бессмертно, не прочно
Под вечно изменной луной,
И все расцветает и вянет,
Рожденное бедной землей.

И прежде нас много веселых
Любило и пить, и любить:
Нехудо гулякам усопшим
Веселья бокал посвятить.

И после нас много веселых
Полюбят любовь и вино,
И в честь нам напенят бокалы,
Любившим и пившим давно.

Теперь мы доверчиво, дружно
И тесно за чашей сидим.
О дружба, да вечно пылаем
Огнем мы бессмертным твоим!

1822
Роченсальм, в Финляндии

86. СОНЕТ

Я плыл один с прекрасною в гондоле,
Я не сводил с нее моих очей;
Я говорил в раздумье сладком с ней
Лишь о любви, лишь о моей неволе.

Брега цвели, пестрело жатвой поле,
С лугов бежал лепечущий ручей,
Все нежилось.— Почто ж в душе моей
Не радости, унынья было боле?

Что мне шептал ревнивый сердца глас?
Чего еще душе моей страшиться?
Иль всем моим надеждам не свершиться?

Иль и любовь польстила мне на час?
И мой удел, не осушая глаз,
Как сей поток, с роптанием сокрыться?

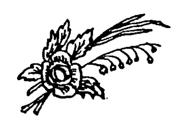
1822

87. (19 ОКТЯБРЯ 1822)

Что Илличевский не в Сибири,
С шампанским кажет нам бокал,
Ура, друзья! В его квартире
Для нас воскрес лицейский зал.
Как песни петь не позабыли
Лицейского мы Мудреца,
Дай бог, чтоб так же сохранили
Мы скотобратские сердца.

19 октября 1822

88

София, вам свои сонеты
Поэт с весельем отдает:
Он знает, от печальной Леты
Альбом ваш, верно, их спасет!

1822 или 1823

89. К А. Е. И⟨ЗМАЙЛОВУ⟩

Мой по каменам старший брат,
Твоим я басням цену знаю,
Люблю тебя, но виноват:

В тебе не все я одобряю.
К чему за несколько стихов,
За плод невинного веселья,
Ты стаю воружил певцов,
Бранящих все в чаду похмелья?
Твои кулачные бойцы
Меня не выманят на драку,
Они, не спорю, молодцы,
Я в каждом вижу забияку,
Во всех их взор мой узнает
Литературных карбонаров,
Но, друг мой, я не Дон-Кишот —
Не посрамлю своих ударов.

1822 или 1823

90. К МОРФЕЮ

Увы! ты изменил мне,
Нескромный друг, Морфей!
Один ты был свидетель
Моих сокрытых чувств,
И вздохов одиноких,
И тайных сердца дум.
Зачем же, как предатель,
В видении ночном
Святую тайну сердца
Безмолвно ты открыл?
Зачем, меня явивши
Красавице в мечтах,
Безмолвными устами
Принудил все сказать?
О! будь же, бог жестокий,
Будь боле справедлив:
Открой и мне взаимно,
Хотя в одной мечте,
О тайных чувствах сердца,
Сокрытых для меня.
О! дай мне образ милый
Хоть в призраке узреть;

И пылкими устами
Прильнув к ее руке...
Когда увижу розы
На девственном челе,
Когда услышу трепет
Стыдливой красоты,
Довольно — и, счастливец,
Я богу сей мечты
И жертвы благовонны,
И пурпурные маки
С Авророй принесу!

⟨1823⟩

91. К СОФИИ

За ваше нежное участье
Больной певец благодарит:
Оно его животворит;
Он молит: «Боже, дай ей счастье
В сопутники грядущих дней,
Болезни мне, здоровье ей!
Пусть я по жизненной дороге
Пройду и в муках, и в тревоге;
Ее ж пускай ведут с собой
Довольство, радость и покой».

Вчера я был в дверях могилы;
Я таял в медленном огне;
Я видел: жизнь, поднявши крылы,
Прощальный взор бросала мне;
О жизни сладостного чувства
В недужном сердце не храня,
Терял невольно веру я
Врачей в печальные искусства;
Свой одр в мечтах я окружал
Судьбой отнятыми друзьями,
В последний раз им руки жал,
Молил последними словами

Мой бедный гроб не провожать,
Не орошать его слезами,
Но чаще с лучшими мечтами
Мечту о друге съединять.

И весть об вас, как весть спасенья,
Надежду в сердце пролила;
В душе проснулися волненья;
И в вашем образе пришла
Ко мне порою усыпленья
Игея с чашей исцеленья.

Февраль 1823

92

Анахорет по принужденью
И злой болезни, и врачей,
Привык бы я к уединенью,
Привык бы к супу из костей,
Не дав испортить сожаленью
Физиономии своей;
Когда бы непонятной силой
Очаровательниц иль фей
На миг из комнаты моей,
И молчаливой, и унылой,
Я уносим был каждый день
В ваш кабинет, каменам милый.
Пусть, как испуганная тень
Певца предутреннего пеньем,
Послушав вас, взглянув на вас,
С немым, с безропотным терпеньем
И к небесам с благодареньем
Я б улетал к себе тотчас!
Я услаждал бы сим мгновеньем
Часы медлительного дня,

Отнятого у бытия
Недугом злым и для меня
Приправленного скукой тяжкой.

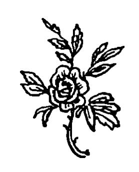
Февраль 1823

93. К ОШЕЙНИКУ СОБАЧКИ ДОМИНГО

Ты на Доминге вечно будь,
Моя надежда остальная,
И обо мне когда-нибудь
Она вздохнет, его лаская.

1823

94. ПЕТЕРБУРГСКИМ ЦЕНЗОРАМ

Перед вами нуль Тимковский!
В вашей славе он погас;
Вы по совести поповской,
Цензуруя, жмете нас.
  Славьтесь, Бируков, Красовский!
  Вам дивится даже князь!

Член тюремный и Библейский,
Цензор, мистик и срамец,
Он с душонкою еврейской,
Наш гонитель, князя льстец.
  Славься, славься, дух лакейский,
  Славься, доблестный подлец!

Вас и дух святый робеет:
Он, как мы, у вас в когтях;

Появиться он не смеет
Даже в Глинкиных стихах.
    Вот как семя злое зреет!
    Вот как все у вас в тисках!

Ни угрозою, ни лаской,
Видно, вас не уломать;
Олин и Григорий Спасский
Подозренье в вас родят.
    Славьтесь цензорской указкой!
Таски вам не миновать.

1823—1824

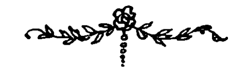
95

До рассвета поднявшись, извозчика взял
    Александр Ефимыч с Песков
И без отдыха гнал от Песков чрез канал
    В желтый дом, где живет Бирюков;
Не с Цертелевым он совокупно спешил
    На журнальную битву вдвоем,
Не с романтиками переведаться мнил
    За баллады, сонеты путем.
Но во фраке был он, был тот фрак запылен,
    Какой цветом — нельзя распознать;
Оттопырен карман: в нем торчит, как чурбан,
    Двадцатифунтовая тетрадь.
Вот к обеду домой возвращается он
    В трехэтажный Моденова дом,
Его конь опенен, его Ванька хмелен,
    И согласно хмелен с седоком.
Бирюкова он дома в тот день не застал —
    Он с Красовским в цензуре сидел,
Где на Олина грозно вдвоем напирал,
    Где фон Поль улыбаясь глядел.
Но изорван был фрак, на манишке табак,
    Ерофеичем весь он облит.
Не в парнасском бою, знать в питейном дому
    Был квартальными больно побит.

Соскочивши на Конной с саней у столба,
Притаяся у будки, стоял;
И три раза он кликнул Бориса-раба,
Из харчевни Борис прибежал.
«Подойди ты, мой Борька, мой трагик смешной,
И присядь ты на брюхо мое;
Ты скотина, но, право, скотина лихой,
И скотство по нутру мне твое».

(Продолжение когда-нибудь)

1824

96

Твой друг ушел, презрев земные дни,
Но ты его, он молит, вспомяни.
С одним тобой он сердцем говорил,
И ты один его не отравил.
Он не познал науки чудной жить:
Всех обнимать, всех тешить и хвалить,
Чтоб каждого удобней подстеречь
И в грудь ловчей воткнуть холодный меч.
Но он не мог людей и пренебречь:
Меж ними ты, старик отец и мать.

1824

97

Федорова Борьки
Мадригалы горьки,
Комедии тупы,
Трагедии глупы,
Эпиграммы сладки
И, как он, всем гадки.

1824

98. 19 ОКТЯБРЯ 1824

Семь лет пролетело, но, дружба,
Ты та же у старых друзей:
Все любишь лицейские песни,
Все сердцу твердишь про Лицей (2).

Останься ж век нашей хозяйкой
И долго в сей день собирай
Друзей, нестареющих сердцем,
И им старину вспоминай.

Наш милый начальник! ты с нами,
Ты любишь и нас, и Лицей,
Мы пьем за твое все здоровье,
А ты пей за нас, за друзей.

19 октября 1824

99. 19 ОКТЯБРЯ 1825

В третий раз, мои друзья,
Вам пою куплеты я
На пиру лицейском.
О, моя, поверьте, тень
Огласит сей братский день
В царстве Елисейском.

Хоть немного было нас,
Но застал нас первый час
Дружных и веселых.
От вина мы не пьяны,
Лишь бы не были хмельны
От стихов тяжелых.

И в четвертый раз, друзья,
Воспою охотно я
Вам лицейский праздник.

Лейся, жжёнка, через край,
Ты ж под голос наш играй,
Яковлев-проказник.

19 октября 1825

100

Снова, други, в братский круг
Сóбрал нас отец похмелья,
Поднимите ж кубки вдруг
В честь и дружбы, и веселья.

Но на время омрачим
Мы веселье наше, братья,
Что мы двух друзей не зрим
И не жмем в свои объятья.

Нет их с нами, но в сей час
В их сердцах пылает пламень.
Верьте. Внятен им наш глас,
Он проникнет твердый камень.

Выпьем, други, в память их!
Выпьем полные стаканы,
За далеких, за родных
Будем ныне вдвое пьяны.

19 октября 1826

101. А. Н. КАРЕЛИНОЙ

ПРИ ПОСЫЛКЕ «СЕВЕРНЫХ ЦВЕТОВ» НА 1827 ГОД

От вас бы нам, с краев Востока,
Ждать должно песен и цветов:

В соседстве вашем дух пророка
Волшебной свежестью стихов
Живит поклонников Корана;
Близ вас поют певцы Ирана,
Гафиз и Сади — соловьи!
Но вы, упорствуя, молчите,
Так в наказание примите
Цветы замерзшие мои.

Начало 1827

102. СОНЕТ

Что вдали блеснуло и дымится?
Что за гром раздался по заливу?
Подо мной конь вздрогнул, поднял гриву,
Звонко ржет, грызет узду, бодрится.

Снова блеск... гром, грянув, долго длится,
Отданный прибрежному отзыву...
Зевс ли то, гремя, летит на ниву
И она, роскошная, плодится?

Нет, то флот. Вот выплыли ветрилы,
Притекли громада за громадой;
Наш орел над русскою армадой

Распростер блистательные крилы
И гласит: «С кем испытать мне силы?
Кто дерзнет и станет мне преградой?»

Июль 1827
Ревель

103

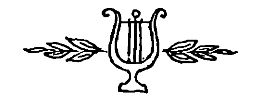
Хвостова кипа тут лежала,
А Беранже не уцелел!
За то его собака съела,
Что в песнях он собаку съел!

1827

104

Я в Курске, милые друзья,
И в Полторацкого таверне
Живее вспоминаю я
О деве Лизе, даме Керне!

1828

105. ХОР

ДЛЯ ВЫПУСКА ВОСПИТАННИЦ ХАРЬКОВСКОГО ИНСТИТУТА

Три или четыре голоса

Подруги, скорбное прощанье
И нам досталось на удел!
Как сновиденье, как мечтанье,
Златой наш возраст пролетел!
Простите... Жизненное море
Уже принять готово нас;
На нем что встретим? Счастье ль, горе? —
Еще судьбы безмолвен глас!

Один голос

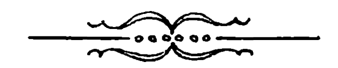
Но не безмолвен голос сердца!
Он громко мне благовестит:
Кто здесь призрел меня, младенца,

Меня и там приосенит.
И наша матерь, наше счастье,
Отрада стороны родной,
Нам будет в жизненном ненастье
Путеводительной звездой.

Хор

Свети, свети, звезда России,
Свети, бескровных благодать!
Пусть долго с именем Марии
Мы будем радость сочетать.
А ты, святое провиденье,
Внемли молению детей:
Она всех бедных утешенье,
За них воздателем будь ей!

1828

106. В АЛЬБОМ Е. П. ЩЕРБИНИНОЙ

(В ДЕНЬ ЕЕ РОЖДЕНИЯ)

Как в день рождения (хоть это вам забавно)
Я вас спешу поздравить, подарить!
Для сердца моего вы родились недавно,
Но вечно будете в нем жить.

1828

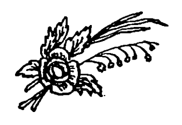

107. ⟨РУССКАЯ ПЕСНЯ⟩

И я выду ль на крылечко,
На крылечко погулять,
И я стану ль у колечка
О любезном горевать;
Как у этого ль колечка
Он впоследнее стоял,
И печальное словечко
Мне, прощаючись, сказал:

За турецкой за границей
    В басурманской стороне,
По тебе лишь, по девице,
    Слезы лить досталось мне!..
. . . .
. . . .

1828

108. ⟨РУССКАЯ ПЕСНЯ⟩

Как за реченькой слободушка стоит,
По слободке той дороженька бежит,
Путь-дорожка широка, да не длинна,
Разбегается в две стороны она:
Как налево — на кладбище к мертвецам,
А направо — к закавказским молодцам,
Грустно было провожать мне, молодой,
Двух родимых и по той, и по другой:
Обручальника по левой проводя,
С плачем матерью-землей покрыла я;
А налетный друг уехал по другой,
На прощанье мне кивнувши головой.

1828

109. РУССКАЯ ПЕСНЯ

        По небу
Тучи громовые ходят;
        По полю
Пули турецкие свищут.
        Молодцу ль
Грома и пули бояться?
        Что же он
Голову клонит да плачет?
        Бедному

Жаль не себя, горемыки,
Жаль ему
Душечки красной девицы!
Девушку
Грозный отец принуждает,
Красную
Жалобно матушка молит:
«Дитятко!
Выдь за богатого замуж!
Милое,
Верь, и не вспомнишь солдата!»

1828 или 1829

110. ОТСТАВНОЙ СОЛДАТ

(Русская идиллия)

Солдат

Нет, не звезда мне из лесу светила:
Как звездочка, манил меня час целый
Огонь ваш, братцы! Кашицу себе
Для ужина варите? Хлеб да соль!

Пастухи

Спасибо, служба! Хлеба кушать.

Солдат

Быть так,
Благодарю вас. Я устал порядком!
Ну, костыли мои, вам роздых! Рядом
Я на траву вас положу и подле
Присяду сам. Да, верст пятнадцать
Ушел я в вечер.

1-й пастух

А идешь откуда?

Солдат

А из Литвы, из виленской больницы.
Вот как из матушки России ладно
Мы выгнали гостей незваных — я
На первой заграничной перестрелке,
Беда такая, без ноги остался!
Товарищи меня стащили в Вильну;
С год лекаря и тем и сем лечили
И вот каким, злодеи, отпустили.
Теперь на костылях бреду кой-как
На родину, за Курск, к жене и сестрам.

2-й пастух

На руку, обопрись! Да не сюда,
А на тулуп раскинутый ложися!

Солдат

Спасибо, друг, господь тебе заплатит! —
Ах, братцы! Что за рай земной у вас
Под Курском! В этот вечер словно чудом
Помолодел я, вволю надышавшись
Теплом и запахом целебным! Любо,
Легко мне в воздухе родном, как рыбке
В реке студеной! В царствах многих был я!
Попробовал везде весны и лета!
В иных краях земля благоухает,
Как в светлый праздник ручка генеральши —
И дорого, и чудно, да не мило,
Не так, как тут! Здесь целым телом дышишь,
Здесь все суставчики в себя впивают
Простой, но сладкий, теплый воздух; словом,
Здесь нежишься, как в бане старых бар!
И спать не хочется! Играл бы все
До солнышка в девичьем хороводе.

3-й пастух

И мы б, земляк, играть не отказались!
Да лих нельзя! Село далеко! Стадо ж
Покинуть без присмотра, положившись
Лишь на собак, опасно, сам ты знаешь!
Как быть! Но вот и кашица поспела!
Перекрестяся, примемся за ужин.
А после, если к сну тебя не клонит,
То расскажи нам (говоришь ты складно)

Про старое свое житье-бытье!
Я чай, везде бывал ты, все видал!
И домовых, и водяных, и леших,
И маленьких людей, живущих там,
Где край земли сошелся с краем неба,
Где можно в облако любое вбить
Крючок иль гвоздь и свой кафтан повесить.

Солдат

Вздор мелешь, малый! Уши вянут! Полно!
Старухи врут вам, греясь на печи,
А вы им верите! Какие черти
Крещеному солдату захотят
Представиться? Да ныне ж человек
Лукавей беса! Нет, другое чудо
Я видел, и не в ночь до петухов,
Но днем оно пред нами совершилось!
Вы слышали ль, как заступился бог
За православную державу нашу,
Как сжалился он над Москвой горящей,
Над бедною землею, не посевом,
А вражьими ватагами покрытой,—
И раннюю зиму послал нам в помощь,
Зиму с морозами, какие только
В Николин день да около Крещенья
Трещат и за щеки и уши щиплют?
Свежо нам стало, а французам туго!
И жалко, и смешно их даже вспомнить!
Окутались от стужи чем могли,
Кто шитой душегрейкой, кто лохмотьем,
Кто ризою поповской, кто рогожей,
Убрались все, как святочные хари,
И ну бежать скорее из Москвы!
Недалеко ушли же. На дороге
Мороз схватил их и заставил ждать
Дня судного на месте преступленья:
У божьей церкви, ими оскверненной,
В разграбленном анбаре, у села,
Сожженного их буйством! — Мы, бывало,
Окончив трудный переход, сидим,
Как здесь, вокруг огня и варим щи,
А около лежат, как это стадо,
Замерзлые французы. Как лежат!
Когда б не лица их и не молчанье,
Подумал бы, живые на биваке

Комедию ломают. Тот уткнулся
В костер горящий головой, тот лошадь
Взвалил, как шубу, на себя, другой
Ее копыто гложет; те ж, как братья,
Обнялись крепко и друг в друга зубы
Вонзили, как враги!

Пастухи

Ух, страшно, страшно!

Солдат

А между тем курьерский колокольчик,
Вот как теперь, и там гремит, и там
Прозвякнет на морозе; отовсюду
Везут известья о победах в Питер
И в обгорелую Москву.

1-й пастух

Э, братцы,
Смотрите, вот и к нам тележка скачет,
И офицер про что-то ямщику
Кричит, ямщик уж держит лошадей;
Не спросят ли о чем нас?

Солдат

Помоги
Мне встать: солдату вытянуться надо...

Офицер

(подъехав)

Огня, ребята, закурить мне трубку!

Солдат

В минуту, ваше благородье!

Офицер

Ба!
Товарищ, ты как здесь?

Солдат

К жене и сестрам
Домой тащуся, ваше благородье!
За рану в чистую уволен!

Офицер

С богом!
Снеси ж к своим хорошее известье:
Мы кончили войну в столице вражьей,
В Париже русские отмстили честно
Пожар московский! Ну, прости, товарищ!

Солдат

Прощенья просим, ваше благородье!

Офицер уезжает.

Благословение господне с нами
Отныне и вовеки буди! Вот как
Господь утешил матушку Россию!
Молитесь, братцы! Божьи чудеса
Не совершаются ль пред нами явно!

⟨1829⟩

111. ИЗОБРЕТЕНИЕ ВАЯНИЯ

(Идиллия)

(Посвящается В. И. Григоровичу)

«В кущу ко мне, пастухи и пастушки! В кущу скорее,
Старцы и жены, годами согбенные! К чуду вас кличу!
Боги благие меня, презренного девой жестокой,
Дивно возвысили! Слабые взоры мои усладились
Светлым, небесным видением! Персты мои совершили,
Смертные, дело бессмертное! Зов мой услышьте,
бегите
В кущу ко мне, пастухи и пастушки! В кущу скорее,
Старцы и жены, годами согбенные! К чуду вас кличу!»

Так по холмам и долинам бегал и голосом звонким
Кликал мирно пасущих стада пастухов ионийских
Ликидас юный, из розовой глины творивший искусно
Чаши, амфоры и урны печальные, именем славный,
Пламенным сердцем несчастный! Любовь без раздела —
несчастье!

Ликидас, всеми любимый, был презрен единой пастушкой,
Злою Харитой, которою он безрассудно пленился!

«Образ Хариты! Харита живая! Харита из глины!» —
Разом вскричали вбежавшие в кущу. Крики слилися
В радостный вой, восходящий до неба, и в узкие двери,
Словно река, пастухи потекли, толпа за толпою.
«Други, раздайтесь! — им Ликидас молвил.—
Так, образ Хариты,
Девы жестокой, вы видите! Боги сей подвиг великий
Мне помогли совершить и глину простую в небесный
Облик одели, но в прочности ей отказали! Раздайтесь,
Други, молю вас! Может иной, в тесноте продираясь,
Вдруг без намеренья ринуться прямо на лик сей
и глину
Смять и меня еще в злейшую долю повергнуть!
Садитесь,
Крайние, вы же все замолчите, вам чудо скажу я!

Много дней и ночей, томим безнадежной любовью,
Сна не знал я, пищи не брал и дела не делал.
Словно призрак печальный, людей убегая, блуждал я
Вдоль по пустынному брегу морскому; слушал стенанье
Волн и им отвечал неутешным рыданием. Нынче
Ночью — как и когда, не припомню — упал на песок я,
Смолк и забылся. К утру, чувствую, теплой рукою
Кто-то плечо мое тронул и будит меня, и приятно
На ухо шепчет: «Ликидас, встань! Подкрепи себя пищей,
В кущу иди и за дело примися! Что сотворишь ты,
Вечной Киприде в дар принеси: уврачует богиня
Сердце недужное!» Взоры я поднял — напрасно!
Поднялся —
Нет никого ни вблизи, ни вдали! Но советы благие
В сердце запали послушное: в кущу иду я и глину
Мну и, мягкий кусок отделивши, на круг повергаю;
Сел я, не зная, что делать; по глыбе послушной без
мыслей
Пальцы блуждают, глаза не смотрят за ними, а сердце —
Сердце далеко, на гордость Хариты, несчастное,
ропщет!
Вдруг, как лучом неожиданным в бурю, меня поразило
Что-то знакомое, я встрепенулся, и сердце забилось.
Боги! на глине я вижу очерк прямой и чудесный
Лба и носа прекрасной Хариты, дивно похожий!
Вижу: и кудри густые, кругом завиваясь, повисли;

Место для глаз уж назначено, пальцы ж трудятся
добраться
В мякоти чудной до уст говорливых! С этого мига
Я не знаю, что было со мною! Пламя, не сердце,
Билось во мне, и не в персях, а в целом разлитое теле,
С темя до ног! И руки мои, и глина, и куща,
Дивно блистая, вертелись! Лишь помню: прекрасный
младенец
Стрелкой златою по глине сверкал, придавая то
гордость
Светлому лбу, то понятливость взгляду, то роскошь
ланитам.
Кончил улыбкой, улыбкой заманчиво-сладкой! Свершилось!
С места восстал я, закрыл рукою глаза, а другою —
Кудри свои захватил и подернул: хотел я скорее
Боль почувствовать, все ли живу я, узнать! —
«Совершилось
Смертным бессмертное! — голос священный внезапно
раздался.—
Эрмий, раскуй Промефея! Старец, утешься меж славных
Теней! Небесный огонь не вотще похищён был тобою!
Пользой твое святотатство изгладилось! Ты же,
мгновенной,
Бренной красе даровавший бессмертье, взглянь, как
потомкам
Поздним твоим представятся боги в нетленном сияньи,
Камень простой искусством твоим оживить в их
подобьи,
Смертных красой к небесам восхищать и о Зевсе
глаголать!»

Где я? Стрела прорезала небо! Олимп предо мною!
Феб-Аполлон, это ты, это ты! Тетива еще стонет,
Взор за стрелой еще следует, славой чело и ланиты
Блещут; лишь длань успокоилась, смерть со стрелою
пустивши!
Мне ли пред вами стоять, о бессмертные боги! Колени
Гнутся, паду! Тебе я сей лик приношу, Киферея,
Дивно из моря исшедшая в радость бессмертным и
смертным!
Слепну! Узрел я Зевеса с Горгоной на длани могучей!
Кудри, как полные грозды, венчают главу золотую,
В легком наклоне покрывшую вечный Олимп и всю землю!»

Между 1825 и 1829

112. К П ***

ПРИ ПОСЫЛКЕ ТЕТРАДИ СТИХОВ

Броженье юности унялось,
Остепенился твой поэт,
И вот ему что отстоялось
От прежних дел, от прошлых лет.
Тут все, знакомое субботам,
Когда мы жили жизнью всей
И расходились на шесть дней:
Я — снова к лени, ты — к заботам.

1829

113

Увижу ль вас когда-нибудь
С моею нежной половиной,
Увижу ль вас когда-нибудь,
О милый свадрик с плоховиной!

1829

114. ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА ФАНТАЗИИ

Вместе с няней фантазия тешит игрушкой младенцев,
Даже во сне их уста сладкой улыбкой живит;
Вместе с любовницей юношу мучит, маня непрестанно
В лучший и лучший мир, новой и новой красой;
Мужа степенного лавром иль веткой дубовой прельщает,
Бедному ж старцу она тщетным ничем не блестит!

Нет! на земле опустевшей кажет печальную урну
С прахом потерянных благ, с надписью: в небе найдешь.

1829

115

Не осенний частый дождичек
Брызжет, брызжет сквозь туман:
Слезы горькие льет молодец
На свой бархатный кафтан.

«Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!»

— «Не тоска, друзья-товарищи,
Грусть запала глубоко,
Дни веселия, дни радости
Отлетели далеко».

— «Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!»

— «И как русский любит родину,
Так люблю я вспоминать
Дни веселия, дни радости,
Как пришлось мне горевать».

— «Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!»

1829

116. ГРУСТЬ

Счастлив, здоров я! Что ж сердце грустит? Грустит не о прежнем;
Нет! Не грядущего страх жмет и волнует его.
Что же? Иль в миг сей родная душа расстается с землею?
Иль мной оплаканный друг вспомнил на небе меня?

1829

117. МАЛОРОССИЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

Я ль от старого бежала,
В полночь травы собирала,
Травы с росами мешала,
Все о воле чаровала.
Птичке волю, сердцу волю!
Скоро ль буду я вдовою?..
Дайте, дайте погуляю,
Как та рыбка по Дунаю,
Как та рыбка с окунями,
Я, молодка, с молодцами,
Как та рыбка со плотвою,
Я с прилукой-красотою!

1829

118. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Как у нас ли на кровельке,
Как у нас ли на крашеной
Собиралися пташечки,
Мелки пташечки, ласточки,
Щебетали, чиликали,
Несобравшихся кликали:
«Вы слетайтесь, не медлите,
В путь-дороженьку пустимся!

Красны дни миновалися,
Вдоволь вы наигралися,
Здесь не ждать же вам гибели
От мороза трескучего!»

Государь ты мой батюшка,
Государыня матушка!
Меня суженый сватает,
Меня ряженый сватает;
Поспешите, не мешкайте,
Меня поезду выдайте,
С хлебом-солию, с образом,
С красотой проходящею!
Мне не век вековать у вас,
Не сидеть же все девицей
Без любви и без радости
До ворчуньи ль до старости.

1829

119. СЛЕЗЫ ЛЮБВИ

Сладкие слезы первой любви, как роса, вы иссохли!
— Нет! на бессмертных цветах в светлом раю мы блестим!

1829

120. УДЕЛ ПОЭТА

Юноша

Сладко! Еще перечту! О, слава тебе, песнопевец!
Дивно глубокую мысль в звучную ткань ты облек!
В чьих ты, счастливец, роскошных садах надышался весною?
Где нажурчали ручьи говор любовный тебе?

Гений поэта

Где? Я нашел песнопевца на ложе недуга, беднее
Старца Гомера, грустней Тасса, страдальца любви!
Но я таким заставал и Камоэнса в дикой пещере,
Так и Сервантес со мной скорбь и тюрьму забывал!

1829

121

За что, за что ты отравила
Неисцелимо жизнь мою?
Ты как дитя мне говорила:
«Верь сердцу, я тебя люблю!»

И мне ль не верить? Я так много,
Так долго с пламенной душой
Страдал, гонимый жизнью строгой,
Далекий от семьи родной.

Мне ль хладным быть к любви прекрасной?
О, я давно нуждался в ней!
Уж помнил я, как сон неясный,
И ласки матери моей.

И много ль жертв мне нужно было?
Будь непорочна, я просил,
Чтоб вечно я душой унылой
Тебя без ропота любил.

1829 или 1830

122. ПОЭТ

Долго на сердце хранит он глубокие чувства и мысли:
Мнится, с нами, людьми, их он не хочет делить!
Изредка, так ли, по воле ль небесной, вдруг запоет он,—
Боги! в песнях его счастье, и жизнь, и любовь,
Все, как в вине вековом, початом для гостя родного,
Чувства ласкают равно: цвет, благовонье и вкус.

1830

123

Смерть, души успокоенье!
Наяву или во сне
С милой жизнью разлученье
Объявить слетишь ко мне?
Днем ли, ночью ли задуешь
Бренный пламенник ты мой
И в обмен его даруешь
Мне твой светоч неземной?

Утром вечного союза
Ты со мной не заключай!
По утрам со мною муза,
С ней пишу я — не мешай!
И к обеду не зову я:
Что пугать друзей моих;
Их люблю, как есть люблю я
Иль как свой счастливый стих.

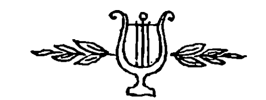
Вечер тоже отдан мною
Музам, Вакху и друзьям;
Но ночною тишиною
Съединиться можно нам:
На одре один в молчаньи
О любви тоскую я,
И в напрасном ожиданьи
Протекает ночь моя.

1830 или 1831

124. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Я вечор в саду, младешенька, гуляла,
И я белую капусту поливала,
Со пра́вой руки колечко потеряла;
Залилася я горючими слезами,
И за это меня матушка бранила:
«Стыдно плакать об колечке! — говорила.—
Я куплю тебе колечко золотое,
Я куплю тебе колечко с изумрудом».
— «Нет, нет, матушка, не надо никакого!
То колечко было друга дорогого;
Милый друг дал мне его на память.
Любовь милого дороже изумруда.
Любовь милого дороже всего света».

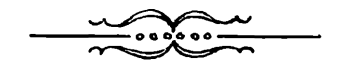
1820-е — начало 1830-х

125

Пусть нам даны не навсегда
И жизнь, и жизни наслажденье,
Пусть, как падучая звезда,
Краса блестит одно мгновенье,—
Да будет так! Закон богов
Без ропота благословляю,
А все на путь мой я цветов,
Как жизнь минутных, рассыпаю.

Конец 1820-х — начало 1830-х

126. ⟨НАБРОСОК ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ О ТАССО⟩

Тасс

Удались, ты так же все сияешь
И в стране призраков и теней,
Ты и здесь, царица, всех пленяешь
Красотой могущею своей,
Ты опять в Торквате разжигаешь
Страшный огнь, всю ревность прежних дней!
Удались, хотя из состраданья,
Мне страдать нет силы, ни желанья!

Елеонора

Бедный друг, божественный Торквато!
Прежним я и здесь тебя нашла.
Так, была царицей я когда-то,
Но венец как бремя я несла,
И в душе, любовию объятой,
Мысль одна отрадная жила,
Чтоб тобой, певец Ерусалима,
Я славна и пламенно любима.

Тасс

Замолчи, молю, Елеонора!
Здесь, как там, мы будем розно жить.
Но сей скиптр, венец и блеск убора
Там должны ль нас были разлучить!
Устыдись сердечного укора:
Никогда не знала ты любить.
Ах, любовь все с верой переносит,
Терпит все, одной любви лишь просит.

Конец 1820-х — начало 1830-х

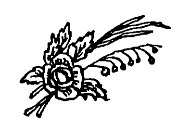

127

От души ль ты, господин служивый,
Песни, ходя на часах, поешь,
Вспоминаешь ли отца и матерь,

О девице ль горько слезы льешь,
Иль в забаву речи так выводишь,
Как весною соловьи поют.

Конец 1820-х — начало 1830-х

128

На теплых крыльях летней тьмы
Чрез запах роз промчались мы
И по лучам ночных светил
Тебя спустили средь могил.
Гляди смелей: кладбище здесь;
Плакучих ив печальный лес
Над урной мраморной шумит,
Вблизи ее седой гранит
Едва виднеет меж цветов;
Кругом кресты, и без крестов
Лишь две могилы.

Конец 1820-х — начало 1830-х

129

И вещего бояна опустили
Сквозь запах роз и песни соловьев
Под тень олив, на ложе из цветов.

Конец 1820-х — начало 1830-х

130

Мы весело свои кончали дни!
Что до чужих? Пускай летят они,
В двух сторонах экватор рассекая,
Но мы б, друзей под вечер оставляя,
Фортуне вслед не думали бежать.

Конец 1820-х — начало 1830-х

131

Когда крылам воображенья
Ты вдохновенный миг отдашь,
Презри земные обольщенья,
Схвати, художник, карандаш.

Богами на сии мгновенья
Весь озаряется дух наш,
Ты вскрикнешь: в тайне я творенья
Постигнул помысл, боги, ваш.

Конец 1820-х — начало 1830-х

132

Певец Онегина один
Вас прославлять достоин, Ольга,
Его стихи блестят, как злато, как рубин,
Мои ж — как мишура и фольга.

Конец 1820-х — начало 1830-х

133

Друг Пушкин, хочешь ли отведать
Дурного масла, яйц гнилых,—
Так приходи со мной обедать
Сегодня у своих родных.

Конец 1820-х — начало 1830-х

134

Нет, я не ваш, веселые друзья,
    Мне беззаботность изменила.
Любовь, любовь к молчанию меня
    И к тяжким думам приучила.

Нет, не сорву с себя ее оков!
    В ее восторгах неделимых
О, сколько мук! о, сколько сладких снов!
    О, сколько чар неодолимых.

Конец 1820-х — начало 1830-х

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ
ПРОЗА

1. МЕДЕЯ

**Трагедия в пяти действиях в стихах,
переделанная с французского из театра Лонжпьера**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА[1]:

* Медея, дочь Аэта, царя Колхиды,
супруга Язона.
* Язон, вождь Фессалийский.
* Креон, царь Коринфский.
Креуза, дочь Креона.
Дети Медеи.
* Родопа, наперсница Медеи.
Ифит, наперсник Язона.
Сидиппа, наперсница Креузы.
Свита Креона.

ДЕЙСТВИЕ II

Явление I

Медея

(одна)

Где я, несчастная? Весь дух мой возмущен!
Что зрела, слышала? то истина иль сон?
Не узнаю себя, бегу и цепенею.
Не слышатся ль мне шум и песни Гименею?

[1] Звездочкой отмечены действующие лица, участвующие в помещаемом здесь отрывке из «Медеи».— *Ред.*

Так, торжеством Коринф гремит в своих стенах;
Отверсты храмы все, все алтари в цветах!
Пир, ненавистный мне, спеша приготовляют;
Все, все неверного с Креузой прославляют.
Язон — кто б думать мог? — Язон мне изменил;
От ложа он жену позорно удалил!
Что говорю — жену? Несчастная Медея!
Нет для тебя надежд! нет боле Гименея!
Неверный, разорвал он узы брака сам.
О боги-мстители, я прибегаю к вам!
Вы слышали его обеты, уверенье,
Карайте дерзкого, отмстите оскорбленье.
О солнце, ты ль меня оставишь в бедстве сем?
Тебе родитель мой обязан бытием;
Ты видишь от небес бесчестие Медеи
И светишь на Коринф? и зрят тебя злодеи?
Перемени свой путь, ты отврати свой зрак
И погрузи весь мир в смятение и мрак!
Или — твоих коней вручи мне с колесницей:
В прах все я превращу под мстительной десницей,
С их пламенем на Истм Медея упадет
И разгромит Коринф и дерзкий с ним народ.
И страшный гнев ее, с самой природой споря,
Облегшие Коринф соединит два моря.
Но тщетные мольбы! и мне ль в моих бедах,
Мне ль помощи теперь искать на небесах?
Нет, вы, подземные богини эвмениды!
Придите вы омыть Медеины обиды!
Всю к человечеству мы жалость умертвим;
Всю черноту волшебств здесь к трепету яви́м.
Пусть кровь дымящаясь, пусть мертвых бледны виды
На Истме то явят, что зрели средь Колхиды.
Нет! в злодеянии и то мы превзойдем;
Тогда, от младости неопытная в нем,
Душою чистою, невинной я любила,
Тогда длань робкую одна любовь водила,
Теперь и ненависть, и горесть, и любовь
Неистовым огнем мою волнуют кровь.
Чего сей лютый огнь, чего не предвещает?
Злодейство, съединив, пусть нас и разлучает.

Явление II

Медея, Родопа.

Медея

Ты знаешь, за любовь чем платит мне Язон?
И до чего, увы! простер измену он?
Креузу он избрал; их брак уготовляют;
А мне позор и смерть! — Когда сей брак свершают?

Родопа

Царица! завтра брак желают совершить.

Медея

Как, завтра? краток миг! мне должно поспешить;
Воспользуемся им.

Родопа

Жестокою судьбою
Вдруг сколько горестей излито над тобою.

Медея

Но что сравняется с сей горестью одной?
Язон, кто б думать мог? Язон убийца мой!
Неверный, в торжестве с надменною царицей
Меня он, как рабу, влачит за колесницей,
Меня, которая пожертвовала всем:
Отчизной, счастием, и троном, и отцем;
Все с пламенной душой я в жертву приносила,
И от него за все одной любви просила;
Бесчеловечный! он и в ней мне отказал!
Но мало этого: Язон меня изгнал —
Под чуждым небом сим, в стране иноплеменной
Оставил преданной, бесславною, презренной,
Где за злодейства я жду мщенья одного,
А я злодейства те свершила для него.

Родопа

За недостойное любви твоей забвенье
Оставь неверного, питай к нему презренье,
И духа торжество ты над судьбой яви.

Медея

Но как торжествовать над властию любви?
Несчастная! я все смущаю заклинаньем;
Мой всемогущий глас колеблет всем созданьем;

Над всем я властвую, все в силах побеждать,
Из сердца нет лишь сил неверного изгнать!
Любовь сильней меня, не внемлет заклинаньям,
Смеется чарам всем и всем моим терзаньям!
Она в моей душе с изменником моим.
Люблю, что говорю? я вся пылаю им;
Вновь для него предать отечество готова,
Вновь для него пошла б скитаться без покрова...

Родопа

Но вспомни — для кого? К кому питаешь страсть?
О! гибельной любви мучительная власть!
Медея, о тебе нельзя не сокрушиться...

Медея

Родопа, но меня нельзя и не страшиться!
Без кар еще никто не делал мне обид.
Но где теперь Язон? и что он говорит?

Родопа

Увы! Креузы он колена обнимает,
Лишь с нею говорит и ею лишь пылает.

Медея

Кровь вероломного Медею отомстит.
Умрет мой враг! и что за страх меня томит?
Давно ль и отчего Медея робкой стала?
Иль брата лишь убить рука ее дерзала?
Невинных поражать нетрудно было ей,
Так пощажу ль того, кто смертный мне злодей.
Пусть гибнет!.. но увы, какое ослепленье!
Чтоб он погиб, герой, любовь, мое творенье,
Предмет моих забот, трудов, злодейств самих.
Нет, нет, он не умрет, он мука дней моих!
Его Креон склонил на брак, мне нестерпимый,
В Креона обратим мы гнев неумолимый:
Тиран лишил меня супруга моего,
И месть ужасная да поразит его!

Родопа

Умерь, царица, ты жестокое мученье;
Ах, удержись иль скрой души твоей волненье!
Я слышу шум. Идут! сей гордый гнев сокрой.
Царица, вот Креон, враг ненавистный твой!

Явление III

Медея, Родопа, Креон.

Креон

Язон и дочь моя уже судьбу свершили,
И граду торжество их брака возвестили.
Медея! как твоя судьбина ни грустна,
Язона и меня оставить ты должна.
Здесь радости твое лишь сердце потревожат;
Оставь сии места, пусть мук они не множат.
Покорствуя судьбе, оставь ты мой народ,
Пусть в пристань верную судьба тебя ведет.
Того Акаст, Коринф и просят, и желают,
И мир ценою сей друг другу обещают,
Сей мир положишь ты отбытием твоим.
Вотще противился б я подданным моим;
К тебе их ненависть с днем каждым возрастает,
Их злобы и моя вся власть не обуздает.
Какой ярем народ в пылу не сокрушит?
Сей яростный поток чей остановит щит?
Ты, необузданных страшася исступленья,
В одном изгнании ищи себе спасенья.
То рок тебе велит, покой наш, жизнь твоя.
Вот что, для польз твоих, открыть счел нужным я.

Медея

За дивное твое благодарю старанье!
Супруга отнял ты, и наконец изгнанье
Ты ж назначаешь мне; скажи же, за какой
Проступок мой у вас так милосерд со мной?

Креон

Медея ли своих не знает преступлений?

Медея

Но кто тебе вручил права для угнетений?
Тираны подданных насилием разят;
Цари, не осудив, виновных не казнят.
Коль сам судить меня ты хочешь унижаться,
То осуждай, или — позволь мне оправдаться.
Не знаю, что меня бесславит пред тобой,
Но вот мои вины: будь судия ты мой.
Я сих вождей спасла, бессмертью обреченных,
Цвет лучший Греции, богами порожденных.

Добыл ли без меня б руно златое он,
Сей образец вождей, сей славимый Язон?
Иль славу он мою сокрыл перед тобою?
Коль он на то дерзнул, так я сама открою:
В дубраве мрачной, где луч дневный не светил,
Ужаснейший дракон руно сие хранил.
Оно — священное Арея достоянье,
И исполнял дракон небесных завещанье.
Он сладким никогда не наслаждался сном,
И нестерпимым взор его горел огнем.
Равно и день, и ночь он, гибелью грозящий,
Бродил неистовый и ужас разносящий.
Два яростных вола, созданье злых небес,
Оберегали вход в таинственный сей лес.
Дыханье их огнем окрестность заливало,
И, необузданных, смирить их надлежало;
И должно было зреть — вдруг из змеи зубов,
Рождаемых землей, сонм яростных бойцов,
И, кровью дышащих, их победить ужасных!
Кто, смертный или бог, героев спас несчастных?
Я, победив судьбу, героев сих спасла,
Я сохранила их, я славой облекла.
И, забывая все: отечество, державу,
И собственный покой, и собственную славу,
В награду — я из них искала одного;
Владейте всем, а мне оставьте вы его!

Креон

Итак, по сим словам невинна ты душою.
Ужасных дел твоих — одна любовь виною.
Медея, чтоб спасти любви своей предмет,
Злодейством рук своих наполнила весь свет.
Но мы не чувствуем признательности правой.
Мы ей обязаны и жизнию и славой,
Эллада целая...

Медея

Обязана мне всем!
И подвигов моих не наградит ничем.
И что в притворной мне, бесчувственной награде?
Я жертвовала всем Язону, не Элладе,
И слишком дорого купила я его.
За что ж меня лишить супруга моего?

Почто его, Креон, со мной не изгоняешь?
Виновны оба мы, почто ж одну караешь?

Креон

Медея, воздержись невинных обвинять
И именем своим героя унижать.
Язон не разделял преступных замышлений.

Медея

Нет! — он пожал плоды с злодейств и преступлений,
Которых всех виной единственно был он.
Коль я преступница — преступник и Язон!
Почто ж, тиран, меня одну ты обвиняешь?

Креон

Медея! ты мой гнев невольно возбуждаешь.
Страшись!

Медея

И ты, тиран, давно мой возбудил.
Иди, не помышляй, чтобы меня склонил
Вымаливать твое презренное жаленье.
Мое ты отнял все, но мне осталось мщенье.

Креон

Ах, долго гневу я противиться хотел.
Оставь, скиталица, немедля мой предел,
Избавь собой ты нас ужасного созданья;
Здесь воздух заражен от твоего дыханья.
Очисти ты Коринф и в варварских странах
С злодейством водвори ты божий гнев и страх.
Чтоб с утренней зарей я здесь тебя не зрел.
Там ускоряй небес медлительные кары.
Беги — и навсегда оставь ты мой предел,
Чтоб с утренней зарей я здесь тебя не зрел.
Или — останься здесь, презри мои веленья,
И завтре здесь падешь ты жертвою мученья!
Решись и избирай.

(Уходит.)

Явление IV

Медея, Родопа.

Медея

Тиран, решилась я!
Так, завтре не узрит меня земля твоя;
Но не гордись еще, я удалюсь со славой.
Воздвигну я себе здесь памятник кровавый,
Который с трепетом и поздний род узрит:
В прах мстительный мой гром весь град сей обратит.
Но как? ужель и он, и сам Язон коварный,
С Креоном согласясь?..

Родопа

Вот он, неблагодарный.

Медея

О ты, которая зришь скорбь души моей,
Любовь, что чары все пред властию твоей!
Ах, умягчи его, наполни грудь Язону,
Или — дай власть твою моим слезам и стону!

Явление V

Те же и Язон.

Медея

Итак, все кончено: супруг — врагом мне стал,
С Креоном согласясь, он сам меня изгнал.
Изгнание, Язон, ты помнишь, мне не ново.
И прежде на него твое решило слово.
С тобой бежала я, сражалася с судьбой,
Все для тебя, Язон,— и изгнана тобой!
Нет нужды! Ты велишь — мне должно покориться:
Тебя оставлю я! — Но где, скажи, мне скрыться?
В Европе, в Азии ль пристанище найду?
Не за тебя ль весь мир ведет со мной вражду?
Везде закрыт мне путь, везде найду гоненье
За страсть мою к тебе и за твое спасенье.
Ты помнишь — для тебя я жертвовала всем;
Ты помнишь то, и вот благодаришь мне чем!

Язон

Не укоряй меня несчастьем непременным;
Повергнуты в него мы небом раздраженным.
Делю все горести, все бедствия с тобой,
Но отвратить я их могу лишь сей ценой;
С богами мощными бороться нам напрасно.
Судьба твоя, детей тягчит меня ужасно;
Коль не Креуза бы и благостный Креон,
То я...

Медея

И смеет так мне говорить Язон?
Неблагодарный! Чем себя ты извиняешь?
Креона с дочерью ты мне предпочитаешь?
Каким они добром, ценою дел каких
Купили над тобой прав более моих?
Я честь тебе и жизнь один ли раз спасала,
Как на тебя судьба всей злобой восставала,
Когда, летя в Колхос с дружиною своей,
Ты был игралищем и рока, и морей?
Воспомни о бедах, главе твоей грозивших,
О чудах яростных, о тучах, огнь дождивших.
Кто все их укрощал, дракона усыпил?
Кто наконец тебе руно сие вручил?
Все мало! Для тебя Медея без возврата
Покинула отца, исторгла жизнь у брата;
И все то делала, чтоб счастлив был Язон.
Что ж боле для тебя соделал сей Креон?
Креузе ль боле ждать твоих благодарений,
Коль жизнь твоя есть цепь моих благотворений.

Язон

Их память глубоко в душе моей живет;
Язон ее с собой в могилу понесет.
Когда бы в сей душе твои читали взоры,
Ты б ужаснулася, оставила б укоры.
Но слаб судьбу, тебя разящу, одолеть,
Я что бы для тебя мог сделать?

Медея

Умереть!
Иль славы сей тебе еще казалось мало?
Пример тебе подать мне б мужества достало.
Бестрепетной рукой пронзив сама себя,
Еще б я славы путь открыла для тебя.

Чего ты стоишь мне, о том не вспоминаю.
Нет, к сердцу твоему я путь вернейший знаю.
Забудь, бесчувственный, о жертвах жизни всей,
Но вспомни, вспомни ты хоть о любви моей.
Паду к ногам твоим, у ног твоих рыдаю...
Ах, именем любви, которою пылаю,
Которая тебя дала душе моей
И даровала нам хвалу семейств, детей,
Их именем молю, твоими сыновьями;
Тронися; нет, не мной, тронися ты детями;
Не покидай ты мать, коль любишь чад своих;
Все узнают тебя в чертах младенцев сих.
Увы! Какой удел их, сирых, ожидает!..
При виде их тоска мне сердце раздирает.
В них вижу я твой дух, твою в них вижу кровь;
И тем бесценнее твоя ко мне любовь!
Спаси со мной детей, тронися их судьбою.
Представь, когда пойдут в изгнание со мною;
Что ждет их?..

Язон

Не страшись об участи ты их.
Я б умер с горести, изгнав детей твоих.
И взора, и души они мне утешенье;
И перенес ли б я толь горькое лишенье?
Ничто не разлучит их с нежностью моей!

Медея

Как? хочешь ты еще лишить меня детей?
Моих детей — предать ты мачехе дерзаешь?

Язон

Напрасно ты себя сей мыслию смущаешь.
Я счастья им хочу и знаю, что их род
Честь, им приличную, в Коринфе обретет
Под кровом царственным и под моей защитой,
Всю славу сохранит их крови знаменитой.
Своими милостьми Креон их наградит,
И с ними собственных он внуков съединит.

Медея

Нет, лучше во сто крат им смерть, чем униженье!
Как? кровь мою обречь на рабское служенье!
И, посмеваяся над отраслью богов,
С Сизифа племенем — зреть Солнцевых сынов?

Язон

Но не имею сил я с ними разлучиться,
Отдать их — все равно, что жизни мне лишиться.
Нет, не решуся я... и без детей моих...

Медея

Довольно! кончено! оставим речь об них.
Но вспомни, рассуди, что ты предпринимаешь,
Меня лишая их, чего себя лишаешь?
Один их вид мой гнев против тебя смирял.
Отняв их, свой покров последний ты отнял.

Язон

Желал я облегчить души твоей печали,
Не мысля, чтоб слова мои их умножали.
Тебе я тягостен. Но время, может быть,
Успеет истину очам твоим открыть;
И за поступок мой признательностью вечной
Сама ты мне воздашь.

(Уходит.)

Явление VI

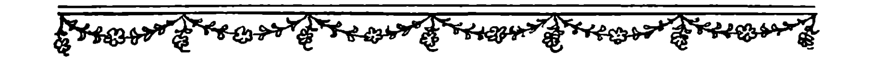
Медея, Родопа.

Медея

Воздам, бесчеловечный,
Воздам за все тебе ужасною ценой.
Позором отягчив несчастный жребий мой,
Меня ты счастия последнего лишаешь,
У матери детей, безбожный, отымаешь...
Все кончено: страшись! И завтре, о злодей,
Ты позавидуешь мне в участи моей!

Конец второго действия

1823

2. МАККАВЕИ

Трагедия Гиро

Акт III

Явление 1

Саломия, пять братьев, Елиодор.

Саломия

Как! Сын мой! Ефраим, богов иноплеменных
Дерзнет почтить в местах их игом оскверненных!

Елиодор

Ты в том уверишься! взгляни, уж твой народ
Мной созванный сюда со всех сторон течет
И сей чертог толпой несметной окружает.

Саломия

Мой сын, ты говоришь, корону принимает?

Елиодор

Так, здесь ее и честь он примет от царя.

Саломия

Не верьте сим словам, о дети, о друзья!
Тень Ааронова его не постыдится
И чистою на нем тиара сохранится,
Иль как Елеазар пример преподал нам,
Уступит он ее одним лишь палачам.

Елиодор

Верь, скоро ты в словах моих не усумнишься,
Сама их истиной в сем месте убедишься,
В его покорности уверен государь.

Саломия

О, сына более мать знает, чем твой царь:
Мой сын хранить отцов святыню не престанет,
Он братьев, он меня, он бога не обманет,
Что Ефраим готов богам сим честь воздать,
Меня б вотще пришел сам царь твой уверять.
Как мыслишь ты, Нептал, ты, с ранних лет за братом
Летавший на врагов с губительным булатом?

(Забулону)

И ты его делам дивившийся в боях,
Что он изменит нам, ты чувствуешь ли страх?

Нептал

. . . .

1823 или 1824

3. НОЧЬ НА 24 ИЮНЯ

Есть многое в природе, друг Горацио,
Что и не снилось нашим мудрецам.

Шекспир

Сцена 1-я

Деревенское кладбище с двумя или тремя каменными памятниками. Подле одного памятника разрыта могила, около нее летает бледное пламя. В ногах могилы пламя останавливается, разгорается и освещает темную человеческую фигуру.

Он

Встань, старый грех! Пора! Разоспалась ты и позабыла клятвы! Им исполненье наступило! вставай! Иль как уж раз заснешь сном человеческим, последним и невольным, то и не хочется проснуться? Так не давала бы заране слова! вставай и пойди за мною.

Мертвая

Ой, ой, ой! Кто будит жизнь в умерших членах? Его слова дыханья смерти холоднее! Пред ними сырость гроба сладка, как для живых младенцев теплота родимой груди. Встаю, могучий! Движуся всем телом, как живая, разделяю с усилием запекшиеся веки и гляжу. Кто ты?

Он

Я черный барин, как меня зовут о Масляной паясы. Иль, проще, будочник кладбищный. Да, впрочем, тебе какое дело до меня?

Мертвая

Я ж кто была? За какие клятвы ты меня тревожишь, страшный!

Он

Вот это иное дело! Я расскажу, послушай! Да не прими рассказа моего за сказку и не засни опять! Не для того тебя я разбудил, нет, вспоминай, чтоб знать, что делать. На всякий случай выдь-ка из могилы, не ленися!

Мертвая

Ох, говори, не мучь меня, проклятый!

Он

Ты была не чудо! Просто нянчила в соседстве с сим кладбищем ты злую дочь помещицы княгини Пронской! Дочь вышла замуж, и ты с ней отправилася жить в поместье князя Серебренова, ее мужа, а там и умерла!

Мертвая

Помню, помню!

Он

А помнишь ли, воспитывалась с нею вместе подкидыш-девушка, которую они как барышню учили и как служанку презирали?

Мертвая

Марию? помню.

Он

Как приехал, окончив заграничное ученье, князь молодой и влюбился в прекрасную Марию?

Мертвая

Святые души! им бы жить и царствовать и нас своим примером умудрять.

Он

Да немцы помогли нам! в нем ум и душу настроили высоко, не по земному ладу! Он обольстил смиренницу и

матушку княгиню поздравил с надеждою быть бабушкой!

Мертвая

Ох, грешница! Злой демон, что ты мне вспоминаешь?

Он

Дослушай, не тревожься! Матушка княгиня в тот же вечер тихонько посадила невестку будущую в бричку и отослала к вам на попеченье. Нрав дочери любезной вполне она ценила! Сына же в бреду горячки отвезла в столицу и записала в службу.

Мертвая

Ох!

Он

Не говори и не мешай мне досказывать! Княжна-дочка невестку приняла, как добрая родня! Не правда ль? Ей отвела богатые покои — в людской, заставила работой княжеской заняться — мыть полы и грязную посуду, а поутру и ввечеру ее в разлуке с другом утешала побоями и колкими словами.

Мертвая

И, бедная, как чистый дух, сносила, улыбаясь, и огорченья и труды, страдала только за душу его и за невинный плод любви их!

Он

Хорошо! Так помнишь ли, как чистый дух твой потерял терпенье? Как на смертном ложе, с младенцем мертвым на руках, она твою княгиню просила перестать ругаться над ее несчастьем и в исступленье наконец пришла.

Мертвая

За нее я, грешница, молила тоже!

Он

«Не женщина, а изверг! — воскликнула Мария.— На краю могилы я клянусь, и клятву умирающей услышит небо. Дотоле с телом мертвым не расстанусь и не уйду в

жилище душ, пока тебя рождающую не увижу, пока руками мертвыми младенца твоего я не приму и в моей могиле не постелю тебе постели!» Сказав, упала на войлочное изголовье и, как говорите вы, преставилась.

Мертвая

Злодейка, погубила душу бедной Марьи! Я ж грешная!

Он

А, а! ты помнишь!

Мертвая

Я упала целовать у мертвой руки и поклялась ей про себя помочь ей до кладбища дотащить змею, взлелеянную мною, и мертвым голосом ее в могиле убаюкать! Ах, грешная! увы мне!

Он

И час настал! Доселе каждый вечер землей не принятое тело из могилы таскали ведьмы на гору Лысую и, только месяц бледным светом жизнь сонную в нем пробуждал, они огнь мщенья питали в нем, и разжигали, и берегли. Там и теперь мы их найдем! Твою княгиню, взбесившись, лошади теперь несут, слуга упал и колесом раздавлен, кучер, в вожжах запутанный, тащился долго по ручью и захлебнулся, у кладбища в щепы карета разлетится! Пойдем, ты видишь — надобно спешить вам!

Мертвая

Лукавый! Ах, грешница, увы мне!

Сцена 2-я

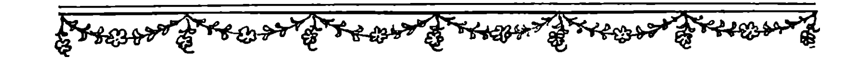
Лысая гора близ Киева, на вершине ее лежит мертвое тело Марии, по горе толпятся старые и молодые ведьмы, в половине сцены показывается полный месяц.

(Они поют)

Разлилися воды
На четыре броды:
Как на первом броде
Роща зацветает,
Соловей щелкает;

На втором-то броде
Лето весну гонит,
А кукушка стонет.
Как на третьем броде
Кони-легконожки
Полетят с дорожки.
На четвертом броде
Свет-девица плачет,
За неровню идучи,
Сердцем лихо чуючи.

1-я. Здорово, кумушка!
2-я. Здорово, сватья!
3-я. Откудова, сестрица?
1-я. Ох, я устала, я устала!

4. РОЖДЕНИЕ ЛЕЛЯ

Песни молодого Баяна

1

Я ходил молиться богам, сперва небесным, там земным, а там подземным и просил их научить меня сладостно петь. Но сколько жрецам ни раздарил я овечек и коз, все ж надо мной смеялись пастушки. Глупец, мне давно бы пойти к Лелю. Он услышал мои молитвы и кинул несколько искр в мою чашу, мед закипел, и я с тех пор воспеваю Леля и чаще пляшущим девушкам пою под лад его рождение, они улыбаются и хвалят Баяна.

2

Что б мы были без вас, прелестные, с вами и пустынная природа теряет свою дикость, и птички поют сладостнее, и мы дышим дыханьем бессмертных. Послушайте повесть мою. Проно выучил внучку свою Ладу волшебству, сим волшебством она отвлекала богов от богинь, перед всяким летала призраком и мучила пустыми желаниями, а в богинь поселяла ревнивость. Только поцелуй мог разрушить очарование, и гонимая Лада тайно ниспустилась на землю. Около горящего дуба лежали дикие обитатели земли, ужасные песни прославляли убийство, и победители пили кровь из черепа вражеского. Лада явилась пред ними, и они устыдились своей жестокости и познали благость бессмертных в нежных объятиях дев.

3

Поверьте мне, милые, ясное зеркало вод опаснее шумящего потока, одно устрашает нас, другое привлекает. Никто из богов, лежа на пуховом облаке, не знал, куда скрылася Лада, а летун Догода, от которого она не скрылась и даже позволяла дитяте завивать падущие на груди ее кудри, о всем рассказал им, и боги и богини полетели на землю. Боги — похитить поцелуй, а богини — из ревности запрятать волшебницу Ладу.

4

Резвитесь, пасту́шки и пастушки́, кружитесь, схватившись руками. Без резвости и красота не красота. Мерцана из небесных чертогов привела за полную ручку летуна Догоду: «Вот тебе, прелестная Зимцерла,— сказала она,— вот любовник твой, забавляйтесь, а под вечер я приду за ним». Но прелестная Зимцерла и не глядит на него. «Ты изменил сестре моей Ладе, изменишь и мне! Поди, ветреник, не тронь моих цветов. Я и без тебя буду забавляться пестренькими бабочками. Поди, ветреник, не тронь цветов моих». Он вздохнул и понесся, а ее цветы стали завядать от жару солнечного. Зимцерла вздохнула, и в кусточке что-то вздохнуло. Она уронила слезку, и Догода унес ее на розу и с улыбкой обнялся с Зимцерлой.

5

О властолюбие, что не делают для тебя и бессмертные и смертные! На просвещенный Ладою народ кидается Лед с мечом обоюдуострым. Неизвестный воин, весь покрытый железом, защищает его. Лед ударяет по забралу, забрало поднимается вверх, и лицо Лады блеснуло под закрывающимся железом. Исступленный бог схватывает за узду Ладиного коня, обнимает латы, пустые латы на него падают, и маленький кролик скрывается в кустарнике.

6

Послушайте, молодые любовники, послушайте, что вам молодой Баян поет. Обманчиво время, а женщины обман-

чивее и времени. Наши деды, певал Святославов Баян, называли их колдуньями, которые устрашают вас в длинные вечера на посиделках, о девы и юноши. Ужасный Лед хотел похитить у Лады поцелуй, уж она находилась в его объятиях, как, превращенная в белого кролика, сокрылась она в кустарнике. Лед наклонился к кустарнику и выгнал уж не белого, а черного кролика. «Не укроешься!» — кричал он и загнал его в темную пещеру, где вместо кролика кто-то обнял его. «Это ты»,— прошептал он и ловил уста ее; но это была Яга, жена его. Тщетно вырывался он из объятий ее; она держала его и осыпала его укоризнами.

7

Не беги меня, Людмила, я более не буду принуждать тебя сказать мне «люблю». Быть насильно милым нельзя, говорит старинная песня.

Святовид хотел поцеловать Ладу, она убегала его. Лада превратилася в пастушку, он в пастушка́; из его объятий она улетела бабочкою, а он пестреньким мотыльком хотел свиться с нею; но хитрая замочила ему крылья, превратяся росою, и он упал меж колючим шиповником. С тех пор Святовид перестал превращаться и улетел в свое солнце.

СТАТЬИ

1. ИЗВЕСТНОСТЬ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

(Письмо к издателю «Музеума»)

Приятно видеть, как наша литература мало-помалу знакомится с иностранцами. Карамзин переведен на трех языках, Кантемира читают с большею приятностию на французском, нежели в старой его одежде, а Державина, подражая нашим переводчикам романов, успели уже перепортить. Г. Борг, как я увидел из вашего журнала *, намерен перевести все знаменитые стихотворения русских поэтов и с тем преимуществом перед прочими переводчиками, что он с особенною точностию удерживает красоты подлинника. Наконец, в скором времени покажется новая на немецком языке книга «О древней российской словесности» [1], из которой присылаю вам три песни.

Для меня тем лестнее писать о ней, что я был свидетелем ее рождения, если можно сказать, принял ее из родительских рук. Автор сей книги, мой приятель и притом сотоварищ, воспитывался в России между русскими и знает так хорошо наш язык, что часто, одушевленный порывами или Державина, или Жуковского, принимается за перо и довольно приятно изъясняется стихами. Но писать к вам без всякого плана, следуя одной только охоте, значит в переводе наскучить вам до бесконечности исписанными листами, от чего сохрани меня боже и в прозе, и в стихах. Итак, скорее к берегу, к берегу!

Прочтите наперед содержание этой, может быть, для всякого русского любопытной книги. Сочинитель говорит о веселом характере великороссов, притом *смешанном* с какою-то заунывностию, которая непосредственно рожда-

* Кн. 9, стр. 375.

ется при взгляде на снежные долины и голые рощи, почти три четверти года сетующие на жестокую природу. Оттого-то, продолжает он, дознано, что ни один из европейских народов не способнее русского к элегическим сочинениям. Следуя по времени, разбирает он песнь о Игоре, приводит из нее некоторые места, и, сказав замечание о ее переводе гг. Язвицкого и Палицына (или *Попова*), переходит к песням. Здесь распространяется о веке, которому можно бы было приписать их, разделяет их на песни элегические, заключающие в себе одни излияния чувства, и на песни балладические, рассказывающие чью-нибудь историю. Наконец, тою же самою мерою и как можно ближе переводит лучшие. В конце рассуждения говорит он о русских сказках, собранных г-м Ключеревым[2], там о польском веке[3], который оканчивает Кантемиром, с краткою его жизнию. Всего любопытнее приведу вам описание коня, переведенное тем же размером из известной сказки: «Начинается сказка от сивки, от бурки» и пр.

Wenn es rennet das Roß,
Es erzittert der Schoß
Der zermalmeten Erde,
Es fliegen vorüber
Dem muthigen Pferde
Die Berg' und die Thäler,
Es dampfen die Felder,
Es rauschen die Wälder,
Und hinten mit Sausen,
Und hinten mit Brausen
Der Wind in die Ohren
Ihm heulet und pfeift *.

Увидя, как примут его сочинение, он, может быть, напишет о новейших наших поэтах. Кто не пожелает успехов этому молодому человеку, одаренному способностями? Кто не подумает с удовольствием, что, может быть, за веком, прославленным нашим громким оружием, последует золотой век российской словесности?...

. . . .

. . . .

Прошу вас, милостивый государь, уведомить в вашем журнале читателей о сей книге.

Барон Д.

---

* Конь бежит, дрожит раздробленная земля, летят мимо отважного скакуна горы и долины, он мчится через поля, стремится через леса, только ветер шумит, только ветер свистит и воет в ушах *(нем.)*.— *Ред.*

2. НА КРИТИКУ «ГАЛАТЕИ»

По природе и по образу мыслей моих я всегда был и буду равнодушен к похвалам и брани журнальных аристархов наших; никогда не сердился на их замечания, даже радовался, доставляя им случай написать одну или две лишние странички. Но, прочитав в 19-м № «Галатеи» критику на мои стихотворения, почел обязанностью заметить сочинителю ее всю неприличность его нападок на нравственное чувство уважения, которое я со всеми благомыслящими соотечественниками питаю к Пушкину, Баратынскому и Плетневу. П. А. Плетнев, отвлекаемый от муз другими полезными занятиями, реже двух первых являлся на литературном поприще, но всегда дарил читателей стихотворениями, исполненными чувства и гармонии. Прозаические статьи его отличаются правильностью языка и точностью мыслей и,— что у нас довольно редко,— тоном хорошего общества. С благородною гордостию радуюсь, что могу без лести хвалить друзей моих. В первых двух стихах ответа моего [1] на ненапечатанное еще «Послание» ко мне П. А. Плетнева я как бы предвидел или предчувствовал критиков «Галатеи».

Б⟨арон⟩ Дельвиг.

P. S. Признаюсь в моем невежестве: я не понимаю слова «художественность» [2], так же как не постигаю и мысли, побудившей г. Раича превратить в балладу бессмертную поэму Тасса [3]. Впрочем, в угодность г. издателю «Галатеи» я советовал почтенному переводчику «Ромео и Юлии» [4] кинуть уже переведенные размером подлинника четыре действия сей трагедии и, не думая о верном передавании красот Шекспира, перевести снова сию трагедию мерою «Моих Пенатов» [5].

3. «РАДУГА». ЛИТЕРАТУРНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ НА 1830 ГОД.

Изд. П. Араповым и Д. Новиковым. М., в тип. С. Селивановского.

Что такое альманахи в Германии, в их отечестве? Игрушки взрослых детей, подарки на новый год, книжки, которых главное достоинство состоит в картинках и в богатом издании. Хорошая статья прозаическая, стихотворение, носящее отпечаток таланта, не необходимость в подобном издании, а даже неожидан-

ный подарок. Мы, русские, давно уже известны охотою подражать всему иноземному. И альманахи не ушли от замечательности нашей: мы ввели их в употребление, но, кажется, ранее, чем бы следовало. Впрочем, в этом случае наша поспешность не повредила, а принесла пользу. Пример редкий — объяснимся. Альманахи наши не блестят картинками по причине очевидной: мы не имеем еще художников, живописцев, отличных талантом и образованием, которые бы посвятили себя альманачной работе, и продажа альманахов, по незначительности своей, не позволяет издателям даже подумать об украшениях. Наши народные альманахи в сравнении с иностранными так же смешны, как изысканный наряд бедной девушки; нам вместе с нею осталась одна прелесть убора — опрятность, но увы, и сия добродетель нелегка у нас. Как же наши подарки на новые годы могут быть праздничными подарками? Они избрали себе удел лучший, тоже невольный: *быть годовыми выставками литературных произведений.* Большая часть наших писателей постоянно наделяет их образцами своих годовых занятий, а у некоторых и все труды трехсот шестидесяти пяти дней занимают в них две-три странички.

Наблюдателям хода русской словесности не многим чем удовлетворить свое любопытство в альманахе «Радуга». Исключив ученое рассуждение «О народных русских пословицах» И. М. Снегирева и две живые статьи — «Фомин понедельник» [1] и «Визитные карточки» [2], проза похвалиться ничем не может. Краковский же замок Н. А. Полевого страшит нас за его «Историю русского народа». Ужели в ней характеры героев наших будут выставлены в таком ложном свете и так карикатурно, как здесь им представлен Суворов? Что сказать о стихотворениях «Радуги»? Они решительно не выходят из мудрых пределов золотой посредственности,— все, даже стихи А. С. Пушкина и князя П. А. Вяземского. В отделении музыки (NB. чисто выгравированном) меломаны наши с удовольствием найдут новые произведения княгини З. А. Волконской, В. Е. Шольца, А. В. Всеволодского, князя В. С. Голицына, О. О. Геништы и А. Н. Верстовского и пожалеют, что цыганские песни не совсем верно выражают оригинальность очаровательного пения московских вакханок.

4. «ДИМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ». ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН. СОЧИНЕНИЕ ФАДДЕЯ БУЛГАРИНА. 4 ЧАСТИ.

СПб., в тип. Александра Смирдина, 1830. (В I ч. XXVIII—302, во II—301, в III—362, в IV—517 стр. в 12-ю д. л.)

Статья 1.

В предисловии к «Димитрию Самозванцу» просвещенные читатели увидят причину, почему предмет, сам по себе богатый романическими происшествиями и необыкновенными характерами, лишился в романе г. Булгарина занимательности и живости. Автор пренебрег главную цель романиста, а заботился о второстепенных. «Желание мое,— говорит он,— представить Россию в начале XVII века в настоящем ее виде»[1]. Цель всех возможных романов должна состоять в живом изображении жизни человеческой, этой невольницы судеб, страстей и самонадеянности ума. Живописуя историческую картину, художник, разумеется, должен знать место, на коем действовали герои его, должен изучить черты лиц их, одежду и оружие их времени,— но это необходимое не есть еще главное, совершенно удовлетворяющее все требования искусства. Не поименованных кукол, одетых в мундиры и чинно расставленных между раскрашенными кулисами, желает видеть в картине любитель живописи; он ищет людей живых и мыслящих, и вследствие их жизни и мысли действующих; а место и одежда их должны только довершать очарование искусством обманутого воображения. То же самое желали бы мы найти и в романе г. Булгарина. Русские давно знакомы с действующими лицами оного. История нам сохранила их имена и деяния, их характеры и черты лиц; археологи раскрыли нам подробности их жизни домашней и общественной; обычаи, поверья, одежда и оружие того времени благодаря их изысканиям удовлетворят самого любопытного охотника до древностей. Актеры, следственно, готовы и одеты, даже мы знаем их способности: заставьте же их переиграть известную нам великую драму по возможности так же хорошо, как они представили ее в первый раз перед нашими предками.

Не говорите нам, что «автор здесь в стороне, а действуют исторические лица. Я никого не заставлял действовать и говорить по моему произволу» и пр. и «если кому не нравятся характеры, не моя вина». Автор не может быть в стороне: ему нет нужды самому выходить на сцену, как

делывали греческие комики; но он обязан отвечать, что он не исказил ни одного исторического лица, что он всегда заставлял его говорить сообразно известной степени его ума и темперамента, что каждое движение тела его есть выражение невымолвленной мысли или еще не обнаруженного желания, а не произвол автора; и что все прибавления романиста не суть своенравные вымыслы, а ученые пополнения утраченных временем страниц из книги человеческих помыслов и деяний. В настоящей жизни, в людях, окружающих нас, мы можем не любить дурных характеров, остерегаться людей подозрительных, презирать глупых и злых, убегать вредных; но в романе виноват сочинитель, если характеры нам не нравятся, ибо от характеров романа требуется одной естественности. Кому бы пришло в голову сердиться на романиста за то, что он представил злодеев, известных в истории, злодеями? Мы еще более будем снисходительны к роману «Димитрий Самозванец»: мы извиним в нем повсюду выказывающееся пристрастное предпочтение народа польского перед русским. Нам ли, гордящимся веротерпимостию, открыть гонение противу не наших чувств и мыслей? Нам приятно видеть в г. Булгарине поляка, ставящего выше всего свою нацию; но чувство патриотизма заразительно, и мы бы еще с большим удовольствием прочли повесть о тех временах, сочиненную писателем русским.

Итак, мы не требуем невозможного, но просим должного. Мы желали бы, чтоб автор, не принимаясь еще за перо, обдумал хорошенько свой предмет, измерил свои силы. Тогда бы роман его имел интерес романа и не походил на скучный, беспорядочный сбор богатых материялов, перемешанных с вымыслами ненужными, часто оскорбляющими чувство приличия. История не пощадила Димитрия Самозванца; его пороки и безрассудность выставлены ею не в полусвете: зачем же ужасную память о нем обременять еще клеветою? Где, в каких тайных летописях найдено, что он был шпионом у Сапеги (см. I часть)? Какое чисто литературное намерение заставило автора наделить его сим незаслуженным званием? Сколько убийств, напоминающих дела Стеньки Разина (в особенности утопление Калерии), взведено на него понапрасну! Сколько страниц посвящено сухим, неуместным выпискам о богатстве Годунова, чтобы заставить бедного Самозванца пересказать слова Лудовика XVIII о Наполеоне: «Да, он был хороший мой казначей» (ч. IV)! Борис Годунов и Василий Шуйский, два лица, блистающие в истории нашей необыкновенным,

гибким умом и редким искусством жить с людьми различных свойств, ускользнули совершенно от наблюдательности автора. Первый, как дитя, перед всеми проговаривается, что он злодей, и как дурной актер, не знает, что делать с собою, высказывая им затверженную роль. Он некстати то встает со стула, то опять садится, подымает голову, опускает ее на грудь и мечет туда и сюда руки. А второй едва обрисован: это призрак, это лицо без образа.

Роман до излишества наполнен историческими именами; выдержанных же характеров нет ни одного. Автор сам, как видно, чувствовал, что по событиям, им описанным, не узнаешь духа того времени, и впадал поминутно в ошибку прежних романистов, справедливо указанную Валтером Скоттом: он перерывает ход действия вводными, всегда скучными рассказами. Что же касается до сцен народных, они незанимательны по его собственной воле, для нас остающейся доселе загадкою. Выписываем из предисловия собственные слова его: «Просторечие старался я изобразить *простомыслием* [2] и низким тоном речи, а не грубыми поговорками».

Высказав первые впечатления, родившиеся в нас при чтении романа сего, предоставляем себе в следующих статьях полнее развить наши мнения и подробнее поговорить о сей книге [3], которая, без сомнения, найдет много читателей и, следственно, должна иметь некоторое влияние и на литературу нашу.

В заключение скажем еще одно замечание. Язык в романе «Димитрий Самозванец» чист и почти везде правилен; но в произведении сем нет слога, этой характеристики писателей, умеющих каждый предмет, перемыслив и перечувствовав, присвоить себе и при изложении запечатлеть его особенностию таланта.

5

В третьем нумере «Московского Вестника» на нынешний год мы прочли следующее замечание: «В предисловии к переводу „Илиады“, которым подарил русскую словесность г. Гнедич, говорится об опытах гекзаметрами Жуковского и Дельвига,— и ни слова о гекзаметрах Мерзлякова, который *прежде всех* в наше время ввел эту меру. Не понимаем, что значит такое упущение и в следующем нумере предложим *документы* в подтверждение истины наших слов, в пособие будущему историку русской словесности». Странно, подумали мы,

обвинять Гнедича в проступке, им не сделанном! В предисловии к «Илиаде» не говорится, кто у нас первый по возобновлении начал слагать гекзаметры, а именуются два писателя, которых стихи нравятся переводчику Гомера. Можно не разделять с человеком образа мыслей, даже охуждать вкус его; но требовать, чтобы он чувствовал, как мы, или, еще более, укорять его, как сделано в «Московском вестнике», зачем он не говорит, чего мы желаем,— несправедливо. Тем не менее ожидали мы четвертого нумера сего журнала, надеясь найти в нем, для поверки нашего мнения о трудах г. Мерзлякова, исчисление его гекзаметрических пьес и хотя поверхностное суждение об оных. Ожидали с любопытством, потому что знали из числа их только две-три небрежные попытки в переводах с древних и читали в трудах Московского общества любителей словесности его мнение [1], что гекзаметр у нас существовать не может, ибо русский язык не *певучий*. Наконец желанный нумер вышел и в длинной, ученической диссертации о старике Гомере мы прочли: «...что честь торжественного введения гекзаметра в святилище русской словесности составляет одну из многочисленных заслуг почтенного профессора и поэта, подарившего нас прекрасным переводом из „Одиссеи“ и некоторыми оригинальными стихотворениями в гекзаметрах, задолго до появления первых отрывков из настоящего преложения „Илиады“» [2]. Признаемся, к стыду нашему, мы не знаем ни одного оригинального гекзаметрического стихотворения г. Мерзлякова; на перевод же «Одиссеи» ссылаться нельзя, хотя при первом издании его [3] и было сказано, что он переведен размером подлинника. Всякий, умеющий скандовать стих, увидит, что помянутый отрывок переведен не древними гекзаметрами, а неровными амфибрахиями: то шестистопными, то пятистопными и даже есть один стих четырехстопный. Так неотчетливо привыкли и осуждать и хвалить в наших журналах. Так, в Московском же Вестнике прошлого года укоряли барона Дельвига [4], зачем он иногда в пятой стопе гекзаметра заменяет дактиль хореем. Барон Дельвиг виноват в этом только тем, что, не зная правил своего критика, следовал примеру Гомера, Виргилия, Горация, Фосса и правилам, изложенным Германом и другими европейскими учеными. Обратимся к переводам г. Мерзлякова. Гекзаметрами он переложил: из «Илиады» начало песни VII-й, единоборство Аякса и Гектора; из Каллимаха «Гимн Аполлону»; из идиллий Мосха: «Европа»; из Овидиевых превращений: «Дафна» и «Пирам и

Тизбе». Если произведения каждого искусства в начале должны носить на себе печать несовершенства, то сии пьесы имеют неотъемлемое право на первородство. В них напрасно вы будете искать важной и верной гармонии Гомера, роскошного благозвучия Мосха и до изысканности щеголеватых стихов Овидия: в них вы заметите одно намерение кое-как высказать нечистым прозаическим языком поэзию подлинника. Словом, если г. Гнедич и знал о сих опытах, то умолчал о них по причинам понятным. Он первый из русских переводчиков с древних чувствовал все достоинство своего подлинника и все неприличие шутить над искусством и своими читателями.

6. «ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА РУССКОГО ПОСЕЛЯНИНА». СЕЛЬСКАЯ ПОЭМА ФЕДОРА СЛЕПУШКИНА.

СПб., в тип. Департ. внешней торговли, 1830. (С литографированною картинкой. 80 стр. в 8-ю д. л.)

Иностранцы удивляются *азиатской* щедрости наших журналов на похвалы, а мы приписываем эту неумеренность азиатской лености нашей читать и думать. Многие, никогда не следовавшие за текущею словесностию, вдруг обязываются говорить о каждой вновь выходящей книге и, не имея охоты читать, не привыкнув при чтении мыслить, прибегают к легкому способу отделываться от читателей: к риторическим похвалам или к брани, по которой видно только, что рецензент сердит на сочинителя. Вот почему грозные определения наших Аристархов не сходствуют с общим мнением рассуждающей публики, а ими раздаваемые лавры и благодарность от лица всего человечества [1] — обидны истинному таланту.

Подобной похвалою обезображено и предисловие [2] к «сельской поэме» Ф. Слепушкина. К ней ничего не прибавишь, говоря о Виргилии или Томсоне, и по ней не узнаешь, чем крестьянин Слепушкин обратил на себя внимание, кроме своего положения. По нашему мнению, стихотворения его [3] приятнее многих поэм и элегий молодых наших поэтов, которые вместо мыслей и поэзии ищут одних звуков, напоминающих гармонию стихов Пушкина и Баратынского, и тем счастливо походят на снегирей, высвистывающих песню о Мальбруге. Стихи в «Сельской поэме», не отличаясь ни отделкою, показывающею знатока в искусстве, ни возвышенностию поэтических мыслей,

привлекают читателей правдою описаний. В ней все предметы не по слуху знакомы нашему певцу-поселянину: в ней воспел он свой быт, скромный, но счастливый.

В оправдание нашего мнения помещаем здесь его стихотворение.

ЯРМАРКА

Настало утро золотое,
Зарница в небе чуть блестит;
Светает небо голубое,
И ранний соловей свистит,
Поют везде пернатых хоры!
Лучи льет солнце от небес,
Поля воскресли, холмы, горы,
Луга, сады и дикий лес;
Струи меж камнями играют,
Под ивами на ручейке
Своим журчаньем привлекают!
Там отдается вдалеке
Звон тихий старого погоста,
Тут почта резвая летит
С крутого берега вдоль моста,
Лишь по дороге пыль клубит!
Вот потянулися рядами
Обозы с сельскими трудами
На хлебной ярмарки базар;
В обгон в колясках и рыдванах
Мчат кони статные бояр!
Купцы, посадские в кафтанах,
В цветных халатах дорогих
Несутся вихрем на лихих!
Как бы на пир веселый к другу,
Со всех сторон толпы гостей,
По берегу, воде и лугу
Шумят, как стадо лебедей.

И вот все съехались, собрались,
Товары в лавках разобрались:
Там белоснежный коленкор,
Там легкий разноцветный флер;
Там лоснятся атласом ленты,
Сверкают с гасом позументы,
Парчи узорчатые, штоф
И ситцы модных всех цветов,
Платки с широкими каймами
Лежат открытыми кусками
В подряд уборно на виду,
Как будто бы цветы в саду,
Гостей красою привлекают.
Там грани хрусталей сверкают,
Златистый расписной фарфор,
Там манит запахом помада,
Прохожих привлекает взор.
А тут для сельского наряда

Кумач, китайки и платки,
Для молодцов там кушаки,
А для красавиц позументы,
Цветистый бисер, в косы ленты;
Для ходоков тут сапоги,
Для ездоков шлеи, дуги;
Для малых деточек потехи,
В палатках пряники, орехи,
Для едоков воз калачей,
По вечкам разные товары;
Шумят со сбитнем самовары,
Проворный сбитенщик гостей
Шутливой лаской закликает.
А под горой, как вихрь, летает
Цыган на жеребце гнедом,
Крутит коня пред табуном!
То тихой рысью, ровным скоком,
И, замечая зорким оком,
Охотника он ловит взгляд.
К нему подъехал: «здравствуй, сват!
Давай, родной, скорее руку,—
Купи удалого гнедка! —
Иль променяй на воронка,
А за меня тебе порука
Весь табор коренных цыган,
Греха боюсь навесть обман!
Гнедко мой хоть куда годится —
В тяжелый воз, и прокатиться;
Как статен и красив собой!
Весна шестая как родился,
Недавно кол во рту пробился,
И шерсть полюбит домовой.
Не дай бог видеть мне кибитки
Когда я лгу! — готовы *литки*».

Высокий на лугу шатер,
Как башня гордая, белеет;
На нем орел, внизу, как бор,
По крыльям елка зеленеет.
Веселье там у поселян,
За пенным по траве кругами
Сидят рядком друзья с друзьями,
С продажей меду и семян,
Любя друг друга, поздравляют,
Почокиваясь, дружно пьют,
В прохладе песенки поют
И в звонкие рожки играют;
В кругу отвага молодца
Вприсядку пляшет голубца.
По ярмарке, как рой шумливый,
Гуляет весело народ;
Тут ряд идет вельмож, господ;
Забавен разговор шутливый,
И смех летает с их толпой.

А вслед посадские гурьбой,
Купцов подруги молодые,

На них наметки золотые,
Кокошник жемчугом увит,
Яснеют по челу подзоры,
На штофных ферязях уборы,
Широкий гас как жар горит!
Селяне мирные с женами
Счастливо сбыли дар гумна,
Душа их радости полна,
Идут, уговорясь с друзьями,
В ряды к знакомому купцу.
Купить жене кумач, отцу
Кушак, китаечник родимой,
А бисеру сестре любимой,
По шляпе добрым сыновьям,
По ленте в косы дочерям,
Малютке поясок шелковый,
Радивой бабушке — камки
На подзатыльник лоскут новый.
Купили,— бережно в мешки
Свои обновы уложили
И, нагулявшись, покатили
Селяне мирные к домам.
Вот шум на ярмарке стихает,
И реже стало по рядам,
Уже на небе вечеряет,
Едва мерцает солнца свет,
Ночь темная за ним идет,
Умолкло все, и пусто стало,
И ярмарки как не бывало!
Свет нас забавами манит,
И суета наш ум кружит;
Пестреет мир перед глазами,
Все жизнию кипит пред нами,
Но эта ярмарка минет,
Всему простор — и следа нет.

Ф. Слепушкин

19 января 1830 г.

7. «НИЩИЙ». СОЧИНЕНИЕ А. ПОДОЛИНСКОГО.

СПб., в тип. X. Гинца, 1830. (45 стр. в 8-ю д. л.)

Певец «Нищего» познакомился с читающею публикою нашей в 1827 году, выдав маленькую поэму «Див и Пери». Счастливо выбранный предмет, стихи, всегда благозвучные, хотя не везде точные, и в целом хорошее направление молодого таланта обрадовали истинных любителей русской словесности. Поэма «Див и Пери», сама собою не образцовое произведение, сде-

лалась драгоценною книжкою по надеждам, какие подавал ее сочинитель. Удовольствие судей благомыслящих откликнулось шумною радостью в наших журналах, как едва слышное одобрение театральных знатоков подхватывается громкими плесками амфитеатра. Один московский журналист [1] даже вызвался благодарить молодого поэта от лица всего человечества. Поступок, у нас неудивительный. Упорное молчание людей, которые, по своему образованию и уму, должны б были говорить в полезное услышание наше, оставляет литературных демагогов в счастливой самоуверенности, что они говорят по общему призванию и от лица всех мыслящих. Потому-то в их судейских определениях заметите много повелительного и ничего убедительного! Пожалеем, если неотчетливая похвала их имела вредное действие на молодый талант нашего поэта: вторая поэма его «Борский» обрадовала только журналистов, из коих один объявил [2], что теперь должно учиться стихи писать у г. Подолинского, а не у Жуковского и Пушкина. Стихи в «Борском», как и в «Див и Пери», благозвучны, но язык еще более небрежен, а план его, как известно читателям, склеен из неискусных подражаний двум-трем поэмам любимых наших поэтов и закончен катастрофой собственной выдумки, годной разве для модных французских пародий [3], какова «Le lendemain du dernier jour d'un condamné» *.

Благозвучные стихи без мыслей обнаруживают не талант поэтический, а хорошо устроенный орган слуха. Гармония стихов Виргилия, Расина, Шиллера, Жуковского и Пушкина есть, так сказать, тело, в котором рождаются поэтические чувства и мысли. Как женская красота вполне выразилась в формах Венеры Медицийской, так у истинных поэтов каждая мысль и каждое чувство облекаются в единый, им свойственный гармонический образ. Сия-то связь очаровательности звуков с истиною вдохновений всегда будет услаждением и славою человечества; она врезала в памяти великого Лейбница двенадцать песней «Энеиды»; плененный ими, он говаривал: «Если бы Виргилий наименовал меня только в одном стихе «Энеиды», я бы почел себя счастливейшим человеком и пренебрег бы всякою другою известностью».

Подобное благозвучие предвещала нам, как заря прекрасного дня, поэма «Див и Пери», и, к сожалению,

* Наутро после последнего дня осужденного *(фр.)*.— *Ред.*

надежды наши не сбылись по прочтении «Нищего». В нем напрасно вы будете искать поэтического вымысла, в нем нет во многих местах (не говорю о грамматике) даже смысла. Это что-то похожее на часовой будильник, но хуже: ибо будильник имеет цель, он звенит, чтобы разбудить в назначенное время спящего человека. В подтверждение нашего мнения расскажем содержание сего сочинения:

Бедный итальянец, уже в преклонных летах оставивший Италию, тоскует по родине, жалуется, что она далеко и, как ребенок, не умея назвать собственным именем, описывает ее частными картинами, более изображающими Швейцарию, чем Италию:

Еще я помню: горы там,
Снега и льдины по горам,
Они блестят венцом златым
Под небом вечно голубым;
Долин и нега, и краса,
Роскошно *зыблются леса*
И *брызжет искрами залив*
У корней миртов и олив;
Там ряд священных мне могил
Широко явор осенил —
И, может быть, в его тени
И я бы мирно кончил дни...
Я?.. Нет! *ничтожные* мечты!..

Ему запрещено возвращение в отчизну, и он оттого хотел бы разлюбить ее.

Но как *по вольности,* о ней
Тоска живет в груди моей.

Отчего же страдает он? — От любви, и вот каким образом:

Однажды праздником весны —
Храня обычай старины —
Плясал под сенню дерев
Круг резвых юношей и дев,
И между них была она,
Моя Аньола!...
Утомлена, ко мне на грудь
Она поникла; я дохнуть
Не смел....
И вдруг руки моей слегка
Коснулась жаркая рука,—
Я вспыхнул — к пламенным устам
Прижал ее — не помнил сам,
Что делал я, кипела кровь —
И я ей *высказал любовь.*

Аньола, удивленная, как и читатели, нежданным и неуместным признанием в любви,

Прочь пошла, не оглянулась.

Нищий из этого заключил, что она его не любит; ему показалось,

Что жизнь пучина слез и бед,
Любовь — огонь, а счастья нет.

И он, скрыв в душе любовь свою,

Бежал всего — родных, друзей,
И часто в сумраке ночей,
Тревоги полный, *чуждый сну,*
Один всходил на крутизну

и бессмысленно рыдал. Однажды ночью (на юге долго ночь тепла, замечает поэт) застает он над водопадом Аньолу и не одну; слышит, как она целуется, видит, как

Приникнув к ней, рука с рукой,
Ее ласкал соперник —

и сталкивает этого счастливца со скалы, то есть исполняет на деле ревнивое мечтание Алека, прекрасно высказанное Пушкиным:

...Когда б над бездной моря
Нашел я спящего врага,
Клянусь, и тут моя нога
Не пощадила бы злодея:
Я в волны моря, не бледнея,
И беззащитного б толкнул,
Внезапный ужас пробужденья
Свирепым смехом упрекнул,
И долго мне его паденья
Смешон и сладок был бы гул.
(«Цыганы»).

Незнакомец сброшен со скалы; Аньола бог знает куда скрылась, даже не вскрикнув от испуга, а герой поэмы услышал голос несчастного и узнал по нем родного брата. Невольное братоубийство подействовало не на сердце его, а на голову. Не знаем, было ли такое намерение у автора; судим по исполнению. Нищий помешался, и с этого несчастного мига все, что ни рассказывает он в остальной части поэмы,— или без смысла, или без цели. Чем бы кинуться к несчастному брату на помощь, или, если это напрасно,

постараться, по крайней мере, пока жив он, вымолить у него прощение, он преспокойно проговорил следующее непонятное заклинание и упал в обморок:

Если б гром
С небес разгневанных упал,
И под развалинами скал
Братоубийцу он погреб,—
Чтоб бездна приняла, как гроб,
Мою главу... чтоб в судный день
Моя испуганная тень
Укрылась в сумраке земли,—
Чтоб мне на сердце налегли
Громады гор,— но гром молчал!

Пришед в себя и пропев целую идиллию о красоте утра, насилу воспоминает он о своем поступке и то сомневается, но

Беглый взгляд
Случайно пал на водопад,
И что же? — брата епанча,
У ската горного ключа
Полой *вцепившись о гранит,*
По ветру вьется и шумит!

Из остальных слов Нищего понять можно, что он был посажен в тюрьму, что его навещала мать (которую, будто бы, тихонько и за деньги к нему впускали, как к важному государственному преступнику), что она и Аньола умерли и что судьи позабыли его в тюрьме, где он просидел бы до конца жизни, если бы Наполеон, завоевав Италию, не велел освободить заключенных. На воле совесть его не мучила, нет,— первое чувство, родившееся в нем, была *любовь!* и его тревожила только одна мечта, что он *сирота!* Однако ж он посетил могилы матери, Аньолы и убитого им брата и на них увидел чудеса: *кусты живых роз с нездешним запахом и кипарис, пахнущий розами.* Тут же (не знаем, сон ли это был) явились ему три знакомые тени и приказали навсегда удалиться из Италии. Он их послушался, пришел в Россию, и здесь беспокоят его мысли странные, из коих одну пускай он сам перескажет:

Убог и сир,
Я обхожу печальный мир.
Порою тучные поля
Объемлю жадным взором я
И мыслю: *если б хоть одно*
Здесь было и мое зерно.

8

В 39-м № «Северной пчелы» помещено окончание статьи о VII главе «Онегина», в которой между прочим прочли мы, будто бы Пушкин, описывая Москву, «взял обильную дань *из* «Горя от ума» и, *просим не прогневаться, из другой известной книги*». Седьмая глава «Евгения Онегина» лучше всех защитников отвечает за себя своими красотами, и никто, кроме «Северной пчелы», не найдет в описании Москвы заимствований из «Горя от ума». И Грибоедов, и Пушкин писали свои картины с одного предмета: неминуемо и у того, и у другого должны встречаться черты сходные. Но из какой, просим не прогневаться, другой известной книги Пушкин что-то похитил? Не называет ли «Северная пчела» известною книгою «Ивана Выжигина», где находится странное разделение московского общества на классы, в числе коих один составлен из архивных юношей? [1] Кажется, что так; и мы также обвиним Пушкина, хотя, по какой-то игре случая, его описание Москвы было написано прежде «Ивана Выжигина» и напечатано в «Северной пчеле» почти за год до появления сего романа [2]. Обвиним Пушкина и в другом, еще важнейшем похищении: он многое заимствовал из романа «Димитрий Самозванец» [3] и сими хищениями удачно, с искусством, ему свойственным, украсил свою историческую трагедию «Борис Годунов», хотя тоже, по странному стечению обстоятельств, им написанную за пять лет до рождения исторического романа г. Булгарина.

9

В Познани печатается новое полное собрание польских поэтов. Мы видели образчик сего издания, предпринятого графом Эдуардом Рачинским, и спешим разделить наше удовольствие с русскими библиоманами. Формат in-folio, бумага веленевая, необыкновенной доброты, буквы, напоминающие лучшие издания Фирмена Дидота,— словом, вся роскошь типографическая употреблена на украшение памятника, воздвигаемого просвещенною благодарностию бессмертным певцам, сим благовестителям высоких мыслей, глубоких чувств и славы народной. Вчуже радуемся прекрасному подвигу и предвидим в далеком будущем и у нас наступление поры таковых предприятий. Пока еще наших образ-

цовых писателей ждет участь незавидная. По правилам ценсурного устава, нам дарованного мудрым правительством, сочинения каждого писателя через двадцать пять лет после его смерти делаются собственностию народною. Все могут издавать их. Кто же первый у нас воспользуется сим правом? Невежественное корыстолюбие. Это нам уже и доказало дурное издание Фон-Визина [1], издание, о котором было говорено в библиографии 1-го № «Литературной газеты». Творения князя Кантемира, Ломоносова, Богдановича, Хемницера, Державина и проч. попадут сперва в руки деятельных издателей русских песень, сонников и украсятся теми же художниками и биографами, которые так несчастливо трудились над жизнеописаниями русских военачальников, прославивших свое имя в незабвенный 1812-й год.

10. БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН. СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Издание третие. СПб., в тип. Департ. народного просвещения, 1830. (46 стр. в 8-ю д. л.)

„Бахчисарайский фонтан», сочинение А. С. Пушкина, напечатан уже третьим тиснением: формат один с мелкими стихотворениями того же автора, вышедшими в двух частях в С.-Петербурге (1829). Издатели не поместили прежнего предисловия [1], теперь уже не необходимого, но в свое время возбудившего жаркие споры. В нем князь П. А. Вяземский первый выказал всю смешную сторону так называемых у нас классиков, первый поднял знамя умной и благомыслящей критики. В замен сей убыли прибавлен к выписке из занимательного «Путешествия по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола отрывок письма самого сочинителя к Д ***, в котором читатели увидят, как часто первые впечатления, прозаически скользя по душе, нечаянно после разгораются в ней огнем вдохновения и созревают до высокой поэзии.— Мы читали и перечитывали и в третьем издании «Бахчисарайский фонтан». Человек, не лишенный чувства изящного, не устанет читать подобные сочинения, как охотник до жемчугу пересматривать богатое ожерелье. В каждый новый раз удовольствие усугубляется, потому что все более и более убеждаешься в неподдельной красоте своей драгоценности. Пушкин в сей поэме достиг до неподражаемой зрелости искусства в поэзии выражений, а в сцене Заремы

с Марией уже ясно обнаружил истинное драматическое дарование, с большим блеском впоследствии развившееся в трагедии «Борис Годунов» и в исторической поэме «Полтава».

11. «ПОДСНЕЖНИК НА 1830 ГОД».

СПб., в тип. Департ. народного просвещения, 1830. (В 16-ю д. л. 177 стр.)

СТИХОТВОРЕНИЯ ТРИЛУННОГО. АЛЬМАНАХ НА 1830 ГОД. ДВЕ ЧАСТИ.

СПб., в тип. К. Крайя, 1830. (В 16-ю д. л., в 1-й ч.— 112, во 2-й ч.— 111 стр.)

«ВЕСЕННИЕ ЦВЕТЫ, ПОДАРОК ДЛЯ СВЕТЛОГО ПРАЗДНИКА НА 1830 ГОД».

М., в тип. Н. Степанова, при имп. Театре, 1830. (В 16-ю д. л. 155 и 10 стр.)

„Подснежник», в прошлом году изданный к святой неделе несколькими писателями, хорошо знакомыми русским читателям, имел нынешний год трех последователей. В числе их один явился с его именем [1], но только с именем, ибо он, исключая прекрасную эпиграмму Пушкина [2] и две-три порядочные пьесы других сочинителей, далеко отстал от своего соименника во всем, даже в красивости и чистоте издания.— Некто, человек с талантом, скрывающийся под прозванием Трилунного, выдал альманах, заключающий в себе собрание стихотворений самого издателя (новость у нас, но бывалое в Германии!). Ежели сочинитель оных молодой человек, то мы примем смелость из доброжелательства к юному таланту, подающему благие надежды, попросить его: продолжать много писать, но не торопиться печатать. Не громкие рукоплескания учтивых знакомых, но время, благотворно охлаждающее родительское пристрастие авторов к их произведениям, и строгий, всегда полезный суд беспристрастных друзей вспомоществуют хорошему созрению дарований поэтических. Пример Пушкина может быть убедителен. Несмотря на живое, нетерпеливое ожидание многочисленных любителей его поэзии, он ни одного значительного стихотворения не печатает, пока оно не полежит в его портфёле три или четыре года.

«Весенние цветы» напечатаны в изъявление благодарности князю Николаю Борисовичу Юсупову, облагоде-

тельствовавшему издателя оных. Подвиг похвальный и благородный!

12

〈Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин,—
И тут не вижу я стыда;
Будь жид — и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.〉

Сия эпиграмма напечатана в 17 № «Сына отечества и Северного архива» при следующих словах: «Желая угодить нашим противникам и читателям и сберечь сие драгоценное произведение от искажения при переписке, печатаем оное». К сожалению, доброе намерение их не исполнилось. До них дошла эпиграмма известного поэта нашего уже искаженною до пасквиля. Вместо Видока Фиглярина, имени выдуманного, поставлены имя и фамилия г-на Булгарина, что, как читатели наши видят, нет в настоящем списке и быть не может. Эпиграммы пишутся не на лицо, а на слабости, странности и пороки людские. Это зеркало истины, в котором Мидас может видеть свои ослиные уши потому только, что он их имеет в самом деле.

13. ОПЫТ ПЕРЕВОДА ГОРАЦИЕВЫХ ОД В. ОРЛОВА.

СПб., в тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1830. (178 стр. в 8-ю д. л.)

Многие лирические поэты наши подражали Горацию, некоторые переводили его. Державин и Капнист лучше всех постигли философическую поэзию певца Августа и Мецената. Они заставили его русским преподавать свои легкие правила жить и наслаждаться жизнию так же хорошо, как прежде он преподавал их римлянам. Словом, они брали только основу од его и писали прекрасные, оригинальные стихотворения. И. И. Дмитриев и В. А. Жуковский более их держались подлинника и подарили нас двумя-тремя его одами, ознаменованными преимущественно печатью их гения. Поповский и Тучков издали по переводу почти всех лирических стихотворений Горация. Волков, Востоков, Мерзляков, Милонов, Филимонов, Вердеревский и другие в разные времена и с разны-

ми успехами печатали свои переводы из Горация в повременных русских изданиях. Три первые ближе держались к оригиналу: несколько од их еще долго останутся у нас образчиками верных и хороших переводов; прочие, выдавая мысли своего поэта, не заботились об удержании образа, в котором они у него одушевлялись. Таков и объявляемый нами перевод. Мы видим талант поэтический в опытах г-на Орлова, но, читая его хорошие, гладкие стихи, не получаем ясного понятия о Горации. Желательно было бы иметь или подобный том собственных произведений г-на Орлова, или перевод Горация сколь возможно близкий, при чтении которого забывали бы о переводчике.

14. «ЯГУБ СКУПАЛОВ, ИЛИ ИСПРАВЛЕННЫЙ МУЖ». НРАВСТВЕННО-САТИРИЧЕСКИЙ РОМАН СОВРЕМЕННЫХ НРАВОВ. В ЧЕТЫРЕХ ЧАСТЯХ.

М., в тип. С. Селивановского, 1830. (В 12-ю д. л., в 1-й ч. VIII, 146, во 2-й ч. 146, в 3-й ч. 123, в 4-й ч. 127 стр.)

Издатель «Литературной газеты» получил возражение на рецензию романа [1] «Ягуб Скупалов», помещенную в 6-м № «Московского телеграфа» сего года. С сожалением он увидел, что антикритик, без сомнения, приученный к беспрерывным и личным враждам прочих русских журналистов, и его полагает найти с легко раздражаемым самолюбием, заставляющим нас часто, назло своих мечтательных соперников, а более назло здравого смысла, называть белое черным, черное белым. Рассудительные читатели «Литературной газеты» с первого и по нынешний номер, вероятно, не видали пристрастия в ее суждениях. Так и ныне мы не можем не согласиться с рецензентом «Московского телеграфа». Роман «Ягуб Скупалов» — не нравственный, не сатирический и не верно описывающий современные нравы,— а просто дурной, едва ли не худший из всех дурных русских романов, начиная с «Несчастного Никанора» и до «Ивана Выжигина» включительно.

Защитник «Ягуба Скупалова» старается доказать, что он был написан прежде романов Нарежного и романа «Иван Выжигин». Если бы это было и правда, то все бы ни к чему не послужило. За введение нового рода в литературу нашу правительство не дает привилегий, в силу которых вводителю позволялось бы целые десять лет быть лучшим в этом роде. Дурное сочинение все будет дурно,

прежде ли, после ли всех оно написано. Тредьяковский первый в России сочинил эпопею, и право первенства нисколько не спасло его от насмешек, до сих пор преследующих его «Телемахиду». Тот же Тредьяковский доказывал в ученых диссертациях, что для эпопеи лучший стих есть гекзаметр, и издал риторику и пиитику, в которых собрал много полезных правил и замечаний из европейских риторов и учителей поэзии: за это просвещенное потомство не откажет ему в уважении. Но возвратимся к роману «Ягуб Скупалов».

Защитник его сожалеет, что сей роман в письмах, говоря, «что это слишком пахнет романами минувшего века, а ныне, когда потребности читающей публики изменились, должно удовлетворять оной предметами, сообразными с направлением духа времени». Мысли ложные! Никакой род в руках мастера не стар так же, как хорошие романы прошлого века не стары для нынешнего и для всего просвещенного будущего. Сколько уже прошло столетий с тех пор, как Апулей написал роман «Золотой осел», а его и ныне прочтешь с тем же удовольствием, с каким читаешь романы Валтера Скотта и повести Вашингтона Ирвинга. Сервантес, Лесаж, Ричардсон, Фильдинг, Смоллет и Гольдсмит будут всегда хороши, несмотря на появление новых родов и новых гениев. Литературная республика не сходна с азиатскими монархиями, в которых повелитель, чтобы спокойно властвовать, должен задушить братьев. В ней всем талантам простор, для всякого круг действий велик и независим; каждый славными трудами укрепляет за собою толпу почитателей, в то же время ни у кого их не отнимая. Творите в добрый час, покоряйте вашим талантом внимание сограждан, и ни один достойный соперник ваш не встретит вас недружелюбно. Но если вы хотите иметь успех совершенный, то пишите не спеша и думайте не о денежных выгодах, а о соблюдении всех требований вашего искусства. В противном случае будьте довольны хорошею распродажей вашего произведения и не сердитесь на неодобрение судей. Не читайте приговоров их; а в утешение спрашивайте не у коротких, но чиновных знакомых мнения о вашей книге. Мы вам предсказываем наперед самые лестные похвалы; и заметьте, чем важнее государственный человек [2], вами спрашиваемый, тем более он похвалит вас. Пускай злые люди припишут это его учтивости: вам какая нужда верить таким толкованиям?

15. «БЕРЛИНСКИЕ ПРИВИДЕНИЯ, ИЛИ НЕЧАЯННАЯ ВСТРЕЧА В МАСКАРАДЕ, ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ». ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО, ПОСЛЕДНЕЕ СОЧИНЕНИЕ Г-ЖИ РАДКЛИФ.

М., в тип. Армянского института Лазаревых. 1830. (В 16-ю д. л. 37 стр.)

Никогда московские продавцы подобных книжонок не были так сильно уверены в оплошности покупателей, как издатель «Берлинских привидений». Имя г-жи Радклиф, им выставленное на заглавном листке, совершенно уподобляется червяку на удочке. Как неосторожная рыба, едва схватившись за лакомую пищу, узнает, что она жестоко обманута, так и читатель, привлеченный именем славной сочинительницы, на первой странице текста этой пустой повести открывает странную шутку, с ним сыгранную, читая сетование автора, что такой предмет привелось описывать не г-же Радклиф, а ему.

При сем случае нельзя не пожалеть, что у нас до сих пор нет еще перевода жизнеописаний славных романистов, соч. Валтера Скотта [1]. Читатели, не знающие иностранных языков, получили бы великое удовольствие, а книжные промышленники посовестились бы так просто обманывать добродушных любителей приятного чтения.

16. «РАЗБОЙНИК». ПОВЕСТЬ В СТИХАХ. СОЧИНЕНИЕ И. М. Х. А. С. МАТВЕЯ ПОКРОВСКОГО.

М., в тип. Армянского института гг. Лазаревых, 1830. (В 16-ю д. л. 67 стр.)

На заглавии этой стихотворной повести издатели могли бы написать, что она последнее сочинение лорда Байрона, и были бы так же правы, как приписавшие г-же Радклиф повесть «Берлинские привидения». Это исповедь какого-то чудака-разбойника. Для примера слога и соображений поэтических выпишем несколько стихов. У героя сего сочинения сгорел дом, в пожаре погибла жена его. Неверная молва обвинила одного соседа в зажигательстве его дома. Послушайте, как он отомстил:

К отмщенью злость меня звала,
Неистовством вооружила,—
К злодею я во весь опор —
И в грудь ему воткнул топор.

Но что ж? Покойник был *невинен,*
Напрасно я его обидел,
Невинно кровь его пролил
И ею руки обагрил.

17. IWAN WUISCHIGIN, MORALISCH-SATYRISCHER ROMAN VON TH. BULGARIN. AUS DEM RUSSISCHEN ÜBERSETZT VON AUGUST OLDEKOP. 4 TN.

Leipzig. 1830.

(ИВАН ВЫЖИГИН, НРАВСТВЕННО-САТИРИЧЕСКИЙ РОМАН Ф. БУЛГАРИНА, ПЕР. АВГУСТ ОЛЬДЕКОП), 4 Ч.

Лейпциг, 1830. (В 1-й ч. XXIV, 184, во 2-й 188, в 3-й 220 и в 4-й 316 стр. в 12-ю д. л.)

Как не быть нам благодарным иностранцам! Пиши только,— они всегда готовы переводить наши сочинения. Однако чрезмеру опасливые патриоты наши ропщут на них за преложение романа «Иван Выжигин». «Какое странное понятие,— говорят они,— будут иметь европейцы о русских нравах, прочтя сие произведение?» Не бойтесь, милостливые государи, Россия не закрыта от любопытных чужеземцев китайскою стеною. Со времен Петра Великого просвещенные и почтенные европейцы не оставляют столиц наших. Принцы крови, посланники знаменитых государей, ученые путешественники и просвещенные торговые люди посещают Россию ежегодно и, возвращаясь домой, письменно или словесно передают о ней свои верные наблюдения. Из одних напечатанных и везде уважаемых замечаний о России на английском, французском и немецком языках легко можете увидеть, как мы известны вне нашего отечества. Вспомните Сегюра, принца де-Линь и г-жу Сталь, и вы успокоитесь. Вот вам три представителя образованности и любезности европейской, которые удивлялись, во множестве встречая в гостиных наших людей вполне их оценявших и очаровательностию обхождения и разговоров заставлявших забывать всю прелесть блестящих обществ Парижа, Лондона и Вены. Умные иностранцы им поверят скорее, чем «Ивану Выжигину», в котором не найдут ни характеров, ни нравов, нижé нравственности и сатиры, обещанных на заглавном листе; не отыщут даже интереса романов Коцебу, Списса, Дюкре-Дюминиля и прочих своих посредственных романистов; и только заключат,

что в России нет еще хороших романов, если, веря предисловию г-на переводчика [1], «Иван Выжигин» в семь дней у нас раскупился. Но и сему объявлению переводчика вряд ли они поверят, опытами убежденные в истине пословицы: A beau mentir qui vient de loin *. На роман сей, за несколько месяцев до появления в свет, открыта была подписка [2], и подписка сия, по-видимому, у автора шла неудачно, ибо он решился подконец продать свое сочинение книгопродавцу за десять тысяч рублей, по крайней мере вдвое дешевле того, что он получил бы от 2400 покупателей, в семь дней, по словам г-на Ольдекопа, расхвативших роман «Иван Выжигин». Книги же, какого бы достоинства они ни были, сделавшись собственностию книгопродавцев, расходятся у нас хорошо, благодаря купеческой ловкости и оборотливости. Взгляните в русские книжные каталоги: вы удивитесь, сколько раз перепечатывались многотомные собрания разного вздора именно потому, что они изданы и проданы книгопродавцами; а книги (как, например, путешествие Крузенштерна, имевшее в переводах несколько изданий) едва ли в двадцать лет окупили издержки типографские. Впрочем, и у нас были и есть доказательства исключительной любви к произведениям, ознаменованным дарованиями высокими. Так, «Истории Государства Российского», соч. Карамзина, раскупили в 28 дней три тысячи экземпляров, за каждый платя не по 15 рублей, а по 50; так сочинения А. С. Пушкина, им самим издаваемые, с жадностью раскупаются и читаются.

Переводчик романа «Иван Выжигин» ропщет в предисловии на трудности, с ним повстречавшиеся в сем занятии. Жалеем об нем, тем более что с его трудолюбием и талантами он бы мог употребить на лучшее и труды свои, и время.

18

Люди недальновидные, но любящие и привыкшие отдавать себе отчет во всем ими прочитанном, осуждали, между прочим, в «Иване Выжигине» неопределенность времени, в которое жили и действовали герои сего романа. По названию государственных должностей, существующих в России, по одежде и некоторым обычаям думаешь, что автор представляет нынешнее время России; по войне же небывалой и по описаниям нравов московских

* Добро врать тому, кто за морем бывал *(фр.)*.— *Ред.*

и петербургских разуверяешься совершенно в первом предположении. Задача сия разрешилась. Автор «Выжигина» с намерением закрывал эпоху существования своих действующих лиц, дабы, представляя по своему разумению русские нравы, написать историю целой династии Выжигиных, то есть в течение трех-четырех лет выдать похождения сына Ивана Выжигина, Петра Ивановича и, может быть, внука его Петра Петровича и правнука Ивана Петровича, и так далее. Мы получили верное известие, что уже две части похождений Петра Ивановича написаны, а все четыре вперед запроданы книгопродавцу. Если это семейство Выжигиных попадется через сто лет кому-нибудь в руки, то какое тогдашний читатель возымеет почтение к постоянству нашему в модах и обычаях, видя отца, сына, внука и правнука в одинакой одежде, с одинакими привычками и странностями.

19. «НОВЕЙШЕЕ СОБРАНИЕ РОМАНСОВ И ПЕСЕНЬ, ИЗБРАННЫХ ИЗ ЛУЧШИХ АВТОРОВ, КАК-ТО: ДЕРЖАВИНА, КАРАМЗИНА, ДМИТРИЕВА, БОГДАНОВИЧА, НЕЛЕДИНСКОГО-МЕЛЕЦКОГО, КАПНИСТА, БАТЮШКОВА, ЖУКОВСКОГО, МЕРЗЛЯКОВА, А. ПУШКИНА, БАРАТЫНСКОГО, КОЗЛОВА, БАРОНА ДЕЛЬВИГА, КНЯЗЯ ВЯЗЕМСКОГО, ФЕДОРА ГЛИНКИ, БОРИСА ФЕДОРОВА, ВЕНЕВИТИНОВА, СЛЕПУШКИНА И МНОГИХ ДРУГИХ ЛИТЕРАТОРОВ». ПОСВЯЩЕНО ПРЕКРАСНОМУ ПОЛУ. В 2-Х ЧАСТЯХ.

М., в тип. С. Селивановского, 1830. (В 1-й ч. 170, во 2-й 238 стр. в 16-ю д. л.)

Вот одна из тех книг, которыми книгопродавцы наши ведут обильную торговлю в провинциях. Езжавшие по России, вероятно, заметили, что в большой части губерний русских и малороссийских нет почти дома дворянского и купеческого, в котором бы не было песенника или сонника, и даже обеих сих книг вместе. Требование на них велико: доказательством служить может их частое появление в новых изданиях, в различных форматах. Никто не осудит в оных дурной бумаги и скудости типографической, ибо они покупаются людьми, ищущими доставить себе удовольствие за умеренную цену, но все благомыслящие заметят гг. книгопродавцам, что уже пора им думать об исправности ими печатаемого текста. Наши поэты, или, говоря словами издателя «Новейшего собрания романсов и песень»,

лучшие авторы и многие другие литераторы могут наконец потерять терпение, видя беспрестанно являющиеся в продажу их произведения с непозволительными опечатками, часто совершенно искажающими всякий смысл человеческий. Верно, никто из наших поэтов не имеет столь мелкого самолюбия, чтобы обрадоваться, найдя искаженную свою песню между ариями из «Русалки», «Коза-рара», «Дианина дерева» и «Козака-стихотворца»; итак, молчание сочинителей, при перепечатывании их пьес без позволения авторского, должно приписать добродушию и уметь ценить оное.

«Новейшее собрание романсов и песень» чуть ли не хуже всех старых песенников. Большая часть прежних изданий по крайней мере полнее сего собрания. Исправности и порядка не ищите. Это список сидельца, едва знающего писать по линейкам, и страстного охотника переписывать все попавшееся под руки. На первой странице, в первом стихе и первом слове уже опечатка![1] «Песня Клары» из Гете[2] и «Дифирамб» Коцебу[3] стоят в числе простонародных песень. Не веришь глазам своим, встречая в собрании сем оды и самовольное расстановление имен сочинителей. Так, песни В. Л. Пушкина приписаны А. С. Пушкину[4].

20. «ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ». ТРАГЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ. СОЧ⟨ИНЕНИЕ⟩ НИКОЛАЯ СТАНКЕВИЧА.

М., в тип. Августа Семена, при имп. Медико-Хирургической академии, 1830. (107 стр. в 8-ю д. л.)

Трагедия «Василий Шуйский», со всеми ее несовершенствами, есть очень приятное явление в нашей литературе. Мы слышали, что автор оной шестнадцати лет. Начало раннее, но прекрасное! Это не безотчетливо снизанная из звучных стихов повесть или так называемая поэма. Труд, совершенный господином Станкевичем, есть, по выражению художников, труд академический. Он попробовал силы свои на предмете, ожидающем еще писателя зрелого и великого, и показал исполнением, что может сделать истинный талант в его лета. Стихи везде хороши, чувств много и две-три сцены счастливо соображены. Но от исторического трагика требуется большего. Он должен воображением оживить людей, знакомых нам из преданий, обнаружить характеры их, раскрыть тайны

их сердец и, искусно дополнив промежутки жизни, известной нам только отрывками, достойными памяти народной, озарить ярким светом лица и действия, остающиеся в истории загадочными. Возьмем для примера характер Шуйского [1], замечательнейший в русских летописях, бледнейший в безжизненном романе «Димитрий Самозванец». Он, как Протей, поминутно изменяется на политическом своем поприще. То видишь его льстецом и участником в злодеянии страшном, то тайным заговорщиком, то раскаявшимся преступником, то явным врагом Самозванца, то царем слабым, то великим и, наконец, сверженный с престола и пленный, является он трогательным образцом страдальца невинного и благородного. Как связать все эти противоположности? Кто поймет эту душу многочувствовавшую, этот разум многообразный? — Трагик, но в пору зрелости своего таланта, изучивший и обдумавший дела людей давнопрошедших и жизнь настоящую и испытавший все пружины сердца, дарованного человеку мудрым провидением.

Ошибки молодого поэта — ошибки его возраста: характеры не поняты и едва обрисованы, обычаи не соблюдены и предприятия истинно поэтические не выполнены. Есть несколько погрешностей против языка, и в особенности против словоударений. Например, слово «ненависть» во многих местах трагедии употреблено с ударением, ему не свойственным, на втором слоге: «нена́висть». Все это поправится в свое время; желаем только автору терпения и страсти безослабно себя усовершенствовать и надеемся от него больших успехов на просторном поле русской драматургии.

21. «СЕЛАМ, ИЛИ ЯЗЫК ЦВЕТОВ».

СПб., в тип. Департ. народного просвещения, 1830. (132 стр. в 16-ю д. л.)

Селамом называется изобретенный на Востоке способ разговаривать цветами. Под сим заглавием г-н Ознобишин напечатал стихотворную повесть, в которой два разлученные любовника пересылаются цветами, имеющими условные значения. В конце повести помещен и словарь сих благовонных выражений сердечных дум, надежд и желаний. Молодой поэт оканчивает свое стихотворение следующим эпилогом:

Вот неподдельный вам рассказ,
Что родило Селам восточный; —
Из древней хартии нарочно
Его я выписал для вас.
Как сладостны цветы Востока
Невыразимою красой!
Но для поклонницы Пророка
Приятней их язык немой!..
У нас гаремы неизвестны;
Наш Север холоден! Для дам
Селамы будут бесполезны:
Они так преданы мужьям.
Но вы, чьи очи голубые
Так робко вниз опущены,
Для вас, девицы молодые,
Блестят в полях цветы весны!
От строгой маменьки украдкой,
От прозорливых няни глаз,
Селам свивайте, *в неге сладкой:*
Любовь легко научит вас.

Девицы наши не воспользуются этим советом по двум важным причинам. Во-первых, потому, что у нас няни не имеют уже влияния на взрослых девиц, а маменьки не запирают дочерей и не мешают им выбирать по сердцу верного спутника жизни; во-вторых же, Флора в наших полях так скупа, так однообразна, что некогда и почти не из чего у нас свивать Селам. Но просвещенные русские дамы поблагодарят г-на Ознобишина за несколько счастливых стихов, за любопытный словарь, составленный несчастною половиною их пола, и за красивое издание его книжки, которую приятно увидеть на их туалете.

22. «ТЕАТРАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ НА 1830 ГОД».

СПб., в тип. Плюшара, 1830. (334 стр. в 16-ю д. л.)

Несколько лет сряду у нас издаются драматические альманахи, и все разными издателями. Кажется, каждый из них, собрав несколько отрывков театральных и напечатав оные, уверяется, хотя немного и поздно, что еще рано нам делать такие предприятия. Издатель нынешнего альманаха сам признается в предисловии, что у нас нет еще ничего порядочного на сцене. Из чего же вздумал он составить свой альманах и зачем его издал? — Мы бы не сказали ни слова и даже бы похвалили его книжку, если бы в ней находилось две-три маленькие,

хотя посредственные, но полные пьесы, годные для представления на домашних театрах. Мы в ней видели бы тогда цель, и цель достигнутую. Но к чему может послужить сбор отрывков из вялых собственных пьес и из плохих переводов? — Издатель в предисловии приписывает посредственность драматической поэзии русской тому, что у нас мало платят авторам. Нам кажется напротив! Если бы у нас совсем ничего не платили за пьесы и более прислушивалися к голосу критики, то давно бы наши драматические музы сравнялись с другими своими сестрами, далеко их опередившими. Прекрати нынче театральная дирекция выдачу денег за пьесы, нынче же отхлынет от русского театра многочисленная толпа, наводняющая нашу сцену вздором, написанным каким-то татарским языком. Кто нам докажет, чтобы Фон-Визин и Озеров (единственные в России люди, которым бы должно было платить по-европейски), писали для театра из денег? Вот почему они так разнятся и чистотою языка и обдуманностию плана от прочих наших драматических писателей! Взгляните же на театральных подрядчиков русских, что они производят? Сыщет ли кто в их произведениях хотя один живой, замечательный характер? Нет! Они об характерах и не думают; они шьют роли как платье на такого-то актера, на таких-то актрис. Захочется ли им посмотреть, каковы хорошенькие дебютантки в мужском платье,— вот русская публика каждый вечер их и видит в кургузых фрачках, в круглых шляпах и с тоненькою тросточкой. Имеет ли какая актриса привычку говорить осиплым, мужицким голосом и размахивать кулаками, наподобие торговок толкучего рынка — и для нее готовы десять комедий и сотня водевилей, в которых главную роль играет провинциальная, сердитая барыня, более похожая на поломойку, неловко передразнивающую свою госпожу. Даже разговорный язык, кажется, приноровлен к образу выражения наших артистов, ибо ни в каком ином обществе не услышишь ничего похожего на странное наречие наших комедий. Водевильные же куплеты дошли у нас до такой прозы, до такой легкой ничтожности, что лет через пять, вероятно, их будут сочинять театральные капельдинеры. Вот в каком положении русская драматургия! Посудите же, время ли теперь издавать драматические альманахи, в которых должны быть помещаемы отрывки, заслуживающие всеобщее внимание!

23. «ГИНЕКИОН».

СПб., в тип. Департ. народного просвещения, 1830.
(38 стр. в 16-ю д. л.)

В книжке под сим заглавием помещено шестнадцать пьес из греческой анфологии с вольным, рифмованным переводом. Знающие греческий язык с наслаждением перечтут эти золотые стихи, пощаженные всегубящим временем и искаженные неискусным русским переводчиком [1].

24. «КАРЛ СМЕЛЫЙ, ИЛИ АННА ГЕЙЕРШТЕЙНСКАЯ, ДЕВА МРАКА». СОЧ⟨ИНЕНИЕ⟩ СИРА ВАЛТЕР-СКОТТА. ПЕР. С АНГЛИЙСКОГО С. ДЕ-ШАПЛЕТ, 5 ЧАСТЕЙ С ПОРТРЕТОМ АВТОРА.

СПб., в тип. Штаба отдельного корпуса внутр. стражи, 1830.
(В 1-й ч. 232, во 2-й 227, в 3-й 234, в 4-й 272 и в 5-й 264—XIX стр. в 8-ю д. л.)

Рассказывают, что есть на Руси один романист [1], который всякий раз, принимаясь за сочинение нового романа, дает клятву своим друзьям удавиться, ежели его произведение не будет выше созданий Валтер-Скотта. Не слышно, чтобы кто-нибудь из нынешних русских писателей лишил себя жизни, но, к сожалению, не видно у нас и романов, достоинством своим, не говорим равных, хотя бы издали похожих на творения шотландского барда. В области русской литературы обильное поле романов, исторических, философических, сатирических, нравственных и пр. и пр., ждет еще возделывателей. Наши писатели мимоходом, так сказать, сорвали с него несколько красивых цветков, дико выросших на девственной почве. Если собрать все замечательные русские романы и повести, то они едва ли составят один том, величиною равный девятой части «Истории Государства Российского». Замечательными произведениями называем мы хорошие, а чтобы написать что-нибудь хорошее, не надо шутить ни своим талантом, ни читателями. Валтер-Скотт не продавал своих романов, еще не написанных, хотя английские книгопродавцы платят в двадцать раз более наших; напротив, первые романы свои он выпускал в свет, тщательно скрывая свое имя, известное уже по его поэтическому таланту. Он был успокоен своею совестию, что, несмотря, понравятся ли они толпе или нет, все их оценят люди, ко-

торые наверно заметят, что автор для удовольствия читателей не жалел ни трудов, ни разнообразного своего таланта, и наградят его признательностию. Эта литературная совесть не помешала Валтер-Скотту отдавать должное отличным его современникам. Мы в нем с удовольствием видим оправдание прекрасного изречения Вольтерова:

Je n'ai point d'ennemis; j'ai des rivaux que j'aime *.

Все нынешние таланты Англии суть друзья его, из которых каждый, вероятно, имеет кучу остервенелых врагов в негодных писачках, досадующих на *знаменитость,* заслуженную дарованием. Славный шотландский романист далеко не похож на живописца «Московского телеграфа» [2], который в 12-м № наконец явно признался в печальном чувстве своего ничтожества. Видя, как статьи его щедушны, как они без похвал и брани тонут одна за другою в забвении, он вздумал утешать себя, с насмешкою перепечатывая похвалы, в разные эпохи русской литературы воздаваемые современниками людям отличным. Не все Гомеры, Шекспиры, Данте: не всех сочинения выливаются в нетленную, совершенную форму; но полное бессмертие сих избранников муз не отнимает у прочих писателей надежды на другое, тоже завидное бессмертие: на бессмертие Симеона Полоцкого, князя Хилкова, Буслаева, Елагина, Сумарокова и других, то есть на память имен, уважаемых потомством за пользу, которую люди, носившие их, принесли языку и просвещению своими неутомимыми, почтенными трудами, хотя обращавшими на себя внимание единых современников.

С благородным образом мыслей и чувств всегда произведешь благородное, заслуживающее если не удивление, то наверное уважение. Низкие страсти лишают нас душевного спокойствия, без коего никакой талант ничего не сделает отличного. Поэзия есть добродетель, сказал известный поэт наш [3]. Эта добродетель, это спокойствие души видны во всех произведениях Валтер-Скотта. От них-то его сочинения нравственны без всяких предварительных намерений автора; ибо в душе, хорошо созданной, все положения жизни отражаются как-то наставительно и чисто: так очень обыкновенное местоположение на поверхности зеркального стекла представляется прекрасною картинкой. Предмет романа «Карл Смелый» менее разнообразен и любопытен, чем многие другие романы того же сочините-

---

* У меня нет врагов, есть лишь соперники, которых я люблю *(фр.).— Ред.*

ля, но искусство в нем видно одинаково. И в нем Валтер-Скотт, сверх обыкновенной романической занимательности, очаровывает читателей другою прелестию: он, так сказать, утоляет жажду нашего любопытства, рождающуюся при чтении строгой истории. Он сближает нас с оригинальными характерами, вскользь ею представленными по их малому влиянию на человечество, и мы перестаем роптать на ее разборчивость и важность. В пяти томах нами объявляемого романа мы узнаем домашним образом [4] Карла Смелого, Маргариту Анжуйскую и вдоволь наслаждаемся милым, беспечным нравом доброго короля Рене, забывавшего в идеальном мире всю бедность существенности.

Русский перевод г-на Шаплета, как и прочие его переводы, ясен и местами чист; но, к сожалению, мы нигде не заметили, чтобы наш переводчик воспользовался своим знанием английского языка. Он не старался передавать характеристику слога Валтер-Скотта, без чего для читателей все равно, с какого бы языка он ни переводил.

25. «КЛАССИК И РОМАНТИК, ИЛИ НЕ В ТОМ СИЛА». КОМЕДИЯ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ, В СТИХАХ. СОЧ⟨ИНЕНИЕ⟩ КОНСТАНТИНА МОСАЛЬСКОГО.

СПб., в тип. Департ. внешней торговли, 1830. (52 стр. в 8-ю д. л.)

На зло благомыслящим читателям борьба русских классиков и романтиков не утихает. Вряд ли Троянская война столько длилась и была сопровождаема подобным жаром. Нельзя даже предвидеть окончания сим прениям. В наших Ахиллесах заметно более остервенения, чем знания дела. Это важные политики немецких клубов, за пивом обсуживающие действия французов, взявших Алжир без их позволения. Это люди какого-то особенного мира, в котором течет доброе, бархатное пиво, а не время, поминутно обогащающее нас и новыми опытами, и новыми идеями. Наши классики лет с тридцать учат литературе по одним и тем же тетрадкам; наши романтики, справедливо осуждая их неподвижность, несправедливо гордятся незнанием оных тетрадок, без коих две-три хотя и новые, но не пережеванные мысли ни к чему им не служат, разве к большему омрачению слабого ума, дарованного им не всегда щедрою природою. Бывали у нас литературные споры, но спорщики были люди, отличные или необыкновенными талантами, или хорошею ученостию. Война Ломо-

носова, Сумарокова и Тредьяковского объяснила и определила многое в языке русском и потому имела добрые следствия. Состязания о старом и новом слоге [1], после нескольких литературных соборов, кончились полезно и удовлетворительно для обеих сторон. Но вспомните, кто были и в сем прении предводителями? Довольно указать на почтенного председателя Академии Российской и на Карамзина, славою которого гордятся все истинные русские. Кто же спорит о классицизме и романтизме? Люди, которые никогда не были и не будут ни классиками, ни романтиками; журналисты, равнодушные так же к старому, как и к новому, неравнодушные только к числу своих подписчиков. Елена их не есть общая польза: они бьются, позабыв и стыд, и пристойность, из желания уничтожить своих товарищей и попасть в монополисты литературные. Это война ос, нападающих на пчелиные ульи, богатые медом, а не спор старого поколения, по законам природы остановившегося при запасе им собранных мыслей и не понимающего, каким образом новое поколение может идти далее.— Не замечая сих Мирмидонов, наша литература видимо усовершенствуется. Наши хорошие писатели советуются с просвещением века, изучают красоты в произведениях славных своих предшественников, и нет в поэзии рода ни древнего, ни нового, в котором бы они не пробовали сил своих и не заслужили одобрения просвещенных читателей.

Видя в настоящем положении и счастливый ход литературы нашей, и жалкие драки наших журналистов, читатель, вероятно, полагает, что в комедии, нами разбираемой, выведены два журналиста, один старик, другой молодой. Старый вышел из моды, потому что он остановился на правилах своего Аристотеля, как голова его осталась в парике и ноги в сапогах с кисточками; молодой же отбил у него легкомысленных подписчиков модными картинками [2] и уверениями, что он идет рядом с веком, и на беду еще влюбился в дочь огорченного Классика. Девушка не прочь от такого жениха. Она любит наряжаться, а будущий муж ее, издатель модного журнала, за каждое объявление о новых материях, шляпках, перчатках и пр. получает от продавцев значительные образчики в подарок. Как отказаться от такого обладания? Она во что бы то ни стало решается успокоить классический гнев отца и осчастливить Романтика. После нескольких смешных сцен ей все удается, и комедия кончится.— Так или иначе, но все из предмета войны наших классиков и романтиков следовало составить эту комедию. Г-н Мосальский не захотел вос-

пользоваться тем, что ему само ложилось под перо. Происшествие комедии его ни на что не похоже; не наблюдения и опытность помогали ему созидать характеры: нет! он сам объявляет в 28 № «Сына отечества» [3], что в комедии его все лица вымышленные, и тем еще хвалится. Вот почему герои его более созданы для жительства в желтом доме, чем для какой-либо сцены. Потому же дурны и актеры повести «Терпи, казак,— атаман будешь», несмотря что в «Северных цветах на 1830 год» О. М. Сомов ничего о ней не сказал дурного. Но если бы в «Обозрении» «Северных цветов» и была похвалена повесть г-на Мосальского, все бы это не помешало издателю «Северных цветов» и «Литературной газеты» иметь свое мнение и объявлять оное. Стихи и в повести и в комедии дурны. Кто захочет поверить сие замечание, тот может отыскать в «Северной пчеле» нынешнего года напоказ напечатанный отрывок из повести «Терпи, казак» и пр [4]. Рецензент журнала «Галатеи», разбирая комедию «Классик и Романтик», удачно выписал из нее два стиха, из коих заключающий пьесу

В уме, в таланте — вот в чем сила

может послужить правилом для будущих комиков, а первый

Тьфу пропасть! толку не добьешься

кратким отчетом о разбираемом сочинении [5].

26. «МИРЗА-ХАДЖИ-БАБА ИСФАГАНИ В ЛОНДОНЕ». 4 Ч.

СПб., в тип. Александра Смирдина, 1830. (В 1-й ч. XXII—262, во 2-й 276, в 3-й 262 и в 4-й 317 стр. в 12-ю д. л.)

Нет ничего скучнее растянутой шутки. Г-ну Морьеру, сочинителю разбираемой нами книги, хотелось пошутить, вообразя, как бы персияне выразили свое удивление, в первый раз увидев Англию и Лондон, и какие получили бы впечатления, прожив там несколько времени. Идея оригинальная и хорошая для статьи журнальной! Но однообразные шутки его растянулись на четыре книги, и поэтому можно поручиться, что все читатели, которые с удовольствием бы прочли и перечли предположенную нами брошюрку, едва ли дочтут сие длинное сочинение до конца и без скуки. Наитерпеливейший человек вряд ли одолеет оное. Нет, без сомнения! — «„Персидские письма“

знаменитого Монтескьё (говорит переводчик) читаются поныне; со всем тем известностию своею они более обязаны славе остроумного своего сочинителя, чем внутреннему своему достоинству». Не соглашаемся с почтенным переводчиком. В «Персидских письмах», кроме славного имени сочинителя их, находятся красоты вечные. Монтескьё хотел представить в них картину жизни и понятий своих современников; хотел сказать несколько полезных истин, которых без маскарадного платья не пропустили бы в тогдашние общества,— и достиг своей цели. Книга его, полная остроумия и портретов, снятых с натуры великим мастером, никогда не устареет и не выйдет из употребления. Он смеялся над слабостями и пороками, во все времена свойственными человечеству, а не над фразами (как г. Морьер) одного языка, переведенными на другой слово в слово. В минуту безотчетной веселости иногда может случиться говорить по-русски, например, выражениями французскими: «Как вы себя *носите*...*», «Вы имеете *разум*» **, «...Мне нравится *корень* более *вороны*» *** и пр. и пр.; но составить книгу в четырех частях из подобных шуток непростительно. Непростительно отнять у человека два дня и не заплатить ему за это хотя одним умным замечанием, хотя одною полезною истиной или хотя просто удовольствием.— Русский переводчик [1], хорошо знающий языки персидский и английский, исполнил свой долг как нельзя лучше. Он применялся к духу русского языка и заменял те персидские выражения, которые для англичан смешны, а для нас даже и не странны, другими равносильными и нам непривычными выражениями. Со всем тем он в предисловии предугадывает, что наверное найдутся хулители его благоразумного способа переводить, и таковым он объявляет, что роман не история и не математика, требующие от передателя особенной точности; «а если им и того недовольно,— присовокупляет он,— то они могут сесть на ковре риторики, поджать под себя ноги учености и, закурив огромную немецкую трубку критики, для вящей потехи, носом классического негодования испускать дым замечаний и доказательств». Не умея так пестро, так ориентально выражаться, мы в заключение статьи сей просто выскажем наше сожаление, что почтенный переводчик предпочел сии

---

* Comment vous portez-vous... (Бессмысленный буквальный перевод; французская идиома означает: «как вы себя чувствуете?» — *Ред.*)

** Vous avez raison. (Вы правы *(фр.).— Ред.*)

*** J'aime mieux Racine que Corneille. (Я люблю Расина больше, чем Корнеля *(фр.).— Ред.*)

четыре части «Мирзы-Хаджи-Баба» [2] первым четырем того же сочинения, в которых по крайней мере хорошо представлено нынешнее состояние Персии; пожалеем, что он вместо похождений Мирзы-Хаджи-Баба не перевел чего-нибудь замечательного с персидского или с арабского языков; а более того еще пожалеем, зная хорошо его дарования, что он до сих пор медлит подарить нас трудами собственными. Глубокие сведения, приобретенные им во время путешествия по трем частям Старого света, наблюдательный и острый ум, воображение, обогащенное блестящими вымыслами Востока,— вот сколько порук за удачу нами желаемого сочинения, которое, вероятно, не отказался бы перевести Морьер, если бы знал по-русски.

27. «ЗАПИСКИ О ГОРОДАХ ЗАБАЛКАНСКИХ, ЗАНЯТЫХ РОССИЙСКИМИ ВОЙСКАМИ В ДОСТОПАМЯТНУЮ КАМПАНИЮ 1829 ГОДА, ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ПОЛКОВНИКА ЭНЕГОЛЬМА».

Печатано по высочайшему повелению.— СПб., в тип. Плюшара, 1830. (160 стр. в 8-ю д. л.)

(NOTICE SUR LES VILLES SITUÉES AU DELÀ DES BALKANS, OCCUPÉES PAR LES TROUPES RUSSES PENDANT LA GLORIEUSE CAMPAGNE DE 1829. PAR LE COLONEL D'ÉTAT-MAJOR ENEHOLM)

Imprimé par ordre suprême. St-P.B. de l'impr. de Pluchart. 1830. (144 p. in—8°.)

Появлению обеих сих книг, подлинника русского и перевода с одного на французский язык, обязаны мы полковнику Генерального штаба Энегольму, который в славную войну 1829 года все краткие промежутки времени, отданного им обязанностям службы, посвящал ученым отдохновениям: советам с древними писателями о странах, им посещенных, и изложению на бумагу собственных путевых наблюдений. Нынешние войны менее походят на всеразрушающие ураганы, оставляющие за собою одно опустение; нет, это, так сказать, вооруженные ученые экспедиции, в которых кровь проливается только по печальной необходимости, и тяжелые потери коих вряд ли не вознаграждаются богатыми приобретениями по многоразличным частям познаний человеческих. Мудрые повелители народов европейских, конечно, более Сен-Пьера думают о

вечном мире и желают оного для блага своих подданных и для счастия своего сердца,— но зло в природе человеческой существует, и, со всеми филантропическими желаниями их, война делается необходимостию. Пример недалек. Вспомните две недавние и славные войны наши с персиянами и турками. Вспомните же, как водимые могущим духом просвещенного монарха, войска наши поступали в странах, занятых ими. Они поражали одну только силу, принудившую их на новом опыте показать давно уже всем известное: что орлов наших любит Победа. Но кто укорит русских солдат в жестоких поступках, будто ими чинимых с завоеванными селами и городами? Промышленность и торговля, эти робкие дети мира и безопасности частной, бежали ль, завидя русские знамена? Напротив, стан победоносных героев наших походил на движущуюся ярмарку, на которую мирные жители земель вражеских без страха сносили свои избытки и с выгодою возвращались в домы свои.— Благословим же Провидение: оно незримыми путями своими довело нас до той высокой степени, с которой, если мы еще не можем отвратить зла, доселе почитаемого неизбежным, по крайней мере извлекаем из него столько полезного, что дерзаем не с одним тщетным соболезнованием оглядываться на пролетевшие политические бури.

Книга г-на Энегольма есть любопытная, хотя и малая частица из великого приобретения, сделанного нашими учеными для наук во время двух прошедших войн, и новое доказательство, как правительство старается распространять в нашем отечестве полезные познания. Она напечатана по высочайшему повелению. Для ясного понятия о содержании сего любопытного сочинения выписываем оглавление статей оного: Общее обозрение Фракии: 1. Исторические воспоминания и 2. Описание Фракии вообще; описание городов Фракии: город Адрианополь, Кирх-Клисса, Виза, местечко Мидия; краткое обозрение мест, прилегающих к Черному морю, от Мидии до Мисемврии, Железный завод Самоково, местечко Тирново, Ахтеболи, Василико, Сизополис, Бургас, Анхиоло, Мисемврия, город Айдос, местечко Карнабат, город Сливно, Ямболь, Чирмень, местечко Джессер-Мустафа-Паша, город Демотика, Люлле-Бургас, местечко Каристран, город Чорлу и местечко Сарай.

28. БРОШЮРКИ, ИЗДАВАЕМЫЕ ИВАНОМ КРОНЕБЕРГОМ. № 1. ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ЭСТЕТИКУ.

Харьков, в университетской тип., 1830. (36 стр. в 8-ю д. л.)

Под именем *брошюрок,* кажется, г-н профессор будет издавать от времени до времени извлечения из своих лекций. Предприятие полезное и прекрасное, достойное подражания. Пора уже нашим ученым перестать походить на древних египетских жрецов, свято скрывавших свои знания от так называемых профанов. Старание умножить в общем обороте новые идеи у нас еще необходимее, чем где-нибудь. У нас еще многие люди, обрекшиеся на обучение юношества, смотрят на ход просвещения, как на буку. Им кажется невежеством и развратом все то, чего нет в их тетрадях, написанных тому за пятьдесят лет. Они убеждены, что из всех наук одна словесность должна не двигаться вперед, и, при всем желании удержать ее на одном месте, они, неприметно для себя, но по законам природы, подаются назад. Не возобновляя умственной деятельности новыми впечатлениями, они теряют свежесть старых, и все познания их, наконец, сосредоточиваются в бедном знании форм и греческой и латинской номенклатуры оных. Посмотрите, о чем спорят наши профессоры-критики? Они бранят новое сочинение за то, что по слепоте своей не видят, или, по несовершенству наших учебных книг, не находят в русских пиитиках рода, к которому бы можно было его приписать.

Г-н Кронеберг начинает свое сочинение следующими словами: «Эстетика как наука возникла в прошедшем столетии у германцев, в Германии ею исключительно занимались. У других народов эстетика как наука не существует, а если и является систематическое учение сего предмета, то оно почерпнуто из немецких источников, и новейшие понятия о сем предмете, проявляющиеся у других народов, должно причислить к идеям, заимственным у германских ученых. Почему история эстетики должна необходимо относиться к одним только немцам».

Не соглашаемся ни с мнением, ни с заключением г-на профессора. Науки не рождаются из головы ученых, как баснословная Минерва, некогда вышедшая из головы Зевеса, во всеоружии и в совершеннолетии. С той минуты как люди стали думать и меняться своими мыслями, науки стали получать свои начала. Ужели в истории политической экономии мы не воздадим главной чести Адаму Смиту, набросавшему в беспорядке почти все положения, на кото-

рых в наших глазах основалась сия наука? Откуда немцы взяли эстетику? Ужели они ее выдумали? Нет, они имели великих и малых предшественников, облегчивших и объяснивших труды их. Первый, Гомер, великан древнего мира, в новейшем имеющий равных себе только Шекспира и Данте, этот создатель поэзии греческой и латинской, породил и первых теоретиков-эстетиков: Аристотеля, Лонгина (не знаем, зачем позабытого г-ном Кронебергом), Горация и других. Во Франции и Англии много ученых трудилось над эстетикой прежде Лессинга. Нужды нет, что труды их были несовершенны: самые ошибки их стали поучительны позднейшим мыслителям, и взгляд на ход идей, наконец в Германии составивших нечто целое и получивших форму науки, любопытен и необходим для истории оной.

По нашему мнению, эстетика учит теории духовных наслаждений. Нет народа, который бы не любил поэзии, музыки, живописи и ваяния: следственно, нет народа, который бы не находил в душе свойств наслаждаться прекрасным, своей эстетики, вполне выражающейся в произведениях его поэтов и художников. Но не везде были теоретики, пытавшиеся объяснить словами действие изящного на душу. Просвещение сблизило, породнило между собою великие семейства людей, и удовольствия их сделались общими. Изящные искусства основали одну нераздельную республику; нынешний кодекс ее есть свод всех кодексов частных, по коим доселе разные литературные правительства судили и рядили в обширных областях фантазии. Немцы последние трудились над составлением сего уложения. Труд их полнее прочих, но все еще не дошел до совершенства возможного. Отдавая полную справедливость г-ну Кронебергу, в первой лекции сказавшему по-русски много нового, мы бы не желали видеть в полезном труде его некоторого пристрастия, разделяемого им со многими немецкими критиками: пристрастия к английской и немецкой литературам и безотчетного отвращения от французской. Немцам это простительнее: они долго боролись с деспотизмом французского классицизма, и жар (хотя и благородный) их правого негодования еще не простыл и после решительной победы. Нам же с признательностию и с хладнокровным беспристрастием можно пользоваться литературною свободой, ими добытою с боя. Наши эстетики должны развернуть перед нами полную историю всех многоразличных открытий, доныне сделанных в мире фантазии, и заметить себе, что никакою ученостию нельзя из

бесталанного человека сделать гения, но можно односторонними и пристрастными суждениями сбить с настоящего пути молодой, необыкновенный талант и даже совершенно помешать его развитию.

29. «ЖУРНАЛ ПЕШЕХОДЦЕВ ОТ МОСКВЫ ДО РОСТОВА, И ОБРАТНО В МОСКВУ».

Издал М. Н. М. к. р. в. М., в университетской тип., 1830. (226 стр. в 16-ю д. л.)

Намерение не дурное. Двое любопытных пошли пешком из Москвы в Ростов по дороге, которая на каждом шагу ознаменована историческими воспоминаниями, драгоценными всем русским. Цель пешешествия была: сличить и поверить предания летописцев с изустными преданиями, сохранившимися в простом народе, и с местностями, которые часто положением, названием, одним начальным или окончательным звуком имени поясняют темное место в истории. Но пешеходы наши не удовольствовались одними учеными изысканиями; нет, они захотели путешествие свое сделать сентиментальным и, так у нас называемым, живописным; захотели, и тем испортили все дело. Из 226 страниц большая часть посвящена совершенно постороннему, нелюбопытному. Читаешь, как ученые путешественники встречались с молодыми дамами, с гордыми их мужьями, с несчастными девицами, с грубиянами, с болтунами, и устаешь более сочинителя сего путевого журнала, пешком прошедшего несколько сот верст. Устаешь гораздо более, ибо наш Кокрень, по-видимому, неутомим. В продолжение всего пути он не перестает быть словоохотным: говорит обо всем, даже открывает читателям свою пылкую страсть к поэзии и на берегах Кубры [1], он, восторженный, приносит благоуханную жертву любимцу эстетической души своей, графу Дмитрию Ивановичу Хвостову.

30

На сих днях г-н Ф. Б., издатель «Северной пчелы», обнародовал нижеследующую прокламацию, которою повелевает всем русским покупать «Историю русского народа» *:

«Чуждый зависти и всех литературных мелочей, я все-

* Перепечатываем из № 110-го «Северной пчелы» эту официяльную бумагу и, по праву издателей газеты, позволяем себе окружить ее некоторыми замечаниями.

гда отдавал справедливость жесточайшим моим противникам; * но теперь с удовольствием говорю истину о труде писателя самостоятельного, благонамеренного и пламенного любителя просвещения **. Занимаясь с любовью всю жизнь историею, и преимущественно русскою, осмеливаюсь сказать явно, что я в состоянии судить об истории ***. Не почитаю «Историю русского народа» совершенною, но признаю оную сочинением черезвычайно важным, любопытным и полезным для России, ибо в ней в первый раз появляются политика, философия и критика ****. Повторяю однажды уже сказанное, что «История русского народа», сочинение г. Полевого, есть такая книга, которую не только можно, но *должно,* и *непременно должно,* прочесть после «Истории» Карамзина, и что *каждый* любитель отечественного обязан даже иметь ее. Льщу себя надеждою, что я заслужил доверенность публики и что в этом случае

---

* Кто сии жесточайшие противники г-на Ф. Б.? Уж не те ли, которым не нравятся его нравственно-сатирические и нравственно-исторические романы? В таком случае вместо эпитета «жесточайшие» следовало бы сказать «невольные» и «многочисленные». С появления сих несчастных сочинений издатели «Северной пчелы» разгневались на всех писателей, отличных талантами и познаниями, и причислили их к особому приходу.

** Речь идет об историке «Русского народа».

*** Какова логика: *я целую жизнь занимаюсь историею и потому могу судить о ней?* К несчастию, мало заниматься целую жизнь историею, чтобы уметь судить о ней; надо еще прибавить к сему одну безделицу: ясный, наблюдательный ум, не всем и не без пристрастия раздаваемый природою. Об исторических мнениях г-на Ф. Б. мы справедливее можем судить по статье его, напечатанной в двух нумерах «Северной пчелы» прошлого года, в которой он бог знает чего требует от нынешних историков.

**** И политика, и философия, и критика не узнают себя в «Истории русского народа». Историческая критика г-на Полевого, как добродушная нянька, хлопочет, чтобы мы не верили сказкам, часто встречающимся в нашей древней истории; но не только до появления «Истории русского народа» — и до Карамзина никто не почитал их за истину. Нет, настоящая историческая критика не озаряла трудов г-на Полевого; иначе не было бы в его книге ненужных выписок о скандинавах, странных нападков на Карамзина или лучше на здравый смысл, и своевольных толкований, которые, как бы остроумны ни были, всё толкования г-на Полевого, а не приведенные в ясность предания летописцев. Вся философия историческая заключается в том одном, чтобы никакой философии не вмешивать в историю, которая сама в себе заключает вечную, ничем не изменяемую философию, распространение единой мысли всесоздателя. Пишите историю, *не мудрствуя лукаво,* и в ясном изложении событий политика сама собою выкажется. Но для ясного изложения истории не достает в нашем историке искусства владеть русским языком (который, к сожалению, совершенно ему не повинуется) и порядка в мыслях и в расположении оных.

она поверит словам моим более, нежели тем отвратительным нападкам, которые превращают литературное поприще в какое-то торжище и унижают звание литератора *. Почтенный, добрый, благородный Карамзин сказал, что первая потребность писателя есть *доброе сердце*. Читая в журналах грубую брань, клеветы, сплетни, гнусные выходки зависти рядом с преувеличенными похвалами бессмертному историографу, поневоле выводим заключение, которое... не идет в печать» **.

31. «БАСНИ ИВАНА КРЫЛОВА». В ОСЬМИ КНИГАХ. НОВОЕ ИЗДАНИЕ, ВНОВЬ ИСПРАВЛЕННОЕ И УМНОЖЕННОЕ.

Иждивением книгопродавца Смирдина. Цена в С.-Петербурге и Москве 4 руб., с пересылкою в города 5 руб. ассигнациями. СПб., в тип. Александра Смирдина, 1830. (В 8-ю д. л. 309 стр.) То же. (В 16-ю д. л. 423 стр.)

Кому лучше можно оценить талант, как не таланту? Выпишем же здесь слова А. С. Пушкина о первоклассном баснописце нашем (в статье о предисловии г-на Лемонте к переводу басень И. А. Крылова) [1]: «Конечно ни один француз не осмелится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можем предпочитать ему Крылова. Оба они вечно останутся

---

* Следующие за строгим приказанием покупать «Историю русского народа» убеждения г-на Ф. Б., что словам его должно верить, напомнили нам невыдуманный анекдот [1], кажется нигде еще не напечатанный: некто, почитающий себя классиком, браня романтизм, важно говорил однажды знакомому молодому поэту: «Ну, послушай, любезный, ведь ты меня знаешь, не правда ли? Ведь я честный человек? Ведь мне никакой пользы нет тебя обманывать? Поверь же, милый, старику: и Шиллер твой, и Гете — не писатели, а дураки».

** Забавно читать в «Северной пчеле» цитации из Карамзина и нападки ее на грубую брань, клеветы, сплетни и пр. и пр. Все сии качества и притом еще неуважение к талантам всегда ей принадлежали, принадлежат и, вероятно, будут принадлежать. Карамзин и по кончине связывает между собою узами любви к таланту своему всех отличных русских писателей, которых ни «Телеграф», ни «Пчела» никакими ругательствами не унизят, ибо достоинства их основаны не на модных картинках и тому подобных пустяках, но на глубоких познаниях отечественного языка и на бескорыстной любви, известной одним талантам, к своему искусству.

Повторим в заключение сих замечаний раз уже нами сказанное в 24 № «Литературной газеты»: как бы развеселилась важная Германия, если б издатель «Беспристрастного Гамбургского корреспондента», собрав свои нравственно-политические сочинения воедино, провозгласил себя раздавателем литературных званий!

любимцами своих единоземцев. Некто справедливо заметил, что простодушие (naiveté, bonhomie) есть врожденное свойство французского народа; напротив того, отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться. Лафонтен и Крылов — представители духа обоих народов». Сие точное и не преувеличенное мнение о достоинстве Крылова оправдывается восторгом целой России. Новых басень в собрании сем двадцать одна, и в них находятся та же точность в соображении, та же свежесть в поэтических украшениях и та же веселая, полная глубокого смысла острота, которыми нас пленял сочинитель их, быв еще в полной зрелости мужества. Многих поражал следующий вопрос: отчего басня, по-видимому создание еще младенчествующаго ума, делается нередко и ныне исключительным занятием писателя великого и пленяет, вышедшая из рук его, все возрасты? [2] Уж верно, небывалый разговор двух или трех зверей и в заключение сказанная всем известная нравственная истина — сами по себе не привлекательны. Все сии нравственные истины мы слушаем в ребячестве от родителей или наставников, и большая часть их остается без применения и непонятая в нашей памяти, доколе собственный опыт или разительный, хотя и посторонний, пример нам не докажут их существенного достоинства, необходимости ими пользоваться. Поэзия разрешает удовлетворительно вопрос наш. Она, действуя прямо и могущественно на чувства наши, привлекает все участие наше к повествуемому, и, делая нас не хладнокровными, но живыми свидетелями ею оживленного происшествия, врезывает не в память, а в сердце наше ненапрасные наставления, прививает к душе истины, сейчас готовые расцвесть и принести плод целительный и сладкий.

32. «КУПЕЧЕСКИЙ СЫНОК, ИЛИ СЛЕДСТВИЕ НЕБЛАГОРАЗУМНОГО ВОСПИТАНИЯ». НРАВСТВЕННО-САТИРИЧЕСКИЙ РОМАН.

М., в тип. Семена Селивановского, 1830. (В 12-ю д. л. 44 стр.)

С начала нынешнего года любители журнального чтения стали замечать в «Телеграфе» и в «Сыне отечества» какие-то особенные прибавления, стихотворные и прозаические. Первый помещал оные при статьях «Нового живописца» [1], а вторый под названием Альдебарана [2]. Прибавления эти в обоих журналах были

написаны очень посредственно. «Что за странность? — говорили читатели,— зачем сии статьи отделяются от прочих статей журналов? Они ни красотою, ни безобразием не отличаются от прочих сестер своих! Тут что-нибудь скрывается:

> Мрачно всюду, глухо всюду;
> Быть тут чуду, быть тут чуду!» [3]

Общее недоумение скоро объяснилось. Издатели «Сына отечества» не могли долго скрывать тайны, они расхохотались и объявили, «что эти статьи суть пародии на произведения лучших наших писателей». После такого открытия все с бо́льшим любопытством принялись перечитывать и «Телеграф», и «Сын отечества». Какие же пьесы сии журналы пародировали? — Не знаем! Хорошее в нашей малообъемной литературе всем известно. Дело же пародии, удерживая отличительные выражения какого ни есть известного сочинения, рассмешить читателя иным смыслом, несогласным с сими выражениями. Читали, перечитывали, думали, доискивались,— напрасно, напрасно!

От этого горя уже издатель «Телеграфа» избавил читателей. Он объяснил, что это не пародии, а пьесы, написанные точь-в-точь так, как пишут лучшие наши прозаики и поэты. По таковом признании все успокоились и никто не удивился. После выхода в свет 1-го тома «Истории русского народа» никто уже не сомневался в неограниченной самонадеянности издателя «Телеграфа». Человек, полагавший возможным в один год написать и, как журнал, выдать двенадцать томов «Истории русской» и ею убить двадцатилетний труд Карамзина [4], может уже легко увериться, что он обладает всеми талантами, и что ему, словно как по щучьему веленью, стоит только захотеть, чтоб быть Ломоносовым, Державиным, Жуковским, Батюшковым, Вяземским, Пушкиным, Баратынским, Языковым и пр. и пр. и пр. Убеждения благомыслящих людей, что одному человеку невозможно иметь всех талантов, были бы тщетны! Осталось только молчать и сожалеть, что русский историк теряет на пустяки драгоценное время, которое бы ему следовало посвятить изучению отечественного языка и нужным размышлениям; или бы употребить оное на скорейшее издание очень запоздалых №№ «Московского телеграфа».

Самонадеянность заразительна. Мы не смеем подозревать издателя «Телеграфа» в сочинении нравственно-сатирического романа «Купеческий сынок»; но как не согрешишь и не заметишь, что сочинитель сей книжки писал под

его влиянием? В этом стихотворном произведении ясно видны усилия безграмотного и бесталантного труженика подделаться под фактуру стихов известного барда Екатерингофа [5]. Потому-то в 14 № «М. Т»., дабы намекнуть читателям, в каком роде эта книжица, и помещена вместо разбора брань не на нее, а на «Литературную газету» [6] и князя Вяземского, стараниями коего «Телеграф» был поставлен на степень хорошего журнала. Но едва князь Вяземский перестал участвовать в оном, то похвалы ему прекратились и благодарность пропала, которой, впрочем, он никогда не требовал, равно как «Литературная газета» не ищет оправдываться в обвинениях «Телеграфа», «Северной пчелы» и «Сына отечества». Мы раз уже сказали и теперь повторим, что мы ничего общего с сими журналами не имеем. Цель нашей газеты не деньги, а литература. Писатели, участвующие в нашем издании [7], желали, чтобы издавалась газета, в которой бы могли они беспристрастно и нелицеприятно говорить о литературах русской и иностранных, не находя препятствия в коммерческих видах издателя. Как они желали, так и исполнилось. Окончим статью сию выпискою из романа «Купеческий сынок»; читатели легче увидят по оной, что это за книга и справедливы ли наши подозрения:

О вы, несчастные отцы!
Ей, время вам и оглянуться!
Вы не дворяне, а купцы —
Зачем за барями тянуться?
На что то детям вашим знать,
Что знают знатные дворяне!
Их дело только торговать,
Да деньги были бы в кармане:
Они всего для них верней!
Где золото не уважают?
Без них с чинами у дверей,—
А в двери не всегда впускают;
Чего б соделать не возмог
Богач, лишь только пожелает?
А ваш воспитанный сынок
Все виден в публике; бывает
Приметно все, что он купец... [8]

33. «ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ». СОЧИНЕНИЕ ФРИДРИХА ШЛЕГЕЛЯ.

Перевод с немецкого. Часть вторая. СПб., в тип. Александра Смирдина, 1830. (370 стр. в 8-ю д. л.)

Первая часть сего любопытного сочинения напечатана была в прошлом году. Решительно можно сказать, что до появления сего перевода мы не имели книги, в которой бы полнее и ученее излагалась история древней и новой литературы. Изучение же оной открывает таланту все пути ко храму Памяти. Мы не имеем недостатка в молодых поэтах; но они, к несчастию, терпят нужду в познаниях и теряют труды свои в нанизывании звучных слов, заключающих в себе мысли и чувства, много раз сказанные и пересказанные нашими лучшими писателями. В сей книге они увидят, что люди, увековечившие свои сочинения, были представителями своего народа и времени, и что нравственная высота их была плодом общего человеческого усовершенствования.

Фридрих Шлегель, ученейший филолог нашего времени, одарен был пылкою, боголюбивою душою. Способный к поэтическим вдохновениям, он жаждал еще высших вдохновений, восторгов религиозных, и, не нашед их в протестантстве, лишенном всех обрядов, очаровывающих сердце и воображение, принял римско-католическую веру, которая почти столько же, как наша православная, готова во все мноразличные минуты треволненной жизни утешать и прощать нас, всегда нуждающихся в материнском ее утешении и прощении. Высок и славен тот художник, который смиряет в душе земную гордость и в своих вдохновениях признает влияние постороннее, едва ли им заслуженное, небесное. Такие чувства создали Рафаэля, такие чувства должны со временем произвесть и певца, который, как Рафаэль, познакомит нашу душу с радостями простыми, но упоительными, с наслаждениями, по которым можно предугадывать блаженство духов бесплотных и чистых. Вот чего желает Шлегель; вот что не нравится в книге его протестантам и некоторым католикам, подозревающим в нем агента иезуитского,— но что не может быть ни вредно, ни опасно для русских. Признаемся, что хваленая веротерпимость наша что-то очень походит на весьма непростительное равнодушие ко всему религиозному и что теплая вера отцов наших никому бы не повредила, но еще бы украсила и возвысила души наших художников. Тот ошибается, кто думает, что религия мешает полному развитию чело-

вечеких познаний. Никакая наука не вредна для ней, напротив, она в философических науках спасает нас от заблуждений. Она, позволяя уму свободно измерять силы свои, охраняет его от излишней самонадеянности, от смешного верования в свои выводы. Каждая новая система философическая есть новая ступень для ума, которому положено от бога непрестанно усовершенствоваться, распространяя и исследуя свои познания: но благодетельная вера удерживает нас от превращения какой-либо системы в секту, ибо последование положениям сей последней значит остановить ум на одной точке и из едва собранных результатов его сотворить свою религию. Сколько необыкновенных умов можно указать в истории философии, которые возвеличили сию науку, сохраняя меж тем в душе вечные, божественные истины. Поэзии ли после того чуждаться их? Поэзии ли, этому совершенному органу, кажется, созданному ангелами для прославления бога и творения рук его? У нас ли не желать поэтической наклонности ко святому в то время, когда мы в состоянии сотнями считать метроманов, а вряд ли найдем пятерых чистых энтузиастов в толпе стихотворцев русских? Словом, мы видим только хорошее в образе воззрения Фридриха Шлегеля и надеемся, что его книга принесет существенную пользу молодым литераторам нашим.

Что сказать о переводе? [1] К сожалению, нечего, кроме благодарности за труд. Переводчик держался слишком буквально подлинника и оттого часто бывает темен. Некоторые места без немецкого текста нельзя понять. Жаль, если трудный и запутанный слог отобьет от чтения сей книги нетерпеливых читателей!

34. «ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКОЕ НАСТАВЛЕНИЕ О ВИНОДЕЛИИ». ПЕРЕВЕДЕНО С ФРАНЦУЗСКОГО И ИЗДАНО ИЖДИВЕНИЕМ ИМП. ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА, ТЩАНИЕМ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОТДЕЛЕНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА, АФАНАСИЯ СТОЙКОВИЧА.

СПб., печатано в тип. Ивана Байкова, 1830. (369 стр. в 8-ю д. л.)

Книга, нужная в нынешнее время, когда на виноделие многие русские капиталисты обращают живое внимание; собрание полное всех знаний, приобретенных по сему предмету в чужих краях, но, к сожалению, не примененное к нуждам и возможностям нашим и не пополненное изобретениями русскими.

Нет плодов, нет овощей, из которых бы нельзя было делать вина. А сколько у нас есть губерний, в которых изобилие плодов еще никакой пользы не приносит; сколько земель, способных производить самыя нежные растения юга, оставлены на произвол природы невнимательностию помещиков,

Безмятежных, не желающих,
Не скорбящих, не теряющих [1],

но зато ничего и не выигрывающих! Однако число этих неприступных духов Шиллеровых приметно уменьшается. Нужда пробуждает деятельность общую, и богатая земля наша скоро будет приневолена платить нам все, что может: а чего она не может? Не надо только требовать неисполнимого. Например, от бургонского винограда, выросшего на крымской почве, нельзя ожидать вина, всем похожего на настоящее бургонское. Почва многое изменяет во вкусе и доброте винограда. Так, Асмансгейзер, вино из бургонского винограда, пересаженного на берега Рейна, уже более походит на рейнвейн, чем на бургонское. Впрочем, какая нужда, чтобы Крым, Астрахань, Кавказ, Дон и другие наши виноградные земли производили вина, совершенно похожие на иностранные; желательно только, чтобы они имели качественное достоинство сих последних.

35. «СЕВЕРНЫЙ ПЕВЕЦ, ИЛИ СОБРАНИЕ НОВЕЙШИХ И ОТЛИЧНЕЙШИХ РОМАНСОВ И ПЕСЕНЬ». ПОСВЯЩАЕТСЯ ЛЮБИТЕЛЬНИЦАМ И ЛЮБИТЕЛЯМ ПЕНИЯ. 2 ЧАСТИ.

М., в тип. Лазаревых Института восточных языков, 1830.
(В 1-й ч. 130, во 2-й 134 стр. в 12-ю д. л.)

Это «Собрание новейших и отличнейших романсов и песень» ничем не отличается от прочих русских песенников: тот же дурной выбор, та же небрежность типографическая и те же непростительные ошибки. Жалко, что до сих пор ни один хороший литератор не взялся за сей труд, вовсе не неблагодарный. У нас с удовольствием раскупают подобные книги, и можно очень легко собрать две довольно толстые части древних и новых песень, достойных памяти. «Северный Певец» нельзя сказать украшен, но обезображен двумя литографированными картинками. Издатель сей книги на 33 стран. 2 части приписал барону Дельвигу песню, ему не принадлежащую [1]. Б. Дельвиг благодарит за такое внимание, но отказывается от незаслуженной чести.

36. «ЦИТРА, ИЛИ МЕЛКИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ г. ГРУ—НОВА».

М., в тип. Решетникова, 1830. (35 стр. в 16-ю д. л.)

«ДВА ПОСЛАНИЯ ВЫПИВАЛИНА К ВОДКЕ И К БУТЫЛКЕ. С ПРИБАВЛЕНИЕМ ПОСЛАНИЯ К г. ВЫПИВАЛИНУ». В СТИХАХ.

М., в тип. Лазаревых Института восточных языков, 1830. (20 стр. в 8-ю д. л.)

«СМЕРТЬ КУПЦА, ИЛИ ОТЕЧЕСКОЕ НАСТАВЛЕНИЕ СЫНУ ПРИ КОНЦЕ ЖИЗНИ. СОЧ⟨ИНЕНИЕ⟩ АЛЕКСАНДРА ОРЛОВА».

М., в тип. Н. Степанова, при имп. Театре, 1830. (32 стр. в 12-ю д. л.)

«СТАРИЧОК-ВЕСЕЛЬЧАК, РАССКАЗЫВАЮЩИЙ ДАВНИЕ МОСКОВСКИЕ БЫЛИ». ПЕЧАТАНА С ИЗД. 1792 г., БЕЗ ИСПРАВЛЕНИЙ.

М., в тип. Н. Степанова, при имп. Театре, 1830. (94 стр. в 12-ю д. л.)

Гораций, в послании к Пизонам, советует молодым поэтам отдавать свои произведения на суд людей, известных познаниями, и после поправлять и не обнародовать их лет девять. Совет прекрасный, достойный последования! Но нет правила без исключений, и Гораций наверное бы посоветовал сочинителям нами объявляемых книжек не показывать никому и не поправлять оные, а просто держать их взаперти, пока они не пригодятся закурить трубку или затопить камин.— Не понимаем, как можно с 1792 года забытую глупость перепечатать в 1830-м?

37

„Северная пчела» давно уже упрекает «Литературную газету» в охоте клеветать на нее. Она два раза уже укоряла издателя оной [1], будто бы он выдумал, что г. Ф. Б. пишет роман «Петр Иванович Выжигин»; теперь же в 126 № не верит существованию письма, из коего в 59 № «Литер⟨атурной⟩ газеты» выписано доказательство, как «С⟨еверная⟩ пчела» бывает неточна в своих известиях [2]. Издатель «Литературной газеты» приглашает издателей «С⟨еверной⟩ пчелы» собственными глазами убедиться в достоверности и официальности сего письма; оно находится у него; а на первые укоры отвечает, что он о рождении нового Выжигина слышал от Н. И. Греча и от книгопродавца, его торговавшего. Для

полного же доказательства, как «Литературная газета» беспристрастна, издатель ее давно уже желает, чтобы г. Ф. Б. написал хороший роман; хвалить же «И. Выжигина» и «Дмитрия Самозванца» нет сил. Что же делать! Как же быть!

38. «БЕСПРИЮТНАЯ». ПОВЕСТЬ В СТИХАХ. СОЧИНЕНИЕ ПРОВА МАКСИМОВИЧА.

СПб., в тип. имп. Воспитательного дома, 1830. (45 стр. в 8-ю д. л.)

Это первое особенно появившееся произведение развивающегося молодого таланта. Имеет ли право рецензент встретить оное строгим судом? Нет! Критика разбирает строго только произведения писателей, уже достигнувших полного развития своего таланта, и намерения ея клонятся преимущественно к тому, чтоб выказывать в новом сочинении истинные красоты, которых *оценка* всегда поучительнее изобличения недостатков. Есть у нее и другое дело, легкое, но невеселое: стегать хлыстом насмешек вислоухих Мидасов. Сих последних у нас довольно. Радуешься хорошей книге, как оазису в африканской степи. А отчего в России мало книг? Более от лености учиться. Мы знаем почтенного поэта и наставника, кому посвящена повесть «Бесприютная» [1], и желали бы видеть его начитанность в молодом поэте. Тогда бы он, верно, яснее был в своем рассказе, отчетливее в описаниях и, конечно, дал бы своему стихотворению новый образ, приличнейший предмету, чем давно избитые формы, в которые некогда так удачно были вылиты мастерские произведения Пушкина и Баратынского.

39. «МАКБЕТ». ТРАГЕДИЯ ШАКСПИРА. ИЗ СОЧ⟨ИНЕНИЙ⟩ ШИЛЛЕРА. ПЕРЕВОД А. РОТЧЕВА.

СПб., в тип. Департ. народного просвещения, 1830. (В 8-ю д. л. 116 стр.)

С сердечным сокрушением замечаем мы, что выхваляемое «Московским телеграфом» неуважение к знаменитым именам внушило в некоторых молодых поэтов наших и неуважение к творениям великих писателей, и пренебрежение к своим читателям. Уже одно заглавие разбираемой нами книги убеждает в сей горькой истине. Что такое значит: «Макбет, трагедия Шакспира из сочине-

ний Шиллера»? Как Шиллер сочинил трагедию Шекспира? — Шиллер перевел «Макбета» с некоторыми изменениями; он мог и сочинить трагедию «Макбет», взяв для своей драмы один предмет с Шекспиром; но как мог написать написанное другим — не понимаем. Какой немец, француз или англичанин, вздумавший перевести «Илиаду» с перевода Гнедича, поставил бы в заглавии своего перевода: «„Илиада“ Гомера из соч. Гнедича?» Может быть, сыщутся люди, которые наше замечание на заглавие сей книги назовут мелочною привязкою. Они не будут правы! Как Задиг узнавал по следам, оставшимся на дороге, и по пыли, улегшейся на окрестных деревьях, какое животное перед ним пробежало, какого оно было роста и хромало ли оно или нет,— так и привычный читатель всегда угадает по первому листику книги, с вниманием ли она или без внимания написана.

Для чего переводятся хорошие книги? Для распространения новых познаний или для обогащения отечественной словесности чужими красотами. К которому подразделению надо причислить перевод трагедий Шекспира? к последнему, т. е. к тому, коего главная цель есть обогащение отечественной словесности чужими красотами.— Для выполнения сей обязанности чего требуется от переводчика? Кроме природных дарований,— глубокого знания языка, с коего переводишь, и привычки владеть своим; притом любви и уважения к подлиннику,— две необходимые страсти, без коих успех невозможен.— С такими понятиями переводили у нас Жуковский и Гнедич; с такими понятиями переводит ныне молодой, но уже зрелый поэт г-н Вронченко. «Гамлет» Шекспира, «Манфред» Байрона им переданы на русский язык с добросовестностию таланта.

Никто из любителей русской словесности не сомневается в природных дарованиях г-на Ротчева. Многие мелкие собственные его пьесы, рассеянные по журналам и альманахам, заставляют и любить талант его и быть к нему взыскательными. Критика из снисхождения, вероятно, к первым попыткам молодого человека на скудном драматическом поприще нашем ничего не сказала, кроме общих похвал, о «Мессинской невесте» и «Вильгельме Теле», трагедиях Шиллера, переведенных г-м Ротчевым. Но ее снисходительное одобрение не послужило в пользу переводчику. То, что ей казалось в нем еще неловкостию художника, не совершенно ознакомившегося с искусством, ныне обнаружилось пороком печальным и неожиданным. Перевод «Макбета» с немецкого языка показывает все непочтение

к превосходному творению Шекспира и званию не пустому поэта.

Раскройте наугад русский перевод и сравните его, не говорю уже с английским, но с немецким подлинником. Вы увидите, что ни один даже удачный стих Шиллера не остановил переводчика и не заставил его постараться верно передать себя. Одна безотчетная поспешность добраться поскорее до конца выглядывает из каждой сцены, из каждого стиха, даже из корректуры типографской! Нет ни осмотрительности, ни оглядки! перелистываешь книгу и изумляешься. Не зная английского языка, наш поэт мог найти человека, который показал бы ему, как по-русски пишутся английские собственные имена. Он и о том не подумал. Он пишет Шакспир вместо Шекспир, лади вместо леди; у него Макдуф — то Макдуф, то Макдюф, а Фейф — то Фифа, то Фива, то Фифы!!

Нет, «Макбет» еще не переведен у нас. Жаль, что г. Ротчев счастливый талант свой не сдружил с внимательностию и старанием. Чем большею славою пользуется художник, тем более для поддержания оной ему надо быть строгим к себе и не шутить своим искусством. Поэма «Нищий» должна бы, кажется, быть поучительным примером для юных поэтов, как неумеренные похвалы лжекритиков и доверчивое сердце дарования прекрасного, но еще не познавшего себя могут быть пагубны. Надеемся, что г. Ротчев пойдет по дороге, ему свойственной, и более не будет соперничать в переводах с гг. Зотовым и Шеллером.

40. «БЕЗУМНАЯ». РУССКАЯ ПОВЕСТЬ В СТИХАХ. СОЧИНЕНИЕ ИВАНА КОЗЛОВА.

СПб., в тип. Александра Смирдина, 1830. (XI—33 стр. в 8-ю д. л.)

РОЖДЕНИЕ ИОАННА ГРОЗНОГО. ПОЭМА В ТРЕХ ЧАСТЯХ. СОЧИНЕНИЕ БАРОНА РОЗЕНА.

СПб., в тип. Плюшара, 1830. (108 стр. в 12-ю д. л.)

Русская литература еще не живет полною жизнию. Люди, по охоте или по обязанности наблюдающие за нею, находятся в положении стихотворного Ильи Муромца [1], который без помощи волшебного перстня просидел бы целый век над очарованной красавицей и не дождался ее пробуждения. Наша красавица пробуждается очень, очень редко и скоро опять засыпает до неопределенного времени. Ныне одна только блестящая звезда

Пушкина воздвигает ее ото сна и то много, мно́го раза два в год: другие же русские кудесники приводят ее только до степени лунатизма [2]. Что ж? Мы рады и бреду милой женщины: все ж по крайней мере слышишь ее! Притом же, благодаря Месмеру и его последователям, мы теперь знаем, что лунатики могут иногда говорить не хуже неспящих. В подтверждение сего положения укажем на две замечательные новые поэмы, недавно вышедшие из печати: «Безумная», сочинение Ивана Ивановича Козлова, и «Рождение Иоанна Грозного», сочинение барона Розена.

Первой принадлежит без всякого сомнения пальма первенства, несмотря на дурно обдуманный план. Певец Чернеца и Натальи Долгорукой не исчерпал еще до дна кладязя чувств своих. В поэме «Безумная» каждый стих звучит не фистулою, но чистыми, полными тонами, прямо изникающими из прекрасного сердца. Это пение соловья, успокоивающее душу, но не удовлетворяющее фантазии. Разделяешь печаль с милым певцом и невольно сердишься на него, что он заставил нас плакать от несчастий вымышленных и рассказанных оперною актрисой, а не настоящею поселянкой. Безумная его театральная Нина, а не Офелия Шекспира, не Мария Кочубей Пушкина. Но черта, разделяющая естественное от театрального, не многими знаема, и недостаток в создании, нами замеченный в пьесе почтенного поэта нашего, выкупается, как мы уже сказали, изобилием чувств. Кто плакал, читая «Чернеца» и «Наталью Долгорукую», тот заплатит невольную дань чувствительности и при чтении «Безумной».

В поэме барона Розена фантазия и машины холодного соображения взяли верх над чувствами и тем испортили все дело. Соломония историческая так занимательна, неплодие ее и неверность супруга так естественны, что не нужно было выдумывать никаких заклятий и разрешений какого-то Псковитянина, не надо было выставлять на сцену отвратительного Шигоны и соблазнов Елены Глинской; а следовало просто занять нас единственно несчастиями отринутой и невинной супруги и чувствами умилительными беспримерной матери. Потому стоило погрузиться в самого себя и, подобно И. И. Козлову, не жалея, высказать все чувства души своей поэтической, и поэма бы его несказанно выиграла. Сколько бы тогда холодных описаний оказалось ненужными, сколько бы прозаических стихов не было написано молодым нашим лириком. Сцена юродивого, оканчивающая поэму «Рождение Иоанна Грозного», хорошо выдумана, но неудачно выполнена. Моло-

дые художники! списывайте более с натуры и не спешите писать на память, наугад [3].

41. «БОРИС ГОДУНОВ».

СПб., в тип. Департ. народного просвещения, 1831. (142 стр. в 8-ю д. л.)

Желаем от чистого сердца всем русским литературным газетам каждый новый год начинать свою библиографию, как мы ныне: уведомлением о книге, равной достоинством с историческою драмой А. С. Пушкина «Борис Годунов». Появление ее вполне вознаградило долгое, нетерпеливое ожидание любителей поэзии. Это не произведение, писанное с единственным намерением поскорее кончить и, получив за оное деньги, опять с тою же мыслию приняться за новое денежное предприятие. Нет, еще в 1825 году «Борис Годунов» был написан, а только в 1831-м вышел из печати. Истинный талант выше денег ценит свое искусство. Сколько история представляет поэтов, которые, терпя крайнюю бедность, не продавали своего таланта и, питаясь черствым хлебом и водою, не спеша, готовили для просвещенных современников и справедливого потомства яству бессмертную, нектар и амврозию, вкусную пищу древних богов и существ, не ограничивающих круг бытия своего краткою земною жизнию. Но, благодаря бога, Пушкин не равен с сими светилами горькою участию! Судьба не гонит его. Наш просвещенный монарх, которого недавнее царствование ознаменовано уже столькими необыкновенными событиями, столькими великими подвигами, кои могли бы прославить целое пятидесятилетие, несмотря на разнообразные царственные заботы, находит мгновения обращать живительное внимание свое на произведения нашего поэта. Счастливо время, в которое таланты не низкою лестию, а достоинством неискательным приобретают высокое покровительство и в которое правда так богата истинною поэзией [1].

Некоторых чересчур любопытных читателей и двух-трех журналистов занимает *важная* мысль: к какому роду должно отнести сие поэтическое произведение? Один называет его *трагедией*, другой *драматическим романом*, третий *романическою драмой* и так далее. К чему приведет их разрешение сей задачи? Не к познанию ли, по каким правилам судить новое сочинение? Назовите его,

как хотите, а судите его не по правилам, но по впечатлениям, которые получите после долгого, внимательного чтения. Каждое оригинальное произведение имеет свои законы, которые нужно заметить и объявить, но единственно для того, чтобы юноши, учащиеся поэзии, и люди, не живо чувствующие, легче могли понять все красоты изящного творения. Воображать же, чтобы законы какой-нибудь поэмы, трагедии и проч. были непременными мерилами пьес, после них написанных, и смешно, и недостойно человека мыслящего. Пора убедиться нам, что человек, как бы учен ни был [2], сколько бы правил ни знал, но не имеющий поэтического таланта, ничего необыкновенного не напишет. Сколько французов, сколько русских слепо верили в правила французской драматургии; и что же они написали? Ничего, что бы можно было читать после Расина, который не по трем единствам читается, перечитывается и будет читаться, а по чему-то иному, чего, к несчастию, и недостает ученым его подражателям.

«Борис Годунов» бесспорно должен стать выше прочих произведений А. С. Пушкина. Поэма «Полтава» была, так сказать, переходом нашего поэта от юности к зрелому возрасту [3], от поэзии воображения и чувств к поэзии высшей, в которой вдохновенное соображение всему повелитель, словом, от «Кавказского пленника», «Бахчисарайского фонтана», «Цыганов» и проч. к «Борису Годунову». Уже в «Полтаве» мыслящих читателей поразила эта важная простота, принадлежность зрелого таланта, чуждая безотчетных увлечений и блестящих эффектов, но богатая поэзией истины. В прежних поэмах Пушкина план и характеры едва были начертаны и служили ему посторонними средствами, разнообразившими длинный монолог, в коем он изливал свою душу. В «Полтаве» поэт уже редко выходит на сцену и не говорит из-за кулис вместо действующих лиц; нет! герои поэмы его живут своею, незаимствованною жизнию. И с историей в руке никто не уличит их в самозванстве! Одна завистливая посредственность бранила сие произведение, как, вероятно, будет бранить и «Бориса Годунова». Но не для нее поэт пишет, не ее слушают образованные читатели. Единственный недостаток поэмы «Полтава», по нашему мнению, заключается в лирической форме. Предмет сей следовало бы вставить в драматическую раму [4]. Сколько превосходных сцен осталось неразвитых потому только, что лирическая поэзия намекает, а не досказывает. Петр Великий, Карл XII, Мазепа, старец Палей, Кочубеи, дочь их, влюбленный казак, Орлик: вот

восемь замечательных, первостепенных характеров, совершенно постигнутых поэтом! Мы готовы утвердительно сказать, что драма «Полтава» не уступила бы драме, нами разбираемой. Единство действия, сие условие, предписанное искусству самой природой, строго соблюдено Пушкиным [5]. Подобно солнцу, силою своею в порядке управляющему целою системой планет, Борис Годунов до последнего издыхания великим умом своим все держит, над всем властвует. Куда поэт ни переносится, везде влияние Бориса видимо, и только одна смерть его взвела на престол Самозванца. Характер Бориса, чрезвычайно заманчивый в самой истории, только в вялом романе «Димитрий Самозванец» выставленный бледным и безжизненным, не только выдержан нашим поэтом, но еще как будто помощию увеличительного стекла придвинут к нам. Мы видим самые тайные изгибы сердца его и везде признаем подлинность нами видимого. Пушкин в минуту восторга, кажется, снова пережил всю жизнь этого самовольного Эдипа нашей истории и ни одной строкой, ни одним словом нас не разочаровывает. Везде в Годунове видишь человека великого, достойного царствовать и быть благодетелем рода человеческого, но униженного ужасным злодеянием, которое, как фурия, его преследует и на каждое доброе дело его накидывает покров отвратительный. Видя, хотя и заслуженные, страдания великого человека, невольно умиляешься, невольно веришь, что кара за убиение невинного царевича падет на одну главу его и не тронет его невинного сына: но за чистую кровь Димитрия небо потребовало чистой жертвы, и нам, знающим судьбу сего семейства, тем трогательнее кажутся сии последние слова умирающего Бориса, вотще наставляющего сына, как царствовать:

Умираю;
Обнимемся; прощай, мой сын; сей час
Ты царствовать начнешь... о боже, боже!
Сей час явлюсь перед тобой — и душу
Мне некогда очистить покаяньем.
Но чувствую — мой сын, ты мне дороже
Душевного спасенья... так и быть!
Я подданным рожден и умереть
Мне подданным во мраке б надлежало;
Но я достиг верховной власти — чем?
Не спрашивай. Довольно: ты невинен,
Ты царствовать теперь по праву станешь,
А я за все один отвечу богу.
О милый сын, не обольщайся ложно,
Не ослепляй себя ты добровольно.
В дни бурные державу ты приемлешь:

Опасен он, сей чудный Самозванец.
Он именем ужасным ополчен.
Я, с давних лет в правленьи искушенный,
Мог удержать смятенье и мятеж;
Передо мной они дрожали в страхе;
Возвысить глас измена не дерзала —
Но ты, младой, неопытный властитель,
Как управлять ты будешь под грозой,
Тушить мятеж, опутывать измену?
Но бог велик! Он умудряет юность,
Он слабости дарует силу... слушай:
Советника, во-первых, избери
Надежного, холодных, зрелых лет,
Любимого народом — а в боярах
Почтенного породой или славой —
Хоть Шуйского. Для войска ныне нужен
Искусный вождь — Басманова пошли
И с твердостью снеси боярский ропот.
Ты с малых лет сидел со мною в Думе,
Ты знаешь ход державного правленья;
Не изменяй теченья дел. Привычка —
Душа держав. Я ныне должен был
Восстановить опалы, казни — можешь
Их отменить; тебя благословят,
Как твоего благословляли дядю,
Когда престол он Грозного приял.
Со временем и понемногу снова
Затягивай державные бразды.
Теперь ослабь, из рук не выпуская —
Будь милостив, доступен к иноземцам,
Доверчиво их службу принимай.
Со строгостью храни устав церковный;
Будь молчалив; не должен царский голос
На воздухе теряться по-пустому;
Как звон святой, он должен лишь вещать
Велику скорбь или великий праздник.
О милый сын! ты входишь в те лета,
Когда нам кровь волнует женский лик.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами в порочных наслажденьях
В младые дни привыкнул утопать,
Тот, возмужав, угрюм и кровожаден,
И ум его безвременно темнеет.
В семье своей будь завсегда главой;
Мать почитай, но властвуй сам собою —
Ты муж и царь; люби свою сестру —
Ты ей один хранитель остаешься.

КОЛЛЕКТИВНОЕ

1

Там, где Семеновский полк, в пятой роте, в домике низком,
Жил поэт Баратынский с Дельвигом, тоже поэтом.
Тихо жили они, за квартиру платили не много,
В лавочку были должны, дома обедали редко.
Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей,
Шли они в дождик пешком, в панталонах трикотовых
тонких,
Руки спрятав в карман (перчаток они не имели!),
Шли и твердили, шутя: «Какое в *россиянах* чувство!»

1819

2. ПЕВЦЫ 15-ГО КЛАССА

Князь Шаховской согнал с Парнаса
И мелодраму, и журнал;
Но жаль, что только не согнал
Певца 15-го класса.

Но я бы не согнал с Парнаса
Ни мелодраму, ни журнал,
А хорошенько б откатал
Певца 15-го класса.

Не мог он оседлать Пегаса;
Зато Хвостова оседлал,
И вот за что я не согнал
Певца 15-го класса.

(Теперь певцы говорят сами):

Хотя и согнан я с Парнаса,
Все на Песках я молодец:
Я председатель и отец
Певцов 15-го класса.

Я перевел по-русски Тасса,
Хотя его не понимал,
И по достоинству попал
В певцы 15-го класса.

Во сне я не видал Парнаса,
Но я идиллии писал
И через них уже попал
В певцы 15-го класса.

Поймав в Париже Сен-Томаса,
Я с ним историю скропал
И общим голосом попал
В певцы 15-го класса.

Я конюхом был у Пегаса,
Навоз Расинов подгребал,
И по Федоре я попал
В певцы 15-го класса.

Я сам, Княжевич, от Пегаса
Толчки лихие получал
И за терпение попал
В певцы 15-го класса.

Хотел достигнуть я Парнаса,
Но Феб мне оплеуху дал,
И уж за деньги я попал
В певцы 15-го класса *.

Кой-что я русского Парнаса,
Я не прозаик, не певец,
Я не 15-го класса,
Я цензор — сиречь — я подлец.

Сочинил унтер-офицер
Евгений Баратынский с артелью

---

* В сенате — третьего я класса,
А здесь — в 15-й попал.— Прим. соч.

3. ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ АННЫ ЛЬВОВНЫ

Ох, тетенька! ох, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Была ты к маменьке любовна,
Была ты к папеньке добра.
Была ты Лизаветой Львовной
Любима больше серебра;
Матвей Михайлович как кровный
Тебя встречал среди двора.
Давно ли с Ольгою Сергевной,
Со Львом Сергеичем давно ль,
Как бы на смех судьбине гневной,
Ты разделяла хлеб да соль.
Увы! зачем Василий Львович
Твой гроб стихами обмочил,
Или зачем подлец попович
Его Красовский пропустил!

1825

4

Наш приятель, Пушкин Лев,
    Не лишен рассудка:
И с шампанским жирный плов
    И с груздями утка
Нам докажут лучше слов,
Что он более здоров
    Силою желудка.

Федор Глинка молодец
    Псалмы сочиняет,
Его хвалит бог-отец,
    Бог-сын потакает;
Дух святой, известный лжец,
Говорит, что он певец...
    Болтает, болтает.

1820-е гг.

5

С некоторых пор журналисты наши упрекают писателей, которым не благосклонствуют, их дворянским достоинством и литературною известностию. Французская чернь кричала когда-то: «Les aristocrates à la lanterne!» *. Замечательно, что и у французской черни крик этот был двусмыслен и означал в одно время аристократию политическую и литературную. Подражание наше не дельно. У нас, в России, государственные звания находятся в таком равновесии, которое предупреждает всякую ревнивость между ними. Дворянское достоинство в особенности ни в ком не может возбуждать неприязненного чувства, ибо доступно каждому. Военная и статская служба, чины университетские легко выводят в оное людей прочих званий. Ежели негодующий на преимущества дворянские не способен ни к какой службе, ежели он не довольно знающ, чтобы выдержать университетские экзамены, жаловаться ему не на что. Враждебное чувство его, конечно, извинительно, ибо необходимо соединено с сознанием собственной ничтожности; но выказывать его неблагоразумно. Что касается до литературной известности, упреки в оной отменно простодушны. Известный баснописец, желая объяснить одно из самых жалких чувств человеческого сердца, обыкновенно скрывающееся под какою-нибудь личиною, написал следующую басню:

Со светлым червячком встречается змея
И ядом вмиг его смертельным обливает.
«Убийца! — он вскричал,— за что погибнул я?»
«Ты светишь»,— отвечает.

Современники наши, кажется, желают доказать нам ребячество подобных применений и червяков и козявок заменить лицами более выразительными. Все это напоминает эпиграмму, помещенную в 32-м № «Литературной газеты».

6

Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии столь же недобросовестны, как и прежние. Ни один из известных писателей, принадлежащих будто бы этой партии, не думал величаться своим дворянским званием. Напротив, «Северная

* Аристократов на фонарь *(фр.)*.— *Ред.*

пчела» помнит, кто упрекал поминутно г-на Полевого тем, что он купец, кто заступился за него, кто осмелился посмеяться над феодальной нетерпимостию некоторых чиновных журналистов. При сем случае заметим, что если большая часть наших писателей дворяне, то сие доказывает только, что дворянство наше (не в пример прочим) грамотное: этому смеяться нечего. Если же бы звание дворянина ничего у нас не значило, то и это было бы вовсе не смешно. Но пренебрегать своими предками из опасения шуток гг. Полевого, Греча и Булгарина не похвально, а не дорожить своими правами и преимуществами глупо. Недворяне (особливо не русские), позволяющие себе насмешки насчет русского дворянства, более извинительны. Но и тут шутки их достойны порицания. Эпиграммы демократических писателей XVIII-го столетия (которых, впрочем, ни в каком отношении сравнивать с нашими невозможно) приуготовили крики «Аристократов к фонарю» и ничуть не забавные куплеты с припевом «Повесим их, повесим». Avis au lecteur *.

---

* Предупреждение читателю *(фр.)*.— *Ред.*

ПИСЬМА

1. РОДНЫМ

(Отрывок)

6 октября 1816 г.

Сад сетует, не видя прелестных петербургских дам [1], которые целое лето жили в Царском Селе, и срывает с себя зеленую одежду. Мы ходим под шумом опустошенных деревьев и забавляем себя прошедшим и будущим. Там мы по нескольку часов слушали громкую музыку гусарского полка, теперь все молчит и отвечает своими грустными и пустынными видами нашему унылому сердцу.

2. И. В. МАЛИНОВСКИЙ, С. С. ЕСАКОВ, В. Д. ВОЛЬХОВСКИЙ, А. Д. ИЛЛИЧЕВСКИЙ, И. И. ПУЩИН, А. А. ДЕЛЬВИГ, А. С. ПУШКИН И НЕИЗВЕСТНЫЙ ЛИЦЕИСТ — С. С. ФРОЛОВУ

4 апреля 1817 г. Царское Село

4 апреля 1817 года.

Чувствую, что виноват перед вами, почтенный Степан Степанович — обещался быть секретарем для отправления писем к вам, а до сих пор еще ни слова не сказал путного. Да и теперь будет то же.— Экзамен не за горами — а до сих ⟨пор⟩ были все в Петербурге на празднике; я не забыл, что зывали вы меня за мои частые пословицы *Саншо Пансо*, что ж худого-то: понабрался их, а они и пригодятся — *мал золотник да дорог* — так же заключите и о письме с почтением пребывающего к вам

Ивана Малиновского.

Посмотрим, кто из нас: вы ли, почтеннейший Степан Степанович, приедете в Царское или я прискачу к вам в Лонку. Желаю, впрочем, чтоб

вы первый посетили нас и увидели исполнение желания вашего. Каковы ваши труды? Под надзором доброго хозяина, думаю я, вся Лонка расцвела,— как весело! — Будьте здоровы и не забудьте вашего

Есакова.

Вспомните и обо мне, почтеннейший Степан Степанович! Нам же все напоминает вас; мы встретили и провели праздники, но — без вас, и теперь опять по-прежнему начинаем бродить по саду, но вас уже нет: возвратитесь скорее, Царское Село не хуже Лонки, и здесь вы будете между русскими, между теми, которые знают вас и любят столько, сколько любить можно добрейшего наставника. Позвольте уверить вас в чувствах глубокого почтения и преданности вашего покорнейшего слуги

Владимира Вольховского.

Не забывайте его, не забывайте нас.

С брата по строчке, выдет целое письмо. С каким удовольствием приписываю я к другим и моих *два* слова — Христос воскресе! Степан Степанович! почтеннейший начальник! С праздниками поздравляем вас.

Алексей Илличевский.

Позвольте и мне написать вам несколько слов, почтеннейший Степан Степанович! Извините, что до сих пор сего не сделал; но, право, времени ни минуты не имел свободной. Праздники провел я в Петербурге — и теперь опять в кругу милых моих товарищей, но все не то: вас не нахожу — *Козырь вскрылся — нырнул в Лонку* — а нас, военных, покинул. Худо, Степан Степанович, но уж так и быть, все прощу вам, если только вы не забудете любящего и почитающего вас друга.

Иван Пущин.

Маслов много, много вам кланяется.

И я, любезнейший Степан Степанович, свидетельствую вам почтение, христосуюсь с вами и очень желаю вас опять увидеть. Остаюсь всегда желающим вам здоровья и счастия.

Б⟨арон⟩ Дельвиг.

Почтеннейший Степан Степанович,

Извините, ежели старинный приятель пишет вам только две строчки с половиной — в будущую почту напишет он две страницы $^1/_2$.

Егоза Пушкин.

Finis coronat opus *.— Biscup.—

* Конец венчает дело *(лат.)*.— Епископ.— *Ред.*

3. И. А. ГАРИЖСКОМУ

15 апреля 1820 г. Петербург

Апрель 15.

Прошу любезного Ивана Андреевича отпечатать мне особенно 50 экземпляров сей пьесы [1], и нельзя ли корректуру доставлять Кюхельбекеру, который скоро будет жить поблизости от вас. Чем очень обяжете вашего покорного слугу.

Дельвиг.

4. А. Н. ОЛЕНИНУ

27 сентября 1821 г. Петербург

Ваше превосходительство,
милостивый государь.

Служа в канцелярии Министерства финансов [1], я осмелился просить ваше превосходительство доставить мне место и при императорской Публичной библиотеке. Особенная склонность к занятиям библиографическим, желание быть вдвойне полезным и, скажу признательно, недостаточное состояние, принуждающее меня ожидать помощи только от трудов своих,— одним словом, необходимое для жизни заставило меня стараться удержать оба места. Но видя себя принужденным тем или другим пожертвовать, я решился по крайней мере удовлетворить моей склонности и желанию служить под лестным для меня начальством вашим. Смею ласкаться надеждою, что ревностною службою обращу на себя со временем благосклонное внимание моего начальства и заслужу милостивое его покровительство.

Вашему превосходительству угодно было, чтобы до определения моего в императорскую Публичную библиотеку я некоторое время занимался в оной, дабы можно было судить, имею ли я надлежащие способности к отправлению обязанностей, возложенных на чиновников сей библиотеки. Вследствие чего с 1 сентября прошлого 1820-го года я ходил в оную каждый день и, по мере сил и способностей моих, старался сколько мог лучше исправлять порученное мне дело. Если я был столько счастлив, что время сего испытания моего, по мнению начальства библиотеки, проведено мною не совсем для оной бесполезно, то ваше превосходительство не откажете мне в милостивом поме-

щении меня в число подчиненных ваших по ведомству императорской Публичной библиотеки и тем доставьте присоединить чувство душевной признательности к тому глубочайшему почтению, с которым имею честь быть вашего превосходительства милостивого государя всепокорнейшим слугою

барон Антон Дельвиг.

С.-Петербург
27 сентября 1821.

5. В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

Март — май 1823 г. Петербург

Скучно только во сне говорить с Вильгельмом; поговорю на бумаге. Благодарю тебя за приписки, но все ответ за тобой; или, может быть, письмо мое [1] не застало тебя в Тифлисе? Ах, Кюхельбекер! Сколько перемен с тобою в два-три года. Но об них после. Сперва оправдай меня перед матушкой твоей. Меня Плетнев напугал, сказав, что она без слез не может встретить друзей твоих; что они напоминают ей твое положение, совсем невеселое, и я побоялся показаться ей; я, некоторым образом причина твоих неприятностей [2] по несчастной моей рекомендации Нарышкину. Эртель мне говорил, что часы, которые ты у меня оставил, надо кому-то доставить, но не сказал, кому; уведомь поскорее, и они сейчас будут отнесены туда и в лучшем состоянии, чем были прежде. Мебель твою куплю я; мои положения скоро поправятся; дай бог, чтоб и твои поскорее пришли в прежнее состояние. Не теряй надежду на счастие, только ищи его не в Петербурге,— искание тщетное; поезжай в Москву [3], и там, приведет бог, скоро увидимся. Скажу о себе, что я тот же Дельвиг, но менее ленив и менее весел. Так и быть! Грибоедов соблазнил тебя, на его душе грех. Напиши ему и Шихматову проклятие; но прежними стихами, а не новыми. Плюнь, и дунь, и вытребуй от Плетнева старую тетрадь своих стихов, читай ее внимательнее и по лучшим местам учись слогу и обработке. «Кассандра» [4] твоя — хорошие идеи в сторону — урод; два акта трагедии «Тимолеон» [5], которые я читал, имеют много хороших стихов, но хоры однообразны: слишком много поют о Евменидах, а сцены не движутся; не знаю, каковы три последние. Ты страшно виноват перед Пушки-

ным. Он поминутно об тебе заботится. Я ему доставил твою греческую оду [6], послание Грибоедову и Ермолову, и он желает знать что-нибудь о «Тимолеоне». Откликнись ему — он усердно будет отвечать. На него охота пришла письма писать, и он так и сыплет ими. Да и мне напиши, и подробнее, о себе. Писать не люблю, а получать письма — мое дело; и друзей любить знаю, а разлюбливать, хоть убей, не умею. Летом жду твоего брата [7]. Хочется посмотреть на него. Прощай!

Дельвиг.

6. А. А. БЕСТУЖЕВУ И К. Ф. РЫЛЕЕВУ (?)

1823 г. (?)

Вот X пьес Дельвига.

Добрые друзья его могут рассыпать их в своем альманахе. Вряд ли цензура что-нибудь из них не пропустит.

7. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

4 февраля 1824 г. Петербург

Милостивый государь
князь Петр Андреевич.

Простите мне, я взял все предосторожности, чтобы вы не отказали просьбе нового издателя нового альманаха. Я упросил Жуковского и Пушкина у вас ходатайствовать за меня. На 1825 год должна выйти моя книжка под названием «Северные цветы». Не откажитесь украсить ее вашими сочинениями. Виноват, начинаю делаться бесстыдным, как наши журналисты: не одних стихов прошу у вас, но и прозы, которою вы, так же как и стихами, добыли высокое и благородное место на нашем Парнасе. Не имея личных достоинств Рылеева и Бестужева, надеюсь на дружбу некоторых лучших наших писателей и потому смею уверить вас, что я все употреблю старание доставить вашим пьесам достойное их общество. Прощайте, любезнейший поэт. Обрадуйте добрым ответом вашего почитателя.

Барон Дельвиг.

1824-го года
4-го февраля.

Адресуйте ваши письма в И⟨мператорскую⟩ Библиотеку.

8. В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

Июнь 1824 г. Петербург

Любезный Вильгельм! Ради бога, напечатай у себя «Узницу» Козлова. Ты утешишь человека слепого и безногого, который имеет одну только отраду в жизни — поэзию. Да скажи, что не выходит твоя «Мнемозина»? [1] Мы ждем ее, как Озирида. Познакомь меня, как знаешь и как можешь, с твоим товарищем. Литературно я знаю и люблю его. Уговори его и себя что-нибудь прислать в новый альманах «Северные цветы», мною издаваемый. Он будет хорош! Игнациус рисует картинки, бумага веленевая, печать лучшая в Петербурге, а с помощи⟨ю⟩ друзей начинка не уступает украшениям. Я скоро пришлю тебе несколько своих пьес; Жуковский тоже. Он полагает, что ты ругаешь его за лень. Ему очень совестно, что он не отвечал тебе, и оправдывается только тем, что у него очень мало свободного времени и что он почти никому не пишет. Плетнев и Баратынский целуют тебя и уверяют, что они все те же, что и были: любят своего милого Вильгельма и тихонько пописывают элегии. Письмо это доставит тебе очень милый молодой человек, европейского клейма, адъютант Муханов. Он желает с тобой познакомиться, и я уверен и знаю, как ты его примешь. Но рука моя, сверх обыкновения своего, расписалась — пора перестать! Прощай. Целую тебя, не как Иуда Искариотский, но как бы поцеловал разбойник, если б мог он на кресте целоваться.

Твой Дельвиг.

9. Ф. Н. ГЛИНКЕ

1 июля 1824 г. Петербург

Посылаю вам журнал нашей девицы [1], которой многие чувства желал бы вдохнуть во многих девиц или барышен. Ежели доброе ваше расположение ко мне тепло по-прежнему, то совершите хорошее дело — исполните ваше обещание. Напишите предисловьице и почистите, как хотели, эту милую редкость. Скажу еще: вы бы очень меня одолжили скорым доставлением вашей прозы [2]. Я уж отдаю цензуре мою повинную голову; с 1-го августа начинаю печатание. Ежели вам угодно будет прислать ее в Библиотеку, благодарен и еще благодарнее останусь, ежели без всяких

с вашей стороны хлопот вы оставите пакет у себя на квартире и велите человеку отдать его моему посланному, который будет учащать свои посещения. Любите и не оставляйте вас искренно любящего

Дельвига.

10. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

10 сентября 1824 г. Петербург

Почтеннейший князь Петр Андреевич. Если бы все так были немилостивы к моим «Северным цветам», как вы, то и я бы запел: «Если бы на цветы да не морозы» и пр., но, слава Аполлону, из *живых* хороших писателей только вы еще их не украсили своими сочинениями. Самые ленивейшие — Жуковский и Дашков пышно одарили меня. Пушкин, Баратынский, И. А. Крылов доставили мне каждый по четыре, по шести и по семи довольно больших и прекрасных пьес. И от второклассных писателей я с большим выбором принимаю сочинения. Не бойтесь дурного общества, вашим пьесам соседи будут хорошие. Они не столк⟨н⟩утся ни с Каченовским, ни с А. Писаревым, ни с Лже-Дмитриевым, ни с поляком Булгариным. Жуковский уверяет, что вы в письме к нему обещали исполнить мою просьбу: потому я с такою надежностию на вас и пишу к вам о моих цветах. Они теперь печатаются, но ваши пьесы, ежели они и через две, даже через три недели будут у меня,— не опоздают [1].— Есть у меня еще одна просьба: я боюсь обеспокоить моею просьбою И. И. Дмитриева — не можете ли вы лично ходатайствовать за меня у парнасского нашего министра и достать две, три пьесы его [2]. Он скорее не откажет вам, достойному своему биографу [3], нежели мне, незнакомому, но пламенному своему обожателю.

Будьте добры, любезнейший князь, ко мне, истинному почитателю ваших талантов, и похлопочите о моих цветах. Жуковский благословил мое предприятие и ужели вы не утвердите его печатью прекрасного дарования вашего?

Всегда готовый к услугам вашим

барон Дельвиг.

1824-го года
10-го сентября.

11. А. С. ПУШКИНУ

10 сентября 1824 г. Петербург

1824-го года 10 сент.

Милый Пушкин, письмо твое [1] и «Прозерпину» я получил и тоже в день получения благодарю тебя за них. «Прозерпина» не стихи, а музыка: это пенье райской птички [2], которое слушая, не увидишь, как пройдет тысяча лет. Эти двери давно мне знакомы [3]. Сквозь них, еще в Лицее, меня часто выталкивали из Элизея. Какая искусная щеголиха у тебя истина. Подобных цветов мороз не тронет! Князь Вяземский петь может сколько угодно, а стихов мне пришлет. Я повторил вызов, где подстрекаю его подарками твоими, Жуковского и Дашкова [4]. Жуковский дает мне перевод «Водолаза» Шиллера [5]. «Цветы» мои печатаются. В первых числах декабря увидишь их [6]. «Послание к Богдановичу» [7] исполнено красотами; но ты угадал: оно в несчастном роде дидактическом. Холод и суеверие французское пробиваются кой-где. Что делать? Это пройдет! Баратынский недавно познакомился с романтиками, а правила французской школы всосал с материнским молоком. Но уж он начинает отставать от них. На днях пишет, что у него готово полторы песни какой-то романтической поэмы [8]. С первой почтой обещает мне прислать, а я тебе доставлю с нею и прочие пьесы его, которые теперь в цензуре. Пришлю тебе и моих «Купальниц». Об них Лев, верно, рассказал тебе.

Благодарю тебя за похвалу и замечания [9]. Чего доброго ты заставишь меня написать поэму. Грех на твоей душе будет. «И нас тогда пленяли эполеты» я переменю: но скажи, одно ли бледное слово *пленяли* тебе не нравится, и не почитаешь ли ты эполеты анахронизмом, которые при Екатерине тоже носились? Впрочем, я их всячески не оставлю.

Теперь дело о деньгах. Ежели ты хочешь продать второе издание «Руслана», «Пленника» и, ежели можно, «Бахчисарайского фонтана», то пришли мне доверенность [10]. Об этом меня трое книгопродавцев просят; ты видишь, что я могу произвести между ними торг и продать выгодно твое рукоделье. Издания же будут хороши. Ручаюсь.

Сергею Львовичу, Надежде Осиповне и Ольге Сергеевне мое почтение. Льву скажи, что я с ним не помирюсь на одно письмо. Только что все приведу в порядок — буду

у тебя. Да нет ли, брат, у тебя какой прозы, удобопропущаемой цензурой? Пришли, коли есть. Есть еще у меня не просьба, но только спрос: не вздумаешь ли ты дать мне стихов двадцать из «Евгения Онегина»? Это хорошо бы было для толпы, которая не поймет всей красоты твоей «Прозерпины» или «Демона», а уж про «Онегина» давно горло дерет. Подумайте, ваше Парнасское величество! Обнимаю тебя. Матюшкин тебе кланяется и слепец Козлов, который только что и твердит о тебе да о Байроне.

Люби *Дельвига.*

12. А. С. ПУШКИНУ

28 сентября 1824 г. Петербург

Великий Пушкин, маленькое дитя! Иди, как шел, т. е. делай, что хочешь, но не сердися на меры людей, и без тебя довольно напуганных! Общее мнение для тебя существует и хорошо мстит. Я не видал ни одного порядочного человека, который бы не бранил за тебя Воронцова, на которого все шишки упали. Ежели б ты приехал в Петербург, бьюсь об заклад, у тебя бы целую неделю была толкотня от знакомых и незнакомых почитателей. Никто из писателей русских не поворачивал так каменными сердцами нашими, как ты. Чего тебе недостает? Маленького снисхождения к слабым. Не дразни их год или два, бога ради! Употреби получше время твоего изгнания. Продав второе издание твоих сочинений, пришлю тебе и денег, и, ежели хочешь, новых книг. Объяви только волю, каких и много ли. Журналы все будешь получать. Сестра, брат, природа и чтение, с ними не умрешь со скуки. Я разве буду навозить ее. Нет ничего скучнее теперешнего Петербурга. Вообрази, даже простых шалунов нет! — Квартальных некому бить! Мертво и холодно или иначе: свежо и прохладно! [1]

С приезда Воейкова из Дерпта и с появления Булгарина литература наша совсем погибла. Подлец на подлеце подлеца погоняет. Ездят в Грузино [2], перебивают друг у друга случай сделать мерзость, алтынничают. Офицеры занимаются новопривезенными из Варшавы темпами. Теперь мера всех артикулов вот какая: ра̄з, два̄, трӣ. Карамзин теперь в отчаянии [3]. Для него одно счастие наслаждаться лицезрением нашего великодушного и благословенного монарха. А он путешествует! Жуковский, я думаю, погиб невозвратно для поэзии. Он учит великого князя Александра Николаевича русской грамоте и, не шутя го-

ворю, все время посвящает на сочинение азбуки. Для каждой буквы рисует фигурку, а для складов картинки. Как обвинять его! Он исполнен великой идеи: образовать, может быть, царя. Польза и слава народа русского утешает несказанно сердце его. Но я заболтался — пора перестать. Благодарю за «Онегина». Льва целую, но не пишу ему. Первое: за ним письмо еще, а второе — некогда. Завтра ваш человек рано уезжает. Пиши ко мне чаще — я твой верный ответчик. Спешу скорее отделаться от «Цветов», чтоб обнять тебя физически.

Дельвиг.

28 сент⟨ября⟩.

13. Ф. Н. ГЛИНКЕ

Сентябрь — начало октября 1824 г. Петербург

Почтеннейший Федор Николаевич! Простите меня, ежели все еще меня любите, простите — я должен вам наскучить. Мне самому совестно, но что делать? Больно терять хорошее. Не готово ли исполнение обещания вашего? Вы очень обяжете меня. Да не основались ли совсем в городе? Что бы вам вспомнить день субботный [1]. Жаждем беседы вашей, как елень источника. Искренно любящий вас

Дельвиг.

14. И. В. СЛЕНИНУ

(Приписка на письме Д. В. Дашкова Дельвигу)

Около 16 октября 1824 г. Петербург

Дашков:

Простите, что я тормошу вас своею «Афонскою горою». Я не приметил давеча, что, сверх монашеской рясы и коровы, Бирюкову не понравилось еще название *тирана*, данное Рейтнером царю Ивану Вас⟨ильевичу⟩. Быть так; но надобно же отличить его от деда, и потому прошу вас, любезнейший барон, поставить так: «со времен царя Иоанна Васильевича Грозного до Петра Алексеевича». Кажется, эпитет Грозного принят вообще и не сделает затруднения.

Еще я заметил, что ошибкою в моей рукописи, там, где я говорю о смерти патриарха Григория (в статье о Лавре), вымараны три слова, без коих смысл не полон. Прошу покорно вставить их прежде, нежели разделаемся с цензурою, дабы не отдали после и нас в Уголовную палату, и написать так: «не предвидел, увы! мученической смерти, его ожидав-

шей в апреле 1821 года; не предвидел, что труп его, поруганный людьми, но прославленный небом, лишенный в отчизне могилы, найдет последнее убежище в недрах земли единоверной!»

Еще раз прошу вашего снисхождения. Если Бирюков не пропустит той из моих надписей [1], где идет дело о *кресте*, то я готов дать вам другую.

Весь ваш *Д.*

Четверг вечером.

P. S. В статье о Ватопеде, на конце, там, где описывается вторичное погребение монахов, вместо «хранятся кости умерших иноков» поставить: «собраны кости умерших иноков». *Д.*

Дельвиг:

Любезнейший Иван Васильевич. Прочтите письмо Дашкова и исполните все по его желанию [2].

Преданный вам *Дельвиг.*

15. А. Н. ОЛЕНИНУ

10 февраля 1825 г. Петербург

11 февраля 1825 г.

Его превосходительству господину директору императорской Публичной библиотеки, тайному советнику и кавалеру Алексею Николаевичу Оленину

от служащего при императорской Публичной библиотеке, помощника библиотекаря, титулярного советника барона Дельвига

Прошение

По домашним моим делам я имею надобность отлучиться из С.-Петербурга в Витебск. Посему и прошу ваше превосходительство уволить меня в отпуск сроком впредь на

двадцать восемь дней и снабдить меня об увольнении надлежащим свидетельством.

Титулярный советник

барон Антон Дельвиг.

Февраля 10 дня
1825 года.

Резолюция А. Н. Оленина:

Выдать г-ну барону Дельвигу билет на 28 дней.

Дир⟨ектор⟩ *А. Оленин*

16. А. С. ПУШКИНУ

20 марта 1825 г. Витебск

20 марта.

Милый Пушкин, вообрази себе, как меня судьба отдаляет от Михайловского. Я уж был готов отправиться за Прасковьей Александровной к тебе, вдруг приезжает ко мне отец и берет с собою в Витебск. Отлагаю свиданье наше до 11-го марта, и тут вышло не по-моему. На четвертый день приезда моего к своим попадаюсь в руки короткой знакомой твоей, в руки Горячки, которая посетила меня не одна, а с воспалением в правом боку и груди. Кровопускание и шпанские мухи сократили их посещение, и я теперь выздоравливаю и собираюсь выехать из Витебска в четверг на святой неделе [1], следственно, в субботу у тебя буду. Из Петербурга я несколько раз писал к тебе: но у меня был человек немного свободномыслящий. Он не полагал за нужное отправлять мои письма на почту. Каково здоровье твое, душа моя? Ежели ты получишь письмо мое в начале страстной недели, то еще успеешь отвечать мне, когда найдешь это приятным для себя. Я ничего не знаю петербургского, и ты меня можешь потподчевать новостями *оного*. Хотя литературные новости наши более скучны и досадны, нежели занимательны. «Онегин» твой у меня, читаю его и перечитываю и горю нетерпением читать продолжение его, которое должно быть, судя по первой главе, любопытнее и любопытнее. Целую крылья твоего Гения, радость моя.

Прощай, до свидания.

Дельвиг.

Отец, мать и сестра Антонида тебе кланяются.

17. А. Н. ОЛЕНИНУ

8 мая 1825 г. Петербург

9 мая 1825 г.

Его превосходительству
директору императорской
Публичной библиотеки,
г. тайному советнику и
кавалеру
Алексею Николаевичу
Оленину

Будучи уволен вашим превосходительством с 10-го числа прошедшего февраля месяца в отпуск на 28 дней, я просрочил оный около двух месяцев единственно по причине приключившейся мне болезни, которая и поныне с 28 числа апреля, то есть со дня прибытия моего в С.-Петербург, препятствует мне как явиться к занимаемой мною по императорской Публичной библиотеке должности помощника библиотекаря, так равно и к вашему превосходительству с принесением по сему случаю моего извинения, почему я долгом себе поставляю о таковом моем положении сим вам донести, надеясь, с своей стороны, на ваше начальническое к болезни моей снисхождение.

Титулярный советник
барон Антон Дельвиг.

1825 года
мая 8 дня.

18. А. Н. ОЛЕНИНУ

8 мая 1825 г. Петербург

9 мая 1825 г.

Его превосходительству господину директору императорской Публичной библиотеки, тайному советнику, статс-секретарю и разных орденов кавалеру Алексею Николаевичу Оленину.

От служащего при императорской Публичной библиотеке помощником библиотекаря титулярного советника барона Антона Дельвига.

Прошение

С 1821-го года октября 2-го дня продолжаю я службу при императорской Публичной библиотеке помощником библиотекаря; ныне, желая определиться продолжать оную при других делах, покорнейше прошу ваше превосходительство уволить меня от библиотеки, снабдив аттестатом и формулярным о службе моей списком. Мая 8-го дня 1825 года.

Служащий при императорской Публичной библиотеке помощник библиотекаря титулярный советник

барон Антон Дельвиг.

19. А. А. РОХМАНОВОЙ

Май (до 14) 1825 г. Петербург

Ее не видал, любезнейшая Анна Александровна. Благодарю вас за прекраснейшее знакомство с Михайлом Александровичем. Я с ним провел полчаса очень, очень приятно. Роковую записку вертел и перевертывал и ничего не отгадал. Будет ли она у вас или нет! Приезжайте, вас ждет с нетерпением любящий вас брат

Дельвиг.

Николая за меня поцелуйте.

20. П. А. ПЛЕТНЕВУ

18 мая 1825 г. Царское Село

Милый Плетнев, пришли мне алкоран Пушкина [1], не забыв сперва поправить описки. Софья Михайловна тебе кланяется, она пробудет здесь неделю, итак, во вторник [2] тебе не любоваться ею. Друг, думай только, что я вижу, слышу ее, что одно присутствие ее делает меня счастливым, и наслаждайся наслаждением твоего

Дельвига.

Понедельник. P. S. Почта всякий день хо́дит.

21. А. Н. ОЛЕНИНУ

26 мая 1825 г. Петербург

Милостивый государь
Алексей Николаевич.

Василий Андреевич Жуковский уведомил меня, что он, по дружбе своей ко мне, просил ваше превосходительство возвратить мне мою просьбу в отставку без исполнения. Не зная, вероятно, побудительных подробностей этой просьбы, он уверяет, что я еще не должен терять надежды остаться под начальством вашего превосходительства.

С моей стороны, я всегда почитал за особенное счастие служить с начальником, уважаемым мною от самого детства, и, оставшись при императорской Публичной библиотеке, положу себе обязанностию показать себя вашему превосходительству с выгоднейшей точки зрения.

Во всех случаях я не перестану питать к вам глубокого почтения, с коим имею честь быть вашего превосходительства милостивого государя покорнейшим слугою

барон Дельвиг.

1825 года
26 мая.

22. С. М. САЛТЫКОВОЙ

Вторая половина мая 1825 г. Петербург

Уведомьте меня, милая Софья Михайловна, о вашем здоровье и пожалейте о вашем Дельвиге. Он проснулся нынче с огромною губою, проклятая муха поцеловала его

сонного. Вы не можете себе представить, как мне больно от такой безделицы сидеть дома и только в воображении целовать ваши ручки. Кстати о ручках: возвращаю вам кольцы, нечаянно мною вчера похищенные. Любите меня, как вас любит Дельвиг.

Я как будто предчувствовал это горе, вспомните, сколько раз я говаривал вам об кусающих мухах.

23. С. М. САЛТЫКОВОЙ

Вторая половина мая 1825 г. Петербург

Гораздо лучше, моя милая Софья Михайловна. Однако все думаю просидеть нынче целый день дома. Завтра надеюсь увидеть вас и поблагодарить за драгоценное внимание ваше к человеку, для которого вы все и который называется вас обожающим

Дельвигом.

24. С. М. САЛТЫКОВОЙ

Вторая половина мая 1825 г. Петербург

Здоров, здоров! Я рад, как дитя, и письму вашему и уверенности, что вас увижу через несколько часов. Целую письмо моей Софии, в ожидании скоро расцеловать ее ручки.

Дельвиг.

25. А. А. и Л. М. ДЕЛЬВИГАМ

2 июня 1825 г. Петербург

Любезнейшие родители.

Благословите вашего сына на величайшую перемену его жизни. Я люблю и любим девушкою, достойною назваться вашей дочерью: Софьей Михайловной Солтыковой. Вам известно, я обязан знакомством с нею милой сестрице Анне Александровне, которая знает ее с ее раннего детства. Плетнев, друг мой, был участником ее воспитания. С первого взгляда я уже ее выбрал и тем более боялся не быть любимым. Но, живши с нею в Царском Селе у брата Николая, уверился, к счастию моему, в ее расположении. Анна Александровна третьего дни приезжала с братом

в Петербург и, услышав от Софьи Михайловны, что отец ее Михайла Александрович говорит обо мне с похвалою, решилась открыть ему мои намерения. Он принял предложения мои и вчера позволил поцеловать у ней ручку и просить вашего благословения. Но просил меня еще никому не говорить об этом и отложить свадьбу нашу до осени, чтобы успеть привести в порядок свои дела. Он дает за нею 80-ть тысяч чистыми деньгами и завещает сто тридцать душ. Вы, конечно, заключите, что богатство ее небольшое, зато она богата душою и образованием, и я же ободрен прекрасным примером счастливого супружества вашего и тетушки Крестины Антоновны. Между тем я ищу себе места, которое бы могло приносить мне столько, чтобы мы ни в чем не нуждались. Когда вы позволите мне исполнить лучшие желания души моей, то я уведомлю об этом маминьку крестную и тетушек. Признаюсь вам, я так занят ею, что не знаю, что писать вам, как не об ней, об моем счастии. Я бы желал вам описать ее, но лучше вы сами ее увидите: вы верно полюбите ее. Я сказал ей, что вы, папинька, были больны, и она с необыкновенным участием разделяет мое прискорбие и обещалась мне молиться богу за ваше здоровье. Будьте здоровы, любезнейшие родители, и обрадуйте вашим священным, родительским благословением вашего покорного сына.

Барон Дельвиг.

2-го июня 1825 года
Петербург.

P. S. Мое почтение любезнейшей тетушке и дядюшке, сестер и братьев целую. Что Машинька скажет обо мне?

26. П. А. ОСИПОВОЙ

5 июня 1825 г. Петербург

Милостивая государыня
Прасковья Осиповна [1].

Мне совестно даже за перо приниматься, так я виноват перед вами. Но вы не вините в неблагодарном молчании мое сердце. Оно каждый день вспоминает дружеское гостеприимство жительниц Тригорского. Всему виновата излишняя деятельность моего воображения. Оно обыкновенно столько наговорит мне, за несколько дней до почты, письменных фраз, столько наготовит форм, что наскучит

уму, напугает лень, и писание письма откладывается до неопределенного времени. К этому же замешалась любовь, и любовь счастливая. Ваш знакомец Дельвиг женится на девушке, которую давно любит, на дочери Салтыкова, сочлена Пушкина по Арзамасу.

Препоручения ваши мною исполнены давно. Пец, я думаю, прислал вам нужные ноты. Картинки обделаны и уже у вас. Вино и ранее купила сама Н⟨адежда⟩ О⟨сиповна⟩. У меня остаются ваших денег шестьдесят рублей. Жду ваших поручений как знака вашего доброго ко мне расположения. Очень благодарен вам за живое участие в судьбе Баратынского [2], в моей радости. Жду его сюда. Альбома Анне Николаевне не посылаю [3], доставлю его прямо в Ригу со стихами Боратынского и моими. Между тем прозой желаю ей, Александре Ивановне, Евпраксее Николаевне и маленьким друзьям [4] моим здоровья, счастия и веселья. Будьте всегда добры к вашему покорному слуге

барону Дельвигу.

1825 года
5-го июня.

27. В. Г. АНАСТАСЕВИЧУ

6 июня 1825 г. Петербург

Почтеннейший Василий Григорьевич, будьте моим гением-просветителем: где можно найти описание о богослужении Сирийском и обычаях Сириян и в особенности о Вавилоне? Где также можно узнать о теперешнем положении Мадагаскара? Вы черезвычайно обяжете вашего почитателя, который на одного только вас и полагается, как на единственного путеводителя в запутанных лабиринтах библиографического мира. С истинным почтением остаюсь вашим покорным слугою.

Барон Дельвиг.

28. С. М. САЛТЫКОВОЙ

Июнь 1825 г. Петербург

Друг мой Сонинька. Лобанов просидел у меня почти все утро, и потому я опоздал осведомиться о твоем здоровьи. Он сказывал мне, что в городе говорят, что М. А.

меня не любит [1]. Суди, как это ново и неприятно мне. Целую тебя, душа моя.

Твой Дельвиг.

29. С. М. САЛТЫКОВОЙ

Июнь 1825 г. Петербург

Милый друг, я сейчас только приехал из Царского Села. Вчера я получил от Михайлы Александровича записку, в которой я увидел, как силен гнев его против меня. В ответе моем я старался показать, как я уважаю и люблю его и тебя. Надеюсь на единого бога, он даст наконец мне утешение успокоить отца нашего. Молись! Заходил к Карамзиным благодарить Н. М. за его старания и проститься с Вяземским [1]. Все семейство тебе кланяется. Николай и Анна Александровна тоже. Завтра, может быть, увижу тебя, единственная радость моя. Мысленно целую тебя, прощай! Да будет с тобой божие благословение.

Твой Дельвиг.

30. С. М. САЛТЫКОВОЙ

Июнь 1825 г. Петербург

Милый друг Сонинька, я нынче здоров, слава богу, и после обеда буду у тебя. Благодарю тебя за любовь твою, она при всех несчастиях счастливит меня.— Брат Николай с Анной Александровной сей час приехали из Царского Села и препоручили мне уверить тебя в их родственной любви. Прощай, душа моя, не переставай любить

твоего Дельвига.

31. С. М. САЛТЫКОВОЙ

Конец июня — начало июля 1825 г. Петербург

Что-то ты мне напишешь, свет мой! Ужели он все будет хуже и хуже. Боже, сохрани нас! Я и так не знаю, как я еще не сошел с ума. Нет ничего томительнее, когда не знаешь, как должно действовать и чего ожидать. Особливо в таком деле, каково наше: дожидаться величайшего счастия или совершенной погибели. Его «расстаньтесь!» разрушит всего меня, так разрушит, что ежели я останусь жить, то останусь по самой низкой подлости. Страшно подумать! Я всем к тебе привязан. Нет чувства, нет способности во мне,

которые бы жестоко не разорвались от этого: нет, я отдался тебе на жизнь или на смерть. Береги меня твоею любовью, употреби все, чтобы сделать меня высочайшим счастливцем, или скорее скажи: «умри, друг» — и я приму это слово как благословение. Несчастная любовь делает человека жестокосердым. Вообрази, я молюся, чтоб он скорее сердился на тебя, чем плакал. Ах, Сонинька, Сонинька, ежели ты не будешь моею, я не знаю, что со мной будет.

Я уж и на будущее гляжу недоверчиво. Мужчина, приведенный в положение бездейственности, безнадежности,— во сто раз слабее женщины. Я чувствую, что мне надобно бы утешать тебя, моего друга, и сам прошу утешения. Александра Дмитриевна, верно, у тебя. Пошли ей небо испол⟨не⟩ния ее желаний за ее доброе сердце. Она разделяет с тобою печаль твою. Я вижу отсюда — она плачет, сердится, она старается успокоить тебя, льстит надеждами, она счаст⟨л⟩ивица, она подле моей несчастной Сониньки, подле души моей. Нет, я еще несчастнее стал после нашего свидания. Ты умеешь упоить меня своею любовью до безумия. Твой голос, твои глаза, твои поцелуи — всего хочу я, чувствую надобность видеть, слышать, целовать тебя. Все мало мне, для всего мало жизни моей. Ах, если бы ты меня так любила, как бы я был спокоен, как бы я ждал терпеливо новых несчастий! Как бы я был уверен, что они более и более тебя укрепляют. Ужели до четверга с тобою не видаться? Перенесешь ли ты все его старания тебя разлучить со мною? Душа моя, люби

твоего Дельвига.

32. С. М. САЛТЫКОВОЙ

Середина июля 1825 г. Петербург

3 часа.

Я рано нынче отделался и в 5-ть часов увижу Александру Дмитриевну. В 8-м буду у лавочки за бесценным письмом твоим, моя милая! Наша история удивительна! Как, после трехмесячной связи, вдруг, неожиданно разлучить нас? Пришли завтра ко мне письмо, мне нужно с тобой видеться, нужно поговорить, посоветоваться. Что он с тобой делает? Не начал ли опять нападения? Сохрани тебя боже! Мне трудно перенести мысль, что он за меня мучает тебя, невинную мою Сониньку. Ангел мой, ты меня любишь! Нет жертв, которых бы я не принес за твое счастие!

Для тебя только живу и жить буду. Я уверен, ты не изменишь мне. Благодарю тебя, что ты бережешь себя. Это одно из сильных доказательств любви твоей. Целую всю тебя. Ты мне, верно, напишешь, что твоя сыпь, или я буду очень беспокоиться. Тебе-то и надобно быть здоровой, у нас и без того много болезней душевных.— Завтра заеду к Амальи Ивановны. Я не знаю, как изъявить ей всю мою благодарность, родственную привязанность. Ежели бы ее не было, ты бы совершенно была сиротою. Кто бы принял в нашем теперешнем положении живое участие? Кто бы разделил с тобою слезы? Мы никогда не забудем ее. Никогда не перестанем любить ее, как мать. Кто знает, может быть, бог нам позволит быть тем же для детей ее, что она для нас? Но молитвы добрых отвратят от них подобные напасти. С нетерпением жду свидания с Александрой Дмитриевной. Что она мне расскажет об тебе? Сонинька, Сонинька, когда мы будем счастливы? О, я уверен, мы своей любовью помирим отца нашего с жизнию. Никакие обстоятельства не погасят во мне чувства бо⟨го⟩творения к тебе. В одной тебе я найду блаженство. Цель моей жизни будет одна до гроба: стараться быть тобою любимым. Никаких трудностей не буду чувствовать, трудяся для благосостояния твоего. Ангел мой, святая, невинная, благородная подруга жизни моей, люби меня, услаждай всегда жизнь твоего друга, тебе ничего это не стоит. Целую тебя

Дельвиг.

Он и не спросит обо мне, ему должна быть приятна наша разлука. А без его спроса прямо прийти к тебе покажется странным. Не вздумаешь ли ты завести со мной явную переписку? Пришли ко мне завтра какую-нибудь книжку с письмецом, я отвечу; послезавтра поутру напишу я (или как завтра условимся) и после обеда я у тебя, моя радость, у тебя, жизнь, сердце, душа моя. Не беспокойся о моем здоровье. Оно от одного взгляда твоего возвратится Но я не могу похвастаться теперешним положением моим. Дурно сплю, ничего не ем или ем без аппетита, насилу ношу голову и чувствую спазматический озноб. Но это может сейчас пройти, просветлеет на душе, и я здоров. Самая большая неприятность, я не могу все сидеть дома. У меня куча дел по цветам, я целое утро должен разъезжать, должен бог знает об чем говорить, в то время когда только об одной тебе думаю. Вчера с 9-ти часов ездил до трех, в три часа нашел у Сленина Воейкова, который сказал мне, что Жуковский и Ал. Андр. в Петербурге. Еду к

ним. Они мне обрадовались. Жуковский препоручил мне поцеловать твою ручку, Воейкова — расцеловать тебя, все это, ты чувствуешь, еще больше растерзало меня. Приезжаю домой, подали мне обедать, ничего не полезло в горло, кинул обед и стал писать к тебе, ангел мой, небесная Сонинька. С письмом подхожу к твоему окошку, вижу в тебе какое-то беспокойство, Аксинья поменялась записками и скрылась — сердце сжалось, насилу дошел 〈...〉 * чуть ли не прав с Плетневым. И ежели до 6-го ноября он не кончит, то мне, кажется, до января откладывать нечего. Нет причины ему не отложить нашей свадьбы и до той жизни. Они точно правы, они правы, Сонинька.

Жду с нетерпением восьми часов. Что ты напишешь мне? Бедная Аксинья! Мне жалко подумать об ее положении. Мой Ефим, не зная причины печали моей, большое 〈принимае〉т в ней участие.— Добрая 〈...〉 сладко быть тебе обязанным этим счастием. Это добрая мать мне вымолила у бога. Подобного счастия он бы мне не дал без молитв ее. Благословляю тебя, ангел небесный мой, целую все строчки писем твоих.

33. С. М. САЛТЫКОВОЙ

Середина июля 1825 г. Петербург

Вчерашнее.

На коленах молю тебя, не соблазняйся его слезами. У тебя невинное, благородное, великодушное сердце, слезы отца — ужасно! Ужасно, единственный друг мой! Ты пожертвуешь собою, и я погиб. Я вижу ясно его намерения. Он протянет время до отъезда в деревню и увезет тебя. Я погиб, я теперь от одной мысли умираю, я горю в болезненном огне.

Он жалуется, что он будет один в деревне с крепостными людьми! Зачем он бежит счастия? Он найдет его в любви нашей. Не имей он куска хлеба, не имей пристанища и тогда иди к нам; мы последним своим платьем прикроем его, мы, сами голодные, готовы будем кровью своею напитать его.— Зачем откладывать свадьбу? Он говорит, что мы будем счастливы? — зачем же замедлять наше счастие. Что он думает, что любовь наша в два месяца пройдет? Что он без препятствия увезет тебя, увезет спокойную? Нет, он увезет тебя через мой труп. Ежели он тайно от меня уедет, я догоню, чтобы умереть у ног твоих. Я

* Часть листа оторвана. *(Примеч. сост.)*

никогда не употреблю низких мер, чтобы соеди⟨ни⟩ться с тобою. Я буду или почтительным сыном его или грозною тенью, преследователем его жестокого сердца. Прости мне, он твой отец. Но как мне разделить твоего отца от гонителя нашего! Люби меня, ежели моя жизнь дорога тебе.

34. С. М. САЛТЫКОВОЙ

Начало августа 1825 г. Петербург

Друг мой Сонинька, я счастлив, тебя видел и не ожидаю ничего дурного. С отцом твоим поступлю лояльно и надеюсь перево⟨ро⟩тить дела по-нашему. Обрадую тебя новостию. От тебя поехал я к Сленину. У него познакомился с родным братом Корелина, с человеком прекрасным. Он в первый раз от меня узнал, что брат его женат [1], и сердечно обрадовался, когда я ему рассказал, на каком ангеле. Он уверил меня, что теперь он деятельно примется поправить его положение.

Он полковник, любим своими начальниками и может брата перевести сюда, но медлил потому, что боялся его ветрености. Теперь же он женат и, вероятно, должен остепениться, теперь ничто не мешает брату вытащить на хорошую дорогу заблудшего брата. Провидение, как будто в награду за мои страдания, послало мне подобную встречу. Мы обещались друг другу почаще видаться и действовать вместе, как кому возможно. Он его переведет в Петербург, а я сыщу выгодное штатское место.

Не видишь ли ты, что твое прекрасное сердце известно богу. Что оно у него записано на заглавном листе книги Промысла и что он старается вознаградить мою добрую Соню за ее слезы. Он даже из Оренбурга хочет вытащить друга твоего, чтобы ты ни в чем не жаловалась на любовь его. Вот кого я люблю! Вот кто усладит, осчастливит жизнь мою! Вот кого я целую и боготворю! Отец наш не чудовище, он отдаст мне тебя. Успокоивай Аксинью. Бог милостив! Добрый к нам будет и к ней добр.— Завтра непременно пиши ко мне. Это необходимо нужно. Письмо к нему написано. Мой ангел подаст его, и успех должен быть. Посылаю тебе стихи Сергея Львовича ко мне [2]. Он готовит еще эпиталаму. Читай их и думай о том, кто целует и любит тебя до безумия. Обнимаю тебя, люба ангелия моя, обнимаю тебя.

35. С. М. САЛТЫКОВОЙ

Начало августа 1825 г. Петербург

Ах, Сонинька, я читал письмо твое к Амальи Ивановне и не знаю, что делать, как утешить, как подкрепить тебя! Нельзя ли нам завтра видеться? Быть у Амальи Ивановны в два часа страшно для тебя. Человек может донести ему. Останься у нее обедать, то есть отпусти карету, чтоб в три четверти третьего я безопасно мог увидеть моего ангела. Неизвестность о положении твоем сводит с ума меня. Ожидая от тебя записки к Амальи Ивановне, я не знал, дождусь ли ее. Меня страшила мысль, что он перехватил мою записку и еще больше отяготил тебя жестокостями. В сто раз легче самому терпеть, чем воображать страдающею мою Сониньку, друга бесценного моего, которой молю у бога одного счастия. Я точно в твоем положении. Душа моя так больна, так больна, как будто я готовлюсь идти на смертную казнь. Я тебе говорил, кажется, я плакать не могу — у меня только тяж⟨ел⟩еет голова и, кажется, хочет разорваться. От брата писем нет. Пишет ли тебе Саша Корелина? Минутные счастливцы, мы называли ее несчастной! [1] Мы не предвидели, что мы будем более ее достойны сожаления. Ф. Ф., я думаю, уехал в Царское. Завтра буду у Александры Дмитриевны, скажу ей, что ты нездорова и уговорю ее побывать у тебя. Мне страшно воображать тебя одну, совершенно одну. Береги себя, моя милая, умоляю тебя любовью моею, береги себя! Благословляю, целую тебя. Береги себя, душа моя!

Анне Францовне я говорил о времени нашей свадьбы по его же словам. Впрочем, если бы я назначил ей и июль и август месяцы, всё беды бы не было. Мои слова не обуздывают его воли. Молчи, друг мой, как Амалья Ива⟨новна⟩ советует, и люби меня. Несчастие любовь не гасит, но усиливает. Пускай могут разлучить нас, но разлюбить тебя меня все силы земные и небесные не принудят, или я буду ужасным преступником, недостойным жить. Скоро восемь часов. Бегу получить письмо от тебя.

36. С. М. САЛТЫКОВОЙ

Начало августа 1825 г. Петербург

У Амальи Ивановны я не успел быть, друг мой. Завтра буду непременно. Посылаю тебе «Ипсибое». Прочти; ежели достанет терпенья. Скажи мне о твоем здоровье. Какова

ты? Все ли грустна, все ли на нашем небе не разгуливается? Когда-то мы будем счастливы! Николай, Анна Александровна и Баратынский [1] тебе кланяются. Я с Баратынским только о тебе и говорю. Прости, ангел мой, до завтра. Целую тебя. Люблю тебя более и более.

Твой Дельвиг.

37. Л. С. ПУШКИНУ

Начало августа 1825 г. Петербург

В феврале месяце брат твой прислал свои сочинения для переписки [1]; в конце апреля месяца [2] он мне дал, по особенной моей просьбе, свою черную тетрадь: думал ли он, что ты должен будешь переписывать с этой черной тетради, или нет?

38. С. М. САЛТЫКОВОЙ

Первая половина августа 1825 г. Петербург

Посылаю тебе, душа моя, записки Франклина [1]. Этот философ мною любим с младенчества. Он из числа тех, с кем мне приятно воображать мою Сониньку. Беседуй с ним, как с моим добрым другом.— Пришли мне обратно негодного маркиза Д'Арленкура и табакерку, которую, ежели не потерял, верно, оставил у тебя. Дашков тебе кланяется, он обещает доставить тебе последние записки г-жи Жанлис [2]. Будь здорова, мой ангел. Целую тебя, люблю тебя, умираю от скуки. Доживу ли до понедельника, до счастливого пятого часа.

Твой Дельвиг.

39. С. М. САЛТЫКОВОЙ

11 августа 1825 г. Петербург

Посылаю тебе, милая Сонинька, 12-ю часть сочинений г-жи Котэн. Ничего нет лучше. Поищу однако же. Что твое здоровье? Душа моя, я тебя нынче не увижу. Думай обо мне. Вчера я бы мог еще посидеть у тебя, Баратынский едет только теперь. Еду к нему. Прощай, моя радость, люби твоего друга. Пишу к тебе рано и посылаю эту книгу для того, чтобы застать тебя дома. Кланяйся Амальи Ивановне. Напиши мне что-нибудь. Хоть посмотрю на черты руки твоей.

40. С. М. САЛТЫКОВОЙ

Конец сентября 1825 г. Петербург

Целое утро ездил и сейчас опять пойду, милый друг мой: ужасно трудно найти что-нибудь похожее на квартеру. В сумерки возвращусь домой, прочту несколько раз письмо твое и пойду советоваться к Амальи Ивановне. Как я успокоюсь, когда бог поможет мне отыскать порядочный приют для моей Сониньки. Когда-то одна любовь только будет наполнять твоего друга? Анна Александровна и Николай тебе кланяются. С нетерпением желают видать тебя. Завтра еще поутру я уведомлю тебя о удаче моих поисков. Не ходила ли твоя Ненила? Пришли мне ее известия. Каково здоровье Михайла Александровича? Каково твое? Будь здорова, мой ангел! Ты знаешь, как мне тяжело и здоровую не видать тебя целый день. Прощай, моя люба, обнимаю и целую тебя. Думай о твоем Дельвиге, люби его, сколько он тебя любит.

Весь твой
—Д.—

Не пишу больше по очень важной причине. Боюсь заставить тебя долго ждать и не воспользоваться светом.

41. С. М. САЛТЫКОВОЙ

Конец сентября 1825 г. Петербург

Объездил целый Петербург и нашел почти все то же, что ты знаешь, мой милый друг. На Грязной улице [1] две квартеры грязные и сырые. Ежели хочешь их видеть, можешь из любопытства, чтобы узнать, какие хозяева домов скоты. Они по правую сторону от Амальи Ивановны в нижних этажах, на всей улице только и есть два объявления. В Троицком переулке в доме Кривоносова, в нижнем этаже до 1-го октября занята. Посмотри ее с Амальей Ивановной и решись, ежели понравится. На всей Литейной и Владимирской ни одной нет. У Синего моста квартира Егермана, которую ты видела, не занята, и, мне кажется, хозяин склонен сделать уступку. У Гурьева отделывается, и ты можешь посмотреть ее. Я даже в Коломне искал, и все понапрасно. Поговори с доброй Амальей Ивановной, посмотри квартеру в Троицком переулке и Гурьева дом и решительно скажите ваше мнение. Мне везде будет приятно, где моя Со-

нинька захочет жить и смотреть на меня весело. Целую тебя, душа моя. Твой.

Посылаю тебе ноты моих кудрей [2] и трагедии. Адельсин очень хорош, я два раза прочел его.

42. С. М. САЛТЫКОВОЙ

30 сентября 1825 г. Петербург

С помощью Амальи Ивановны я квартеру нашел, и прекрасную. Красить нечего, она чиста, как игрушечка, и в ней будет стыдно не жить опрятно. Она в большой Милльонной в доме г-жи Эбелинг в третьем этаже. В пятом часу буду у тебя, жизнь моя, и расскажу все подробно. Целует тебя твой

Дельвиг.

Вторник.

43. В. И. ГРИГОРОВИЧУ

10 октября 1825 г. Петербург

Почтеннейший Василий Иванович, посылаю вам две пьесы Федора Николаевича [1]. Они выдержали цензурные испытания и оказались безгрешны. Но *друзья* [2] мои — увы! Разве вас он послушает, а мне никак не удалось оправдать их. Он стоит на своем, уверяет, что они развратны и соблазнительны, да и полно. Нельзя ли прибегнуть к просвещенному покровительству министра. Нынче апелляция от авторов, кажется, принимается и иногда бывает не бесплодна, впрочем, в руце ваши предаю поэтический дух мой. Похлопочите лучше о вашей статье [3], а с Красовским мы как-нибудь да сочиним для вас идиллию. Будьте здоровы и любите

Дельвига.

10-го октября
1825 года.

44. С. М. САЛТЫКОВОЙ

Середина октября 1825 г. Петербург

Каково твое здоровье, милая Сонинька? Как ты провела вчерашний день? Спокойно ли? Когда-то будет пятый час? Хочу видеть мою душу, мою голубочку. Анна Алек-

сандровна подарила нам племянницу Прасковью Николаевну [1]. Николай уже находит сходство в ней с матерью. Я ищу ей жениха. Человеколюбие у ней врожденное чувство: она плачет, когда при ней никого нет, и спокойна при людях.— Д'Арленкур не только что скучен, он и вор: под полою «Ипсибое» я нашел твой серебряный ножичек. Целую тебя, моя милая люба, прости до после обеда.

Весь твой *Дельвиг.*

45. С. М. САЛТЫКОВОЙ

Середина октября 1825 г. Петербург

У Амальи Ивановны я был, моя милая Сонинька, она обещала похлопотать. Мы с ней уговорились об уборке квартеры. Нынче Николай со мной ездил туда, ему очень понравились наши комнатки. Мы их размерили и завтра поедем покупать мебели. Между тем вставятся зимние рамы и вымоются полы и печки. С моей стороны все пойдет хорошо, друг мой, и в недели полторы все будет готово. Будь здорова и не грусти, моя добрая люба. Мне больно воображать тебя печальной. Я думаю, ты лучше меня знаешь адрес твоего брата, я к нему никогда не писывал и тебе ничего подобного не говорил. Пиши ему, душа моя, и скажи от меня побольше хорошего. Увидеть ли мне завтра мою Софью? Господи, не оставь меня. Мне так скучно, так скучно, Сонинька, как только можно скучать человеку. Анна Александровна тебе кланяется, Николай тоже и Шретер, повстречавшая меня на Невском проспекте. Прости, друг мой, целую тебя и благодарю за твое милое письмо, оно несколько оживило твоего

Дельвига.

Теперь другой книги нет, достану на днях.

46. С. М. САЛТЫКОВОЙ

Середина октября 1825 г. Петербург

Милая Сонинька, графиня Прасковья Петровна просит тебя, не можешь ли ты быть у нее завтра в одиннадцать часов и одна. Ей нужно с тобой видеться и поговорить о нашей свадьбе. Употреби ради любви моей все старания исполнить ее желание. Прощай, душа моя, да постарайся о свидетельстве. Целую тебя, моего ангела.

Твой Дельвиг.

47. С. М. САЛТЫКОВОЙ

Середина октября 1825 г. Петербург

Из Гатчины я воротился во втором часу ночи. Жуковский кланяется моей Софье. Николай сказывает, что он тебя видел у графини. Кажется, это должно было навлечь тебе неприятности. Ах, друг мой, за что ты обречена страданию? И я причиной! Сердце у меня разрывается. Нет, ты меня не совершенно еще знаешь. Ты меня видела только страдающего и влюбленного. Когда-то я буду спокойно любить тебя? Напиши мне, какова ты? Увижу ли я тебя? Предчувствия меня мучат. Друг мой, твоя любовь — высочайшее счастие для меня, более чего и бог не может дать человеку. Его мне должно было купить страданиями, и всякие страдания перед ним малы.

Люби твоего единственного друга *Д.*

48. С. М. САЛТЫКОВОЙ

20 октября 1825 г. Петербург

Поздравляю моего ангела, мою миленькую Сониньку с днем рожденья [1]. Дай бог ей всего прекрасного, достойного ее сердца. Здорова ли ты? Весело ли встретила нынешнее утро? Не плакала ли вчера? Я ежели бы мог плакать, верно бы не переставал целый вчерашний день: так мне было скучно. Когда можно будет видеть тебя? Прощай, душа моя, целую тебя.

Твой друг.

49. С. М. САЛТЫКОВОЙ

Последние числа октября 1825 г. Петербург

Будь покойна, душа моя. Ты знаешь, что я люблю тебя и поступлю так, как только можно благородному человеку в моем положении. Не слушай утешений пустых от людей. Люби меня и помни, что я никогда не перестану любить тебя и уважать в нем отца твоего. Прости, до свидания. Целую тебя.

Дельвиг.

50. С. М. САЛТЫКОВОЙ

Последние числа октября 1825 г. Петербург

Буду, друг мой Сонинька, увижу тебя. Сон самый лучший доктор, я проснулся здоровым. Целую мильон раз тебя мысленно, в ожидании близкой существенности. Прощай, душа моя люба ангелия, моя несравненная Соня.

Твой.

51. С. М. САЛТЫКОВОЙ

Последние числа октября 1825 г. Петербург

Мне казалось неприлично мешать в последние дни дочери говорить с отцом, оттого ушел я. В утро у тебя буду. К моему приезду будь совершенно здорова. Ангел мой, утешь твоего друга.

52. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

22 ноября 1825 г. Петербург

Любезнейший князь Петр Андреевич, я женился. Одни хлопоты миновались; зато другие на шее: «Северные цветы». В суетах, необходимых подруге всех женихов, я медлил напомнить вам об обещаниях ваших. Теперь все уже почти вышло из рук цензорских. Около половины напечатано, и ежели вы все еще добры по-прежнему к Дельвигу, то поспешите прислать ему и прозу, вами обещанную, и стихов, как вы говорили, четыре или пять пьес [1]. Вы совершенно оживите мое собрание. Еще к вам две просьбы: 1) Доставьте здесь приложенное письмо И. И. Дмитриеву [2] и замолвите за меня ему доброе словечко. 2) Велите мне списать [3] или препоручите это Баратынскому два отрывка из 2-й песни «Онегина». Какие? вы увидите из приложенного письма Пушкина ко мне. Оно послужит вам как доказательство его позволения и, вероятно, принесет удовольствие как письмо Пушкина. Только, ради бога нашего, поспешите, любезнейший князь. Малейшее медление может лишить меня прекрасных пьес: а это для нашего брата издателя альманахов большая беда. Кланяйтесь Пущину. Может быть, я первый уведомлю вас, что Пушкин кончил «Бориса Годунова» [4]. Дашков мне подарил прекрасней-

шую статью: свое путешествие в Ерусалим [5]. Не оставьте истинно любящего вас и ожидающего от вас богатых и великих милостей

Дельвига.

22 ноября 1825.
Петербург.

53. В. И. ГРИГОРОВИЧУ

Ноябрь 1825 г.

Почтеннейший Василий Иванович. Не знаю, как вас поблагодарить за вашу прекрасную статью [1], давно бы лично зашел к вам и с женою; но она у меня больна [2], и я сижу все дома. Ежели у вас готово окончание, то отдайте его подателю сего и с ним мою несчастную идиллию [3]. За *изобретение скульптуры* [4] принялся. Будьте здоровы со всеми вашими.

Преданный Дельвиг.

54. Е. А. БАРАТЫНСКОМУ

Конец 1825 г. Петербург

Ужели ты так болен, сердце мое, что и письма к Дельвигу написать не можешь? Мы, божиею милостию барон и баронесса, сокрушаемся, не получая ни строчки так долго от тебя. Твои комиссии мною исполнены: принимаются в колонновожатые во всякое время; свидетельство же находится в Инспекторском департаменте, и его должен твой брат вытребовать, подавши просьбу в оный. Такова форма. Поспеши исполнить мои просьбы, поверенные мною прошедшему письму [1]; исполнение их не терпит медленности. Сонинька тебе кланяется и чувствует равную со мною необходимость поскорее с тобой увидеться. Она думает, что при тебе я должен ей показаться еще лучше, чем без тебя. Друг подсоусивает друга. В самом деле, ты нам нужен и как друг, и как оживитель мертвой петербургской жизни, особенно теперь. Дни через два все дамы сошьют траурные платья и последний источник разговоров иссякнет [2]. Литература давно уже не принимается или не должна быть принимаема в гостиную: так она грязна. Об ней говоришь в передней с торгашами.

Посылаю тебе стихи на последний великий случай. Я, счастливец, внушил их достойному соратнику парнасскому графа Дмитрия Ивановича [3].

Что сказать о моей жизни? Живу домоседом. Соня моя все хворала. Переписываю, то есть чужими руками, пьесы для «Цветов» и печатаю их. «Эду» тоже. Всякое утро хожу в должность и занимаюсь [4]. Не чудо ли это? Всякий день думаю о стихах и, кажется, скоро размахнусь, и, даст бог, размах будет не пустой и не слабый. Прощай.

Длв.

55. М. Л. ЯКОВЛЕВ И А. А. ДЕЛЬВИГ — В. Д. ВОЛЬХОВСКОМУ

4 января 1826 г. Петербург

Яковлев:

СПб. 4 генваря 1826.

Лишь только ты уехал из Петербурга [1], молва прошла, что ты полковник! — Мы молве тотчас поверили, потому что не находили тут ничего несбыточного; а еще более убедились в том, когда свитские офицеры подтвердили общие слухи,— но через месяц решительно сказали, что ты все *пане Капитане*, и мы, подосадуя на молву, пожелали тебе от души всех возможных благ в будущем!

Письмо твое к Дельвигу [2] нас очень порадовало. Хоть передавать вести с берегов реки Чараканы на берега Невы и не так-то легко и удобно, но тем приятнее должна быть всякая от тебя весть, когда ты найдешь удобный случай сказать нам что-нибудь о себе.

Наши, кроме Дельвига, во все время были здоровы, да и сам Антон начинает оправляться, ты помнишь, я думаю, его всегдашнюю болезнь — лихорадку: она-то недавно потревожила его тучность.

Саврасов сдал было роту; но полковник его сделан на днях бригадным, и рыжему опять приходится хлопотать с ротой.

Малиновского давно не видал,— он здоров, не совсем весел, по причине, которая должна быть тебе слишком известна. Долго ли он у нас пробудет, и того не знаю.

Корф занят, занят, занят,— я с ним редко вижусь.

Корнилов щеголяет с Анною в петлице, и она придает еще более важности его массивной фигуре.

Тырков укатил в свои поместья, но скоро возвратится.

Об Есакове нет ни слуху, ни духу, и о Мясоедове также; от Матюшкина есть вести. Он здоров. Вот все, что я знаю.

Комовский, лисичка по-прежнему — служит хорошо, кроме должности по Смольному монастырю, он участвует в занятиях по Министерству просвещения.

Мартынов — столоначальник, кавалер Анны 3-й степени. Чего ж ему больше?

Илличевский как путешественник, наблюдатель, марширует по Петербургу с золотыми очками, без которых ничего не значили бы его проницательные очи. Представлен к Владимирскому кресту, а ему очень хочется быть кавалером разных орденов. Честолюбия у Алексея Дамьяновича довольно, мы это с тобой давно знаем.

Стевен улетел на родину.

Костенского никто не видит. Или он ходит под шляпкой-невидимкой, или... или... не прид⟨ум⟩аю, что сказать.

Юдин, Гревениц; Гревениц, Юдин und weiter nichts *.

Посмотрим, что Яковлев теперь скажет об Яковлеве:

1. Он тебя с прошедшими праздниками и Новым годом поздравляет и всех благ желает.

2. Что он любит тебя по-прежнему.

3. Что ему не удается много паясить, потому что занят делом, и, наконец,

4. Что он перестал на время влюбляться.

P. S. Недавно виделся с твоим братом. Столкнулись голодные в ресторации. Молодец!

Льва Сергеевича давно не видал. Он не унывает, горюет, хоть и есть о чем.

Комиссию Дмитрия исполним, как только Стевен возвратится из Финляндии.

Дельвиг:

Милый друг, письмо твое едва было получено, сейчас доставлено Яковлеву для круговой передачи, но Яковлев не показывал его никому. И до того ли ему? Он пьет с шампанским жженку и каждый день влюбляется в новую красоту. Насилу я его, отъездом Льва Пушкина, убедил написать к тебе вышеследующее письмо, оригинальное, совершенное в своем роде.— Жена моя тебе очень кланяется, желает здоровья и побед, я тоже. Насилу пишу, я уже около двух месяцев болен. Пиши и люби

Д⟨ельвига⟩ **

56. Е. А. БАРАТЫНСКОМУ

8 января 1826 г. Петербург

Откликнись, милый друг, перестань писать мне, что тебе *некогда писать* к Дельвигу, и разговорись по-прежнему. Ужели ты нашел другого поверенного в поэзии и любви или уж не тонешь ли в пропасти пустоты Московской? [1] Письма ко мне могут послужить тебе доскою, за которую хватаются утопающие. Надеюсь, что воспоминание о товарище разнообразной и живой жизни может иногда пробуждать Евгения к деятельности сердечной. Никогда подобного не случалось с тобою. Ежели ты болен, хоть бы ми-

* И больше ничего *(нем.).— Ред.*

** Подпись оторвана. *(Примеч. сост.)*

лому Муханову сказал, чтобы он что-нибудь написал об тебе. Кстати: напиши мне, как зовут Муханова? Он так был добр ко мне, что я при всей лености горю желанием благодарить его письменно, и притом мне нужно будет возвратить ему несколько стихов, не вошедших в состав «Северных цветов», с изъяснением причин [2].— Кланяйся ему покамест. С тех пор как ты молчишь или отнеки⟨ва⟩ешься недосугом, сколько перемен было перед глазами твоего друга. Сколько ужасов! Но, слава богу, все кончилось счастливо для России, и я с радостию поздравляю тебя с Новым годом и с новым императором. Дай бог тебе начать новую жизнь для счастия и продолжать старую для дружбы. Поздравь от меня твое почтенное семейство. Уверь их в моей родственной любви. Сонинька моя тебе очень кланяется, поздравляет с Новым годом и удивляется, с беспокойством о здоровье твоем, упорному твоему молчанию. Мы проводим очень тихо и мило нашу жизнь. Несколько добрых родственниц, несколько старых друзей составляют круг наш. Издание «Цветов» (которые на днях выдут) и твоей «Эды», Вальтер Скотт и частию Вольтер наши занятия. Выезжаем из дома редко, гостям рады часто, мечтаем об тебе еще чаще.

В самом деле, есть ли надежда с тобою скоро увидеться? Есть ли и когда? Что ты хочешь с собою делать и что делаешь? Что твои? Все это всегда занимало и всегда будет занимать меня. Что стихи твои, льются ли все, как ручьи любви, или сделались просто ручьями чернильными, как, с позволения сказать, у большой части ваших московских стихомарателей. Сохрани тебя бог и помилуй, не заразись! Носи в кармане чеснок и читай поутру и ввечеру Пушкина. Ежели Плетнев не доставил тебе его мелких стихотворений [3], то на днях доставит. На свои деньги не покупай или покупай, только не для себя, а для других. Напиши мне об московском Парнасе, надеюсь, он не опустел, как петербургский. Наш погибает от низкого честолюбия. Из дурных писателей хотелось попасть в еще худшие правители. Хотелось дать такой нам порядок, от которого бы надо было бежать на край света. И дело ли мирных муз вооружаться пламенниками народного возмущения. Бунтовали бы на трагических подмостках для удовольствия мирных граждан, или бы для своего с закулисными тиранами; проливали бы реки чернил в журнальных битвах и спокойно бы верили законодателям классической или романтической школ и исключительно великому Распорядителю всего. Прости, душа моя, обнимаю, целую тебя миль-

он раз, благословляю тебя во имя Феба и святых Ореста и Пилада. Цвети, мой несравненный цвет, певцов очарованье.

Твой Дельвиг.

1826 года, 8-го генваря.

57. А. С. ПУШКИНУ

Начало февраля 1826 г. Петербург

Милый мой Пушкин, до тебя дошли ложные слухи о Раевском [1]. Правда, они оба в Петербурге, но на совершенной свободе. Государь говорил с ними, уверился в их невинности и, говорят, пожал им руку и поцеловал их. Отец их сделан членом Совета. Наш сумасшедший Кюхля нашелся, как ты знаешь по газетам, в Варшаве [2]. Слухи в Петербурге переменились об нем так, как должно было ожидать всем знающим его коротко. Говорят, что он совсем не был в числе этих негодных Славян, а просто был воспламенен, как длинная ракета. Зная его доброе сердце и притом любовь хвастать разными положениями, в которые жизнь бросала его, я почти был в этом всегда уверен. Он бы, верно, кому-нибудь из товарищей не удержался сказал всю свою тайну. Дай бог, чтоб это была правда. Говорят, великий князь Михайло Павлович с ним более всех ласков; как от сумасшедшего, от него можно всего ожидать, как от злодея — ничего.

По письму твоему приметил я, что ты изволишь на меня дуться, быть может, за долгое мое молчание. Исправься, душа моя, от такого греха; будь человеком, не будь зверем! Пиши ко мне по-прежнему, за то я буду отвечать не по-прежнему, то есть аккуратнее. «Северные цветы» давно готовы, один Дашков не совсем выпростался [3], а такого одного ждут с охотою семеро. Твоя 2-я песня «Онегина» везде читается и переписывается. Я не только что никому ее не давал, да и сам не имею. Твой экземпляр отдал Вяземскому [4], и для «Цветов» тобою назначенные куплеты его жена мне и переписала и прислала. Дела поправить нечем другим, как прислать ее с третьей к Плетневу и приказать печатать. Поздравление с «Борисом Годуновым» я было писал на огромном листе, да от радости до сих ⟨пор⟩ не окончил. Царицам гор [5] мое почтение. Прощай.

Твой Дельвиг.

58. Е. А. БАРАТЫНСКОМУ

8 февраля 1826 г. Петербург

По всему вижу, что ты не получил последнего моего письма. По крайней мере ничего не отвечаешь на него и пишешь все вызовы, приписывая мое молчание обыкновенной мне лени. Но она имеет свои пределы, и я более месяца, кажется, не упрямился и всегда прерывал мое важное молчание. Твой брат Сергей у нас. Он очень напоминает моего Евгения. Мы им, однако ж, не очень довольны. Все еще церемонится. Я болен привычною моей болезнью: лихорадкой. Она уже на исходе израильтян. «Эда» выйдет прежде, чем ты получишь это письмо. Сленину приказано выслать 25 экземпляров тебе для подарков, я столько же раздарю от твоего имени магнатам Парнасским, в том числе и твоему дяди. На собрание раздам билеты, а ты пожалоста скорее вышли оригинал, чтобы на святой неделе издать было можно. Слышишь ли?

Теперь сердце просит меня поговорить с тобою поважнее. Что ты хочешь сделать с твоей головушкой? Зачем подал в отставку, зачем замыслил утонуть в московской грязи? Тебе ли быть дрянью? На то ли я тебя свел к музам, чтоб ты променял их на беззубую хрычовку Москву. И какой ты можешь быть утешитель матери [1], когда каждое мгновение, проведенное тобою в Москве, должно широко и тяжело падать на твою душу и скукою безобразить твою фигуру. Вырвись поскорее из этого вертепа! Тебя зовут Слава, Дельвиг и в том числе моя Сонинька, которая нуждается в твоем присутствии, ибо без него Дельвиг как будто без души, как Амур, Грации и все тому подобное без Венеры, то есть без красоты. Прощай, красота моя.

Д.

8-го февраля 826 года.

59. Г. С. КАРЕЛИНУ

8 марта 1826 г. Петербург

Любезнейший друг Григорий Силич, очень благодарю за добрую весть об Вольховском [1]. Он вам дорог как друг, а мне, лицейскому его товарищу, как родной брат и друг. Когда-то увижу опять его и когда в первый раз обниму вас? Я бы сначала согласился на меньшее: мне бы хотелось не через три недели, а хоть через неделю получать от

вас ответы. В теперешнем же положении письма наши похожи на монологи. С нетерпением ждем от вас докторского описания болезни милой Александры Николаевны. За две тысячи верст больной друг кажется в две тысячи раз больнее. Мы все здоровы, надеемся летом быть еще здоровее. Это одно время в Петербурге, в которое чувствуешь, что живешь, а не изнемогаешь в тяжелом сне. Прощайте, поцелуйте ручки у вашего ангела. Любите

Дельвига.

60. Е. А. БАРАТЫНСКОМУ

Март 1826 г. Петербург

Милый друг Евгений, слава богу, последнее письмо твое и Муханова успокоили меня: письма мои стали доходить до тебя. Пишу тебе о деле — слушай. Настоящий издатель твоих сочинений [1] тот же, кто и Пушкина: Плетнев. Лучше корректора трудно найти. Во всей «Эде» значительная ошибка: «когда смятешь ты, вьюга» [2]. Четыре стиха, которые тебе кажутся очень нужными для смысла, выкинула цензура [3]. Мы советовались с Жуковским и прочими братьями, и нам до сих пор кажется, что без них смысл не теряется, напротив, видно намерение автора дать читателю самому вообразить соблазнительную сцену всей поэмы. Ты пишешь, что «Эда» хорошо расходится в Москве. Мы этого не видим. С самого начала послано туда сто экземпляров и до сих пор более не требуют. В Петербурге она живее идет, но появление полных сочинений даст ей настоящий ход. «Монах» и «Смерть Андре Шенье» [4] перебесили нашу цензуру, она совсем готовую книжку [5] остановила и принудила нас перепечатать по ее воле листок «Пиров». Напрасно мы хотели поставить точки или сказать: «Оно и блещет, и кипит, Как *дерзкий* ум не терпит плена». Нет. На все наши просьбы суровый отказ был ответом. Взгляни на свой экземпляр, потряси его, листок этот выпадет. Ты не понял двадцати процентов. Это не за напечатание платится, а за продажу, и не одному Сленину, а всем книгопродавцам московским и петербургским. Никто этого не избегает, и московские еще недовольны, им бы хотелось получать более, так Ширяев объявил свое мнение. Пришли поскорее свои тетради [6]. Нужно очень спешить изданием.

Через неделю получишь «Цветы» [7], Дашков задержал их до сих пор. Переписывался с Одессой [8] и ленился. Зато

высидел большую и прекрасную статью [9]. Дела собственно мои идут вот как: в хозяйственном быту не нуждаемся и не боимся нуждаться; но свадебные издержки посадили меня в долг около пяти тысяч. Скорая присылка твоих стихов в три месяца избавит меня от оного и доставит тебе столько же на прожиток. Я ни копейки не брал еще с «Эды». Пускай копится. Ежели приедешь к нам, увидишь во мне хорошего твоего управителя. Сонинька кланяется тебе. Прощай, мой друг, обнимаю тебя.

Нет места более писать.

Длв.

61. А. С. ПУШКИНУ

7 апреля 1826 г. Петербург

Милый Пушкин, посылаю тебе и Прасковье Александровне насилу расцветшие «Северные цветы». Желаю, чтоб они тебе показались. Я было выпросивши у тебя позволение напечатать отрывок об Овидии [1], хотел поместить к нему картинку: да что делать с нашими скотами академиками? Ни один не мог сделать что-нибудь сносное. С досады наш Дельвиг бросился к Григоровичу, уговорил его написать статью о русских художниках и велел гравировать с пяти русских хороших картин [2]. Граверы сделали сколько могли, к будущему году жду от них еще большего. Пора им привыкнуть к альманачному вкусу! К будущему году надеюсь на тебя, как на каменную стену, надеюсь лично от тебя получить лучшие цветы для моего парника или теплицы. От Баратынского тоже. Деньги твои я взял, как хороший министр финансов, то есть назначил Плетневу источник уплаты: я купил у Баратынского «Эду» и его «Сочинения», и «Эда», продаваясь, в скором времени погасит совершенно мой долг. Живи, душа моя, надеждами дальными и высокими, трудись для просвещенных внуков; надежды же близкие, земные, оставь на старания друзей твоих и доброй матери твоей. Они очень исполнимы, но еще не теперь. Дождись коронации, тогда можно будет просить царя, тогда можно от него ждать для тебя новой жизни. Дай бог только, чтоб она полезна была для твоей поэзии. Прощай, обнимаю тебя.

7-го апреля.

Жена моя тебе кланяется и благодарит за поздравление. Еще прощай.

62. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

11 апреля 1826 г. Петербург

Любезнейший князь Петр Андреевич. Очень виноват перед вами; но более меня виноваты обстоятельства. Я ждал каждую неделю окончание моего альманаха и насилу дождался. Вы, я думаю, уже получили его. Очень благодарен за ваши прекрасные цветы и жалею, что не мог всех поместить, особливо «Коляску» [1]. Она уже была напечатана с маленьким пропуском; но после 14-го числа совершенно выкинута цензорами, и все за такую безделицу, какую вы никак не отгадаете, ежели бы я вам не сказал. Стих: *что я не подлежу аресту* и *воздушные кесари* испортили все дело. Что прикажете писать после этого? Но, говорят, мы скоро получим Цензурный кодекс [2]. Как бы он строг ни был, все мы будем подчинены закону положительному, а не капризу произвольному г-на цензора. Надеюсь, вы не оставите меня и на следующий год и подарите новыми вашими произведениями. Булгарин очень смешон, ему хочется показать, что он не совсем понял *Семь пятниц на неделе* [3] и скрепя сердце хвалит их. Будьте здоровы, пишите более. Сколько бы вы ни написали, вас всё будут читать много.

Прощайте, любите вашего

Дельвига.

11 апреля
1826 года.

63. Г. С. и А. Н. КАРЕЛИНЫМ

14 апреля 1826 г. Петербург

Поздравляю вас, милые друзья наши, с новой гостьей мира и с праздником пасхи. Молю планеты, под влиянием которых родилась ваша Софья, об ее счастии. Зная вас, знаю, каково будет ее сердце. Простите. Любите

Дельвига.

64. П. А. ОСИПОВОЙ

7 июня 1826 г. Петербург

Милостивая государыня
Прасковья Александровна.

Спешу отправить вам два анкорка столового вина и анкорок французской водки. Красное стоит 80 рублей: оно вино чистое, но требует быть разлито, и пить его должно, когда оно немного постоит у вас в погребе. Белое хорошо без предисловий и стоит 70 р. Французской водки решился купить целый анкорок за ее хорошие достоинства и в уверенности, что она, сколько бы ни стояла, никогда не испортится. Цена 180 р., а за все 330 р., в остатке у меня 30 рублей.— Мне благодарить вас за память, а вас трудно забыть! У меня теперь одна молитва к моим Пенатам: нельзя ли заманить в нашу обитель Тригорскую гостеприимную хозяйку. Пушкина, вероятно, пустят на все четыре стороны, но надо сперва кончиться суду. Что за времена! Я рад моему счастию, рад подруге моей, которая научила меня прелестям тишины домашней, и ей, по всем вероятностям, обязан удовольствию покупать для вас вина и надеяться на свидание с вами. Простите, любезнейшая владычица гор, засвидетельствуйте мое почтение вашему милому семейству.

Не забывайте и любите вас истинно любящего и уважающего.

Барон Дельвиг.

7 июня
1826.

65. А. С. ПУШКИНУ

2-я половина июня 1826 года

Третьего дни получил от Муханова это письмо и по первой почте тебе посылаю его, милый Пушкин. Что ж ты не присылаешь «Цыган», мы бы издали их? Плетнев тебе кланяется, он живет теперь на Кушелевой даче, верст 7-мь от городу, и я довольно редко с ним видаюсь. Его здоровье очень плохо [1]. Теперь, кажется, начало поправляться, но до сих пор мы думали и его проводить к отцу Ломоносову. Баратынский другим образом плох, женился и замолчал, вообрази, даже не уведомляет о своей свадьбе [2]. Гнедичу лучше, он тоже живет на даче и тебе кланяется. В комнатах,

в которых он живет, жил в последнее время Батюшков [3]. До сих пор видна его рука на окошках. Между прочим, на одном им написано: «Есть жизнь и за могилой!» [4], а на другом: «Ombra adorata!» *[5]. Гнедич в восторге меланхолическом по целым часам смотрит на эти строки.— Вяземский у меня был в проезд свой в Ревель. Он сказал мне, что он уверил Василия Львовича, что: «Ах тетушка, ах Анна Львовна» написано мною [6], и тем успокоил его родственную досаду. Мы очень смеялись над этим. Отец твой ничего об этом не говорил и не говорит. Тебе напрасно его оклеветали. Из «Онегина» я взял то, что ты мне позволил, только у меня и переписано было, проч. у Вяземского. Что ты не издаешь его? Ежели тебе понадобятся деньги гуртом, продай его мне и второе издание твоих поэм. Только цензура пропустит их, деньги ты получишь. От «Эды» деньги скоро накопятся. Отдам их Плетневу или кому велишь. Прощай, душа моя, будь здоров и вспоминай обо мне.

Весь твой *Д.*

66. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Конец июля — август 1826 г. Петербург

Любезнейший князь Петр Андреевич. Посылаю вам письмо от Александра [1]. Оно распечатано не мною — так получил. Как вы проводите время в Ревеле и скоро ли будете у нас? [2] Пишете ли вы стихи? Я уж засеял Цветы и понемногу они подрастают. Не оставьте меня и нынешний год, нынче я решился издать без помощи Сленина. Будьте здоровы, князь, кланяйтесь Пушкиным, любите вам преданного.

Барон Дельвиг.

67. М. П. ПОГОДИНУ

3 августа 1826 г. Петербург

Милостивый государь Михайло Алексеевич [1]. Вы предупредили меня [2], но я не совсем виноват. Уважая и любя вас за литературные труды ваши, я не знал ни вашего имени, ни места жительства. Позвольте поблагодарить вас за приятное товарищество — на поприще альманахов. «Урания» меня обрадовала одна в этот год, прочие соперники наши лучше бы сделали, если бы не родились. Вы мне дав-

* «Возлюбленная тень» *(ит.).—Ред.*

но знакомы и не по одним ученым, истинно критическим историческим трудам; но и как поэта я знаю и люблю вас, хотя, к сожалению, читал только один отрывок — перевод первой сцены трагедии: «Двадцать четвертое августа» [3]. Ежели вы не продолжаете переводить ее, искренно жалею. Мы теряем надежду читать эту трагедию в русском верном и прекрасном съемке. Позвольте мне начать приятнейшее с вами знакомство просьбою. Не подарите ли вы в собрание «Цветов» моих один или два ваших цветков [4]. Вы ими украсите мое издание и доставите мне приятный случай прибавить благодарность к почтению и любви к вам и ваш⟨ем⟩у таланту, с которыми имею честь быть, милостивый государь, вашим покорным слугой.

Барон Дельвиг.

3 августа
1826 года.
Петербург.

Пишите ко мне: Б⟨арону⟩ Антону Антоновичу Дельвигу в книжную лавку И. В. Сленина.

68. П. А. ОСИПОВОЙ

15 сентября 1826 г. Петербург

Милостивая государыня Прасковья Александровна.

Плачу добром за испуг. *Александр был представлен, говорил более часу и осыпан милостивым вниманием* [1],— вот что мне пишут видевшие его в Москве. Сергей Львович и Надежда Осиповна здесь и счастливы как нельзя больше. Поздравляю вас с общей радостью нашей и целую ваши ручки. У меня есть еще две просьбы к вам: 1) Напишите Александру и помогите мне уговорить его написать мировое письмо к своим. 2) Позвольте мне посвятить вам мои русские песни [2]. Вы одолжите человека, который ничем более не может вам показать своего почтения, и любви, и благодарности. Позволение напишите на особенной бумажке для цензуры, которая не позволяет посвящать без позволения тех, кому посвящаешь. Жена моя вам кланяется, она познакомилась с милой Анной Николаевной. Когда-то познакомится с вами? Прощайте, будьте здоровы и уверены в преданности вашего покорного слуги

барона Дельвига.

1826 г. 15-го сентября.

69. А. С. ПУШКИНУ

15 сентября 1826 г. Петербург

Поздравляем тебя, милый Пушкин, с переменой судьбы твоей. У нас даже люди прыгают от радости. Я с братом Львом развез прекрасную новость по всему Петербургу. Плетнев, Козлов, Гнедич, Сленин, Керн, Анна Николавна — все прыгают и поздравляют тебя. Как счастлива семья твоя, ты не можешь представить. Особливо мать, она наверху блаженства. Я знаю твою благородную душу, ты не возмутишь их счастия упорным молчанием. Ты напишешь им. Они доказали тебе любовь свою.— Душа моя, меня пугает положение твоей няни. Как она перенесла совсем неожиданную разлуку с тобою. Что касается до Осиповой, она меня испугала отчаянным письмом. Обними Баратынского и Вяземского, и подумайте, братцы, об моих «Цветах». Не осрамите моих седин перед Федоровым [1]. За канцелярские услуги А. И. Тургенев наградил его статьями Карамзина и Батюшкова! Каково это! Уродливый боец выступит в состязание с заслуженным атлетом и победит его. Ради бога, собирая фимиам себе, вербуй хорошенькие пьески мне, а более всего своего, Вяземского и Евгения. Тебе и Дмитриев не откажет, хотя бы страничку из его журнала [2]. Надеюсь на тебя, как на каменную стену. Да пиши ко мне подробнее обо всем, а поласковее к отцу, матери, роду-племени. Пиши скорее к нам; уведомь, куда посылать к тебе деньги и письма и сколько ты останешься в Москве. Прощай, радость моя, оканчиваю письмо это, чтобы приняться утешать и обрадовать Прасковью Александровну.

Жена моя тебе кланяется очень. Между тем позволь мне завладеть стихами к Анне Петровне [3]. Еще прощай! Guten Tag!

Твой Дельвиг.

70. Г. С. КАРЕЛИНУ

1 октября 1826 г. Петербург

Верно, я что-нибудь соврал без намерения, любезнейший друг Григорий Силич. Ничего другого не могу вспомнить, что бы похоже было на упреки в письме моем [1]. И за что? Кроме дружбы, драгоценной для меня, я не ждал ничего от вас. Приезжайте поскорее к нам, вы, узнав меня, не будете подозревать во мне и способности оскорблять дру-

зей. Приезжайте поскорее, это одно успокоит нас. Мы не перестаем говорить о вас, молим у бога свидания с вами и совершенного исцеления милой Александры Николаевны. Поцелуйте у нее ручку, а у Сониньки пока губки.

Весь ваш *Дельвиг.*

71. В ГЛАВНЫЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

19 ноября 1826 г. Петербург

В Главный цензурный комитет
титулярного советника барона Дельвига

Прошение

Предполагая издать в свет собранную мною и при сем прилагаемую рукопись под заглавием «Северные цветы», имею честь представить оную, на основании §§ 50 и 51 высочайше утвержденного 10-го июня сего года устава о цензуре, прося покорнейше дать мне дозволение к напечатанию оной.

Титулярный советник
барон Антон Дельвиг.

19 ноября 1826 года.

Жительство имею Московской части 2-го квартала в доме купца Кувшинникова под № 168-м.

72. Г. С. КАРЕЛИНУ

23 ноября 1826 г. Петербург

Любезнейший Григорий Силич.

Целую ручки у Александры Николаевны, обнимаю вас. Об минералах я было замолчал, полагая, что вы сами за ними приедете. Теперь я послал уже новое требование ответа и, надеюсь, получу.

Давно бы все было кончено, если бы был здоров. Будьте здоровы.

Весь ваш
Дельвиг.

73. Е. А. БАРАТЫНСКОМУ

3 декабря 1826 г. Петербург

Милый Евгений, виноват, долго не писал, но нечего было хорошего писать. Жена моя, я, люди наши,— все мы были больны, и не шутя. Теперь два дни уже как начал выезжать. Поздравляю тебя и милую Настасью Львовну с Новым годом. Твои стихотворения в цензуре, в феврале выйдут в свет. Справься у ваших книгопродавцев, сколько экземпляров им надобно, не уступай им более двадцати процентов и напиши мне. Я их тебе и пришлю, и ты сейчас по получении будешь иметь деньги. Жена моя вам кланяется и поздравляет с Новым годом. Здравствуйте и благоденствуйте и любите вашего

Дельвига.

3 декабря.

74. В ГЛАВНЫЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

Около 7 декабря 1826 г.

В Главный цензурный комитет
титулярного советника барона Дельвига

Прошение

По поручению коллежского секретаря Александр Сергеевича Пушкина предполагая издать в свет при сем прилагаемую рукопись — поэму его под заглавием «Цыганы», имею честь представить оную на основании §§ 50 и 51-го высочайше утвержденного 10-го июня сего года устава о цензуре, прося покорнейше дать мне дозволение к напечатанию оной [1].

Титулярный советник *барон Антон Дельвиг.*

Декабря 1826-го года.

Жительство имею Московской части 2-го квартала в доме купца Кувшинникова под № 168-м.

75. А. С. ПУШКИНУ

Первая половина января (?) 1827 г. Петербург

Здравия желаю Александру милому и поздравляю с Новым годом. «Цыганы» твои пропущены цензурою до чиста и мною доставлены Бенкендорфу [1]. Выйдут от него и будут печататься. Рылеевой я из своего долга заплатил 600 рублей [2]. В остатке у меня осталось 1600 р., которые при появлении «Цветов» сполна заплатятся. За «19-е октября» благодарю тебя с лицейскими скотами братцами вместе. Пиши, ради бога, ко мне, ты ни на одно письмо мое не отвечаешь. Странно для меня, как ты не отвечал на последнее [3]. Оно заключало другое письмо, которое если не тронуло тебя, то ты не поэт, а камень. Осипова тебе кланяется, я с ней часто говорю о тебе, и вместе грустим. Нынче буду обедать у ваших, провожать Льва [4]. Увижу твою нянюшку и Анну Петровну Керн, которая (между нами) вскружила совершенно голову твоему брату Льву. Ты, слышу, хочешь жениться [5], благословляю — только привози сюда жену познакомиться с моею. Прощай.

Дельвиг.

76. В ГЛАВНЫЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

16 января 1827 г.

В Главный цензурный комитет
коллежского асессора
барона Дельвига

Прошение

По поручению отставного прапорщика Евгения Абрамовича Баратынского предполагая издать в свет при сем прилагаемую рукопись под заглавием «Стихотворения Е. Баратынского», имею честь представить оную на основании §§ 50 и 51-го высочайше утвержденного 10-го июня прошлого 1826 года устава о цензуре, прося покорнейше дать мне дозволение к напечатанию оной.

Коллежский асессор

барон Антон Дельвиг.

16 генваря 1827 года.

Жительство имею Московской части 2-го квартала в доме купца Кувшинникова под № 168-м.

77. В. Г. АНАСТАСЕВИЧУ

1 февраля 1827 г. Петербург

Милостивый государь Василий Григорьевич! С одра болезни пишу к вам, дабы помочь моему доброму знакомому Василию Андреевичу Эртелю вашими познаниями. Он пишет о немецкой литературе, и ему нужно упомянуть о всем переведенном на русский язык. Никто, кроме вас, не может в сем быть его руководителем. Не оставьте его вашими советами, будьте здоровы и верьте тому глубокому почтению, с которым честь имею остаться вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою.

Барон Антон Дельвиг.

78. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ

23 февраля 1827 г. Петербург

Ваше превосходительство
милостивый государь
Александр Христофорович.

Продолжительная болезнь до сих пор лишает меня возможности лично исполнить препоручения Александра Сергеевича Пушкина. Осмеливаюсь передать их в письме Вашему превосходительству. Прилагаю при сем в особенном пакете пять сочинений Пушкина: поэма «Цыганы», два отрывка из третьей главы «Онегина», «19-е октября» и «К ***» [1]. А. С. Пушкин убедительнейше просит Ваше превосходительство скорее решить, достойны ли они и могут ли быть пропущены, и доставить их мне, живущему на Владимирской улице близ коммерческого училища в доме купца Кувшинникова коллежскому асессору барону Антону Антоновичу Дельвигу. Радуюсь случаю, что могу Вас уверить при сем в моем величайшем почтении, с которым имею честь остаться

вашего превосходительства милостивого государя
покорнейшим слугою

барон Антон Дельвиг.

23 февраля 1827 года.
С.-Петербург.

79. А. С. ПУШКИНУ

21 марта 1827 г. Петербург

Милый друг, бедного Веневитинова ты уже, вероятно, оплакал [1]. Знаю, смерть его должна была поразить тебя. Какое соединение прекрасных дарований с прекрасною молодостью. Письмо твое ко мне или обо мне не дошло до меня [2], только оно дало пищу больному воображению несчастного друга. Он бредил об нем и все звал меня. В день его смерти я встретился с Хвостовым и чуть было не разругал его, зачем он живет. В самом деле, как смерть неразборчива или жадна к хорошему. Сколько людей можно бы ей указать. И как бы она могла быть полезна и приятна. Не тут-то было. Ей, верно, хочется нас уверить, что она слепа, как Амур, дура.— Благодарю тебя за вести обо Льве [3]. Я, читая письмо твое, живо видел его, влюбленного и пресыщенного жизнию. Для того, думаю, ему полезен будет Кавказ и армейский полк. Пускай потрется, поживет, узнает, с кем он шутит [4], то есть жизнь. Ему только того и недостает, чтоб быть совершенно милым. И пьет он, как я заметил, более из тщеславия, нежели из любви к вину. Он толку в вине не знает, пьет, чтобы перепить других, и я никак не мог убедить его, что это смешно. Ты так же молод был, как нынче молод он; помнишь, сколько из молодечества выпил лишнего: пускай и он пьет, он пьяницей не будет. У него ум растет еще, и растет хорошо. Увидишь, каков вырастет.

Надеюсь «Цыганов» получить от тебя один экземпляр. Довольно с тебя будет, что я «Онегина» вторую главу ждал долго понапрасно и купил. «Цветы» получишь на будущей неделе, теперь переплетаются. Прощай, обнимаю тебя.

Дельвиг.

21-го марта

80. Е. А. БАРАТЫНСКОМУ

Около 4 июня 1827 г. Ревель

Милый друг Евгений, пишу тебе из Ревеля. Только что приехал, еще не осмотрелся и не отдохнул от морской болезни, ибо мы ехали на пароходе и с бурею [1]. Твой Дельвиг вверил себя богу морей, и в последний раз. Гораздо лучше страдать после братской вечеринки от вина, чем с тощим желудком от воды, да еще от соленой. Но я вполне возна-

гражден. Невольно живу в рыцарских временах, все ими здесь так и дышит. Ежели теперь не заговорю стихами — то я уже не поэт, а просто давно открытая бутылка с алькогелем. Спирт вылетел, осталась вода. Пиши ко мне в Ревель, в Катеринталь [2] в доме Витта. Сочинения же твои [3] пришли в Петербург в Кувшинников дом, на Влад⟨имирской⟩ улице Михайле Лукьяновичу Яковлеву. Жена моя кланяется тебе и Настасье Львовне. Я желаю вам здоровья, обнимаю тебя, целую у ней ручку.

Весь твой

Дельвиг.

81. П. А. ОСИПОВОЙ

14 июня 1827 г. Ревель

Приносим вам повинные наши головы, почтеннейшая и любезнейшая Прасковья Александровна. Приезд моего тестя [1], хлопоты его, наши сборы, проводы его опять в деревню и, наконец, стыд, что мы так долго не отвечали на ваши обязательные письма, были причиною нашего непростительного молчания. Теперь мы в Ревеле, всякий день с милым семейством Пушкина любуемся самыми романтическими видами, наслаждаемся погодою и здоровьем и только чувствуем один недостаток: хотели бы разделить наше счастие с вами и Александром.

Александр меня утешил и помирил с собою [2]. Он явился таким добрым сыном, как я и не ожидал. Его приезд вы можете одни чувствовать, как обрадовал меня и Сониньку. Она до слез была обрадована, я до головной боли. Ждем его сюда, пока еще сомневаемся, сдержит ли он обещание, и это сомнение умножит нашу радость, когда он сдержит слово. Мое почтение милым девам гор. Напомните им того, кто не преставал ни их, ни вас и любить, и почитать. Будьте здоровы, простите вашего

Дельвига.

14-го июня
1827 года.

•

82. Н. И. ГНЕДИЧУ

2 августа 1827 г. Ревель

Далекий, милый друг, здравствуйте. Молю грекомифологических и кафолических [1] богов и угодников восстановить силы ваши для славы моего отечества и полного сча-

стия моего сердца. Ваша болезнь отравляет самые лучшие минуты моей ревельской жизни [2]; если бы не видимое поправление здоровья жены моей, ни за какие бы благополучия не остался бы я так долго далеко от вас. Гляжу на древний, готический Ревель и жалею, что не могу разделить с вами моих чувств. Здесь что шаг, то древность, да и какая же? пятисот (и более) летняя. По приказанию вашему был я в гостях у герцога дю-Круа [3]. Он лежит в церкве Николая, построенной католиками прежде еще реформации. Честь и благодарность лютеранам! Они, выгнав попов и монахов католических из-под готических сводов сего славного памятника старинного зодчества, не истребили в нем никаких украшений, напоминающих противное им богослужение. И до сих пор олтарь украшен живописными изображениями пап и деревянными куклами [4], между коими кистер мне показывал царя Соломона и его любовницу. Картины в сей церкве не худой кисти, но до крайности необыкновенные. Одна изображает Иякова, едущего в Египет к Иосифу. Вообразите, седобородый праотец сидит в четвероместной карете, везомой четырьмя лошадьми в шорах. Другая альфреско представляет пляску смерти. Тут нет ничего забавнее папы, который, как старая кокетка, приседает и отказывается танцевать с учтивым скелетом. Какая-то королева вертится весело, а Карл Великий важно, и не со смертию. Под каждою парою написаны немецкие стихи, которые и от времени, и от моего невежества не нашли во мне ни переводчика, ни ценителя. Но я вас долго занимаю эпизодами, пора сказать что-нибудь о главном, то есть о важном герцоге. В узкой келье, освещенной готическим, разноцветным окошком, лежит он, завернувшись в чернобархатную альмавиву, в шелковых чулках, в белых изорванных перчатках, в кружевном галстуке и в длинном парике. Ростом высок, ногти длинные, аристократические, лицом похож на Сергея Львовича, но несколько поважнее, физиогномия спокойная и, кажется, не внимающая пронзительному, плебеянскому воплю его заимодавцев.— Вот каков герцог дю-Круа, с которого кистер для каждого стаскивает парик, показывает его природные, белокурые волосы и которого бьет в голову и теребит за сухие складки грудной кожи. Злополучный вельможа был должен только восемьдесят тысяч рублей. Сколько у нас умирают и не герцогов, которые столько должны, и их спокойно хоронят, а его выставили на мороз генварский, он промерз и после, долго стоя не похороненный в погребе, наполненном селитренными испарениями, окаменел и сто

двадцать лет спокойно переносит обиды кистера и холодное любопытство, смех и жалость разнохарактерных путешественников. Я нашел здесь у одного антиквария один вексель его в три тысячи талеров и нашел его руку достойною его звания. Вот вам длинное письмо, которое, желаю от всей души, займет несколько свободных минут ваших и напомнит вам об *Дельвиге,* который любит вас пламенно и желает вам здоровья и здоровья. Прощайте.

2-го августа 1827 года. Ревель.

83. А. С. ПУШКИНУ

Около (не позднее) 18 февраля 1828 г. Харьков

Ваше Поэтическое высокопревосходительство, честь имею донести вам, что я уже 10 дней нахожусь в г. Харькове. Где не престаю говорить об вас с гг. профессорами, судящими о вас по рекомендации Фадея Венедиктовича [1]. Например, слышал я от них, что вышепомянутая персона ставит «Цыганов» выше всех произведений европейских муз. Горько мне было молчать, но, подумав, что великие тени Гомера, Данте и Шекспира сами могут за себя говорить, оставил я намерение возражать противу сего афоризма. При том же помыслил: да будет Булгарин пророком хотя во граде Харькове и да скажет он, услыша, как здесь верят в слова его: «веры такой и в Израиле не обретох» [2].— Проезжая первопрестольный град Москву [3], ходил я на поклонение к поклоняемому и славимому Ивану Ивановичу Дмитриеву и приложился к мощам преподобного дядюшки вашего. Почтенные братья князь Петр и Евгений представили меня всей низшей братии московской. Видел я поющих, вопиющих, взывающих и глаголющих. Шевырев пел, вопиял и взывал, но не глаголил; гнев противу «Северной пчелы» носил его на крилиях ветра, но не касался до земли, разве изредка носками сапожными. Раич благоухал анисовою водкою и походил на отпущенника или на домóвого пииту. Хвалился милостию вашею и проч [4]. Благослови, святой Александр, брата младшего твоего Антония и посети будущие «Северные цветы» его духом животворящим, яко же посещал их прежде. Здравие и долгоденствие желает тебе, брат любезнейший,

твой Дельвиг
и супруга его — София.

84. Е. А. БАРАТЫНСКОМУ

18 марта 1828 г. Харьков

Брату Евгению здравия и спасения и поэтического вдохновения желает пустынный брат Антон. § 1-й. Поздравляю тебя и милую жену твою с наступающим праздником воскресения Христова. 2-й. Уведомляю тебя, что в городе Харькове грязь классическая с наблюдением трех единств, из коих самое нестерпимое называется скукой. 3-й. Пишешь ты ко мне редко и ничего не говоришь о портрете твоем [1]: готов ли он? Если готов, то похож ли? Если похож, то держи его до моего приезда. § 4. Я начинаю говеть. Прошу у вас прощенья. § 5-й. Письмо мое с виду покажется постороннему человеку очень порядочным, но ты знаешь меня, и параграфы мои тебя не обманут. § 6-й. Как начал, так и кончу, соблюдая принятую мною форму. § 7-й. Кланяйся от меня Николай Алексеевичу Полевому и брату его. § 8. Пишу сие 18 марта 1828 года в губернском городе Харькове. § 9. Желаю и прошу бога помочь мне вырваться отсюда и поскорее обнять вас, милые друзья мои. § 10. До свиданья. Обнимаю и целую тебя. Твой

Дельвиг.

85. П. А. ОСИПОВОЙ

Март—май 1828 г. Харьков

Вы одни не забываете людей, искренно вас любящих, почтеннейшая Прасковья Александровна. Вы одни утешили нас милым письмом вашим в скучном Харькове. Скука и нездоровье занимают наши досуги [1]. Каковы собеседники! Мы радуемся даже инвалиду [2], который вернее наших петербургских друзей, хотя ничего не говорит, кроме того, что он жив и здоров и, слава богу, глуп. О свадьбе Ольги Сер⟨геевны⟩ [3] мы узнали еще в Москве и немало удивились решимости ее бежать. С. Л. жаль очень и еще жалче потому, что он во всем этом представляет комическое лицо. Он не подозревал даже, что Павлищев, едва им замеченный у Лихардовых и не бывающий у него, любит его дочь. Вдруг она, не спросившись, запретит ли он ей думать о предмете любви ее, уходит и соединяет свою судьбу с судьбой этого неизвестного. Надежда Осиповна, кажется, подозревала это, и чуть не ее ли внезапная перемена в обращении с Павлищевым ускорила все это дело.— Пишите к нам чаще, повелительница, очаровательница Тригорского. Любите и помните меня и напомните обо мне

девам гор, воспоминание о которых, как прекрасное дело, живо во мне. Жена просит, чтобы я оставил ей место писать к вам. Будьте же здоровы и любите вас уважающего и любящего

Дельвига.

86. Е. А. БАРАТЫНСКОМУ

Март—май 1828 г. Харьков

Душа моя, я получил письмо твое [1], как не знаю что-то радостное, драгоценное. Теперь только понимаю, какую цену имели для тебя мои письма в Финляндии. Понимаю и каюсь, что редко писал к тебе. Не наказывай меня тем же. Заплати за зло добром и будешь мною поставлен выше всех угодников божиих. Вообрази, я на чужой стороне, занят поверкою счетов и допросами по целым дням. И когда кончу — не знаю. Пиши ко мне всякую неделю и молись о свидании [2]. Благодаря бога, читаю изредка журналы ваши и любуюсь издалека на игру страстишек журнальных. Как это ты, живучи в Москве, не приучил к повиновению мальчишек Шевыревых и им подобных? Это стыдно. Докажи им, что статья о литературе 1827 года [3] совершенно школьническая, и какая! Даже Булгарин прав, говоря об ней. Не напоминаю уже, что, писавши по-русски, надо знать по-русски; не худо сказать им, что с должным почтением не оценив отживших и современных писателей, нельзя кидать взора на будущее, или он будет недальновиден. Скажи Шевыреву, что мы в нем видим талант в переводах с Шиллера, в свободе писать хорошие стихи, но ничуть не в вымыслах вдохновенных. Изысканность в подобиях, может быть, будет еще смешнее плаксивости Карамзинской и разуверений 1/4 века Жуковского. Скажи ему, что он смешон, укоряя меня в невежестве [4]. Он еще азбуке не учился, когда я знал, что роман, повесть, Геснерова идиллия, несмотря на форму, суть произведения *поэзии.*

Порядка же в «С⟨еверных⟩ цвет⟨ах⟩» не переменю — потому же, почему никто из славных поэтов не перемешивал вместе своих повестей, стихами и прозою писанных, почему большая часть немецких издателей альманахов не смешивает прозы со стихами,— и так далее. Суждение же его о твоей «Последней смерти» [5] воняет глупою посредственностию. Аминь. Обмываю виндзорским мылом руки, полощу рот и чистый подхожу к ручке милой Настасьи Львовны. Желаю вам здоровья, детей, стихов и той же дружбы ко мне.

Длв.

87. А. С. ПУШКИНУ

Первая половина (после 8) июля 1828 г. Чернь

Хлопочи, хлопочи обо мне, брат Пушкин, и пожалей меня. Добрый отец мой умер [1]. Скажи о моей печали почтеннейшему Сергею Львовичу и Надежде Осиповне. Я уверен, они примут живое участие в горе моем. Целую ручки у Надежде Осиповне, Ольге Сергеевне, Павлищеву кланяюсь. В августе увижусь с тобой. Жена моя целует тебя в гениальный лоб. Будь здоров.

Твой Дельвиг.

88. Н. А. ПОЛЕВОМУ

13 июля 1828 г. Чернь

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

На письмо мое из Харькова я не получил от вас никакого ответа [1]. Вторично прошу вас, если даже у вас не продано ни одного экземпляра «Северных цветов» [2], одолжить мне на один месяц 1000 рублей. Деньги мне необходимы в теперешнем положении моем. Я лишился отца, должен привести в порядок деревенские дела, чтобы оставить спокойнее семью мою. В теперешнее же время года деревня только обещает деньги, а не дает. Будьте добры к человеку, почитающему и уважающему вас.

Готовый ко услугам
барон Дельвиг.

13 июля 1828 года
Тульской губерн.
город Чернь.

89. В. Д. КАРНИЛЬЕВУ

13 июля 1828 г. Чернь

Тульской губернии город Чернь.
1828 года 13-го июля.

Почтеннейший и любезнейший Василий Дмитриевич.

Давно уже думали мы вас увидеть, но царская служба меня удерживала. Наконец несчастие заставляет меня еще несколько промедлить. Я лишился отца, и отца редкого, которого никогда не перестану оплакивать. Зная, что кроме Баратынского и вас никто более не примет во мне уча-

стия в столице вашей, я решился поверить вашей душе и мое горе, и мою нужду. Сделайте милость, похлопочите обо мне у Полевого. Не может ли он мне дать на один только месяц, то есть до моего приезда в Москву, 1000 рублей, без коих я должен буду остаться в деревне, как рак на мели. Если же он совершенно откажется, то не найдете ли вы другого средства помочь вашему Дельвигу [1]. Жена моя приказала мне кланяться вам обоим от нее, я целую ручки у вашей милой Надежде Осиповне. Голова моя расстроена, и ваше письмо двенадцатое из числа приготовленных мною для почты. Адрес ко мне назначен сверх письма. Будьте же здоровы, счастливы, не теряйте милого и любите старых друзей ваших, в коих надеется быть и

ваш Дельвиг.

90. ПРОШЕНИЕ НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ

Июль 1828 г.

Бедственное положение семейства моего осмеливает меня просить мною не заслуженной великой помощи у вашего императорского величества. Покойный отец мой, генерал-маиор барон Дельвиг [1] в продолжение сорокалетней службы своей известен был начальникам, подчиненным и посторонним свидетелям бескорыстием и точным исполнением на него возложенных должностей. Двадцать лет, любимый начальниками и всем городом, был он сперва плац-адъютантом, потом плац-маиором в Москве. Мирные подвиги его до сих пор в ней помнятся. Значительнейшие вещи, занесенные в квартеру его французами во время достопамятного 1812 года, несмотря на высочайшее позволение считать их своими, были им возвращены прежним владельцам. Слишком полтораста тысяч рублей, за несколько дней до вторжения французов в Москву принесенные неизвестно кем и без расписки отданные тетке моей по причине опасной болезни его, по выздоровлении представлены им начальству. 〈...〉

91. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

3 декабря 1828 г. Петербург

Любезнейший князь Петр Андреевич. Пишу наудачу, не зная, найдет ли вас письмо сие в Москве. Прошу домовых и леших Арбатских удержать вас, а *бога в особенности*

немцев[1], хотя за фамилию мою, помочь мне и внушить вам охоту сейчас же послать мне поэтическую подачку, без которой «Северные цветы» не совсем буду⟨т⟩ вкусны их потребителям ежегодным. Пушкин написал милые стихи Готовцевой[2]. Досадно, ежели придется их напечатать без ваших[3]. Жуковский вам кланяется, он мне нынче подарил с лишком 800 стихов, щедро и славно. Мое нижайшее почтение Ивану Ивановичу. Будьте здоровы и не покидайте вашего альманачника

Дельвига.

Ноября 3-го 1828 года
С.-Петербург.

92. А. С. ПУШКИНУ

3 декабря 1828 г. Петербург

Два письма со стихами получил от тебя, друг Пушкин[1], и скажу тебе, что, несмотря на мое красноречие, город Петербург полагает отсутствие твое не бесцельным. Первый голос сомневается, точно ли ты без нужды уехал, не проигрыш ли какой был причиною; 2-ой уверяет, что ты для материалов 7-ой песни «Онегина» отправился, 3-ий утверждает, что ты остепенился и в Торжке думаешь жениться, 4-ый же догадывается, что ты составляешь авангард Олениных[2], которые собираются в Москву. Я ничего не думаю, а желаю тебя поскорее увидеть и вместе с Баратынским, который, если согласится ехать в Петербург, найдет меня в оном. В противном же случае закопаюсь в смоленскую крупу, как Мазепа в «Войнаровском» закутался в плащ[3]. Благодари любезнейшую Прасковью Александровну за добрые воспоминания. Воспользуюсь первыми солнечными днями, отпечатаю свою фигуру[4] и пришлю ей несколько экземпляров; желал бы оригиналом попасть к ней. Но нельзя. «Бал» отпечатан, в пятницу будет продаваться[5]. «Цветы» цветут славно. Жуковский дал с лишком 800 стихов; Крылов 3 басни, твоих 16-ть пьес и пр. и пр[6]. Гнедич классически обнимает романтическую фигуру твою, жена приседает на чопорный поклон твой, я просто целую тебя и желаю здравие. Прощай.

Твой Дельвиг.

3-го декабря
1828 С.-Петербург.

93. В ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

24 декабря 1828 г. Петербург

В Санктпетербургский цензурный комитет
от коллежского асессора
барона Дельвига

Прошение

Дошло до сведения моего, что г-н Бестужев-Рюмин печатает в альманахе своем «Северная звезда» какие-то стихи с моим именем. Как я никогда не давал ему стихов моих, то и прошу цензурный комитет запретить ему подписывать мое имя под какой бы то ни было статьею. В случае же, если он уже напечатал самовольно мое имя, то благоволит цензурный комитет не выдавать ему билета для выпуска альманаха его из типографии до выключения оной подписи.

Коллежский асессор
барон Дельвиг.

1828 года 24 декабря.

94. П. А. ОСИПОВОЙ

5 февраля 1829 г. Петербург

Милостивая государыня
Прасковья Александровна.

Давно не имел удовольствия письменно говорить с вами, но часто слышал об вас от милого Алексея Николаевича [1] и Пушкина. Спрашивал об вас и был доволен, имея возможность узнавать, где вы и здоровы ли. Теперь, расставаясь с вашим юным воином, теряю надежду иметь от вас известие иначе, как утрудить вас просьбою посылать по несколько ваших строчек к Дельвигу, всегда уважавшему и любившему вас.

Сонинька моя свидетельствует вам почтение и вместе со мной желает вам и милым сожительницам вашим здоровья и счастия. Я, издавши «Северные цветы», как будто от изнеможения занемог и прохворал целый месяц. Теперь мне лучше, но все еще держу диету и продержу ее долго. Оканчивая письмо, не могу не сказать вам, что разлука с Алексеем Николаевичем нам очень грустна, мы полюбили

его как родного и долго будем чувствовать недостаток его милого общества. Будьте же здоровы и не переставайте верить чувствам, с которыми всегда останусь к вам покорнейший слуга

барон Дельвиг.

5 февраля
1829 года.
С. Петербург.

95. Е. А. БАРАТЫНСКОМУ

Конец марта 1829 г. Петербург

Душа моя Евгений. Пушкин, верно, сказал тебе [1], что я не имел силы писать к тебе, так занемог и трудно поправляюсь. Жду погоды — и не дождуся. «Северн⟨ые⟩ цветы» прошлого года доставь Василью Львовичу. «Подснежник» выйдет на днях [2]. Я напечатал твои стихи к Зенеиде [3]. Она согласна была, а ты дай, кому обещал их, другую пьесу. Я печатаю мои стихи [4]; к Пасхе выйдут; в них ты прочтешь новую мою идиллию [5]. «Борскому» под стать вышел «Выжигин». Пошлая и скучная книга, которая лет через пять присоединится к разряду творений Емина [6].

Подолинскому говорить нечего. Он при легкости писать гладкие стихи тяжело глуп, пуст и важно самолюбив. Проказник принес мне «Борского» процензурованного и просил советов [7]. Я посоветовал напечатать, другого ничего не оставалось делать, и плюнул. Разве лета его обработают. Дай Бог. Поцелуй за меня Полевова и Раича в лоб и попроси их продолжать, как начали, свои похвалы творениям ничтожным [8]. Прощай, душа моя, трудно писать. Целую тебя и Пушкина. Буду не осенью, а весною к вам. Книги, при сем приложенные, доставь князю Вяземскому. Поцелуй ручки у Настасьи Львовны.

Твой *Д.*

96. Е. А. БАРАТЫНСКОМУ

Май 1829 г. Петербург

Милый друг, посылаю тебе шинель непромокаемую для твоего тестя и желаю, чтобы письмо мое нашло тебя спокойнее, чтобы дети твои были здоровы [1]. Ужели ты не знаешь, что болезнь очень частый гость у малюток? Надобно только заботиться о них, но не упадать душою. Вырастут, об нас будут заботиться. Зато как мы подгуляем, выдавая

твоих дочек замуж. Я чувствую нынешний день себя лучше. Если бы не бессонница, то уже давно бы прыгал. Ты пишешь, буду ли я издавать «С⟨еверные⟩ цветы»? Буду и прошу не оставлять их. Твой же запас желал бы прочесть поскорее. Ужели ты думаешь, что твои стихи мне только надобны для альманаха? Мне нужно для души почитать их, она, бедная, голодна и сидит на журнальных сухариках. Сжалься. Я тоже пишу кой-что и надеюсь прислать к тебе, что сделаю, да мне писать трудно. Если тесть мой в Москве, так не говори, что я болен, он, бедный, сам нездоров и беспокоится об нас во вред здоровью [2]. Скажи, что я потому не еду, что ищу и еще не получил места в Москве. Что также правда. Скажи Полевому (Ксенофонту), что он дурак, и пожелай ему доброго здоровья.

Целую ручки у милой жены твоей и целую твоих деточек. Жена моя вам кланяется; она, вероятно бы, приписала сама, но я пишу не из дома, а в квартере Сомова, который тебе кланяется. Плетнев также.

Обнимаю тебя, душа моя, надеюсь до сентября-то увидеть тебя. Господь с тобою, будьте здоровы и веселы.

Твой Дельвиг.

97. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

30 августа 1829 г. Петербург

Любезнейший князь Петр Андреевич, я еще не благодарил вас за прошлогодний подарок моим «Северным цветам». Он застал меня больным. Расстройство желудочных нерв расстроило было мою голову, и я около семи месяцев страдал. «Станция» ваша опоздала, но мне хотелось исполнить ваше желание иметь особенные экземпляры ее, почему я и предложил нашей молодежи издать «Подснежник». Он вам обязан своим существованием. Теперь опять бью вам челом и прошу не оставить моего альманаха ни стихами, ни прозой. Будьте к нему благосклонны по-прежнему.— Читаете ли вы наши журналы? Вы некогда сравнивали наших критиков с торговками лоскутного ряда, теперь они перешли совершенно в фантастический мир Александра Ефимовича Измайлова [1], то есть в кабак. Сперва русскому барину, вроде Орлова-Чесменского, можно было иногда выйти и подраться на кулачки с задорными мужичками [2], теперь уж эти негодяи напились мертво пьяны, валяются в грязи и его пачкают. Бог помочь им!

Если вы не имеете известий о Пушкине, то скажу вам,

что мы получили от него письмо из Арзерума [3], в котором, пишет он, ему очень весело. Дела делает он там до⟨во⟩льно: ест, пьет и ездит с нагайкой на казацкой лошади.

От Жуковского вы получаете, верно, известия. Он толстеет и здоровеет приметно. Бедная Ольга Сергеевна все больна, боюсь — не чахотка ли у нее. Она нынче летом жила в Ораниенбауме, лечилась, но не поправилась.

Жена моя вам кланяется, я повторяю мою просьбу и желаю вам здоровья и поболее стихов, остаюсь истинно вам преданным

Дельвиг.

30 августа
1829 года.
С.-П⟨етер⟩б⟨ург⟩.

Пишите ко мне через Жуковского.

98. В ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

10 декабря 1829 г.

СПб. 10 декабря 1829

В Санкт-Петербургский цензурный Комитет
Коллежского асессора барона
Антона Антоновича Дельвига

Имею я желание с начала будущего 1830-го года издавать здесь, в С. Петербурге, Литературную газету по прилагаемой программе, из которой цензурный комитет благоволит усмотреть, что я вовсе не намерен в предполагаемом мною повременном издании касаться политики или предметов, кои не относятся собственно к словесности, наукам или искусствам. Посему покорнейше прошу оный комитет исходатайствовать мне у Главного управления цензуры дозволение на издание помянутой Газеты.

Коллежский асессор

барон Антон Дельвиг.

ПРОГРАММА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Цель сей газеты — знакомить образованную публику с новейшими произведениями литературы европейской и в особенности российской. Посему в ней постоянными

статьями будут: *оригинальные и переведенные с иностранных языков сочинения в стихах и прозе и Библиография, с рецензиею почти всех вновь выходящих российских книг и тех из иностранных, кои заслуживают особенное внимание.*

Статьи, входящие в Литературную газету, суть следующие:

1. Проза. Повести оригинальные русские и переводные; отрывки из романов; небольшие статьи о нравах, преимущественно чужеземных, заимствованные из лучших писателей, и вообще всякие собственно литературные статьи в прозе. В это отделение будут также входить статьи исторические и т. п.

2. Стихотворения. Здесь будут помещаться произведения полные или отрывки из больших стихотворных сочинений и переводов лучших современных поэтов наших.

3. Библиография российская и иностранная. В ней будет говориться о книгах, выходящих в России и в чужих краях. К известиям сим будут присовокупляться замечания, иногда довольно пространные, смотря по важности предмета и по относительному достоинству самого сочинения.

4. Ученые известия. Об открытиях, изобретениях по части наук и искусств, о замечательнейших учебных курсах, о важнейших путешествиях, изысканиях древностей и т. п. Словом: обо всем, что заслуживает внимание в ученом мире Европы и других образованных стран света.

5. Моды. Модные вещи, обычаи и т. п. К ним иногда будут прилагаться картинки. (NB. При других статьях, по принадлежности, будут также по временам находиться чертежи, картинки, географические карты и т. п.)

6. Смесь. В этом отделении будут помещаться разные известия, не относящиеся до учености и политики, новейшие анекдоты, объявления, статьи о театре; короткие замечания и т. п.

Издатель, несколько лет сряду наблюдая ход нашей так называемой журнальной полемики и видя, что она более и более доходит до последней степени неприличия, грубой личности и неуважения к публике,— признает за необходимое объявить, что в газете его не будет места бранчивым критикам, антикритикам и рекритикам. Дельные критики, даже возражения на них, имеющие в виду не личные привязки, а пользу какой-либо науки или искусства, взгляд на предметы сии с новой точки зрения или поясне-

ние каких-либо истин,— с благодарностию будут приняты в «Литературную газету». Но во всяком случае, об одном предмете или сочинении помещаться в ней будет не более двух статей.

Само по себе разумеется, что не все исчисленные выше отделения непременно будут находиться в каждом № газеты; по крайней мере, разнообразие и занимательность статей будут главнейшим предметом трудов и попечений издателя. Литературные произведения в прозе и стихах, «Библиография» и «Смесь» будут, однако ж, постоянно входить в состав каждого №.

В издании сей газеты принимают деятельное участие трудами своими весьма многие из отличнейших русских литераторов.— К известиям о книгах, особливо иностранных, будут местами присовокупляться любопытные выписки из оных.

Газета сия будет выходить чрез каждые пять дней. В течение года сих № будет издано 72. Первый № выйдет в свет 1-го января 1830 года.

Коллежский асессор

барон Антон Дельвиг.

99. М. А. МАКСИМОВИЧУ

12 декабря 1829 г. Петербург

Почтеннейший Михайла Александрович! Посылаю вам русскую песню [1]. Извините, чем богат, тем и рад. Лучше нет. Вперед угожу вам более. Если бы здоровье мое было на что-нибудь похоже, и теперь прислал бы что-нибудь важнее. О⟨рест⟩ М⟨ихайлович⟩ вас будет просить участвовать в газете нашей [2], я попрошу вас лично. Надеюсь в сем месяце с вами увидеться и наговориться. Будьте здоровы и любите вас искренно любящего и уважающего

Дельвига.

100. О. М. СОМОВ И А. А. ДЕЛЬВИГ — Н. М. КОНШИНУ

Декабрь 1829 г. Петербург

⟨*Сомов*⟩: ⟨...⟩ На 1, 2, 3 и 4-й вопросы ваши я уже отчасти отвечал; а все ли пропущено цензурой — не знаю, также и того, устал ли Деларю,— по вышеприведенной причине, т. е. что не вижусь с ним уже более недели.

На 5-й. Распределил статьи, кажется, сам б⟨арон⟩ Розен или,

может быть, дал на то полномочие М. Д. Деларю; только мне уже носят готовые 2-е корректуры. На 6-й. О нотном листке ничего не знаю. Постараюсь, однако же, при случае осведомиться у Плюшара и понудить его, если нужно.

⟨*Дельвиг*⟩: Любезный Коншин, альманах ваш будет хорош и пьесами, и наружностью, но выйдет ли к сроку — не знаю и даже сомневаюсь, если ты не прибудешь сюда и не привезешь денег. Надо деньги за портрет [1] и печатание его и виньетки, надо денег переплетчику, надо денег Плюшару, который только согласился ждать до 1-го января. А он уж не за горами. Да ты еще губишь меня медленною перепискою «Макбета» [2]. Эта медленность мне дороже стоит, нежели 80 гривен за лист, которые бы здесь я платил за переписку. Что же с вами делать, милостивые государи, за таковые поступки, что делать мне, вас искренно любящему Дельвигу?

⟨*Сомов*⟩: Вышеписавший, б⟨арон⟩ Дельвиг, даст вам обещанную пьесу [3], если сможет написать; ибо он все еще нездоров и рассержен. Имею честь быть с совершенным почтением и преданностию ваш

покорнейший слуга *О. Сомов.*

101. А. А. И С. М. ДЕЛЬВИГИ — А. П. КЕРН

Конец 1829—1830 г. Петербург

Милая жена [1], трудно давать советы. Предложения Петра Марковича [2] могут удасться и нет. И в том и в другом случае вы будете раскаиваться, как бы вы ни поступили. Повинуйтесь сердцу. Это лучший совет мой. Сониньку я нынче не отпускаю к вам. Мне неможется; притом я боюсь, чтобы в ее положении она не получила кашля [3]. Будьте здоровы.

⟨*С. М. Дельвиг*⟩:

Ma bonne amie! Ежели ты согласишься на предложение Петра Марковича, то муж поможет тебе написать верющее письмо. Я имела неосторожность сказать при нем, что у Ол⟨ьги⟩ *коклюш,* и он теперь боится, никак не соглашается меня пускать к тебе. Тебе бы написать отцу, что у тебя нет ни ума, ни времени, ни здоровья, чтобы отвечать скоро. Эту спекуляцию надобно обдумать; тут и в самом деле надобно более думать, нежели чтобы отвечать на то, что людей не на что отправлять и что ты остаешься без человека (кажется, на это он не имеет ни ума, ни времени отвечать?). Мне очень грустно, что я не могу у тебя быть.

Между тем вот тебе известие: за твой перевод дают 300 рублей.

Согласна ли ты на это? Ежели согласна, то мы сыщем писаря — ведь надобно переписать все это. Завтра, как поведут детей, я велю зайти к тебе, и ты напишешь мне ответ. А я все-таки узнаю, что возьмут за переписку. Надеюсь, что сюда не так еще скоро приедет твой о т е ц. А ⟨...⟩ * твои не могут к нему попасть. Целую тебя, мой ангел. Будь покойна. Нечего делать, коли бог дал такого отца.

102. М. А. МАКСИМОВИЧУ

Начало февраля 1830 г. Москва

«Северные цветы» приветствуют появившуюся «Денницу» [1], а садовник их желает обнять самого Люцифера [2].

103. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ И А. А. ДЕЛЬВИГ — А. С. ПУШКИНУ

1 февраля 1830 г. Москва

⟨*Вяземский*⟩:

Вот и вторая статья. Справься, так ли стих:

Les ǵens que vous tuez etc **[1].

Разделите статью по журналам, в ней рассмотренным: для каждого листа по особенному журналу, а целиком много. Должно бы сказать в примечании, что этот журнальный смотр один раз навсегда, а не будут следовать за каждою новою книжкою журналов, разве в каком-нибудь экстренном случае. Отыщи эпиграмму мою на Булгарина [2], где я жалуюсь на похвалы его, она, говорят, у барона Розена, и напечатайте ее в Газете.

1-го февраля.

⟨*Дельвиг*⟩:

Напрасно вы изволили под статьею на «Историю» Полевого [3] напечатать: продолжение обещано: все ждут его и не дождутся. Обнимаю тебя, душа моя, через неделю увидимся. Прощай.

Дельвиг.

104. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Середина апреля 1830. Петербург

Посылаю вам, любезнейший князь, несколько журналов. Если вам «Сын отечества» нужен для выписки о По-

---

* Кусок листа вырван. (*Примеч. сост.*)

** Люди, которых вы убиваете, и т. д. (*фр.*).— *Ред.*

левом [1], то, пожалуйста, напишите поскорее, не то отметьте мне, я сделаю, что вы говорили. Статью вашу пришлите с подателем сего.

Дельвиг.

⟨*Вяземский*⟩:

Пришлю вам сегодни вечером выписку и статью. Статья у Жуковского, сейчас пошлю за нею. Сделайте одолжение, скажите Сомову, что Хитрова просит обратно франц⟨узскую⟩ газету, в которой легенда, и просит извинения, что давно не видала его, говение, праздники, а теперь болезнь ее тому причина.

105. А. С. ПУШКИНУ

8 мая 1830 г. Петербург

Милый Пушкин, поздравляю тебя, наконец ты образумился и вступаешь в порядочные люди [1]. Желаю тебе быть столько же счастливым, сколько я теперь. Я отец дочери Елизаветы. Чувство, которое, надеюсь, и ты будешь иметь, чувство быть отцом истинно поэтическое, не постигаемое холостым вдохновением. Но все это в сторону. Доволен ли ты продолжением «Газеты»? Булгарин поглупел до того от «Видока», что уехал ранее обыкновенного в деревню. Но подл по-прежнему. Он напечатал твою эпиграмму на Видока Фиглярина [2] с своим именем не по глупости, как читатели думают, а дабы тебя замарать. Он представил ее правительству как пасквиль и просил в удовлетворение свое позволения ее напечатать. Ему позволили, как мне объявил цензор, похваляя его благородный поступок, разумеется, не зная, что эпиграмма писана не с его именем и что он поставил оное только из боязни, чтобы читатели сами не нашли ее эпиграммою на него. Не желая, чтобы тебя считали пасквилянтом, человеком, делающим противузаконное, я подал в высшую цензуру просьбу, чтобы позволили это стихотворение напечатать без ошибок, ⟨а⟩ тебя прошу оправдаться пред его величеством. Государю, тебя ласкающему, приятно будет найти тебя правым. Вот как искательные подлецы часто могут марать добрых людей, беспечных по незнанию их мерзостей и уверенных в чистоте своих намерений и действий. Будь здрав. Целую ручку у милой твоей невесты. Жена и дочь тебе кланяются. Прощай.

Дельвиг.

8-го мая.

106. Н. М. КОНШИНУ

8 мая 1830 г. Петербург

Милый друг Николай Михайлович, поздравь меня. Нам бог дал вчера дочь Елизавету. Прошу тебя и любезнейшую Авдотью Яковлевну полюбить ее и рекомендуйте ее вашей девушке в подружки [1]. Жена моя вам свидетельствует почтение. Она счастливо родила, и здоровье ее хорошо до сих пор. Прощай, душа моя, будь здоров и люби искренно тебя любящего

Дельвига.

8-го маия
1830
СПб

107. А. П. ЕЛАГИНОЙ-КИРЕЕВСКОЙ

18 июня 1830 г. Петербург

Милостивая государыня
Авдотья Петровна.

Позвольте мне рекомендовать вам моло⟨дого⟩ * поэта нашего Михайла Даниловича Деларю. Он ⟨п⟩росил меня познакомить его с матерью ми⟨лого?⟩ ⟨ден⟩ничного обозревателя русской литературы. Жена моя не перестает со мною воспоминать ⟨о⟩ вашем милом обществе. Она препоручила м⟨не⟩ уведомить вас о нашей радости, у нас родилась дочь. Баратынский, я думаю, вас об этом прежде уведомил, ежели здоровье его позволяет выезжать. ⟨Мне⟩ пишут, что он все хворает. «Макбет» [1] еще не напечатан, причину вам расскажет Деларю. Сделайте ми⟨лость⟩, познакомьте молодого певца петербургского с Языковым, который, кажется, в Москве и следственно вас видит. Я имею известия от Александра Ивановича Тургенева, он получил мою газету, читал в ней о «Деннице» [2] и горит нетерпением познакомиться с вашим сыном. Он пишет: «скажите Жуковскому, чтобы он посылал его скорее в Париж, его талант найдет здесь окончательное образование. Желаю скорее обнять его, а пока пришлите «Денницу». «Денницу» мы послали, а не могли сказать, когда он будет в Париже. Каково здоровье любезнейшего Алексей ⟨Андрее⟩вича? В Москве ли он? Ходит ли смотр⟨еть?⟩ ⟨как?⟩ Полевой бесится и жжет книги своей ⟨«Истории»?⟩ [3]. Где

* Текст испорчен. *(Примеч. сост.)*

бы он ни был, доставьте ему наши дружеские ⟨уве⟩рения в почтении и любви к нему. Извините, что вам скучаю моим письмом. Простите моему эгоизму, мне приятно говорить хоть письменно с вами. Будьте здоровы и счастливы! вот желан⟨ие⟩ искренно вас уважающего и готового всегда быть вашим покорным слугою

барон Дельвиг

18 июня 1830 года
СПбург.

108. Ф. Н. ГЛИНКЕ

18 июля 1830 г. Петербург

Радуюсь душевно, любезнейший и почтеннейший Федор Николаевич, что вы в Твери [1]. Теперь у нас есть приятнейшая надежда вас видать и видеть часто людей, вас видающих. Кто не ездит в Москву из Петербурга и обратно? Кто из добрых людей не посмотрит на вас и не привезет к нам об вас весточки? Я долго не писал к вам по очень неприятной причине: я более года был болен, и главная болезнь моя была ипохондрия. Мне скучно было скучать другим, я один проскучал все время и теперь начинаю опять разгуливаться. Жена моя препоручила мне объявить своему милому родному о нашей радости: у нас родилась дочь Елисавета. Полюбите нашу гостью, она с развитием понятия полюбит вас сердечно. Письмо сие вам доставит ваш старый знакомец Лев Пушкин [2]. Он вам скажет словесно, как мы все вас любим и как рады, что можем вас иногда и видать. Дай бог, чтобы строки сии нашли вас здоровым и, сколько возможно, счастливым; во мне же вы всегда найдете человека вас искренно любящего, любящего и любящего. Прощайте.

Ваш Дельвиг.

109. К. М. БОРОЗДИНУ

24 августа 1830 г. Петербург

Статья, помещенная мною в 45 № «Литературной газеты», прислана была ко мне в городскую квартиру без подписи сочинителя. Не видя в ней ничего предосудительного, я подал оную на рассмотрение цензуры, которая, вероятно, как и я, не нашла ее заслуживающею быть остановленной и на другой день ее пропустила [1]. Если бы я что-нибудь видел в статье сей сомнительное, осмелился ли бы

я представить ее в цензуру и искать позволение ее напечатать?

Барон *Антон Дельвиг,* издатель «Литературной газеты».

24 августа
1830 года.

110. М. Д. ДЕЛАРЮ

Конец октября 1830 г. Петербург

1. Эдемская ночь? — Сев. цветы
2. Выздоровление? —
3. Глицере? —
4. Слава нечес.⟨тивца⟩? —

все четыре пьесы прекрасны и за все благодарю милого Поэта. Особливо «Выздоровление» дышит высокою лирическою поэзией, звуками, подобных которым я давно не слыхал. Пишите, милый друг, доверяйтесь вашей Музе, она не обманщица, она дама очень хорошего тона и может блестеть собственными, не заимствованными красотами. Барон Розен у меня бывает всякий день и в рассеянии не заметил, что я хвораю. Он мне говорил, что вы его спрашивали обо мне и он отвечал, что я здоров. Не верьте ему, если бы мне можно было выходить, давно бы вы меня видели у вас. Целую ручку у почтеннейшей вашей маминьки и поклонитесь Даниилу Андреевичу. Всем вам желаю здоровья. Здравствуйте.

Дельвиг.

111. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

29 октября 1830 г. Петербург

Милый князь Петр Андреевич. Желаю, чтобы письмо сие застало вас спокойным и здоровым. Хорошо ли вы делаете, что живете не в Москве? [1] Хорош ли у вас доктор? Это нас беспокоит. Впрочем, не смеем вам ничего советовать, следуйте первым внушениям. В нас есть темное чувство самооберегания, которое обнаруживается прежде рассуждения, и к которому прислушиваться не бесполезно. Не унывайте только душой. Для рассеяния же пишите. Вспомните, какие славные сказки во время чумы рассказывали в «Декамеронах» Бокачио! Ознаменуйте же холеру чем-нибудь подобным, и она не тронет последнего раба вашего. Пушкин наконец дал о себе весть [2]. Он в Ниже-

городской деревне и сбирается в Москву, в которую, вероятно, его не пустят. Левушка в Москве, он живет с Нащокиным. Газета наша выходит по-прежнему. Почта равно все журналы дурно доставляет. Нумера недостающие я пришлю не прежде конца холеры. Посылки не принимаются в Москву. У меня переплетен для вас 1-й том. Теперь собираю и уже начал печатать «Северн⟨ые⟩ цветы». Соберите несколько ваших стихов и, если есть, прозы и пришлите мне. Очень одолжите меня. Прозу княгини Зенеиды [3] я помещу в «Северн⟨ые⟩ цветы». Остальные №№ ей посланы. Шевырев вам кланяется. Он обещал прислать мне прозы. Ваш «Адольф» [4], я думаю, уже переписан и отдан в ценсуру. «Борис Годунов» печатается. Торговля книжная упала. Никуда почти нельзя посылать книг. Все оцеплено. Холера много вреда принесет, кроме смерти. Оставаться бы ей в Индии. Михайла Александрович пишет к нам через день. Он здоров, но воображение его поражено. Нет подле него человека, который бы развлекал его. Баратынский обещал мне прислать отрывок из поэмы своей, но еще не присылает [5]. Вы были при похоронах Василия Львовича [6]. Что бы об нем сказать что-нибудь! Туманский Василий здесь, он вам кланяется. Языков прислал мне прекрасную элегию на смерть няни Пушкина [7]. Пушкин в деревне много написал. Не знаю, куда к нему писать. Если его увидите прежде моего письма к нему, попросите его, чтобы он поспешил прислать мне свой запас для моего альманаха. Молчанов, Плетнев, барон Розен и Сомов вам кланяются и желают здоровья.

Не унывайте, любезнейший князь, пишите и верьте в мое счастие. Кого я люблю, те не умирают.

Ваш Дельвиг.

29 окт⟨ября⟩ 1830 г.

112. К. М. БОРОЗДИНУ

31 октября 1830 г. Петербург

Милостивый государь Константин Матвеевич!

На почтеннейшее отношение вашего превосходительства за № 239 сим имею честь ответствовать, что четыре стиха известного французского поэта Казимира де ла Виня [1], напечатанные в № 61 издаваемой мною «Литературной газеты» и подавшие повод к запросу г. генерал-адъютанта Бенкендорфа [2], доставлены мне от неизвестного,

как произведение поэзии, имеющее достоинство новости. А как «Литературная газета» имеет в виду сообщать единственно новости чисто литературные, без всякого их применения к обстоятельствам или отношениям каким бы то ни было, что читатели могли заметить из доселе вышедших №№ оной,— то я и представил сие четверостишие на рассмотрение цензуры законным порядком, быв убежден, что в нем ничего нет противного Цензурному уставу. Доводя сие до сведения вашего превосходительства, с совершенным почтением и преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим слугою

барон А. Дельвиг.

Октября 31-го дня
1830 года.

113. К. М. БОРОЗДИНУ

15 ноября 1830 г. Петербург

Милостивый государь Константин Матвеевич.

Объявленное мне высочайшее его императорского величества повеление о запрещении мне издавать «Литературную газету» я получил, и о сем честь имею уведомить ваше превосходительство, пребывая к вам с истинным почтением и глубочайшею преданностию, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга

барон А. Дельвиг.

15-го ноября 1830 года.

114. А. С. ПУШКИНУ

Около (не позднее) 17 ноября 1830 г. Петербург

С получением сего письма, радость душа моя, садись за бумагу и напиши мне все пьесы, для «Северных цветов» тобою приготовленные. Нынче они мне помогут более, чем когда-нибудь. «Литературная газета» выгоды не принесла и притом запрещена за то, что в ней напечатаны были новые стихи Делавиня. Люди, истинно привязанные к своему государю и чистые совестию, ничего не ищут и никому не кланяются, думая, что чувства верноподданнические их и совесть защитят их во всяком случае. Неправда, подлецы в это время хлопочут из корыстолюбия марать честных и

выезжают на своих мерзостях. Булгарин верным подданным является, ему выпрашивают награды за пасквили, достойные примерного наказания, а я слыву карбонарием, я русский, воспитанный государем, отец семейства и ожидающий от царя помощи матери моей и сестрам и братьям [1].

Целую тебя, душа моя, и жду от тебя утешения, то есть не уверений в участии, я знаю, что ты меня любишь, но стихов, стихов, стихов! Мне надо их! Слышишь ли, болдинский помещик!

Прощай.

Твой Дельвиг.

115. О. М. СОМОВУ

19 ноября 1830 г. Петербург

Милостивый государь Орест Михайлович!

По распоряжению высшего начальства сообщено мне запрещение издавать «Литературную газету»; но как запрещение сие относится лично ко мне, а не к изданию помянутой газеты от других лиц, то я, сообразно изъявленному вами желанию, предоставляю вам право испрашивать позволение на издание оной газеты от вашего имени. Вместе с сим передаю вам все сделки по оному изданию, счеты с типографией и бумажною фабрикой действительной статской советницы Кайдановой, требования газетной экспедиции С.-Петербургского почтамта с именами подписчиков на сей и на будущий 1831-й год; во всех же понесенных мною издержках признаю себя вполне от вас удовлетворенным. С истинным почтением имею честь быть вашим покорным слугой

барон Дельвиг.

1830 года
19 ноября.

116. П. И. ШАЛИКОВУ

11 декабря 1830 г. Петербург

Милостивый государь
князь Петр Иванович.

Объявление о вашем журнале [1] «Литературная газета» приняла с радостью, в пятницу оно будет напечатано. Благодарю вас, любезнейший князь, за приятнейшее письмо ваше, но второе поручение ваше не могу исполнить [2]. «Меркурий» ругает всех с голоду. Ему хочется, чтобы с ним

бранились честные благородные люди. Он полагает через это получить несколько лишних подписчиков. Это нищий, желающий наглостию выиграть несколько копеек. Я не святой человек, не могу слепо подавать милостину. Кроткому бедняку подам грош, а мерзавца пьяницу оберну да и в затылок. Оставьте его собственной его мерзости. Ваше молчание убьет его, как молчание «Литературной газеты» его убивает. Не примите, любезнейший князь, моих советов в дурную сторону. Я осмеливаюсь вам советовать единственно потому, что вы не знаете Рюмина, а я его знаю.— Прошу вас, напечатайте в «Московских ведомостях» [3] приложенное при сем объявление о «Л⟨итературной⟩ Г⟨азете⟩». Мое почтение любезнейшей княгине вашей.

Будьте здоровы и верьте искренному почтению, с которым всегда остаюсь вашим покорнейшим слугой

б⟨арон⟩ Дельвиг.

11 декаб⟨ря⟩
1830.

117. А. Н. ОЛЕНИНУ

24 декабря 1830 г. Петербург

Милостивый государь
Алексей Николаевич!

Оба почтеннейшие отношения вашего превосходительства я получил, но не отвечал доселе потому, что, живя трудами моими, до сих пор не нахожусь в возможности исполнить мою обязанность, вами мне объявленную. Никогда в мысли мои не приходило, чтобы сделать что-нибудь неугодное вашему превосходительству, всегда мною истинно уважаемому! Надеюсь в конце нынешнего месяца или много-много в начале будущего января доставить вам должную мною сумму. Я не отказываюсь, но нужда заставляет меня медлить.

С истинным почтением и глубочайшею преданностию честь имею быть вашего превосходительства милостивого государя покорнейшим слугой

барон Дельвиг.

24 декабря
1830 года.

ПРИЛОЖЕНИЯ

РАННИЕ РЕДАКЦИИ И ПЛАНЫ

«СТИХОТВОРЕНИЯ БАРОНА ДЕЛЬВИГА»

18. ЛИЛЕЯ

Оставь, о Дорида, на стебле лилею;
Она меж цветами прелестна как ты:
Пусть тихо зефиры колеблются с нею
И рой легкокрылый сбирает соты!
Она наклонилась к фиалке счастливой;
Над ними трепещет златой мотылек;
Блистая любовью, ручей говорливый
На струйках рисует любимый цветок.

Дорида, Дорида! любовью все дышет;
Блаженство вкушает природа с весной;
Чуть воды струятся, чуть ива колышет
И зелень мешает с веселой волной:
Но ты неподвластна природы закону!
С победой Эроты летят пред тобой;
Вокруг не внимая печальному стону,
Ты узников гордо ведешь за собой.

РМ, 1815, № 3

26. РОМАНС

Одинок в облаках месяц плыл туманный.
Одинок воздыхал в поле витязь бранный.

По траве вкруг него конь бродил уныло.
«Добрый конь, верный конь! Понесемся к милой!

Не к добру сердце мне что-то предвещает,
Не к добру грудь моя тяжко воздыхает;

Не к добру, спутник мой, бродишь ты уныло.—
Добрый конь, верный конь! Понесемся к милой!»

Конь вздрогнул. Ты душой смутен, витязь бранный!
Быстро мчит конь тебя к стороне желанной!

Мчись, лети! но настиг рок тебя суровый —
Конь заржал, конь взвился над могилой новой!

НЛ, 1822, № 14, с. 31—32

37. ЦЕФИЗ

Мы еще молоды, братец, на плечах кудри виются,
Рдеют как яблоко щеки и алые губы пушатся
При благовонном дыханьи прелестных: но скоро наложит
Хладную руку на нас безотрадная старость, и дева
Не поцелует седых, и, локтем подругу толкая,
Скажет с улыбкой: «Лиза, вот бабушкин милый любовник!»
Ну, как же щеки румяны, как густы волнистые кудри!
Голос его соловьиный, взор его прямо орлиный!
Смейся, красавица, смейся! и мы веселились, бывало,
Но все проходчиво в мире, одна непроходчива дружба.
«Здравствуй, любезный Филинт! Уж давно мы с тобой не видались.
Благословляю тот день, который тебя возвратил мне,
Добродетельный старец! О! с тех пор твои кудри
Старость нескупо осыпала снегом. Приди же к Цефизу
И насладися прохладою тени. Тебя призывает
Сочный в саду виноград и плодами румяная груша!»
Так говорил, обнимая Цефиз давнишнего друга
И, пожимая рукою, провел его в сад изобильный.
Бедный Филинт вкушал и хвалил благовонные груши,
И Цефиз, улыбаясь, воскликнул: «Будь ныне, приятель,

Дерево это твое! А я от холодной метели
Буду прилежно его укутывать теплой соломой.
Пусть оно для тебя цветет и плодом богатится!»
Но не Филинту оно и цвело и плодом тяготилось,
И воздыхая Цефиз желал умереть столь же бедным
И добродетельным старцем, как он был.— Под желтою грушей
Похоронил он Филинта и холм увенчал кипарисом.—
Часто он слышал, когда отражала луна от деревьев
Длинные тени, священное листьев шептанье;
Часто в могиле таинственный глас отдавался. Он, мнилось,
Был благодарности глас. И небо усыпало рощи
Изобильно Цефизу плодами и гроздем прозрачным.

ПЛ, с. 151—152

57. ХАТА

Ночь, ниспустися на дол, на лес, на высокие горы!
Ветер осенний, бушуй вкруг хаты прекрасной Лилеты!
Месяц, мне путь не свети, когда заблудится любовник,
Счастье вкусить идучи!

Тише, дверь, отворись! о Лилета, твой милый с тобою!
Белой, лилейной рукой уж к сердцу его прижимаешь.
Что же робкий твой взор со трепетом бродит во мраке,
Или твой Аргус не спит?

Бог сновиденья, Морфей, будь защитою нежной подруги!
Сны, готовые нас разлучить до прекрасного утра,
Соединяся в толпу, окружите вы жесткое ложе
Аргуса милой моей.

Если же боги мольбу отринете друга Лилеты,
Сердцем и небом клянусь врага поразить перед нею!
И на бессмертных пойду! Их громы любви не ужасны:
Взоры Лилеты мой щит.

Розовой цепью веди, о юность, два нежные сердца!
Пусть унывает богач, не зная с прелестными счастья;
Мы не в палатах златых, но в хате соломой укрытой —
Будем счастливей его.

РМ, 1815, № 8

58. РОМАНС

«Сегодни я с вами пирую, друзья,
Мой голос ваш хор оглашает!
А завтра, быть может, там буду и я,
Где древний Адам обитаст!» —

Я так беззаботным друзьям говорил,
Беспечности баловень юный,
(Но рано я сердцем печали вкусил,
И грусть мои строила струны).

Друзья мне смеялись, и, свежий венец
На кудри мои надевая,
«Стыдись,— восклицали,— мечтатель-певец!
Изменит ли жизнь молодая!»

Война запылала, все други мои
К знаменам родным полетели —
Но к матери дряхлой законы любви
Мне с ними расстаться велели.

В бездействии тяжком я думой следил
Их битвы — предтечи победы;
Их славою часто я первый живил
Родителей грустных беседы.

Года пролетали, я часто в слезах
Был черной повязкой украшен...
Брань стихла, где ж други? лежат на полях
У рушенных силой их башен.

С тех пор я чуждаюсь бывать на пирах,
Где все мне твердит про былое,
Фиал в престарелых трепещет руках,
Мне страшно веселье чужое!

Автограф ИРЛИ

59. К МАЛЬЧИКУ

(1 редакция)

Мальчик, Феба встретить должно
В торжестве друзьям пиров!
Принеси же осторожно

И скорей из погребов,
Матерь чистого веселья,
Влагу смольную вина,
Чтобы мы во мгле похмелья
Не нашли в фиале дна.

Не забудь края златые
С плющем розами увить!
Весело в года седые
Чашей молодости пить,
Весело, хоть на мгновенье,
Грезами наполнив грудь,
Обмануть воображенье
И — приятно воздохнуть.

Автограф ИРЛИ

60. ДАФНА

Мне минуло шестнадцать лет,
Но сердце было в воле!
Я мало знала божий свет,
Лишь бор, цветы и поле.

К нам юноша пришел в село,
Ах, сердцу ангел милый!
И все с прекрасным ожило,
Лишь я лишилась силы.

И темно-русые власы
Вкруг шеи овивались,
Как мак сияет от росы,
Сияли, рассыпались.

И взоры пламенны его
Мне что-то изъясняли,
Мы, не сказавши ничего,
Уже друг друга знали.

Как с розой ландыш — бел он был,
Милей его не знала!
Он мне приятно говорил,
Но слов не понимала!

Куда пойду, и он за мной,
Мне руку пожимая!
Увы! и ах! твердил с тоской
От сердца воздыхая.

«Что хочешь ты?» — спросила я
У милого с слезами;
И обнял с жаром он меня
Прекрасными руками.

Желала я его обнять,
Но рук не поднимала,
На груди потупила взгляд,
Бледнела, трепетала.

И слова не сказала я!
Почто ж ему сердиться?
Почто ж оставил он меня?
Когда же возвратится?

(Из Клаудия)

ВЕ, 1814, № 22

61. РОМАНС

— Дедушка! — девицы
Раз мне говорили,—
Нет ли небылицы
Иль старинной были?

— Как не быть! — уныло
Красным отвечал я,—
Сердце вас любило,
Так чего не знал я!

Было время! где вы,
Годы золотые!
Как пленяли девы
В наши дни былые!

Уж они — старушки,
Но от них порою
Много на подушки
Слез пролито мною.

Душу всю сжигали
Их уста и очи,
И без сна бывали
Долгие мне ночи.

— Дедушка! — толпою
Девушки вскричали,—
Видим мы, тобою
Бабушки играли!

Жаль нам деда! Злые,
Вот над кем шутили!
Нет, мы не такие,
Мы б тебя любили!

— Вы б любили? Сказки!
Веры мне неймется!
Видя ваши ласки,
Дедушка смеется!

СП, 1820, кн. 12, с. 22

62. К ДИОНУ

Сядем, любезный Дион, под сенью зеленыя рощи,
Где, прохлажденный в тени, сверкая, стремится источник!
Там позабудем на время заботы мирские — и Вакху
Вечера час посвятим!

Мальчик, наполни фиал фалернским вином искрометным!
В честь вечноюному Вакху очистим мы дно золотое.
В чаше, обвитой венком, принеси дары щедрой Помоны,
Вкусны, румяны плоды!

Тщетно юность спешит удержать престарелого Крона,
Молит с слезами его,— не внимая, он далее мчится;
Маленький только Амур песни поет и, Сатурна
За руку взявши, бежит.

Что нам в жизни сей краткой за тщетною славой гоняться —
Вечно в трудах только жить — не видеть веселий до гроба?
Боги для счастия нам и веселия дни даровали,
Для наслаждений любви!

Будь в хороводе девиц белогрудых — с ними пляши и резвися,
Песни веселые пой Аполлону и девственным музам —
И твоя жизнь протечет, как быстро в зеленой долине
Скачущий светлый ручей.

Будем под тению лип здесь в летние дни прохлаждаться.
Пусть за слепою Филон Фортуной гоняется вечно!
Пусть и обнимет ее! Но скоро, Сатурном достигнут,
Он под косою падет.

Что нам богатства искать? Им счастья себе не прикупим.
Всех на одной ладие, и бедного Ира, и Креза
В темное царство Плутона чрез волны клубящего Стикса
Старый Харон отвезет.

Сядем, любезный Дион, под сенью зеленыя рощи,
Где, прохлажденный в тени, сверкая, стремится источник!
Там позабудем на время заботы мирские — и Вакху
Вечера час посвятим!

ВЕ, 1814, № 15, с. 189

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИК 1829 ГОДА

11. СТАРИК

Хлоя старика седого
Захотела осмеять;
Вместо парня молодого
Приласкать и в гости звать.

Вот покрыла ночь долину,
Тень простерлась на лугах;
Видит Хлоя старичину
С длинной лестницей в руках.

Тихо крадется к окошку,
Ставит лестницу — и вмиг,
Протянув сухую ножку,
К милой полетел старик.

К месту близок дорогому —
И в морщиночке слеза!
Хлоя зеркало седому
Прямо сунула в глаза:

И любовник спотыкнулся,
Будто грянул сильный гром,
С криком в три дуги согнулся
И считает бревны лбом.

Поутру она спросила:
«Что же, милый, не бывал?
Уж не я ль тебя просила
И не ты ли обещал?»

Зубы в зубы ударяя,
Он со страхом отвечал:
— Домовой меня, родная,
У окна перепугал.—

Старики! теперь внимайте,
Наставленье от меня:
Вас любить не заставляйте,
Коль пугаетесь себя!

ВЕ, 1814, № 22

21. ТИХАЯ ЖИЗНЬ

Блажен, кто за рубеж наследственных полей
Ногою не шагнет, мечтой не унесется;
Кто дышит в родине и с милою своей
Как весело заснет, так весело проснется.

Кто молоко от стад, хлеб с нивы золотой
И мягкую волну с своих овец сбирает;
Кому зеленый бук трещит в огне зимой
И сон прохладою в день летний навевает.

Спокойно целый век прокатит он, трудясь,
Полета быстрого часов не примечая,
Устанет наконец, зевнет, перекрестясь,
Протянется, вздохнет да и заснет, зевая.

Так жизни Дельвига безвестно пролететь.
Не плачь, Эмилия! о други! веселиться!
Там, говорит Вильгельм, мы будем гимны петь,—
Давайте ж мне фиал — здесь надобно напиться!

ПЛ, с. 156—157

23. ДИФИРАМБ

(1816. 15 апреля)

Либер, Либер! я шатаюсь,
Все вертится предо мной,
Дай мне руку — и с землей
Я надолго распрощаюсь!

Милый бог! подай покал,
Не пустой и не с водою,—
Нет, с той влагой золотою,
Чем я горе запивал!

Зол Амур, как мил собою,
Так умно ль водиться с ним!
С шалуном свяжись таким —
И прощайся с головою.

Но Амур не страшен нам!
Лишь вино в покал польется,
Он уж смирен, он смеется
И все стрелы пополам!

Им и девы вспламенились,
Грудь восторгом налилась,
И неверные, томясь,
На любовников склонились.

Так тебе, о Вакх, молюсь,
Вечноюный, светлоокий,
Дай мне чашу — и с жестокой
Я, как прежде, обнимусь.

Автограф ИРЛИ

25. ПЕРЕМЕНЧИВОСТЬ

Все изменилось, Платон, под скипетром лютого Крона,
Нет просвещенных Афин, Спарты следов не найдешь,
Боги покинули греков, греки забыли свободу
И униженный раб ⟨топчет⟩ могилу твою.
Все еще мало, внемли: и Республику ты не узнаешь.
Я поэт, но ее не оставляю душой.

ПЛ, с. 199; РП, с. 87

31. ТОГО УЖ НЕТ

Бывало, я на все сердился,
Игрушки портил, бил,
Еще весь гнев не проходил,
Как я стыдился.

Того уж нет! вот я влюбился,
Томленьем грудь полна!
Бывало, взглянет лишь она —
И я стыдился.

Того уж нет! вот я женился
На молодой вдове,
Но глядь — рога на голове:
Я застыдился.

Того уж нет! вот я явился
В собраньи с париком
И все трунят над стариком
Смерть как взбесился!

ПЛ, с. 159

32. ЛЮБОВЬ

Что есть любовь? прелестный сон,
Собрание очарований:
Любовник посреди мечтаний
То издает печальный стон,
То чувствует в груди волненье,
Кидает руки за мечтой,
И оставляет сновиденье
С расстроенною головой.

РП, с. 80

33. НАДПИСЬ НА МОЙ ПОРТРЕТ

Не бойся, Глазунов! ты моего портрета,
Он скоро с рук сойдет, хоть я не генерал.
К чему лишь говорить, что он портрет поэта?
Карикатурой ты давно б его продал.

Изд. 1934, с. 467

34. МАДРИГАЛ

Могу ли я забыть то сладкое мгновенье,
Когда я вами жил и видел только вас —
И вальса в бешеном круженье
Завидовал свободе дерзких глаз?
Я умолял: постой, веселое мгновенье!
Вели, чтоб быстрый вальс вертелся не вертясь,
Чтоб я не опускал с прекрасной вечно глаз
И чтоб забвение крылом покрыло нас.

ПЛ, с. 211

39. ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Други! пусть года несутся:
О годах ли нам тужить,
Коль не все и лозы вьются?
Но скорей и пить, и жить.

Громкий смех над лекарями
При плесканьи полных чаш:
Верьте мне, Игея с нами,
Сам Лиэй целитель наш.

Пенный Мозель восхищенье
Изливает в нашу кровь;
Пейте ж с ним вы утешенье
И болтливую любовь!

Выпили? Еще! кругами
Рдеет радость на щеках.
Порх! Амур забил крылами,
И мы дремлем на цветах.

ПЛ, с. 158—159

42. РАЗГОВОР С ГЕНИЕМ

Кто ты, светлый сын небес,
Светлоокий, быстрокрылый?
Кто тебя в сей мрачный лес,
Сей скалы в вертеп унылый,
Под обросший мхами свод,
К бездне, где с начала мира
С гор до дна поток ревет,
Приманил от стран эфира?

Что твой пламенник погас?
Что глава к плечу клонится?
Что слеза потухших глаз
На реснице серебрится?
Почему твое чело
Потемнело, развенчалось?
Иль орлиное крыло
От паренья отказалось?

Но найдешь и на земле
Ты веселое жилище:
Вот, где розы расцвели,
Там родное пепелище;
Там страна, где я расцвел,
Где, баюканный мечтою,
Я любовь и радость пел,—
Побежим туда со мною.

Я не бог, и в сих местах,
Посвященных опустенью,
Чувствую холодный страх;
Содрогаюся биенью
Сердца робкого в груди;
Здесь я как-то заблудился.
Добрый бог, со мной пойди
В те места, где я родился.

«Юноша! уж отцвели
Для тебя младые розы,
Из родного той страны
Ждут тебя о прежнем слезы;
Колыбель твою качать
Там любовь не преставала;
Но не жди, чтоб нежна мать
О тебе в слезах мечтала.

Чтоб младенца слово *брат*
Тайно лепетать учила,
Чем отца внезапный взгляд
Прояснила б, ослезила;
Ты увидишь хоровод,
И веселый, и невинный,—
Не сестра его ведет
Подле хижины пустынной.

Рок привел к чужой стране
Челн с твоей семьей родимой:
Может, горести одне
Примут в пристань их незримо;
Может... Но ты обоймешь,—
Верь надежд во исполненье,—
Мать, отца, всех, кем живешь,
С кем и муки наслажденье.

Но меня ужели ты
Не узнаешь? я — твой гений!
Я учил тебя мечты
Напевать в домашней сени;
Сколько смертных, столько нас;
Мы посланники Зевеса,
Охраняем, любим вас
От пелен до врат Айдеса.

Но скажи, ужель судьбе
Нам покорствовать не больно?
Не привязанный к тебе,
Я б, как неба житель вольный,
Полетел к родной стране,
К ним — к товарищам рожденья,—
С кем в священной тишине
Я вздохнул для наслажденья.

Вам страдать ли боле нас?
Вы незнанием блаженны:
Часто бездна видит вас
На краю, а напененный —
С криком радости — фиал
Обегает круг веселый;
Часто гений ваш рыдал,
А коварный сын Семелы,

С Купидоном согласясь,
Вел, наставленный судьбою,
Вас, играя и смеясь,
К мрачной гибели толпою.
Будем тверды! перейдем
Путь тяжелых испытаний!
Верь, когда-нибудь найдем
Мы покой с концом страданий!»

СП, 1820, № 6, с. 303

46. ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЬ ВОСПИТАННИКОВ ИМП. ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ЛИЦЕЯ

Шесть лет промчалось, как мечтанье,
В объятьях сладкой тишины,
И уж Отечества призванье
Гремит нам: *шествуйте, сыны!*

Тебе, наш царь, благодаренье!
Ты сам нас, юных, съединил
И в сем святом уединенье
На службу музам посвятил.
Прими ж теперь не тех веселых
Беспечной радости друзей,
Но в сердце чистых, в правде смелых,
Достойных благости твоей.

Шесть лет и проч.

О матерь! вняли мы призванью!
Кипит в груди младая кровь;
Длань крепко съединилась с дланью,
Связала их к тебе любовь.
Мы дали клятву: все родимой,
Все без раздела, кровь и труд!
Готовы в бой неколебимо,
Неколебимо в правды суд!

Шесть лет промчалось и проч.

Благословите положивших
Святый Отечеству обет
И с детской нежностью любивших
Вас, други первых наших лет!

Мы не забудем наставлений,
Плод ваших опытов и дум,
И мысль об них, как некий гений,
Неопытный поддержит ум.

Простимся, братья! руку в руку!
Обнимемся в последний раз!
Судьба на вечную разлуку,
Быть может, породнила нас!

Друг на друге остановите
Вы взор с прощальною слезой!
Храните, о друзья, храните
Ту ж дружбу с тою же душой!
То ж к правде пылкое стремленье,
Ту ж ко трудам живую кровь!
В несчастье — гордое терпенье
И в счастье — всем равно любовь!

Шесть лет промчалось, как мечтанье,
В объятьях сладкой тишины,
И уж Отечества призванье
Гремит нам: *шествуйте, сыны!*
Простимся, братья! руку в руку!
Обнимемся в последний раз!
Судьба на вечную разлуку,
Быть может, породнила нас!

СО, 1817, № 26, с. 260

52. К ЯХОНТОВУ

Не мило мне на новоселье,
В нем все увяло, там цвело;
Одно и есть мое веселье
Увидеть Царское Село.
Вот перевод, мой друг, с Бояна,
Он часто правду говорил:
Цветку милей своя поляна,
Куда он ветром кинут был,
Чем яркие края стакана,
Где бедный вянет у окна.
И пусть, оставив ложе сна,
Подруга радости Светлана
Не налюбуется цветком

В высоком тереме своем,
И сорванную нежно ею
К младой груди прижмет лилею,
Моля ее не увядать,
Увянет, а Дагода[1] страстный
В сухих листках шепнет прекрасной:
Что сожалеть, зачем срывать.

Изд. 1934, с. 472

55. К ОЛИНЬКЕ

Олинька, под тень дубравы,
Псол где вьется в берегах,
Приходи! Мне бог забавы
В трех уже являлся снах!

Мрачный, две стрелы на луке
К двум он метил сторонам:
Поспеши! то знак разлуке!
Как таким не верить снам?

Долго ль, милая, на муки
Отвечать невинно мне?
Кинься в пламенные руки,
Сладкой вверься тишине!

Верь тому, что я открою!
Время с крыльями! лови!
Иль оно умчит с собою
Много тайного в любви!

Бойся матерь и Гимена!
За решеткой и замком
Знает разницу Климена
Быть в венке иль под венцом.

Изд. 1934, с. 494

---

[1] Зефир (примечание Дельвига: первоначально в рукописи было «Погода».— *Примеч. сост.*).

61. УТЕШЕНИЕ БЕДНОГО ПОЭТА

Славы громкой в ожиданье
Много я терплю,
Но стихов моих собранье
Все хранить люблю.

Мне шепнули сновиденья:
«Закажи ларец,
Спрячь в него свои творенья,
Их залей в свинец;

Пусть лежат — чрез многи лета
Знай: придет пора,
И четыре факультета
Им вскричат *ура!*»

Жду и верю в исполненье:
Пролетят века,
И падет на их творенье
Времени рука.

Пышный город опустеет,
Где я был забвен.
И река зазеленеет
Меж упадших стен.

Суеверие духами
Башни населит,
И о прошлом со дворцами
Ветр заговорит.

Уж покинет вдохновенье
Здешний храм наук,
И стихи мои в забвенье
Мой оставит внук.

Но напрасно сожаленье —
Что для солнца тень?
У лапландцев просвещенье
Заблестит, как день.

К нам ученые толпою
С полюса придут
И счастливою судьбою
Мой ларец найдут.

В заседаньи, осторожно
Свиток разверня,
Весь прочтут — и, сколь возможно,
Вознесут меня.

Вот Дион * — о! сам Гораций
Подражал ему!
А Лилета ** — дело граций,
Образец уму.

Сколько прений появится:
Где, когда я жил?
Был ли слеп, иль мне родиться
Зрячим бог судил?

Кто был Лидий? Где Темира
С Дафною цвела?
Из чего и даже лира
Сделана была?

Словом, я от них узнаю,
Лежа в облаках,
То, чего не прочитаю
В Ш⟨тиллинга⟩ мечтах.

Что ж вы, други? Обнимите
С радости меня!
Вы ж, зоилы, трепещите,
Помните, кто я!

СП, 1819, № 11, с. 96—98

---

* Название одного стихотворения автора сей пиэсы.
** Так же.

69. К КУПИДОНУ С ЛИРОЮ, СИДЯЩЕМУ НА ЛЬВЕ

Что не творит Купидон и могущая лира, он грянет —
И африканский лев тихо ступает под ним.
Их ваятель узрел, ударил о камень, и камень
Гения сильной рукой в образе их оживлен.

Автограф ИРЛИ

107. ⟨РУССКАЯ ПЕСНЯ⟩

И я выду ль на крылечко
На все стороны взглянуть,
На крылечке у колечка
О бывалом вспомянуть.

Уж как это ли колечко
Он, прощаяся, держал,
Уж как вещее ль словечко
С уст сахарных выронял.

⟨...⟩

Автограф ИРЛИ

ПРОЗАИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ ИДИЛЛИЙ

КУПАНЬЕ

«Вот и расплакался и не слушаешь старого друга: велика беда, Дафна не хочет говорить с тобой, при тебе не поет и не пляшет! Почти что плачет, когда Ликориса лукаво улыбнется, и обе краснеют, краснее вечерней зари перед ветрами. Взрослый ребенок, стыдись! Когда ты, еще маленький, один оставался при стаде, не я ли приходил утешать тебя. Не всех ли ты обыгрывал, играя в кости? Кому ты обязан был? мне. Я выучил тебя играть ими, как я же выучил тебя прекрасно играть на свирели. Из чьих корзинок ты ел плоды? Я искусно сплетал их из тонкой жимолости. Молоко из чего пил? Ни у кого не было лучше

твоих чаш и кувшинов. Лучшие тыквы мои я сушил для тебя и долбил и на коже нарезывал гирлянды цветов или любопытные истории про богов и героев. Часто после бакхических оргий товарищи мои спешили в свои пещеры успокоиться на мягких, благовонных постелях или по рощам пугать и преследовать пастушек. А я для тебя забывал и покой, и любовь. Я к тебе приходил с ученым козленком, пьяный, под песню твою я плясал с ним, и до тех пор он на задних ногах выступал, прыгал неловко, пока смех не позволял уже тебе продолжать песни. А какое горе тогда у тебя бывало? — Изломалась свирель иль тыкву испортил. Теперь ли тебя не утешу я? Теперь ли оставлю? Ей, слезы утри, сядь спокойно и выслушай старого друга».

Так говорил седой сатир печальному Микону. Микон любил Дафну и, казалось, не напрасно. Дафна до вчерашнего вечера любила слушать рассказы его, охотно плясала и пела с ним и даже однажды руку пожала ему и что-то такое шепнула, тихо, но сладко, когда он сказал ей: «люби меня». Но вот уж два вечера она с ним не по-прежнему. Он лишь к ней, а она от него, и ласковые речи, и понятные взгляды, и улыбка — радость уст очаровательных — все как в воду кануло. Что за причина? Послушаем, не расскажет ли чего об этом Микону сатир. А ночь прекрасная! На небе ни облака. Ежели Диана со всяким лучом посылает по поцелую счастливому Ендимиону — то ни одна любовница во всю полную пору любви не целовала столько и так сладостно своего милого, сколько блестящая Делия в эту ночь. Земля тонула в очаровательном блеске, Илис катил серебро, благоухали брега, соловьи не умолкали. Микон совета послушался, медленно приподнял голову, сел, сложил руки, прислонился к каштановому дереву и с любопытством уставил глаза на седого сатира, который, налегшись на длинную ветвь и тихонько качаясь, так начал: «Рано вчера на заре просыпаюсь я! Что мне холодно? Что не одет я теплою кожей? Что подо мною не постланы душистые, свежие травы? Взглянул и зажмурился. Свет ослепительный утра, не смешанный с мраком ленивым пещеры. Ба! мои ноги привязаны к дереву. Кружка разбитая подле меня, драгоценная кружка! «А, старик,— я хотел закричать,— ты усерден по-прежнему, не по-прежнему силен на битвах вакхических. Не дошел до своей ты пещеры от дружней беседы, ты пал, побежденный Морфеем, шалунам ты достался в добычу». Но плесканье воды и веселые девичьи крики прервали мысли мои и в устах

растворенных слова удержали. Не смея дышать, я чуть-чуть приподнялся, предо мною кустарник густой, легко листы раздвигаю — в глазах засинелись, заискрились струи. Вперед подвигаюсь — что ж вижу: Ликориса и Дафна. Прекрасны, как грации, как нимфы нагие. С ними два лебедя. Их любимые лебеди, которых прошедшей весною ты спас. Их матерь била жестоко. Ты мать отогнал, их поймал и подарил Ликорисе. Ты Дафну любил уж тогда и ей не смел подарить их. Первые чувства любви, я знаю, застенчивы, робки! Любишь, и милой боишься наскучить и лаской излишней! Белые шеи двух лебедей обняв, Ликориса вдруг поплыла от Дафны, нырнувшей в глубокие воды. Смех ее встретил: «Дафна, я новая Леда».— «А я Аматузия! взглянь, я так же теперь, как она, родилася из пены блестящей».— «Но видишь, я лучше той Леды, два страстные Зевсы мне служат. А ты чем похвалишься пред нашей Кипридой?» — «Ифест хромоногий не будет мне мужем».— «Правда и то, моя милая Дафна, и я скажу, правда! Микон твой прекрасен. Лучше его пастуха не сыскать! Светлые кудри в три ряда вокруг головы его вьются. Глаза его цвета небесного, их взгляды до сердца доходят; как персик, он свеж и румян и пухом блестящим украшен; уста его алы, как розы, богаты словами и звуками сладкими. Поцелуй меня, Дафна, ты скоро не будешь охотно меня целовать, поцелуи Микона приятнее будут!» — «И полно смеяться, подруга лукавая! Зачем понапрасну вводить меня в краску. Ну что мне Микон? он хорош? Что нужды? я к нему равнодушна».— «Зачем же краснеешь?» — «Поневоле краснеешь! Ты все ко мне пристаешь! Ты все говоришь о Миконе. Все Микон да Микон! а он что мне?» — «Зачем же ко мне ты прижалась прекрасною грудью? Зачем она дышит теперь так неровно, так пламенно? Послушай: что если б Микон, гонясь за заблудшей овцой, очутился вот здесь, здесь на береге?» — «Ах, я бы утопилась!» — «Правда, и я бы то же сделала! Но однако скажи, отчего мы это бы сделали? Что мы платьем дурного скрываем? Посмотри и признайся — не прекрасны ль мы обе без платья. Поплывем, не приятно ли персям касаться прохладных уступчивых струй〈...〉

Автограф ИРЛИ

ОТСТАВНОЙ СОЛДАТ

(Русская идиллия)

Солдат. Так не звезда мне из лесу светила, а это вы, ребята, развели огонь и варите кашицу на ужин. Ну, хлеб да соль.

Пастухи. Хлеба кушать, служивый.

Солдат. Благодарю. Я устал порядком. Ну, костыли мои, приотдохните, рядом я положу вас на траву и подле вас присяду. Верст пятнадцать я в этот вечер сделал.

Пастухи. А издалека ли идешь ты, служба?

Солдат. Да из Литвы, из виленского лазарета. Едва из матушки России мы выгнали врага и на чужую землю вышли, я ноги-то и лишился. Без памяти меня до Вильны довезли, там с год лечили, и в чистую отставку отпустили. Теперь бреду кой-как на костылях за Курск на родину к жене и сестрам.

Пастух. На, обопрись мне на руку, чтоб легче опуститься. Да не сюда, а на тулуп развернутый ложися.

Солдат. Спасибо, господь тебе заплатит. Ах, братцы, что за рай земной у вас под Курском! Я в этот вечер десятком лет помолодел, теплом и запахом целебным надышавшись. На воздухе родимом легко мне, любо, как рыбке в речке. Во многих землях бывал я. Нанюхался весны и лета. В иных краях земля благоухает, как офицер гвардейский на параде, как ручка генеральши в светлый праздник. Дорого и чудно, да не мило. А здесь всем телом дышишь, во все суставчики вбираешь простой, но сладкий, теплый запах, здесь нежишься, как в старинной барской бане. Здесь спать не хочется, играл бы до утра в девичьем хороводе.

Пастухи. И мы, земляк, охотно б поиграли, да лих нельзя. Село далеко, и на одних собак опасно положиться и стадо кинуть без присмотра. Что делать? вот и кашица поспела. Перекрестясь, поужинаем. А после, пока ко сну тебя не клонит, то расскажи нам (говоришь ты складно) про старое твое бытье, житье. Я чай, везде бывал ты? Все видел, и домовых, и ведьм, и леших, и маленьких людей, живущих у края самого земли, где небо так уж низко, что может всякий гвоздь вколотить в него и платье на том гвозде повесить.

Солдат. Эх, вздор какой понес ты, малой! Уши вянут,

замолчи. Вам бабы старые, за печкой сидя, врут, а вы и верите. Какие черти встретятся крещеному солдату? А ныне человек опасней беса. Другие чудеса мы видели, и то не в ночь до петухов, а днем они в очах пред нами совершились. Вы слышали ль, как бог за матушку Россию заступился? Как сжалился он над Москвой горящей, над бедною землей, покрытой вражьими полками, как потопом, и в помощь нам послал зиму лихую, зиму с трескучими морозами, какие лишь бывали в Николин день да около крещенья. Нам весело, а немцам не до смеха! И горько, и смешно об их побеге вспомнить. От холода окутались чем попало, кто душегрейкой, кто ризою поповской, кто мешком или рогожей, как будто собрались о святках на игрище, и кинулись скорее восвояси. Не тут-то было. Мороз схватил их, заставил дождаться грозного последнего суда на месте преступленья, кого у церкви, им ограбленной, кого на выжженном селе. Так, бывало, окончив трудный переход, сидим мы вокруг огня и варим щи, а около, как стадо уснувшее, лежат замерзлые французы. Да как лежат! Когда б не мертвое молчанье и сизые⟨?⟩ их лица, подумал бы — живые на биваке комедию ломают. Кто голову уткнул в костер потухший, кто лошадь на себя взвалил, другой ее копыто гложет, те же крепко обнялись, как братья, и, как враги, друг друга укусили.

П а с т у х и. Ух, страшно!

С о л д а т. Между тем курьерский колокольчик, вот как теперь, и там звенит, и там прозвякнет на морозе. Со всех сторон в Москву и Питер везли известье о победах.

П а с т у х. Э, братцы, вот показалась и тележка, и офицер на ней, извозчику о чем-то говорит. Извозчик удерживает лошадей, не хочет ли остановиться и нас спросить об чем?

С о л д а т. Помоги мне встать, я вытянусь пред офицером.

О ф и ц е р. Ребята, подайте огонька мне трубку закурить.

С о л д а т. В минуту, ваше благородье.

О ф и ц е р. Ба! да ты здесь как, товарищ?

С о л д а т. На родину тащусь, ваше благородье. За рану выпущен в отставку с пансионом.

О ф и ц е р. Ну так снеси ж к своим хорошее известье. Мы кончили войну в столице вражьей. Русские в Париже, и за пожар московский отмстили честно. Прощай!

Солдат. Благословение господне с нами отныне и вовеки буди. Вот как господь утешил матушку Россию. Молитесь, братцы! Божьи чудеса не совершаются ль пред нами явно?

Автограф ИРЛИ

НАЧАЛО ВАЯНИЯ [1]

«В низкий шалаш мой бегите скорей, пастухи и пастушки! Старцы почтенные, дряхлые жены, в шалаш мой, в шалаш мой! Боги меня, презренного девой жестокой, возвысили чудно! Слабые взоры мои усладили ее небесным возэреньем, смертные персты мои совершили бессмертное дело! В низкий шалаш мой бегите скорей, пастухи и пастушки! Старцы почтенные, дряхлые жены, в шалаш мой, в шалаш мой!» — Так по холмам и долинам бегал и голосом звонким, вторимым эхом нагорным, сзывал и старых и юных Ликидас юный, из розовой глины творивший искусно чаши, амфоры и урны печальные, именем славный, сердцем несчастный! Все любили его, не любила одна Хариса, пастушка, которою он безрассудно пленился.

«Образ Харисы, Хариса живая, Хариса из глины!» — громко вскричали на зов пастухи прибежавшие. Крики слились в ужасный шум, восходящий до неба, и в низкий шалаш толпа за толпой полилася, как волны!

«Други, раздайтесь! — Ликидас молвил.— Так, образ Харисы, девы жестокой, вы видите! Боги сей подвиг великий свершить помогли мне и глину простую одели в облик небесный, не дав ей лишь прочности, делу рук их приличной. Раздайтесь, молю! Из толпы выдираясь, может иной быть вытолкнут прямо на лик сей и мягкую глину помять и без намерения навеки разрушить творенье бессмертных. Крайные, сядьте, вы все замолчите и слушайте, чудо скажу вам.

Несколько дней, томим безнадежной любовью, пищи не брал я и дела не делал. Как призрак, блуждал, убегая людей, по пустынному брегу морскому. Слушал стенание волн и навстречу стонал им. Нынче ночью, как и когда, не припомню, упал я на мягкий песок, затих и забылся. К утру чувствую, кто-то будит меня, теплой рукою плечо мое взяв, и над ухом мне дружески шепчет: «Ликидас, встань, подкрепи себя легкою пищей, в шалаш свой иди и примися

[1] Первоначально было: Изобретение скульптуры. *(Примеч. сост.)*

за мягкую глину. Что сотворишь из нее, ты то вечной Киприде в дар принеси: уврачует богиня недужное сердце». Взоры поднял я — напрасно! Вскочил — никого ни вблизи, ни вдали уже не было видно. Но советы благие запали в послушное сердце. Домой прихожу я и мокрую глину беру и на круг полагаю. Сажусь, но, казалось, напрасно! Не знаю, что делать! Пальцы беспутно блуждают по глыбе уступчивой, глаза не смотрят за ними, мысли и сердце далеко. Вдруг что-то знакомое взоры и мысли, как ярким лучом, поразило, и сердце забилось. Боги, на глине я вижу линию лба и прекрасного носа жестокой Харисы, ровную, к кудрям едва округленную! вижу и кудри густые с боков, завиваясь, повисли! Место для глаз уж назначено, пальцы ж трудятся в мякоти чудной дорыться до уст пурпуровых. С этого мига я уж не знаю, что было со мною. Пламя, не сердце билось во мне, и не в персях, а в целом составе, с темя до ног! Хижина, глина и руки мои вертелись и дивно сияли, и близко меня прекрасный младенец стрелой золотою блистал близ пальцев моих и их труд оживлял, давая то гордость челу, то понятливость взгляду, то роскошь ланитам, то улыбку устам. Совершилось! С места вскочил я, глаза рукою закрыл, а другою кудри схватил и подрал их: боль хотел я почувствовать, все ли живу я, узнать! «Совершилось бессмертное смертным! — голос святой раздался.— Эрмий, раскуй Промефея! Старец, утешься меж теней великих, не тщетно тобою огнь похищен! Святотатство твое искупилося пользой! Ты же, мгновенной и тленной красе даровавший бессмертье, взглянь, как потомкам твоим представятся боги, в небесном блеске, чтоб камень искусством твоим в их образе ожил, смертных красой к небесам восхищал и о Зевсе глаголал». Смолкнул, и небо стрела разорвала! Олимп предо мною! Феб-Аполлон эту стрелу послал, тетива еще стонет, спустившися, взор за стрелой еще следует, в лице еще знанье и сладость победы! Святые, святые! Пред вами ль стоять мне? Колена трясутся, паду! Тебе изделье мое, тебе приношу, Цитерея, тебе, пред сонмом богов из моря рожденная! Слепну! Я вижу Зевеса с Горгоной в руках, он главою кудрявой важно склонясь, покрыл весь Олимп и всю землю!

Автограф ИРЛИ

СТАТЬИ

«ДМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ»

Статья 2

По обязанности рецензента мы перечли роман «Дмитрий Самозванец». Подвиг немаловажный, в котором едва ли найдем себе добровольных подражателей! Отчего исторический роман «Юрий Милославский», несмотря на его несовершенства, жадно читается и перечитывается всеми русскими, а исторический же роман «Дмитрий Самозванец», которого предмет в самой истории ярко отсвечивается поэтическими красками, невозможно и один раз прочитать без скуки? [В первом нравится много правды в рассказе. Мы с удовольствием] ⟨...⟩

Изд. 1934, с. 439; автограф ИРЛИ

КОММЕНТАРИИ

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание сочинений А. А. Дельвига представляет читателю все стороны его творчества: стихи, незавершенные драматические и прозаические опыты, критические и полемические статьи и письма. До сего времени единственной попыткой собрать воедино наследие поэта были вышедшие девяносто лет назад «Сочинения барона А. А. Дельвига» под редакцией В. В. Майкова (СПб., 1893) (далее: Изд. 1893) — издание, не преследовавшее научных целей и к настоящему времени совершенно устаревшее. На современном научном уровне издано лишь поэтическое наследие Дельвига: в 1934 г. в большой серии «Библиотеки поэта» появилось полное собрание его стихотворений, подготовленное выдающимся советским текстологом и историком литературы Б. В. Томашевским; это издание (Изд. 1934), повторенное с некоторыми дополнениями в 1959 г. (Изд. 1959), дало критически установленный текст стихов Дельвига и является основой для всех последующих переизданий, в том числе и для настоящего.

Вслед за стихотворениями Дельвига Б. В. Томашевский предполагал издать и его прозу и письма, но не успел завершить эту работу. Он дал библиографию критических статей и писем, не вошедших в Изд. 1893, и описал сохранившиеся автографы Дельвига. История собирания писем поэта и оставшиеся до последнего времени неизданными письма сообщены в публикации Е. М. Хмелевской «Письма А. А. Дельвига» (ПК, с. 20—33).

Особую сложность представляет установление корпуса критических статей Дельвига. Почти все они были напечатаны анонимно (ЛГ, 1830—1831). Первую попытку выделить их из числа других анонимных статей сделал В. П. Гаевский, пользовавшийся рукописями Дельвига; в дальней-

шем атрибутирование статей в ЛГ выросло в особую исследовательскую проблему, связанную прежде всего с определением анонимных статей Пушкина (работы А. А. Фомина, Н. О. Лернера и в особенности Б. В. Томашевского и В. В. Виноградова,— см.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966, с. 218—220).

Все эти достижения и сложности современного состояния изучения Дельвига предопределили отбор и распределение материала в настоящем издании. В первом его разделе — «Стихотворения» — представлено полностью поэтическое наследие Дельвига. В первой части раздела мы воспроизводим единственный прижизненный сборник стихов Дельвига, подготовленный самим поэтом, сохраняя авторское расположение стихотворений. Все тексты (за исключением одного, № 23, где в стихе 18-м введена авторская поправка по печатному экземпляру ИРЛИ) печатаются по этому сборнику.

Вторая часть раздела — «Стихотворения, не вошедшие в сборник 1829 года» — включает ранние опыты, поздние стихи, написанные уже после выхода сборника, а также стихи, оставшиеся за его пределами по личным или цензурным причинам. Этот подраздел строится в хронологическом порядке. Источником текста в нем в ряде случаев оказывается не первая журнальная публикация, а более поздняя редакция автографа (это в первую очередь касается ранней лирики). Обоснование источника текста, а также перечисление существующих автографов читатель должен искать в Изд. 1934 и Изд. 1959. Уже после выхода этих изданий в ЦГАЛИ поступила тетрадь с автографами Дельвига, сообщенными Б. В. Томашевскому Н. Ф. Бельчиковым (ф. 2657, оп. 2, № 40), и обнаружился ряд автографов в ИРЛИ, с неизвестным ранее «Посланием к А. Д. Илличевскому» (1815) (см.: Теребенина Р. Е. Поступления в лицейское собрание пушкинского фонда.— Изв. ОЛЯ, серия лит. и языка, 1972, вып. 2, март — апрель, с. 176—184; шифр: ф. 244, оп. 25, № 379). Автограф «Стихов на рождение В. К. Кюхельбекера», находившийся в ЦГИА, ныне хранится в ЦГАОР — ф. 828 (А. М. Горчакова), оп. 1, № 98; в этом же фонде — копии нескольких ранних стихотворений. По Изд. 1934 печатаются лицейские стихи № 1—6, 8—9, 11, 16—17, 20—23, 25, 30—36, 37, 39—40, 42—43, 45—52; стихи 1817—1831 гг. № 55—56, 58—59, 61—64, 66—68, 70—71, 73—78, 81—82, 84, 86, 88—89, 92—93, 96—98, 121, 123, 125—132, 134; драматические и прозаические отрывки, коллективные стихи (№ 4). Сверка текстов с автографами и печатными источниками позволила устранить некоторые неточности, вкравшиеся в особенности в Изд. 1959, работа над которым была прервана смертью Б. В. Томашевского. Ряд уточнений по рукописным источникам содержит также изд.: Дельвиг А. А. Стихотворения. Вступ. ст., подгот. текста и примеч. И. В. Исакович. Л., 1963 (Б-ка поэта, Малая серия.)

В разделе «Статьи» — собраны рецензии и заметки, для которых авторство Дельвига устанавливается с полной достоверностью, на основании автографа или документальных свидетельств. Мелкие редакцион-

ные примечания и редакционные объявления, принадлежащие Дельвигу, в издание не вошли.

Вслед за статьями мы помещаем небольшой раздел «Коллективное», куда входят четыре стихотворения, написанные Дельвигом вместе с Баратынским, Пушкиным и др., и две полемические статьи из «Литературной газеты», по свидетельству А. И. Дельвига, составленные вместе с Пушкиным.

Основной корпус книги заканчивается разделом «Письма». Эпистолярное наследие Дельвига — памятник очень высокой ценности — и в историческом, и в психологическом, и в литературном отношении; он содержит первостепенной важности сведения о культурной жизни пушкинской эпохи, сохраняет для нас неповторимые черты личности поэта и является заметным образцом эпистолярной прозы 1820-х гг.— того времени, когда достигает своего расцвета жанр литературного письма. Письма Дельвига — органическая часть его творческого наследия, между тем они практически остаются читателю недоступными: они рассеяны в специальных изданиях и многие из них, известные только в дореволюционных публикациях, никогда не печатались полностью; текст их искажен купюрами редакторского и цензурного происхождения. В настоящем издании они собраны с возможной полнотой и публикуются или уточняются по автографам, хранящимся в ИРЛИ (письма Е. А. Баратынскому—№21751 и ф. 93, оп. 3, № 425, письмо 1827 г.; К. М. Бороздину — ф. 244, оп. 25, № 247, 248; В. Д. Вольховскому — ф. 244, оп. 25, № 89; И. А. Гарижскому — ф. 58, № 36; в Главный цензурный комитет (2, 1826) — ф. 244, оп. 16, № 116; Н. И. Гнедичу — 91.1 с; В. И. Григоровичу — ф. 93, оп. 3, № 426, письмо 1826 г.; А. А. и Л. М. Дельвигам — № 26308; А. П. Елагиной-Киреевской — № 28559; Г. С. Карелину — ф. 93, оп. 3, № 428; В. Д. Карнильеву — № 26310; А. П. Керн — ф. 93, оп. 4, № 22; П. А. Осиповой — № 9017, ф. 244, оп. 17, № 73 (письмо 15 сентября 1826 г.); в Петербургский цензурный комитет (1829) — 93.I.б; П. А. Плетневу — № 26311; А. С. Пушкину — ф. 244, оп. 2, № 148; А. А. Рохмановой — № 26312; С. М. Салтыковой — № 26309; О. М. Сомову — ф. 244, оп. 25, № 248; С. С. Фролову — ф. 244, оп. I, № 424; П. И. Шаликову — № 4773); ЦГАЛИ (П. А. Вяземскому — ф. 195, оп. I, № 1829, 5084; письмо № 104 — ф. 171, оп. I, № 7; В. К. Кюхельбекеру, № 5 — ф. 256, оп. 2, № 11; № 8 — ф. 2567, оп. 2, № 268; М. А. Максимовичу, № 99 — ф. 314, оп. 1, № 23; И. В. Сленину — ф. 171, оп. 1, № 10); ГПБ (Н. М. Коншину, ф. 369, № 31); А. Н. Оленину (Архив Публичной библиотеки); ГБЛ (М. П. Погодину, Пог./II, 46.17); ЦГИА (В Петербургский цензурный комитет, ф. 777, оп. I, № 287; в Главный цензурный комитет (1827) — ф. 777, оп. I, № 608); ЛОИИ (Н. А. Полевому, кол. 238, оп. 2, № 272/287). Ряд автографов писем остается неразысканным. В приложениях к книге печатаются ранние редакции стихов, подвергшихся значительной переработке, а также набросок неосуществленной статьи о «Димитрии Самозванце» и прозаические планы идиллий (ранее не публиковавшиеся)

Научно-справочный аппарат сокращен с учетом специфики массового издания и содержит лишь сведения, необходимые для реального и историко-литературного понимания текста. В нем использованы (без специальной ссылки) данные изданий 1934, 1959 и 1963 гг., а также публикаторов и комментаторов данного текста; вместе с тем они учитывают и новейшие исследования о Дельвиге и его эпохе. В примечаниях непосредственно за порядковым номером произведения следует указание на первую публикацию; повторные публикации указываются лишь тогда, когда содержат иную редакцию текста. Отсутствие указаний на источник текста (кроме случаев, оговоренных выше) означает, что таковым является первая публикация (уточнения, возникшие в результате сверки с источниками, не оговариваются).

Стихи Дельвига, как правило, не датированы автором (исключения оговорены в примечаниях); они датируются либо по месту автографа в тетради стихов (обоснование см. в Изд. 1934 и 1959), либо по реалиям, либо, наконец, по времени первой публикации. Дельвиг нередко печатал свои стихи много позднее написания, поэтому если первая публикация оказывается единственным основанием датировки, дата под стихотворением берется в ломаные скобки. Даты чтений стихов Дельвига в ОЛРС и ОЛСНХ устанавливаются по кн.: Базанов и архиву ОЛСНХ в Научной библиотеке им. М. Горького (ЛГУ). Сведения об упоминаемых в тексте исторических лицах см. в аннотированном именном указателе; о мифологических персонажах — в «Словаре».

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АТ — Архив братьев Тургеневых: Переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским, вып. 6. Пг., 1921.

Б — Благонамеренный.

Базанов — Базанов В. Ученая республика. М.; Л., 1964.

Баратынский, 1869 — Сочинения Е. А. Баратынского. М., 1869.

Барсуков — Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 1—22. СПб., 1888—1910.

БЗ — Библиографические записки.

Блинова — Блинова Е. М. «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина. 1830—1831. Указатель содержания. М., 1966.

Боратынский, 1951 — Боратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М., 1951.

Вацуро — Вацуро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Пушкина—Дельвига. М., 1978.

ВЕ — Вестник Европы.

Верховский — Верховский Ю. Барон Дельвиг: Материалы биографические и литературные... Пб., 1922.

Виноградов — Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.

Врем. ПК — Временник Пушкинской комиссии, 1962—1981. М.; Л., 1963—1985.

Вяземский — Вяземский П. А. Полное собрание сочинений, т. I—XII. СПб., 1878—1896.

Г — Галатея.

Гаевский, 1—4 — Гаевский В. П. Дельвиг. Статьи 1—4.— Современник, 1853, № 2, отд. III, с. 45—88; № 5, отд. III, с. 1—66; 1854, № 1, отд. III, с. 1—52; № 9, отд. III, с. 1—64.

Гастфрейнд — Гастфрейнд Н. Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому Лицею. Материалы для словаря лицеистов 1-го курса 1811—1817 гг., т. I—III. СПб., 1912—1913.

Гоголь — Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений, т. I—XIV. М., 1937—1952.

ГПБ — Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Греч — Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930.

А. И. Дельвиг — Дельвиг А. И. Мои воспоминания, т. 1—4. М., 1912—1913.

ИВ — Исторический вестник.

Изд. 1829 — Стихотворения барона Дельвига. СПб., 1829.

Изд. 1893. — Сочинения барона А. А. Дельвига. С приложением биографического очерка, составленного Вал. В. Майковым. СПб., 1893.

Изд. 1934 — Дельвиг А. А. Полное собрание стихотворений/Ред. и примеч. Б. Томашевского. Вступ. статьи И. Виноградова и Б. Томашевского. Л., 1934. (Б-ка поэта, Большая серия).

Изд. 1959 — Дельвиг А. А. Полное собрание стихотворений/Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б. В. Томашевского. 2-е изд. Л., 1959. (Б-ка поэта, Большая серия.)

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

КА — Красный архив.

Керн — Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка/Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Гордина. М., 1974.

Кобеко — Кобеко Д. Ф. Имп. Царскосельский Лицей: Наставники и питомцы. 1811—1843. СПб., 1911.

ЛГ — Литературная газета.

Лит. портф.— Литературные портфели, I. Время Пушкина. Пб., 1923.

ЛН — Литературное наследство.

МВ — Московский вестник.

Модзалевский — Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929.

МТ — Московский телеграф.

НЗ — Невский зритель.

НЛ — Новости литературы.

НС — Дельвиг. Неизданные стихотворения/Под ред. М. Л. Гофмана. Пб., 1922.

ОА — Остафьевский архив кн. Вяземских/Под ред. и с примеч. В. И. Саитова, т. I—V. СПб., 1899—1913.

ОЗ — Отечественные записки.

ОЛРС — Вольное общество любителей российской словесности (Петербург).

ОЛРС при Моск. ун-те — Общество любителей российской словесности при Московском университете.

ОЛСНХ — Вольное общество любителей словесности, наук и художеств (Петербург).

П. в восп. — А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х т. М., 1974.

П. в печ.— Синявский Н., Цявловский М. Пушкин в печати: Хронолог. указ. произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. 2-е изд., испр. М., 1938.

П. Врем. 1—6 — Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. 1—6. М.; Л., 1936—1941.

Переписка П. — Переписка А. С. Пушкина: В 2-х т. М., 1982.

ПЗ — Полярная звезда.

П. Иссл. и мат.— Пушкин: Исследования и материалы, т. I—XI. М.; Л., 1956—1983.

Письма к Вяз. — Письма А. С. Пушкина, бар. А. А. Дельвига, Е. А. Баратынского и П. А. Плетнева к князю П. А. Вяземскому. СПб., 1902.

ПК — Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979. Л., 1980.

ПЛ — Грот К. Я. Пушкинский Лицей (1811—1817). Бумаги 1-го курса, собранные акад. Я. К. Гротом. СПб., 1911.

Полевой — Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х годов XIX в. Л., 1934.

Поэты 1820—30-х гг., т. 1, 2 — Поэты 1820-х — 1830-х гг., т. 1—2. Л., 1972.

ПС — Пушкин и его современники: Материалы и исследования, вып. I—XXXIX. СПб., 1903—1930.

Пушкин — Пушкин. Полное собрание сочинений, Т. I—XVII. М.; Л., 1937—1959.

РА — Русский архив.

РБ — Русский библиофил.

РЛ — Русская литература.

РМ — Российский музеум.

РП — Русские пропилеи. Т. 6. Материалы по истории русской мысли и литературы/Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. М., 1919.

РС — Русская старина.

РЭ — Русская эпиграмма конца XVII — начала XX вв. Л., 1975.

СВ — Виноградская А. [Керн А. П.] Отрывок из записок: Воспоминания о Пушкине, Дельвиге и Глинке.— Семейные вечера (старший возраст), 1864, № 10, с. 679—683.

СМ — Северный Меркурий.

СН — Старина и новизна.

СО — Сын отечества.

СО и СА — Сын отечества и Северный архив.

Совр.— Современник.

СП — Соревнователь просвещения и благотворения (Труды Общества любителей российской словесности).

СПб. вед.— Санкт-Петербургские ведомости.

СПч.— Северная пчела.

СЦ — Северные цветы.

Тынянов. Кюхельбекер — Тынянов Ю. Н. В. К. Кюхельбекер.— В кн.: Кюхельбекер В. К. Лирика и поэмы, т. 1. Л., 1939.

Хетсо — Хетсо Г. Евгений Баратынский. Жизнь и творчество. Oslo—Bergen—Tromsö, 1973.

ЦГАЛИ — Центральный гос. архив литературы и искусства (Москва).

ЦГАОР — Центральный гос. архив Октябрьской революции.

ЦГВИА — Центральный гос. Военно-исторический архив (Москва).

ЦС — Царское Село: Альманах на 1830 год/Издан Н. Коншиным и б⟨ароном⟩ Розеном. СПб., 1829.

ЯА — Языковский архив, вып. 1. Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829). СПб., 1913.

СТИХОТВОРЕНИЯ

«СТИХОТВОРЕНИЯ БАРОНА ДЕЛЬВИГА»

Эпиграф — из стих. И.-В. Гете «Певец» («Der Sänger»).

1. СП., 1824, ч. 25, кн. III, с. 246. Читано в ОЛРС 14 ноября 1821 г.

2. СЦ на 1828, с. 86, с датой: 1820 г. Ответ на послание Плетнева «Дельвигу» («Дельвиг, где ты учился языку богов?..»).

3. СЦ на 1826, с. 129.

4. СЦ на 1827, с. 339.

5. СЦ на 1828, с. 24; было вписано в альбом А. П. Керн.

6. СЦ на 1826, с. 55, с подп. «Д». В беловом автографе ГПБ — ф. 777, № 1618 озаглавлено: «Н. И. Гнедичу по отпечатании I песни «Или-

ады». «Омирова Илиада. Часть 1-я» вышла из печати 20 августа 1823 г. (ЦГИА, ф. 777, оп. 1, № 370).

7. СЦ на 1826, с. 66. Написано на смерть С. Д. Пономаревой (4 мая 1824).

8. СЦ на 1827, с. 329. В альбоме А. Н. Вульф с датой: 20 января 1826.

9. СЦ на 1826, с. 14. Адресат не установлен.

10. СЦ на 1825, с. 340. См. письмо № 11. Романс этот Дельвиг любил петь в дружеском кругу.

11. СЦ на 1826, с. 127. В автографе назв. «Русская мелодия 6-я». Известна как романс с музыкой А. А. Алябьева («Соловей»).

12. СЦ на 1825, с. 296. В автографе назв. «Мелодия 5-я». Подражание народной песне «Цвели, цвели цветики, Да поблекли».

13. СЦ на 1826, с. 105, с подп. «Д». Читано в ОЛРС 13 марта 1822 г.

14. СЦ на 1828, с. 78. В автографе назв. «Наслаждение». Копии ранней ред. с назв. «Дифирамб» — в лицейских сборниках.

15. СЦ на 1828, с. 65, с примеч.: «Эта шутка была написана в угодность одной даме, которая желала, чтобы я сочинил на смерть ее собачки подражание известной оде Катулла «На смерть воробья Лесбии», прекрасно переведенной Востоковым». Один из автографов в альбоме С. Д. Пономаревой (ИРЛИ). *Дама* — С. Д. Пономарева; имя собачки — Мальвина (в автографе имена «Мальвина и София»). Образец — стих. А. Х. Востокова «На смерть воробья». Читано в ОЛРС 22 ноября 1821 г. («На смерть собаки Мальвины»).

16. СЦ на 1825, с. 346.

17. ВЕ, 1814, № 22, с. 97, с подп. «Д»; с изменениями — СП, 1820, № 1, с. 66, с подп. «Д». Читано в ОЛРС 19 января 1820 г.

18. РМ, 1815, № 3, с. 266, с назв. «Лилея» и подп. «Д», с изменениями — Б., 1818, № 3, с. 290 с датой: 1815. Читано в ОЛСНХ 14 февраля 1818 г.

19. Подснежник, 1829, с. 238. В автографе название «Плач Кассандры. (Хор троянок)».

20. НЗ, 1820, № 2, с. 94, вместе со стих. «Купидону», под заголовком «Надписи статуям». Надпись сделана к статуе «Летящий Меркурий» (1563—1564) Дж. Болонья (Флорентинский нац. музей), известной в многочисленных копиях, одна из них находится в Павловске; в 1824 г. рисунок с этой статуи сделал Пушкин.

21. СП, 1820, кн. 10, с. 97, с подп. «Д». Встречается в лицейских сборниках. Читано в ОЛСНХ 16 мая 1818. Перевод стих. С. Геснера «An den Amor».

22. СЦ на 1828, с. 95.

23. СЦ на 1825, с. 276.

24. НЛ, 1823, № 18, с. 78; с изменениями — СЦ на 1829, с. 183.

25. НЛ, 1825, № 3, с. 150. Написано в 1822—1823 гг. Имеет точки соприкосновения со стих. Баратынского «В альбом» («Когда б вы менее

прекрасной...», 1823?) и, возможно, обращено к тому же адресату (С. Д. Пономаревой).

26. НЛ, 1822, № 15, с. 31. (См.: Ранние редакции...)

27. СЦ на 1829, с. 47. В автографе (ИРЛИ, ф. 244 оп. 17 № 136, л. 328) назв. «Голос во сне».

28. СП. 1824, ч. 26, кн. I, с. 68. Читано в ОЛРС 17 марта 1824 г. *Протекших дней очарованья.*— Парафраза «Песни» Жуковского («Минувших дней очарованье...», 1816).

29. ПЗ на 1823, с. 265.

30. ПЗ на 1823, с. 288; одновременно — СП, 1823, ч. 21, кн. I, с. 60. Читано в ОЛРС 11 декабря 1822 г. (как «Сонет I»).

31. СП, 1823, ч. 21, кн. I, с. 59. Читано в ОЛРС 11 декабря 1822 г. (как «Сонет II»).

32. СП, 1823, ч. 21, кн. I, с. 58. Читано в ОЛРС 11 декабря 1822 г. 22 февраля 1823 г. Языков в письме из Дерпта просил брата поблагодарить Дельвига за этот сонет (ЯА, с. 49, 51—52) и ответил на него посланием «Барону А. А. Дельвигу» («Иные дни — иное дело...», 1828). *Я Пушкина младенцем полюбил...*—16 ноября 1823 г. Пушкин писал Дельвигу из Одессы: «На днях попались мне твои прелестные сонеты — прочел их с жадностью, восхищением и благодарностию за вдохновенное воспоминание дружбы нашей. Разделяю твои надежды на Языкова и давнюю любовь к непорочной музе Баратынского» (Пушкин, XIII, с. 74). *Певца «Пиров...»* — Баратынского, автора поэмы «Пиры».

33. ПЗ на 1824, с. 25. В автографе заголовок: «Сонет (пятый)». Книга Ф. В. Булгарина «Воспоминание об Испании» вышла в мае 1823 г.

34. ПЗ на 1824, с. 22, под назв. «Песня». В автографе — «Мелодия 3-я».

35. ПЗ на 1823, с. 109, под назв. «Песня».

36. СП, 1822, ч. 18, кн. III, с. 351, под назв. «Мой домик» и с подп. «Д». Читано в ОЛРС 3 октября 1821 г.

37. СП, 1821, ч. 14, кн. II, с. 187, с подп. «Д». Перевод идиллии «Cephis» X.-Э. фон Клейста (переведенной также А. Д. Илличевским). Вошло в лицейские сборники. (См.: Ранние редакции...)

38. СЦ на 1827, с. 302. Написано в связи с приездом в августе 1821 г. Баратынского (из Финляндии), Кюхельбекера (из Германии), П. Л. Яковлева (из Бухары).

39. СЦ на 1826, с. 66. В автографе в альбоме Воейковой назв. «Земной удел».

40. СЦ на 1828, с. 93. *К солнцу впоследнее взор обрати, как Руссо...* — По преданию, Руссо перед смертью просил открыть окно, чтобы взглянуть на солнце.

41. Лит. листки, 1823, № 4, с. 52, под назв. «На выпуск птички». В копии в альбоме Е. П. Ростопчиной заголовок: «Стихи в роде конкурса или пари или стипльчеза, написанные на заданную тему, в собрании моло-

дых поэтов наших в Петербурге» (Верховский, с. 97). Ю. Н. Верховский предполагал, что этот «конкурс» состоялся в 1822 г. и для него были написаны «Птичка» Пушкина и «Птичка» Ф. А. Туманского. Б. В. Томашевский отвел датировку Верховского и самое свидетельство, указав на хронологические несоответствия (Изд. 1934, с. 450). Однако стих. Дельвига соотносится со стих. Пушкина, появившимся в тех же «Лит. листках» (1823, № 2) и под тем же названием («На выпуск птички»). «Собрание молодых поэтов», возможно, было у Пономаревой; автограф «К птичке...» в тетради Дельвига следует сразу же за стих. «К Софии»; вероятно, она же обозначена здесь именем Делии (ср.: Изд. 1893, с. 116).

42. ПЗ на 1824, с. 91. В автографе назв. «Мелодия 2-я».

43. ПЗ на 1823, с. 377, под назв. «Песня». В автографе назв. «Венок».

44. НЛ, 1823, № 31, с. 80. Возможно, относится к С. Д. Пономаревой (Изд. 1893, с. 116).

45. СЦ на 1827, с. 311. В автографе первоначально посвящалась И. А. Баратынскому. Предназначалась для публикации в «Журнале изящных искусств», но в октябре 1825 г. была запрещена цензором А. И. Красовским (см. письмо № 43).

46. НЛ, 1825, № 1, с. 29.

47—48. СЦ на 1828, с. 95, 96.

49. НЛ, 1823, № 38, с. 191, под назв. «К Лиле». Записано в альбом С. Д. Пономаревой, которой и посвящено.

50. ПЗ на 1824, с. 201. По воспоминаниям А. П. Керн, «Пушкин говорил, что он этот романс прочел и прочувствовал вполне в Одессе, куда ему его прислали. Он им восхищался с любовию, которую питал к другу-поэту» (Керн, с. 76). По поводу этого и других стих. Дельвига в ПЗ на 1824. Пушкин писал ему в письме к брату от 30 января 1823 г.: «Благословляю и поздравляю тебя — добился ты наконец до точности языка — единственной вещи, которой у тебя недоставало» (Пушкин, XIII, с. 56).

51. ПЗ на 1824, с. 315.

52. НЗ, 1820, № 3, с. 62. В автографах назв. «Эпитафия самому себе» и «Эпитафия Дельвигу» (в несохранившемся альбоме Илличевского). Написано в лицейские годы.

53. РМ, 1815, № 6, с. 270, с подп. «Д».

54. Подснежник, 1829, с. 153.

55. СЦ на 1825, с. 295. В автографе назв.: «Мелодия 4-я». Начало варьирует популярную народную песню «Скучно, матушка, весною жить одной...».

56. РМ, 1815, № 9, с. 260, с подп. «Д». Вторично — СП, 1819, № 12, с. 103, под назв.: «К А. С. Пушкину. Горацианская ода». По-видимому, это стих. читалось в ОЛСНХ 16 мая 1819 г. под назв.: «Поэт. Горацианская ода». В автографе эпиграф: «Nur die Muse gewährt einiges Leben dem Tod. G⟨oethe⟩» («Только лишь муза дает смерти какую-то жизнь») —

из стих. Гете «Евфросина» (1797—1798). Стих. варьирует мотивы од Горация, более всего оды 3 кн. IV. Ответом на него было послание Пушкина «К Дельвигу» («Послушай, муз невинных...», ноябрь 1815). *Лебедь.. Авзонии* — метафора поэтического дарования; авзонийским лебедем называли Горация; сам Гораций уподоблял лебедю Пиндара. Образ был распространен в русской поэзии в обращениях к Ломоносову и Державину (ср. у Пушкина в черновиках «Воспоминаний в Царском Селе», 1815) «Лебедь» (1804) Державина — свободная переработка оды 20, кн. II Горация. (См.: Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...». Л., 1967, с. 180—199.) *Тот в советах не мудрствует...*— В РМ — «в конгрессах» (намек на Венский конгресс 1814—1815 гг.).

57. РМ, 1815, № 8, с. 154, с подп. «Д». (См.: Ранние редакции...) Читано в ОЛСНХ 19 сентября 1818 г.

58. НЛ, 1822, № 11, с. 174. См.: Ранние редакции...

59. Б., 1819, № 6, с. 335. Вошло в рукописные лицейские сборники. В 1819 г. было отредактировано Дельвигом и Пушкиным, 17 апреля 1819 г. было представлено на 3-е заседание «Зеленой лампы». См.: Ранние редакции...

60. ВЕ, 1814, № 22, с. 99, под назв. «Дафна», вместе с др. стих., с общей подп. «Д». (См.: Ранние редакции...) С изменениями — СП, 1820, кн. II, с. 194. В беловом автографе — правка Пушкина. Перевод стих. М. Клаудиуса «Phidile». Первая строка — вариация чрезвычайно популярной «Песни» И. Ф. Богдановича («Пятнадцать мне минуло лет...», 1773). Читано (как «Дафна») в ОЛСНХ 19 сентября 1818 г.

61. СП, 1820, кн. XII, с. 325, под назв. «Романс». (См.: Ранние редакции...), с подп. «Д», Подснежник, 1829, с нотами М. И. Глинки.

62. ВЕ, 1814, № 15, с. 89, с подп. «Д». (См.: Ранние редакции...); с изменениями — СП, 1819, кн. X, с. 81, с подп. «Д».

63. НЛ, 1823, № 3, с. 47, под назв. «Романс». В автографах включалась в «Песни».

64. Изд. 1829, с. 156. Упоминается в дневнике А. Н. Вульфа 30 сентября 1829 г.: «Пастушеская последняя его (Дельвига.— *Сост.*) идиллия тоже очень хороша» (ПС, вып. XXI—XXII. Пг., 1915, с. 23). В октябре или ноябре Баратынский осведомился у Дельвига: «Что ты помещаешь в „Цветах“? „Последнюю эпоху золотого века“ или что другое? Надеюсь, что первое» (Хетсо, с. 592). *...Шекспирову описанию смерти Офелии.*— См. «Гамлет», акт 4.

65. Изд. 1829, с. 173. Соотносится с эпиграфом. Обращено, по-видимому, к С. М. Дельвиг.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИК 1829 ГОДА

1. Изд. 1934, с. 213. В автографе приписка: «(На голос: «Как на матушке на Неве-реке...»). Сию песню я сочинил тогда, когда услышал, что Москва взята французами, 7 сентября 1812 г.»

2. Изд. 1934, с. 218. Как и № 3—4, датируется по указанию В. П. Гаевского (Совр., 1863, № 7, с. 146).

3. Изд. 1934, с. 216. В стих. идет речь о бегстве наполеоновской армии, закончившемся в конце декабря 1812 г.

4. Изд. 1934, с. 220. В стих. использованы мотивы поэм «Старшей Эдды».

5. Изд. 1934, с. 215.

6. Изд. 1934, с. 214. *Понéже* (потому что) — считалось словом канцелярского («подьяческого») языка; на нем, в частности, построена эпиграмма И. Ф. Богдановича «*Понеже* говорят подьячие в приказе...» (1761).

7. Изд. 1959, с. 65. Автограф записан каллиграфически, с добавлением: «С глубочайшим почтением подносит б⟨арон⟩ А. Дельвиг»; на обороте рукой Кюхельбекера: «Хоть люблю я льстеца, но лесть его, знай! ненавижу. Кюхельбекер». Датируется условно (по почерку, как и № 8—9); месяц определяется датой рождения Кюхельбекера (10 июня).

8. Изд. 1934, с. 222. Дельвиг помещал басни в лицейском журнале «Юные пловцы» (1813) (ПЛ, с. 253). Стих.— видимо, предисловие к серии басен.

9. Изд. 1934, с. 223.

10. ВЕ, 1814, № 22, с. 101, с подп. «Д». *Клит* — возможно, В. К. Кюхельбекер.

11. ВЕ, 1814, № 22, с. 98, с подп. «Д». (См.: Ранние редакции..., с назв. «Старик».)

12. ВЕ, 1814, № 21, с. 24, с подп. «Д». Адресат неизвестен. *Лев, Змей, Тур* — созвездия Льва, Дракона и Тельца. *Илем* — вяз. *Описание зимы* — очень популярная аллегорическая картина в XII песне «Россиады» (1779) М. М. Хераскова. *Жуковский, дивными струнами...*—Имеется в виду «Певец во стане русских воинов» (1812). *Сова* — птица Афины, символ мудрости.

13. ВЕ, 1814, № 12, с. 272, с подп. «Русский» и пометой: «Из С.-Петербурга». Первое печатное произведение Дельвига. Париж был взят 19 марта 1814 г.

14. Изв. ОЛЯ, т. 31, 1972, вып. 2, с. 183 (публ. Р. Е. Теребениной). Подражание сатирам Буало и их русским интерпретациям, в частности 2-й сатире С. Н. Марина, написанной как послание к И. И. Дмитриеву (1808), с реминисценциями (ср.: «Как можешь без труда приятно так писать» и стих. 5). В стих. упоминаются не дошедшие до нас сочинения

лицеистов («Полорд» С. С. Есакова, «Изяслав» А. М. Горчакова, «Теласко», «Алманзор» Кюхельбекера и др.).

15. ПЛ, с. 154. Дата — в копии рукой Пушкина, сделанной для Горчакова (ИРЛИ). Написано ко дню именин Горчакова 30 августа.

16. РМ, 1815, № 3, с. 266 (ранняя ред.), с подп. «Д»; Б, 1818, № 4, с. 11. В РМ стих. 27-й читался: «В Москве роскошной обитая».

17. РМ, 1815, № 5, с. 135 (ранняя ред.), под назв. «Фиялка и роза», с подп. «Д».

18. РМ, 1815, № 5, с. 136, с подп. «Д». Адресат — Таушев (Гаевский, 1, с. 50); возможно, поэт А. Ф. Таушев. *Бомбаст* — напыщенность.

19. РА, 1864, № 10, с. 1074. Упоминается в письме Илличевского П. Н. Фуссу 28 февраля 1816, наряду с № 20—22 (ПЛ, с. 63); по-видимому, об этой «балладе» идет речь и в послании Пушкина Галичу («Где ты, ленивец мой...», 1815).

20. РМ, 1815, № 6, с. 267, под назв. «К больному Г ***» и с подп. «Д».

21. СП, 1820, кн. IV, с. 87, с подп. «Д». (См.: Ранние редакции...) Первые строки варьируют начало II эпода Горация. Стих. ценилось в лицейских кругах; Илличевский называл его «мастерским произведением»; А. М. Горчаков рекомендовал его А. Н. Пещурову в письме 3—4 апреля 1817 г. (КА, 1936, № 6, с. 199).

22. НС, с. 36. Тематически связано со стих. «К Лилете» (1814) и «Хата» (1815). В автографе — поправки Пушкина.

23. НС, с. 30. (См.: Ранние редакции...)

24. ОЗ, 1855, № 6, с. 48 (отрывок); Державин Г. Р. Полн. собр. соч., т. 9. СПб., 1883, с. 550 (полностью). Вошло в лицейские сборники. Написано, вероятно, вскоре после смерти Державина (8 июля 1816 г.). Читано в ОЛСНХ для избрания 31 января 1818 г.

25. ПЛ, с. 199 (по лицейскому сборнику). Дата в рукописи.

26. БЗ, 1859, № 5, с. 148. Пародия на стихотворение Н. Ф. Кошанского «На смерть графини Ожаровской» (ВЕ, 1814, № 23).

27. ПЛ, с. 318.

28. ПЛ, с. 157.

29. РП, с. 88.

30. ПЛ, с. 154, под назв. «К переводчику Диона» (ранняя ред.). Адресат неизвестен. *Дион* — видимо, стих. Дельвига «К Диону».

31. ПЛ, с. 159. (См.: Ранние редакции...)

32. РП, с. 80 (ранняя ред.).

33. РС, 1884, № 14, с. 664. Вошло в лицейские сборники. Приписывалось Пушкину.

34. НЗ, 1820, № 3, с. 62, под назв. «К Т—ой» (ранняя ред.). Вошло в лицейские сборники под назв. «Мадригал». Адресат неизвестен. (См.: Ранние редакции...)

35. ПЛ, с. 152 (ранняя ред.). В лицейских сборниках под назв. «Близость милой». Перевод стих. И.-В. Гете «Nähe der Geliebten».

36. НС, с. 44. Перевод стих. «An Iris» Х.-Э. Клейста.

37. НС, с. 51. Строфы 7—8 как отдельное стих. «К пастушке» — ЦС, с. 3; входило в лицейские сборники (РП, с. 41).

38. ПЛ, с. 150. Входило в лицейские сборники. Олицетворение наречий восходит к Жуковскому. Ср. «Очарованное *Там*» в «Весеннем чувстве» (1815).

39. СП, 1820, кн. XI, с. 212, с подп. «Д». Читано в ОЛРС 11 октября 1820 г. Ранняя ред. под назв. «Застольная песня» — ПЛ, с. 158. (См.: Ранние редакции...)

40. НС, с. 48. В автографе — незаконченная правка Пушкина.

41. ОЗ, 1854, № 3, отд. I, с. 18 («Отрывок»); НС, с. 45. В рукописи — исправления Пушкина.

42. СП, 1820, кн. VI, с. 303. (См.: Ранние редакции...) Читано в ОЛСНХ 8 августа 1818 г. и в ОЛРС 12 апреля 1820 г. В автографе — правка Пушкина.

43. НС, с. 49.

44. НС, с. 50. Читано в 3-м заседании «Зеленой лампы» 17 апреля 1819 г. *Темира, Дафна и Лилета...*— Эти стихи привел Пушкин в 3-й строфе гл. IV «Евгения Онегина».

45. ОЗ, 1855, № 6, с. 47. Ответ на послание Пушкина «Дельвигу» («Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...», конец 1816—1817). *Дрожать пред завистью...*— Ср. у Пушкина: «Так рано зависти увидеть зрак кровавый И низкой клеветы во мгле сокрытый яд». *Армениус* — по-видимому, М. Т. Каченовский, отказавший Пушкину в напечатании стихов в ВЕ (Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962, с. 359—364).

46. СО, 1817, № 26, с. 260. (См.: Ранние редакции...) Читано в ОЛСНХ 21 июня 1817 г. как присланная для СО от неизвестного. Написана в апреле — мае 1817 г. для лицейского выпуска 9 июня. Сочинение песни было вначале поручено Пушкину; из-за его промедления, а затем и отказа директор Лицея Е. А. Энгельгардт дал это поручение Дельвигу. Дельвиг также промедлил, и Энгельгардт составил программу песни, а затем сделал замечания к тексту, по которым Дельвиг его исправил (Гаевский, 2, с. 87). Песня (на музыку В. Теппера де Фергюсона) была популярна среди лицеистов и исполнялась при выпусках. В 1835 г. Энгельгардт издал ее отдельной брошюрой, собственноручно литографировав текст (ПЛ, с. 69, 119). *Гордое терпенье.*— Эту формулу перефразировал Пушкин в послании «Во глубине сибирских руд...» (1827) и Кюхельбекер в сибирской ссылке («Марии Николаевне Волхонской», 1845).

47. Украинский вестник, 1817, № 8, с. 228, под назв. «К П—у (в альбом)». Написано накануне выпуска из Лицея (Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. [М.], 1956, с. 67), перед отъездом Дельвига в Хорол.

48. Совр., 1853, № 4, с. 26. Входило в лицейские сборники. *Пока*

поэт еще с тобой...— Илличевский уезжал из Петербурга на службу в Сибирь; отец его был губернатором в Томске.

49. СП, 1820, кн. XI, с. 208, с подп. «Д». Читано в ОЛРС 22 марта 1820 г. (Ср. стих. Кюхельбекера «К И. П. Шульгину» — СО, 1817, № 31.) *Возьми на память пук стихов.*— Парафраза строки из послания В. А. Жуковского «К Батюшкову» (1812).

50. НС, с. 40.

51. Совр., 1853, № 5, с. 2 (с поправками Пушкина). Прощальное стихотворение перед выпуском. В автографе — помета Пушкина: «Просят покорно сохранить»; им исправлены стихи: 4 («Твоей красой волшебной оживлялось»), 8 («И вы, друзья, любили голос мой») и 9 («Вам песни в дар от сельского поэта») и зачеркнут стих 13. *Царский сад* — парк в Царском Селе.

52. НЗ, 1820, № 2, с. 87 (ранняя ред. под назв. «Элегия (К Яхонтову)». П. А. Плетнев сообщал, что стихи были написаны как письмо на другой день после выпуска (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. I. СПб., 1896, с. 539). (См.: Ранние редакции...)

53. Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма [М.], 1956, с. 391 (публикация С. Я. Штрайха по автографу из бумаг Пущина). В Изд. 1959 не вошло. Написано ко дню рождения Пущина, еще в Лицее (помета Пущина — «Лицей»). Датируется условно, по содержанию.

54. Б, 1818, № 4, с. 13. Написано во время пребывания Дельвига у родителей (июнь 1817 г.— начало января 1818 г.). Читано в ОЛСНХ 28 февраля 1818 г.

55. ОЗ, 1854, № 3, с. 17 (без последней строфы). Изд. 1934, с. 394 (полностью). По-видимому, написано в Кременчуге (в ранней ред. упоминается река Псел). (См.: Ранние редакции...)

56. Совр., 1853, № 5, с. 12. Дата в автографе. Читано в ОЛСНХ («Хижина») 28 февраля 1818 г. В автографе — пометы Пушкина.

57. НС, с. 42.

58. Б, 1818, № 12, с. 267. Читано в ОЛСНХ 16 мая 1818 г.

59. НС, с. 38. Читано в ОЛСНХ 8 августа 1818 г. под назв. «К Елене в альбом». *Душенька* — героиня одноименной поэмы И. Ф. Богдановича.

60. НС, с. 29. Начинает рукописную тетрадь стихов.

61. СП, 1819, кн. XI, с. 96, с подп. «Д». (См.: Ранние редакции...) В одном из автографов название «Ларец»; под назв. «Мой ларец. Подражание немецкому» читано в ОЛСНХ во 2-й пол. 1819 г. и в ОЛРС. *Был ли слеп...*— Намек на Гомера.

62. Совр., 1853, № 5, с. 14 (стихи 1—2). Печ. по НС, с. 32. *«Все суета! все сон!»* — ироническая парафраза из книги Екклезиаста, сочинение которой приписывается царю Соломону.

63. НС, с. 35. Рукопись перечеркнута Пушкиным, сделавшим надпись: «Сохранить оборот и сделать прелесть».

64. Совр., 1853, № 5, с. 31, с пропуском стиха 7; полностью — Изд.

1934, с. 303. Ответ на послание Е. А. Баратынского «К Дельвигу» («Так, любезный мой Гораций...», 1819).

65. Б, 1820, № 2, с. 118, с подп. «Д». В автографе название «К Елене». Адресовано Е. А. Кильштедт-Боровковой. Кюхельбекер оценивал это стихотворение как «легкую прелестную безделушку» (НЗ, 1820, № 2, с. 126).

66. Изд. 1934, с. 395. Написано в период совместной жизни Дельвига и Баратынского (А. И. Д е л ь в и г, т. I, с. 48). Исполнялось в дружеском кругу и на лицейских годовщинах. Пародийно варьирует мотивы библейских книг и французских «вакхических» куплетов. *Любил плясать король Давид...*— Ср. в Книге Самуила (6, 14—16) упоминание, что Давид прыгал перед ковчегом.

67. Совр., 1853, № 5, с. 13.

68. СП, 1820, кн. III, с. 314, с подп. «Д». Читано в ОЛРС 22 марта 1820 г. Вызвало резкие нападки Н. А. Цертелева («Житель Васильевского острова») — Б, 1820, № 13.

69. НЗ, 1820, № 2, с. 94, вместе со стих. «Надпись на статую флорентинского Меркурия». Сюжет восходит к известной камее Протарха (II в. до н. э.).

70. НС, с. 33. Представлено в ОЛРС в марте 1820 г.; 22 марта цензор поэзии А. А. Крылов, допуская стих. к печати в СП, выразил сомнение в возможности пропуска его гражданской цензурой. В СП оно не появилось. Ответом на эти стихи является стих. Кюхельбекера «Поэты» (читано в ОЛРС 22 марта 1820 г.), вызвавшее донос В. Н. Каразина (см. вступ. ст.).

71. Совр., 1854, № 1, с. 32.

72. НС, с. 61. Адресат не установлен.

73. НС, с. 58.

74. Совр., 1853, № 5, с. 35 (не полностью); полнее — Полн. собр. соч. барона А. А. Дельвига. СПб., 1887, с. 78. Обращено к Е. А. Баратынскому. В послании фразеологическая перекличка со стих. К. Н. Батюшкова «Ложный страх (Из Парни)», возможно, сознательная, так как поэтическая идея прямо противоположна.

75. Совр., 1853, № 5, с. 15.

76. НС, с. 59.

77. СО, 1820, № 38, с. 233, без подп. Направлена против статьи А. Ф. Воейкова о «Руслане и Людмиле» (СО, 1820, № 34—37). Об этой эпиграмме как о дельвиговской сообщал А. Е. Измайлов в письме П. Л. Яковлеву 23 сентября 1820 г.

78. Совр., 1853, № 5, с. 15 (отрывок); полностью — НС, с. 62.

79. СП, 1821, кн. III, с. 399. Читана в ОЛРС 13 декабря 1820 г.

80. НС, с. 65 и В е р х о в с к и й, с. 17. Печ. по: В е р х о в с к и й, где дана последняя редакция (автограф ЦГАЛИ). С А. А. Крыловым Дельвиг был знаком по ОЛРС и через Плетнева, его сослуживца по Педагогическому институту. См. примеч. к стих. № 17. Послание Крылову написал

также Баратынский («К ‹рыло›ву» — («Любви веселый проповедник...», 1820); известно также послание Крылова В. К. Кюхельбекеру. Позднее Крылов выступил против «союза поэтов» (см.: Поэты 1820-х — 1830-х гг., т. 1, с. 239).

81. НС, с. 67. Адресат — вероятно, жена Г. И. Спасского.

82. Совр., 1853, № 5, с. 37. Написано летом 1821 г., когда Баратынский с полком прибыл в Петербург из Финляндии. Гераклит упоминается здесь как обозначение «плачущего мудреца», пессимиста. *Почерпнувший свои познанья В мадам Жанлис...* — О. Сомов переводил сочинение Жанлис «О надписях» (Б, 1819, № 7, 12; 1820, № 18). *Житель Острова* — кн. Н. А. Цертелев (см. примеч. к стих. № 68).

83. Русская потаенная литература XIX столетия. Лондон, 1861, с. 202. Перевод песни «Le bon dieu» (1820); по воспоминаниям А. И. Дельвига, «этот перевод тогда всех очень занимал».

84. Совр., 1853, № 5, с. 48.

85. ЦС, 1830, с. 138, с подп. «Б. Д.». Перевод песни А. Коцебу «Es kann doch nicht immer so bleiben...». Написано летом 1822 г., когда Дельвиг вместе с В. А. Эртелем и Н. И. Павлищевым приехал в Финляндию навестить Баратынского. По воспоминаниям В. А. Эртеля, в переводе участвовали также Баратынский, Эртель и Д. А. Эристов. В жанрово-стилистическом отношении близко к стих. «19 октября 1824 г.».

86. НЛ, 1823, № 6, с. 95, с подп. «Б. Д—х». Адресовано С. Д. Пономаревой.

87. ПС, вып. 13. СПб., 1910, с. 41. 19 октября — годовщина основания Лицея, ежегодно отмечавшаяся I выпуском. В 1822 г. празднование было на квартире Илличевского; пелись куплеты его и Дельвига. *Лицейский Мудрец* — рукописный журнал I выпуска (1815), где были помещены так называемые «национальные песни» лицеистов. *Скотобратские сердца* — от товарищеского словечка «скотобратцы», которым лицеисты обозначали свой кружок.

88. НС, с. 68. Вписано в альбом С. Д. Пономаревой как посвящение к сонетам.

89. Совр., 1854, № 9, с. 44.

90. СЦ на 1832, с. 4 (посмертная публикация), с предисловием, по-видимому, О. Сомова, где сказано: «Элегия „К Морфею“ сочинена была еще до 1824 года». Возможно, эта дата указывает на связь стих. с С. Д. Пономаревой, умершей 4 мая 1824 г. (Сомов, как и Дельвиг, был сильно увлечен Пономаревой).

91. СП, 1824, ч. 27, кн. I, с. 6. В автографе название «К С. Д. П—ой» (Пономаревой). 16 февраля 1823 г. А. Е. Измайлов писал П. Л. Яковлеву, что «барон Дельвиг был при смерти болен...». (См.: П. Иссл. и мат., т. VIII. Л., 1978, с. 157, 191).

92. НС, с. 70. Обращено к С. Д. Пономаревой.

93. Совр., 1854, № 1, с. 34. Возможно, имеется в виду собака Пономаревой.

94. РА, 1871, № 7—8, с. 1001 (копия, пересланная А. Е. Измайловым И. И. Дмитриеву). Пародия гимна «Гром победы раздавайся» (1791) со стихами Державина и музыкой Козловского (см.: А. И. Дельвиг, I, с. 48). По реалиям датируется 1823—1824 гг. *В вашей славе он погас...*— Ср. эпиграмму Пушкина: «Тимковский царствовал — и все твердили вслух...». *Князь* — А. Н. Голицын; стихи написаны до его отставки в мае 1824 г. *Член тюремный и Библейский...*— Красовский был одним из директоров Общества попечительства о тюрьмах. *...Даже в Глинкиных стихах.*— В 1823 г. А. С. Шишков в записке о цензуре приводил в пример вычерки Бирукова в стих. Глинки «Земная грусть».

95. Совр., 1854, № 2, с. 39 (отрывки); РА, 1871, № 7—8, с. 1007 (контаминация текстов Дельвига и Остолопова); PC, 1890, № 6, с. 677 (по копии Измайлова из архива Хвостова); ПС, вып. V, с. 157 (по копии Керн); ПЛ, с. 196 (по автографу). Датируется 1824 годом (после выхода «Замка Смальгольм»). О происхождении пародии сохранился рассказ А. И. Дельвига: «Когда Жуковский написал „Замок Смальгольм", все прельщались этим стихотворением и, между прочими, Пономарева, которая раз сказала Дельвигу, что он не в состоянии написать ничего подобного. Дельвиг, конечно в шутку, отвечал, что, напротив, ничего нет легче, и, ходя по комнате с книгою, в которой был напечатан „Замок Смальгольм", он его пародировал очень удачно» (А. И. Дельвиг, I, с. 49). Согласно Гаевскому (писавшему со слов А. И. Дельвига и Д. А. Эристова), пародия была сочинена в присутствии Измайлова и по его требованию на собрании у Пономаревой. Измайлов одобрял пародию; впоследствии ее с большим удовольствием слушал и Жуковский (Совр., 1854, № 2, с. 39). Впервые Измайлов сообщал об этой «очень удачной пародии из „Дунканова вечера"» в письме П. Л. Яковлеву от 16 января 1825 г.; 6 апреля он переслал ее И. И. Дмитриеву вместе с «продолжением», направленным против самого Дельвига и принадлежавшим, по-видимому, Н. Ф. Остолопову (РА, 1871: № 7—8, с. 989; см. также примеч. к «Певцам 15-го класса»; текст подлинной пародии см.: Керн, с. 80). Рассказ А. И. Дельвига по реалиям относится к февралю—апрелю 1824 г. (кн. II СП со стих. Жуковского вышла в феврале, Пономарева умерла 4 мая). *Пески* — район Петербурга (ныне 1—8 Советские улицы), где в доме Моденовых жил Измайлов. *Желтый дом* — здесь в двойном значении: желтого цвета и дом сумасшедших. *Где на Олина грозно вдвоем напирал...*— Речь идет о нелепых придирках А. И. Красовского и А. С. Бирукова к стих. В. Н. Олина «Стансы к Элизе» (апрель 1823 г.); замечания цензоров и ответы Олина широко распространялись в списках, в том числе и самим Олиным. (См.: Поэты 1820-х — 1830-х гг., т. 1, с. 707.) *Соскочивши на Конной с саней у столба...*— А. П. Керн рассказывала: «Вскоре после того, как мы читали эту прекрасную пародию, барон Дельвиг ехал куда-то с женой в санках через Конную площадь; подъезжая к будке, он сказал ей очень серьезно: „Вот, на самом этом месте соскочил с саней Александр Ефимович с Песков и у этой самой будки он крикнул

Бориса Федорова". Мы очень смеялись этому точному указанию исторической местности» (Керн, с. 80).

96. Изд. 1934, с. 399. Стихи не закончены. Адресат неизвестен.

97. А. И. Дельвиг, т. I, с. 49. 4 декабря 1824 г. А. Е. Измайлов передавал П. Л. Яковлеву анекдот о наводнении в Петербурге, во время которого по Невскому проспекту плыли кошка и крыса и не ссорились между собою. «А в самое то время,— подхватил Греч,— ехали же по Невскому проспекту на спинах мужиков Борис Федоров и барон Дельвиг. Последний кричал: „Федорова Борьки Мадригалы горьки" и проч., а первый: „Дельвига баронки Пакостны стишонки" и т. д.». Приписывалось Пушкину (см. коммент. М. И. Гиллельсона в РЭ, с. 773).

98. ПС, вып. 13, с. 41. Лицейская годовщина 1824 г. праздновалась на квартире Вольховского, Стевена и М. Яковлева, живших совместно. Стихи Дельвига — экспромт на песню А. Коцебу «Es kann doch nicht immer so bleiben» (см. № 32), пропетую в заключение вечера. ...*Милый начальник* — Е. А. Энгельгардт.

99. ПС, вып. 13, с. 43. Третье стих. Дельвига на лицейские годовщины; импровизация на мелодию песни из «Волшебного стрелка».

100. ПС, вып. 13, с. 45. Стихи на лицейскую годовщину 19 октября 1826 г. *Что мы двух друзей не зрим...*— Пущина и Кюхельбекера, сосланных в Сибирь.

101. РА, 1885, № 3, с. 461.

102. СЦ на 1832, с. 6. В предисловии указано: «Сонет к российскому флоту, написанный в Ревеле в 1827 году, до самой кончины поэта был тайной даже для друзей его».

103. СВ, с. 680. По рассказу А. И. Дельвига, С. А. Соболевский однажды (в 1827 г.) заснул на диване у Дельвигов и книга Беранже, выпавшая из его рук, «была объедена большою собакою Дельвига» (т. I, с. 73). Стихи пелись по вечерам в кружке (Керн, с. 79).

104. СВ, с. 681. Экспромт, присланный А. П. Керн через С. М. Дельвиг из харьковской поездки 1828 г.

105. СЦ на 1829, с. 176.

106. Молодик, ч. I. СПб., 1843, с. 105. О Щербининой С. М. Дельвиг писала А. Н. Семеновой. (См.: Модзалевский, с. 221.)

107—108. СЦ на 1832, с. 7—8, с примеч.: «Две «русские песни» — из коих одна не кончена — хранились в портфеле сочинителя более двух лет: он все еще хотел отделать их окончательно». Реалии в тексте (упоминание «турецкой границы» и «закавказских молодцов») указывают на персидскую (1826—1828) и турецкую (1828—1829) кампании.

109. Денница... на 1830, с. 166. (См. примеч. к письму № 99.)

110. СЦ на 1830, с. 25. По воспоминаниям Пушкина, эта идиллия, «написанная в самый год ⟨...⟩ смерти» Дельвига, была в первый раз рассказана ему «еще в лицейском зале, после скучного математического класса» (Пушкин, XII, с. 338). Б. В. Томашевский предполагал здесь ошибку Пушкина (Изд. 1959, с. 329); однако, по-видимому, воспоминание

это соответствует действительности. Сюжет «Отставного солдата» очень близок сюжету идиллии «Костер в лесу» («Das Feuer im Walde») Л.-Г.-Х. Гельти (в редакции Фосса). Гельти Дельвиг внимательно читал в лицейские годы; можно думать, что уже тогда у него возник национальный вариант сюжета. Писалась идиллия, вероятно, уже в 1829 г. Сохранилась копия с правкой и критическими замечаниями Е. А. Баратынского; большинство их относилось к отступлениям в ранней редакции от национального колорита и «наивного» тона рассказа солдата (см.: Изд. 1959, с. 329—331).

111. СЦ на 1830, с. 126. Эту идиллию Дельвиг начал писать в ноябре 1825 г. для В. И. Григоровича (см. письмо № 53); окончательная редакция, вероятно, относится к 1829 г.

112. ЛГ, 1830, № 55, 28 сентября, с. 152, с подп. «Z». Надпись на экземпляре Изд. 1829, подаренном Дельвигом Плетневу (ИРЛИ). *Субботы* — собрания у Плетнева.

113. СВ, с. 688. Экспромт, сочиненный во время поездки Дельвигов вместе с М. И. Глинкой, О. М. Сомовым и А. П. Керн на Иматру 28 июня — 1 июля 1829 г. Шутка Дельвига касается неудачной попытки путников пообедать на станции, где «оказалась только *плоховина* (это, изволите видеть, рыба *лоховина*) и нечто вроде кваса, *свадрик*». Наутро Дельвиг сумел достать провизию и, приглашая спутников к завтраку, сказал четверостишие (Керн, с. 62, 65, 322—323).

114. СЦ на 1830, с. 10.

115. Песни русских поэтов. Л., 1950, с. 147. Печ. по: Изд. 1959, с. 216. Здесь в первой строке слово «мелкий» заменено на «частый» в соответствии с воспоминаниями М. И. Глинки: «Помнится, что вскоре по возвращении с Иматры ⟨...⟩ Дельвиг написал мне романс: „Не осенний частый дождичек...“. Музыку на эти слова я впоследствии взял для романса Антониды „Не о том скорблю, подруженьки...“ в опере „Жизнь за царя“» (Глинка М. И. Записки. М.; Л., 1939, с. 95).

116—120. СЦ на 1830, с. 52, 65, 64, 53, 76.

121. Изд. 1934, с. 384. Обращено, по-видимому, к С. М. Дельвиг. (В автографе тщательно зачеркнуто.)

122. ЛГ, 1830, № 48, 24 августа, с. 92, без подп. Авторство раскрыто в оглавлении газеты (т. II).

123. Изд. 1934, с. 380.

124. ОЗ, 1839, т. I отд. III, с. 1 (по автографу, хранившемуся у М. Л. Яковлева).

125—127. Изд. 1934, с. 399, 383, 398.

128. СЦ на 1832, с. 9, с примеч.: «Отрывок заключает в себе хор духов из драмы, в которой барон Дельвиг хотел дать полное развитие свободной фантазии. План сей драмы был уже набросан и вместе с оным уцелело несколько хоров, по большей части недоконченных». По предположению Б. В. Томашевского, «драма» — «Ночь на 24 июня».

129. Изд. 1934, с. 399. Набросок относится к какому-то замыслу,

включавшему мотивы «Слова о полку Игореве» (ср. также упоминаемую Гаевским и не дошедшую до нас песню о Всеславе и «Рождение Леля» с подзаголовком «Песни молодого Баяна»).

130. Совр., 1853, № 5, с. 13.

131. Изд. 1934, с. 400.

132. Изд. 1934, с. 387.

133. ПС, вып. V, с. 157. По воспоминаниям Керн, Дельвиг, любивший вкусный стол, «не любил обедать у стариков Пушкиных, которые не были гастрономы, и в этом случае он был одного мнения с Александром Сергеевичем. Вот, по случаю обеда у них, что раз Дельвиг писал Пушкину» (следует текст) (Керн, с. 87).

134. НС, с. 69.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ. ПРОЗА

1. Изд. 1934, с. 403, по списку Центр. гос. Театральной б-ки им. Луначарского (Ленинград). Печ. по Изд. 1959, с. 233 (по другому списку в том же собрании). Перевод 2-го акта трагедии Лонжпьера «Медея» (1694); акт 1-й был ранее переведен С. Н. Мариным и И. А. Озеровым (братом драматурга), акт 3-й — Гнедичем, 4-й — Катениным, 5-й — Поморским. Перевод разрешен к представлению 29 января (1-я постановка — 15 мая) 1819 г. Сюжет — миф об аргонавтах. Трагедия шла в 1819—1825 гг. с Е. Семеновой в роли Медеи.

2. Изд. 1934, с. 416. Осенью 1823 г. Н. И. Гнедич задумывал коллективный перевод трагедии А. Гиро «Маккавеи» для Е. С. Семеновой. В переводе должны были принять участие Дельвиг, М. Е. Лобанов, К. Ф. Рылеев, Е. А. Баратынский и П. А. Плетнев. План остался неосуществленным; полностью закончен был только перевод 2-го действия, сделанный Плетневым к 28 ноября 1823 г. (см. его письмо Гнедичу в кн.: Из собрания автографов имп. Публичной библиотеки. СПб., 1898, с. 33—34). Дельвиг по неизвестным причинам оставил работу; Баратынский отказался в 1824 г.

3. НС, с. 71. Начало неоконченного произведения на фольклорной основе («Ночь на 24 июня» — ночь на Ивана Купалу, с которой связан ряд преданий и поверий). Предположительно относится к концу 1820-х гг.

4. Изд. 1934, с. 423.

СТАТЬИ

1. РМ, 1815, № 10—11, с. 209—212. *1.* Речь идет о невышедшей и не дошедшей до нас книге В. К. Кюхельбекера (Тынянов. Кюхельбекер,

с. XI). *2.* «Древние русские стихотворения» Кирши Данилова (1804). *3.* Имеется в виду силлабический период стихосложения.

2. СО и СА, 1829, № 22, с. 124—125, с примеч. издателей, выступивших в поддержку Дельвига. Ответ на анонимную рецензию на «Стихотворения барона Дельвига» (Г, 1829, № 19, с. 182—191), где автор (по-видимому, сам Раич) упрекал поэта за комплиментарные посвящения друзьям — Пушкину, Баратынскому и особенно Плетневу (ср.: Г, 1829, № 24, с. 166), и даже похвалы себе самому. *1.* См. «Ответ». *2.* Злоупотребление Раича этим эстетическим термином стало предметом полемики (ср.: СО и СА, 1829, № 15; Г, 1829, № 17; СО и СА, 1829, № 22; СЦ на 1830). *3.* Раич перевел «Освобожденный Иерусалим» «балладной» строфой (употребленной, в частности, Жуковским в «Двенадцати спящих девах»). *4.* П. А. Плетневу. *5.* «Мои пенаты» — послание Батюшкова трехстопным ямбом, затем употреблявшимся в дружеских посланиях.

3. ЛГ, 1830, № 2, 6 января, с. 15, без подписи, как и все последующие статьи в ЛГ. Статья появилась в отсутствие Дельвига, находившегося в Москве: текст ЛГ отредактирован Пушкиным и Сомовым. Печ. по автографу ИРЛИ без учета правки. *1.* Очерк М. П. Погодина (подп. М. П.) *2.* Очерк «Визитные карточки» принадлежал П. А. Муханову (подп. «Z»). См.: С а л и н к а В. А. К вопросу о литературном наследстве декабриста П. А. Муханова.— РЛ, 1969, № 1, с. 90.

4. ЛГ, 1830, № 14 (7 марта), с. 112—113, без подп. Авторство Дельвига удостоверено М. А. Максимовичем (Денница... на 1831 год.М., 1831, с. XIV) и Вяземским (РБ, 1914, № 4, с. 49; Звенья, т. VI. М., 1936, с. 214). Продолжение не появилось; 22 марта Дельвиг объявил, что «стечение библиографических статей о новых и приятных явлениях в нашей словесности» воспрепятствовало помещению второй статьи (ЛГ, 1830, № 17, с. 138). Сохранился черновик ее начала (см.: Из ранних редакций). Статья была принята Булгариным за пушкинскую (см. письма Вяземского к А. И. Тургеневу — ОА, т. III, с. 187—192; ср.: БЗ, 1861, с. 600); намек на это есть в известном пасквиле Булгарина на Пушкина — «Анекдот» (СПч., 1830, № 30, 11 марта). 24 марта Пушкин писал Бенкендорфу, что Булгарин сделался его врагом, так как приписал ему этот отзыв (П у ш к и н, XIV, с. 403). В августе 1830 г. в заметке, по-видимому принадлежащей Дельвигу (см.: В и н о г р а д о в, с. 413—414): «В нынешнем году «Северная пчела» отличалась неблагосклонностью к гг. Загоскину, Пушкину и Киреевскому...» (№ 45, 9 августа) — прямо указывалось, что рецензия Пушкину не принадлежит. Получив предложение написать рецензию, говорилось здесь, Пушкин «отказался, говоря: чтобы критиковать книгу, надобно ее прочитать, а я на свои силы не надеюсь» (заметка явно перекликается с началом ст. 2-й). Ответом на разбор «Димитрия Самозванца» была серия недоброжелательных отзывов СПч. на пушкинские сочинения (VII гл. «Онегина» и др.) и прямых памфлетов, перераставших в пасквили («Анекдот»). Пушкин реагировал на них статьей «О записках

Видока», где вскрыл политический авантюризм и общественную аморальность Булгарина. Полемика вызвала раздражение Николая I; защищая Булгарина, Бенкендорф ссылался на статью Дельвига как на образец несправедливой критики благонамеренного монархического сочинения (СН, кн. 6. СПб., 1903, с. 7—10). *1.* Здесь и далее цитируется предисловие к «Димитрию Самозванцу». *2.* Ср. критику этого стилистического принципа и у Пушкина («Опровержения на критики», 1830). *3.* Ср. у Пушкина требование разбирать сочинения, «ничтожные» по достоинству, но имеющие успех или влияние («О журнальной критике», 1830).

5. ЛГ, 1830, № 16, 17 марта, с. 129—130. Ответ на заметку М. П. Погодина (МВ, 1830, № 3, с. 325, подп. М. П.). *1.* Выступая против романтических новшеств (в том числе «гексаметра и баллад»), Мерзляков утверждал, что в русском языке, в силу его специфики, «не может быть ни греческих, ни латинских гексаметров в настоящем и подлинном смысле этого слова» (Труды ОЛРС при Моск. ун-те, ч. II. М., 1818, с. 52—70). *2.* Цитируется статья Н. И. Надеждина (МВ, 1830, № 4, подп.—джд—). *3.* См.: «Улисс у Алкиноя» (ВЕ, 1808, № 7). Ошибка Надеждина была отмечена и Гнедичем («Возражение» — СПч., 1830, № 33, 18 марта). *4.* Отсылка к статье «Стихотворения барона Дельвига» (МВ, 1830, № 6, с. 12, подп. «В.»).

6. ЛГ, 1830, № 17, 22 марта, с. 136—137. *1.* См. ниже № 7. *2.* Предисловие — Б. М. Федорова, с апологетической характеристикой Слепушкина как «первого русского сельского поэта», пользующегося европейской известностью. *3.* Первая публикация «Ярмарки», полученной, видимо, от самого Слепушкина.

7. ЛГ, 1830, № 19, 1 апреля, с. 152—154. Рецензия полемически противопоставлена апологетическим отзывам Полевого и Бестужева-Рюмина; последний прямо объявил Подолинского конкурентом Пушкина, а выступление Дельвига расценил как интригу (СМ, 1830, № 41, с. 160—161; № 50, с. 197—199); сам Подолинский также относил разбор за счет ревнивого отношения Дельвига к славе Пушкина (П. в восп., т. 2, с. 136). *1.* Н. А. Полевой (МТ, 1830, № 21). Слова, приведенные Дельвигом,— не точная цитата, а ироническая парафраза; в феврале 1829 г. С. П. Шевырев передавал слова Пушкина: «Полевой от имени человечества благодарил Подолинского за „Дива и Пери“, теперь не худо бы от имени вселенной побранить его за «Борского»» (ЛН, т. 16—18, с. 703). *2.* В рецензии на «Борского» Раич писал, что молодым поэтам следует «учиться поэтическому языку у г. Подолинского, как некоторые учились до сего времени у Жуковского, Батюшкова и Пушкина» (Г, 1829, № 10, с. 217). *3.* Пародия Ж. Шербулье на рассказ В. Гюго «Последний день приговоренного к смертной казни» (1829).

8. ЛГ, 1830, № 20, 6 апреля, с. 161. *1.* В главе 16-й романа Булгарина содержится выпад против «маменьких сынков», «петиметров», «фашьонеблей», которых «называют архивным юношеством» и из которых выходят «философы последнего покроя», «низатели рифм» и «отчаянные судьи

словесности и наук» (Булгарин Ф. Иван Выжигин, ч. II. СПб., 1829, с. 121). Характеристика относится к «любомудрам», резко критиковавшим Булгарина в МВ. *2.* См.: СПч., 1828, № 17, 9 февраля (строфы 36—38 и 44—53 VII главы «Онегина»). *3.* Это ироническое замечание, сделанное печатно,— очень важный эпизод в борьбе пушкинского круга против Булгарина, непосредственно связанный и с пушкинскими полемическими статьями. 29 декабря 1829 г. М. П. Погодин сообщил Шевыреву со слов Е. Ф. Розена, что рукопись «Бориса Годунова» удерживают в канцелярии III отделения, пока не вышел роман Булгарина «Димитрий Самозванец», и что в отрывке из последнего с рассуждениями Ксении о географии (СО и СА, 1829, № 45—47, ноябрь) «видно похищение из трагедии Пушкина» (РА, 1882, № 5, с. 124; ЛН, т. 16—18, с. 744). Погодин писал, что «Пушкин хочет извиниться перед публикою в заимствовании этих мыслей от Булгарина». В феврале 1830 г. эти слухи дошли до Булгарина, и он обратился к Пушкину с письмом-оправданием (Пушкин, XIV, с. 67); одновременно он начинает печатать в СПч. серию статей, где постоянно подчеркивает «подражательность» Пушкина (см.: Гиппиус В. В. Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830—1831 гг.— П. Врем., 6, с. 236 и след.); в упомянутой Дельвигом статье о VII главе «Онегина» (СПч., 1830, № 39, 1 апреля) намек на заимствование носил характер превентивного нападения. В заметке Дельвига осуществился пушкинский план полемики; ее заключительные строки перефразированы Пушкиным в нескольких оставшихся в рукописи полемических статьях, ср.: «Г. Булгарин не сказал бы, что описание Москвы взято из „Ивана Выжигина“, ибо г. Булгарин не сказывает, что трагедия „Борис Годунов“ взята из его романа» («Опровержение на критики», 1830; Пушкин, XI, с. 150, ср. также с. 154, 169); в печати — в фельетоне «Торжество дружбы...»: «...разве А. С. Пушкин не дерзнул вывести в своем „Борисе Годунове“ все лица романа г. Булгарина, и даже воспользовался многими местами в своей трагедии (писанной, говорят, пять лет прежде и известной публике еще в рукописи)?» (Пушкин, XI, с. 209—210). В настоящее время выявлено большое число совпадений между текстами «Бориса Годунова» и романа Булгарина; не все они, впрочем, объясняются заимствованиями (см.: Гозенпуд А. А. Из истории литературно-общественной борьбы 20-х — 30-х годов XIX века. («Борис Годунов» и «Димитрий Самозванец»).— П. Иссл. и мат., VI, с. 252—275). Попытку дезавуировать статью Дельвига предпринял М. А. Бестужев-Рюмин в статье «Сплетница» и заметке «Смесь» (СМ, 1831, № 1, 2 января), где пытался утверждать, что до весны 1830 г. полный текст «Бориса Годунова» не существовал; заявление это носило прямо провокационный характер.

9. ЛГ, 1830, № 22, 16 апреля, с. 178 («Смесь»). Автограф — ИРЛИ. *1.* «Собрание сочинений и переводов Дениса Ивановича Фон-Визина» (ч. 1—2. М., 1829). Это издание, осуществленное А. С. Ширяевым, изобиловало ошибками и искажениями текстов и вызвало протест племянника драматурга И. А. Фонвизина (см.: Новонайденный автограф Пушкина.

М.; Л., 1968, с. 60—61). В ЛГ была помещена критическая рецензия, в которой извещалось о подготовке нового издания И. Г. Салаева, с предисловием Вяземского (1830, № 1, 1 января, с. 5). В № 22 (рядом с публикуемой статьей) появился краткий отклик на выход 1-го и 2-го томов этого издания, подготовленного по рукописям П. П. Бекетовым.

10. ЛГ, 1830, № 22, 16 апреля. *1.* «Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова» П. А. Вяземского.

11. ЛГ, 1830, № 25, 1 мая, с. 202. *1.* Речь идет о «Подснежнике на 1830 год», изданном Е. Аладьиным; участвовали О. М. Сомов, А. И. Подолинский, Ф. Н. Глинка, А. Е. Измайлов, В. И. Карлгоф и др. О «Подснежнике» 1829 года см. письмо № 96. *2.* «Собрание насекомых».

12. Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10-ти т. М., 1959, т. 2, с. 730—731 (отрывок; публикация Т. Г. Цявловской). Печатается по автографу ИРЛИ. Статья предназначалась для ЛГ; по содержанию и месту в тетради относится к началу мая 1830 г. Об обстоятельствах ее написания см. письмо № 105. Хлопоты Дельвига и Л. С. Пушкина о восстановлении подлинного текста остались безуспешны, так как публикация в СО и СА (1830, № 17, с. 303) была сделана с «высочайшего разрешения» (см.: PC, 1903, № 8, с. 454—455; П. в восп., 2, с. 122). Только в «Деннице... на 1831 год» появился переработанный, но авторский текст («Не то беда, Авдей Флюгарин...»).

13. ЛГ, 1830, № 26, 6 мая, с. 210.

14. ЛГ, 1830, № 28, 16 мая, с. 225—226. Роман «Якуб Скупалов» вышел анонимно; существуют сведения, что автором его был А. К. Бошняк, однако современники и последние исследования с большим основанием указывают на П. П. Свиньина (Гоголь, т. X, с. 429—430; Полевой, с. 374—375; СМ, 1830, № 48, 21 апреля, с. 190; ср.: Степанов А. Н. Гоголь в «Отечественных записках».— Труды Отдела новой рус. лит., т. I. М.; Л., 1957, с. 73—75) (Пушкинский Дом). *1.* Автором этой анонимной рецензии в МТ был Н. А. Полевой. *2.* Может быть, намек на Булгарина и Бенкендорфа (ср. переписку Пушкина с Бенкендорфом в марте — апреле 1830 г. — Пушкин, XIV, с. 72—73, 75).

15. ЛГ, 1830, № 30, 26 мая. *1.* Неточность: как раз очерк Скотта о Радклиф был переведен (СО, 1826, № 2, 4, 5, 7).

16. ЛГ, 1830, № 30, 26 мая, с. 242.

17. ЛГ, 1830, № 34, 15 июня, с. 275—276. *1.* В предисловии были повторены сведения, сообщенные в рекламных целях самой СПч.: 26 марта роман вышел в свет, а 2 апреля «приступлено ко второму тиснению», так как был раскуплен тираж (2000 экземпляров, по цене 15 рублей, см.: СПч., 1829, № 40, 2 апреля). Коммерческий успех «Ивана Выжигина» был реальностью и рассматривался пушкинским кругом как показатель низкого эстетического уровня читателя (см.: ПС, вып. 29—30, с. 29; ЛН, т. 58, с. 87—91). *2.* См.: СПч., 1828, № 144, 1 декабря.

18. ЛГ, 1830, № 34, 15 июня, с. 276.

19. ЛГ, 1830, № 37, 30 июня, с. 8. *1.* Опечатка — в «Трех песнях» Жуковского: «Споешь ли мне песню веселую, скальд?» (ч. I, с. 1) вместо «Споет ли...». *2.* «Песня Клары» из Гете — «Стучат барабаны» из «Эгмонта». Гете в переводе Д. В. Веневитинова (ч. II, с. 121—122). *3.* «Дифирамб» Коцебу — «Застольная песня» Дельвига. Вторая часть альманаха начинается разделом «Народные песни»; по небрежности издателей, литературные тексты не отделены никаким заголовком. *4.* Романс В. Л. Пушкина «К лире» в альманахе был подписан: «А. Пушкин» (ч. I, с. 86—90).

20. ЛГ, 1830, № 38, 5 июля, с. 16. *1.* Концепция характера Шуйского у Дельвига очень близка к пушкинской (см.: Пушкин, XIV, с. 47, 396).

21. ЛГ, 1830, № 39, 10 июля, с. 23—24.

22. ЛГ, 1830, № 40, 15 июля, с. 32. Издатель альманаха неизвестен.

23. ЛГ, 1830, № 41, 20 июля, с. 40. *1.* Переводчик — Д. П. Ознобишин.

24. ЛГ, 1830, № 42, 25 июля, с. 47—48. *1.* Вероятно, намек на Булгарина. *2.* В очерке «Слава, нас учили, дым» («Новый живописец общества и литературы» (приложение к МТ.— *В. В.*), 1830, № 12) приводились похвалы современников С. Полоцкому и др. (в том числе Карамзину), как образцы временных и преходящих оценок; далее в тексте пародировались Погодин и Вяземский. *3.* Цитата из послания «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» В. А. Жуковского (1814). *4.* Ср. ту же характеристику Скотта у Пушкина (〈«О романах Вальтера Скотта»〉, 1830).

25. ЛГ, 1830, № 43, 30 июля, с. 55—56. Рецензия — важный эпизод эстетической полемики между ЛГ и СПч. СПч. пропагандировала сочинения Масальского в «нравственно-сатирическом» роде, в частности его стихотворную повесть «Терпи, казак, атаман будешь» (СПч., 1829, № 60, 1830, № 25, 53); в № 36 ЛГ за 25 июня появилась резкая рецензия на нее Вяземского, где повесть определялась как «Иван Выжигин» в стихах. 17 июля СПч. объявила о распродаже 2-го и подготовке 3-го изд. повести и одновременно о выходе комедии «Классик и романтик...». Рецензия Дельвига была продолжением этой полемики. *1.* Имеется в виду полемика между сторонниками А. С. Шишкова и Карамзина, начавшаяся после выхода книги Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803). *2.* Намек на Н. А. Полевого. *3.* В «Письме к издателям» (СО и СА, 1830, № 28) Масальский отвечал на рецензию Вяземского и на распространившийся слух, что в «Классике и романтике...» выведен Дельвиг (см. в явлении XII пародийную оду «сафическим размером», несколько напоминающую стихи Дельвига); отсюда утверждение, что в комедии «все лица вымышленные». Отзыв Сомова в СЦ на 1830, очень сдержанный, отмечал, однако, оригинальность «стихотворного романа» Масальского. См.: Поэты 1820-х — 1830-х гг., т. 2, с. 738—741 (коммент. В. С. Киселева-Сергенина); *4.* СПч., 1830, № 25, 27 февраля. *5.* См.: Г, 1830, № 29, с. 267—268.

26. ЛГ, 1830, № 48, 24 августа, с. 97—98. *1.* О. И. Сенковский (цити-

руется его предисловие к переводу). *2*. Этот перевод («Похождения Мирзы Хаджи Бабы Исфагани в Персии и Турции, или Персидский Жилблаз», ч. 1—4), сделанный Сенковским еще в 1825 г., вышел в 1831 г.

27. ЛГ, 1830, № 49, 29 августа, с. 106.

28. ЛГ, 1830, № 50, 3 сентября, с. 113—114. Эта рецензия вызвала резкие возражения Кронеберга («Брошюрки. Издаваемые Иваном Кронебергом». № 6. Харьков, 1831, с. 8—9, 11—12); вместе с тем в «Материалах по истории эстетики» он дал более серьезную, нежели ранее, критику французской эстетики (Русские эстетические трактаты первой трети XIX века, т. 2. М., 1974, с. 615—616, примеч. З. А. Каменского).

29. ЛГ, 1830, № 52, 13 сентября, с. 131. *1*. Кубра — речка, протекавшая в имении Хвостова «Слободка» и постоянно фигурировавшая в его стихах; иронический смысл пассажа увеличивается тем, что М. Н. Макаров был литературным противником Хвостова и комплименты его носили дипломатически сдержанный характер.

30. ЛГ, 1830, № 54, 23 сентября, с. 147—148. Атрибутировано Гаевским в экземпляре ЛГ (ИРЛИ), со ссылкой на автограф. *1*. Анекдот о Ф. Ф. Кокошкине (см.: Вяземский П. Старая записная книжка. Л., 1929, с. 81).

31. ЛГ, 1830, № 55, 28 сентября, с. 156. *1*. Напечатано: МТ, 1825, № 17, подп. «Н. К.». *2*. Это рассуждение соотносится со статьей в МВ об «Апологических стихотворениях» Н. Ф. Остолопова (1827, № 19, подп. «Романтик»), где развивалась мысль о басенном жанре как продукте «ума младенчествующего» в эстетическом отношении; статья вызвала отклики (ср. в письме В. И. Туманского М. П. Погодину: «Басня не есть знак ума младенчествующего, но знак ума, работающего в оковах»,— Барсуков, II, с. 72—73).

32. ЛГ, 1830, № 56, 3 октября, с. 163—164. Непосредственным поводом к этой рецензии-памфлету было также памфлетное выступление Н. А. Полевого под видом рецензии на ту же книгу (автор неизвестен): МТ, 1830, № 14. Воспользовавшись случаем, Дельвиг ответил и на другие выпады против ЛГ и ее сотрудников, в частности Пушкина. *1*. Речь идет об «Отрывках из нового альманаха „Литературное зеркало“», с подп. «А. Феокритов с товарищами» (намек на Дельвига и ЛГ), где Полевой писал: «...мы представим точные подражания самым модным, самым знаменитым нашим поэтам 〈...〉: палочные эпиграммы, лихие песни, летанье куда-то, ревущие от рифменной боли стихи в альбомы, подражания древним; безнадежность, тоска, отчаяние, лень, пьянство смертное в поэзии» и т. д. (Новый живописец..., 1830, № 2, январь, с. 27). В качестве предмета пародий фигурировали Дельвиг, Вяземский («Шолье-Андреев»), Баратынский («Гамлетов»), возможно, Пушкин («И. Пустоцветов»), позднее Языков («Буршев»), см.: Русская стихотворная пародия (XVIII — нач. XX в.). Л., 1960, с. 318—359. Прямой отклик на эти пародии есть в статьях Пушкина «Невский альманах на 1830 год» и «Англия

есть отечество карикатуры и пародии» (Пушкин, XI, с. 117—118) *2*. Статьи пародийного альманаха «Альдебаран» (см. первое упоминание о нем: СО и СА, 1830, № 13, с. 62—63), составленного из сочинений, «которые по внутреннему и наружному достоинству своему не могли быть помещены ни в одном из наших периодических изданий» (ироническая парафраза программной статьи ЛГ ⟨«О журнальной критике»⟩, написанной Пушкиным), печатались среди других статей в отделе «Словесность» и включали пародии на статьи Вяземского, Погодина, «любомудров», стихи Дельвига («Аполлон Зевесов», «Санрим-Санрезонов»), Воейкова («Пуд Скучалкин»), Пушкина («Фома Пищалкин», «Африкан Желтодомов»). Статья «Альдебарана» «О происхождении имени руссов» (СО и СА, 1830, № 15), где пародировались нападки Погодина на «Историю русского народа», вызвала ответ Вяземского в ЛГ («Все благоразумные люди предвидели...»,— 1830, № 23, 21 апреля, без подп.). Вяземский выступал против грубого тона полемики и предсказывал близкий разрыв Полевого и Греча и Булгарина. На статью Вяземского откликнулся М. А. Бестужев-Рюмин пасквилем «Сплетница»; в СО и СА появилась переписка «читателя СО» «П. Коврижкина» (намек на Вяземского) с «издателем Альдебарана», где высмеивались издатели ЛГ, принявшие «шуточные пародии» «за статьи сериозные» (СО и СА, 1830, № 17, с. 304—305). Вся эта полемика прямо или косвенно отразилась в статье Дельвига в полемически-пародийном изложении. *3*. Цитата из «Дзядов» А. Мицкевича в переводе М. П. Вронченко. *4*. Полевой объявил подписку на 12 томов «Истории», обещав выдать их в кратчайшие сроки. *5*. Д. И. Хвостов, автор стихотворения «Майское гулянье в Екатерингофе 1824 года» с автохарактеристикой «я, Екатерингофа бард». *6*. Статья Полевого о «Купеческом сынке...» была резкой полемической декларацией; в ней была перепечатана статья «Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии...», которая объявлялась актом «литературной недобросовестности», то есть попыткой апелляции к правительству (см.: Полевой, с. 67, 459), а сама ЛГ — «последним усилием жалкого *литературного аристократизма*», которому Полевой объявлял беспощадную войну (см. вступ. ст.). Вяземский был одним из организаторов МТ и основным его сотрудником в первые годы и порвал с Полевым после начала его полемики против Карамзина в 1829 г. *7*. В «Отрывках из нового альманаха...» (как и в «Альдебаране») были повторены нападки на статью ⟨«О журнальной критике»⟩: «Когда ж нам станут говорить, что наша газета лишняя, что она пуста, не нужна публике, то мы объявим, что не для публики издаем ее, а для *некоторых* писателей, коим нельзя было печатать своих отрывков ни в одном из других русских журналов» (с. 28). *8*. Цитация имеет прямой памфлетный смысл: намек на «купеческий» характер деятельности Полевого.

33. ЛГ, 1830, № 57, 8 октября, с. 171—172. *1*. Переводчиком книги был В. Д. Комовский.

34. ЛГ, 1830, № 58, 13 октября, с. 180. *1.* Цитата из «Орлеанской девы» Шиллера в переводе Жуковского.

35. ЛГ, 1830, № 60, 23 октября, с. 195. *1.* «Ах ты, туча, туча черная...».

36. ЛГ, 1830, № 60, 23 октября, с. 195—196. «Цитра» — первый, беспомощный даже технически, сборник И. Р. Грузинова. «Два послания Выпивалина...» — Ф. Улегова. Отзыв о «посланиях» повторен также в рецензии на «Гостиный двор российской словесности» того же Улегова; предполагается, что и эта рецензия (ЛГ, 1830, № 65, 17 ноября) принадлежит Дельвигу (Блинова, с. 99, 185). «Старичок-весельчак...» (1-е изд., 1790) — сборник фацетий и анекдотов, вошедших и в лубочную литературу.

37. ЛГ, 1830, № 60, 23 октября, с. 197. *1.* В «Письме из Карлова на Каменный остров» Ф. Булгарин опровергал известие ЛГ, что он написал два тома нового романа (СПч., 1830, № 91, 31 июля). *2.* Речь идет о полемике внешне по частному поводу, имевшей серьезные последствия для ЛГ. В СПч. (1830, № 103, 28 августа) были опубликованы сатирические данные о смертности от холеры в Астрахани; в № 59 ЛГ (18 октября) напечатано письмо из Астрахани, где эти сведения объявлены преувеличенными. 21 сентября в СПч. появилось «Уведомление», где указывалось, что издатели «печатают одни те известия, которые сообщаются им *официяльно* высшим правительством», «оставляя без внимания слухи, толки и частные известия, распространяемые по внушению мелких страстей или по каким-нибудь личным видам». После антикритики Дельвига в полемику вмешался Бенкендорф, указавший министру народного просвещения К. А. Ливену на недопустимость возражений официальным сведениям в СПч. (РС, 1916, № 5, с. 264). Этот эпизод приблизил запрещение газеты и, возможно, отразился в пушкинских «Опровержениях на критики» (см. заметку «В одной газете (почти официальной)...»).

38. ЛГ, 1830, № 64, 12 ноября, с. 230. Повесть посвящена «наставнику Владимиру Карловичу Бриммеру».

39. ЛГ, 1830, № 65, 17 ноября, с. 244—245. В момент написания статьи в руках Дельвига был перевод «Макбета», сделанный В. К. Кюхельбекером, который Дельвиг пытался издать (см. примеч. к письмам Н. М. Коншину и А. П. Елагиной); обоснованные Кюхельбекером принципы перевода во многом совпадают с заявленными в рецензии.

40. ЛГ, 1830, № 68, 2 декабря, с. 262—263. *1.* Илья Муромец — здесь: герой волшебно-рыцарской поэмы Н. М. Карамзина (1794). *2.* Намек на «Борского» Подолинского, где героиня оказывается лунатиком. *3.* Отзыв Дельвига был одной из причин литературного конфликта с Розеном (см.: Вацуро, с. 202—203, 271).

41. ЛГ, 1831, № 1, 1 января, с. 7—8; № 2, 6 января, с. 15—17 Последняя статья Дельвига, оставшаяся неоконченной из-за его смерти. Продолжение было обещано в № 3 (11 января); 14 января Дельвиг

скончался. Этот разбор — хронологически первый отклик на полный текст трагедии. По-видимому, Дельвиг предполагал написать обширную статью. Начало ее вызвало неудовлетворенность Вяземского, писавшего Пушкину 14 января: «Что за разбор Дельвига твоему Борису? Начинает последним монологом его» (Пушкин, XIV, с. 144). *1.* Дипломатический характер этих пассажей раскрывается ясно при сопоставлении с письмами Дельвига (№ 112—114). *2.* Это суждение принял на свой счет П. А. Катенин (по-видимому, неосновательно; см.: Катенин П. А. Размышления и разборы. М., 1981, с. 308—309). *3.* Здесь анахронизм: «Борис Годунов» закончен в 1825, «Полтава» — в 1828 г. Оценка «Полтавы» как нового этапа пушкинского творчества близка к пушкинской самооценке. На мнение Дельвига Пушкин ссылался в черновиках «Опровержения на критики» (Пушкин, XI, с. 158). Мысль о «Полтаве» как произведении переходном высказывалась и И. В. Киреевским («Обозрение русской словесности 1829 года»). *4.* Ср. у И. В. Киреевского («Нечто о характере поэзии Пушкина», 1828): «Пушкин рожден для драматического рода. Он слишком многосторонен, слишком объективен, чтобы быть лириком» (Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979, с. 54). Дельвиг не одобрял и самого сюжета, о чем не счел нужным сообщать в печати (Пушкин, XI, с. 160). *5.* Об этом писал сам Пушкин в набросках предисловия к «Борису Годунову» (Пушкин, XI, с. 66).

КОЛЛЕКТИВНОЕ

1. ИВ, 1883, № 2, с. 468 (как произведение Пушкина). Написано совместно с Баратынским. Об этих стихах, слышанных от С. М. Дельвиг, вспоминала А. П. Керн (Керн, с. 79—80). По рассказу К. А. Полевого, на вечере у Н. А. Полевого весной 1827 г. Пушкин «вспоминал шутливые стихи Дельвига, Баратынского и заставил последнего припомнить написанные им с Дельвигом когда-то рассказы о житье-бытье в Петербурге. Его особенно смешило то место, где в пышных гексаметрах изображалось столько же вольное, сколько невольное убожество обоих поэтов, которые «в лавочку были должны, руки держали в карманах (перчаток они не имели!)» (Полевой, с. 234). *Какое в россиянах чувство!* — Шуточная парафраза строки из «Водопада» Державина («Какое чувство в россиянах!»).

2. Баратынский Е. А. Полн. собр. стих., т. 1. Л., 1936, с. 325, по копии А. Е. Измайлова; Изд. 1959. Принадлежность Дельвигу и Баратынскому устанавливается находящимися в том же списке «Куплетами, прибавленными посторонними», принадлежащими А. Е. Измайлову (РЛ, 1975, № 4, с. 156). *Певцы 15-го класса* — находящиеся за пределами — «табели о рангах», где низшим был XIV класс. *Князь Шаховской*

согнал с Парнаса...— В «прологе в стихах и прозе» А. А. Шаховского «Новости на Парнасе, или Торжество муз» (поставлен 10 июля 1822 г.) происходит изгнание с Парнаса Водевиля, Журнала и Мелодрамы. *Хотя и согнан я с Парнаса...*— Имеется в виду Измайлов с журналом «Благонамеренный». *Я перевел по-русски Тасса...*— Речь идет о Н. Ф. Остолопове, переводчике «Бдений Тассо» Дж. Компаньони, выдававшихся за подлинные сочинения Тассо («Тассовы ночи», 1808; 2-е изд.— 1819). *Но я идиллии писал...*— В. И. Панаев, автор «Идиллий» (1820). *Поймав в Париже Сен-Томаса...*— Написано от имени О. М. Сомова, посетившего в 1819—1820 гг. Париж; А. де Сен-Тома при помощи Сомова переводил на французский язык «Историю Государства Российского». *Я конюхом был у Пегаса...*— Традиционно относится к М. Е. Лобанову, выпустившему в 1823 г. свой перевод «Федры» Расина («Федора»), встреченный апологетической рецензией Сомова (СО, 1823, № 46) и резким отзывом Пушкина (в письме к Л. С. Пушкину в январе 1824 г.). Однако в эти годы Лобанов (сослуживец Дельвига по Публичной библиотеке и приятель Гнедича) сохраняет с обоими поэтами вполне лояльные отношения (см. также примеч. к наброску перевода «Маккавеи»). В 1825 г. Дельвиг и Лобанов поддерживают семейное знакомство. Возможно, поэтому куплет направлен не против него, а против И. Б. Чеславского, печатавшего в 1820—1826 гг. в Б и СО почти исключительно отрывки из своего перевода «Федры» и принятого за них в ОЛСНХ и ОЛРС (18 декабря 1822 г.). Есть сведения об устном выступлении Чеславского против сатиры Баратынского на «измайловцев» — «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры» (1823) (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 г. Л., 1974, с. 56—57). *Я сам, Княжевич...*— Все четыре брата Княжевичи были связаны с кружком Б., речь идет, по-видимому, о Дмитрии или Владиславе Максимовиче Княжевиче. *Хотел достигнуть я Парнаса...*— Д. И. Хвостов, печатавший свои произведения на собственный счет. *Я цензор...*— А. С. Бируков.

3. Совр., 1854, № 9, с. 18. По утверждению Пушкина, написано им вместе с Дельвигом в Михайловском в 1825 г.; В. Л. Пушкину, обидевшемуся на племянника, было представлено как сочинение Дельвига (Пушкин, XIII, с. 165—166, 181, 231; ср. письмо № 65 и Гаевский, 4, с. 18), что дало основания подозревать единоличное авторство Пушкина. Окончательное решение вопроса в настоящее время затруднительно. А. Л. Пушкина умерла 14 октября 1824 г. *Увы! зачем Василий Львович...*— Стихи В. Л. Пушкина на смерть сестры см.: ПЗ на 1825. Близкая формула – в письме Пушкина О. С. Пушкиной 4 декабря 1824 г. (Пушкин, XIII, с. 127).

4. РВ, 1842, № 1, с. 22, без подп. и с заменой имени на «Пустяков» (1 строфа); вторично — БЗ, 1858, № 12, с. 370 (как стих. Пушкина). Строфы встречаются в списках как отдельные стих. По воспоминаниям А. И. Дельвига, Л. С. Пушкин «любил много есть и пить вина, вследствие

чего Дельвиг в одном из своих стихотворений, написанных им вместе с Баратынским, начал следующею строфою» (следует текст). «За этою строфою следовала строфа о поэте Федоре Николаевиче Глинке, известном тогда перелагателе в стихи псалмов царя Давида» (следует текст). А. И. Дельвиг указывал, что существовали строфы и о других лицах. По свидетельству С. А. Соболевского, в сочинении куплетов принимали участие также П. А. Плетнев, сам. Л. С. Пушкин и др. (Изд. 1959, с. 337).

5. ЛГ, 1830, № 36, 25 июня, с. 293, без подп. Написано в ответ на полемические выпады МТ и СПч. против «литературной аристократии» (см. вступ. ст.). По свидетельству А. И. Дельвига, эта и след. ст. были написаны в его присутствии Пушкиным и Дельвигом в июне 1830 г. (П. в восп., т. 2, с. 125—126). С середины марта Пушкина не было в Петербурге, поэтому участие его в этой заметке оспаривается (Блинова, с. 170). «Les aristocrates à la lanterne» — припев французской революционной песни «Ça ira». *Военная и статская служба...*— Согласно «Табели о рангах» Петра I, XIV класс в военной службе и VIII — в гражданской давал право на потомственное дворянство; по указу 1809 г., для получения такого чина нужно было иметь высшее образование или выдержать специальный экзамен. *Известный баснописец...*— И. И. Дмитриев. *Эпиграмма* — «Он вам знаком. Скажите кстати...» — Е. А. Баратынского, направленная против Н. А. Полевого.

6. ЛГ, 1830, № 45, 9 августа, с. 72, без подп. Предполагается участие Пушкина (см. выше, примеч. к № 5); включается в раздел «Dubia» в сочинения Пушкина (Пушкин, XI, с. 282); вопрос о его авторстве, однако, дискуссионен (Блинова, с. 175). Прямая связь с этой заметкой есть в «Опровержении на критики» и «Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений» Пушкина (1830). Резкие отклики на нее — в МТ (1830, № 14, см. примеч. к ст. № 32) и в Г (1830, № 34). Статья привлекла внимание Бенкендорфа, обратившего внимание на «неприличность» ее «в особенности при нынешних политических обстоятельствах» (то есть Июльской революции во Франции); у Дельвига были потребованы объяснения (см. письмо № 109). Не удовлетворенный ими, Бенкендорф сделал Дельвигу «строгий выговор», предупредив, что за ЛГ будет особый надзор (П. в восп., т. 2, с. 127). По свидетельству А. И. Кошелева, Бенкендорфа привела «в ярость» ссылка Дельвига на цензурный устав (Кошелев А. И. Записки. Berlin, 1884, с. 31—32); распространялась фраза Бенкендорфа: «закон для подчиненных, а не для нас» (ЛН, т. 22—24, с. 107). *«Северная пчела» помнит...*— Речь идет о «Письме в Париж» П. А. Вяземского (МТ, 1825, № 22), где автор иронизировал над СПч. и ВЕ, издевавшимися над купеческим происхождением Полевого.

ПИСЬМА

1. Гаевский В. П. Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения. Ст. 3.— Совр., 1863, № 8, с. 383. Отрывок из недошедшего до нас письма «к тетушке» (неизвестно, которой). Гаевский располагал и другими неизвестными ныне письмами к этому адресату, на которые ссылался в своей статье; некоторые упоминания не попали в печатный текст (такова ссылка на письмо 1814 г., где Дельвиг «сравнивает опухоль на носу с рождением Эроса» (см. автограф ст. Гаевского — ИРЛИ, ф. 244, оп. 17, № 54, л. 14 об.). *1.* По указанию Гаевского, речь идет о семействе Бакуниных.

2. Лит. портф., с. 19—20. Написано уволившемуся и уехавшему в имение Лонку С. С. Фролову сразу после пасхальных праздников 25 марта.

3. ПК, с. 23. *1.* Пиеса — стих. «Видение», посвященное Кюхельбекеру.

4. Кобеко, с. 486. *1.* Дельвиг служил в канцелярии Министерства финансов со 2 апреля 1819 г. по 1 октября 1821 г.; 2 октября определен помощником библиотекаря в Публичную библиотеку. До официального назначения служил без жалованья 13 месяцев, за что в 1822 г. получил награждение в 1000 руб. (Верховский, с. 47—50).

5. PC, 1875, № 7, с. 360, с неверной датой «1822». Датируется по содержанию. *1.* Это письмо неизвестно. В Тифлисе Кюхельбекер прослужил до конца апреля 1822 г.; настоящее письмо, видимо, адресовано в Закуп Смоленской губ., имение сестры Кюхельбекера, где он жил с июля 1822 г. *2.* Дельвиг в 1820 г. был приглашен А. Л. Нарышкиным в качестве секретаря в заграничную поездку и рекомендовал вместо себя Кюхельбекера. В Париже Кюхельбекер читал лекцию о русской литературе с резкой критикой правительственной реакции; результатом был его разрыв с Нарышкиным и политические преследования во Франции и России (ЛН, т. 59, 1954, с. 345—350). О состоянии матери Кюхельбекера писал ему Е. А. Энгельгардт в январе 1823 г. (PC, 1875, № 7, с. 362). *3.* Кюхельбекер переехал в Москву 30 июля 1823 г. (Тынянов. Кюхельбекер, с. XXXIII). *4.* «Кассандра» — поэма Кюхельбекера, посланная им из Закупа Жуковскому 17 февраля 1823 г. *5.* «Тимолеон» — трагедия «Аргивяне» (с главным героем Тимолеоном), законченная в первой редакции к январю 1823 г. и пересланная Плетневу и Жуковскому (ЛН, т. 59, с. 518). 14 февраля 1823 г. Кюхельбекер в письме к С. Д. Комовскому интересовался мнением Дельвига о ней (ПЛ, с. 85—86). *6.* «Греческая ода» — стихи «К Румью!» (1821); отзывы Пушкина о ней, как и о посланиях «Ермолову» и «Грибоедову», сдержанны или отрицательны (письмо Л. С. Пушкину от 4 сентября 1822 г.). *7.* М. К. Кюхельбекера, находившегося в дальнем плавании на шлюпе «Аполлон».

6. Е. А. Боратынский. Материалы к его биографии. Из Татевского архива Рачинских. С введ. и примеч. Ю. Верховского. Пг., 1916, с. 87

Адресат и дата предположительны. Как указал Ю. Н. Верховский, «10 пьес» одновременно Дельвиг мог отдать только в ПЗ. В ПЗ, 1824 помещено 5 стих. Дельвига и 4 — в СП и «Лит. листках» (1823), с которыми также были связаны Рылеев и Бестужев; одно, возможно, не прошло цензуру, от которой особенно пострадала ПЗ, 1824.

7. ЛН, т. 58, с. 42 (отрывок). Полностью публикуется впервые.

8. РС, 1875, № 7, с. 377—378. Датируется по содержанию: в письме упоминается Баратынский, пробывший в Петербурге с середины июня до 5 августа 1824 г. и Н. А. Муханов, в 20-х числах июня отправлявшийся в Москву (см.: Вацуро, с. 254). *1*. «Молодая узница» И. И. Козлова в «Мнемозине» не появилась, как и стихи Дельвига и Жуковского. Речь идет о второй части альманаха, вышедшей 12 июня, но раздававшейся подписчикам только 5 июля (П. в печ., с. 25).

9. Изд. 1893, с. 150. *1*. Произведение неизвестное; предисловие Глинки в печати не появилось. *2*. «Древние замки. (Письмо VI, к другу)» и «Неузнанная» (СЦ на 1825).

10. ЛН, т. 58, с. 42 (отрывок); полностью — Вацуро, с. 33. *1*. Вяземский прислал в СЦ стихи «К журнальным близнецам», «К княжне *** при посылке моих песен», «Младой певец», «Недовольный», «Простосердечный ответ». *2*. Стихи Дмитриева в альманахе не появились. *3*. Вяземский был автором «Известия о жизни и сочинениях И. И. Дмитриева» (1823).

11. РА, 1880, кн. II, с. 500—501. *1*. Это письмо не сохранилось. *2*. Популярный сюжет, легший в оснóву, в частности, «Райской птички» Н. М. Карамзина. *3*. Шутливый намек на свою сонливость и на описание в «Прозерпине» дверей Элизея, «откуда вылетает Сновидений ложный рой». *4*. В апрельском письме 1825 г. Пушкин упрекал Вяземского за нежелание отвечать Дельвигу; 4 августа Вяземский писал ему: «Неужели Дельвиг сердился на меня за молчание? Я хоронил и умирал, вот причины моей невежливости. 〈...〉 Оправдай меня перед ним, хотя и сам я с ним видался и извинялся» (Пушкин, XIII, с. 166, 200). *5*. «Водолаза» («Кубок») Жуковский окончил только в 1831 г. *6*. СЦ на 1825 вышли позже, в конце декабря. *7*. «Послание к Богдановичу» — «Богдановичу», ранняя ред. *8*. Романтическая поэма — «Эда». *9*. См. примеч. к стих. «Романс» («Друзья, друзья, я Нестор между вами...»). *10*. Этот план осуществил в 1827—1828 гг. А. Ф. Смирдин. Пушкин прислал в СЦ отрывки из строф VII—X второй главы (более 40 стихов) и «Отрывок из письма к Д〈ельвигу〉».

12. РА, 1880, кн. II, с. 501—502. *1*. Намек на усиление реакции, цензурного террора и политических репрессий. *2*. Грузино — имение всесильного временщика А. А. Аракчеева; с ним пытался наладить связь Булгарин (Греч, с. 687—688; П. Иссл. и мат., т. VIII. Л., 1978, с. 161—162). *3*. Замечания о Карамзине и Жуковском (назначенном воспитателем к наследнику) ироничны. Александр I с 16 августа по 24 октября совершал поездку по восточным областям Европейской России.

13. Изд. 1893, с. 150—151. Датируется по связи с № 9 и по содержанию. Ф. Н. Глинка переехал в Петербург с дачи, по-видимому, в начале октября, в это время он после летнего перерыва начинает посещать заседания в ОЛРС (Базанов, с. 439). Тогда же в СЦ поступают запоздавшие произведения (Вацуро, с. 34—35). *1.* Субботние собрания у Плетнева.

14. ПК, с. 29, с датой «июль — начало августа 1824 г.». Уточняется по связи с письмами Дашкова, написанными в октябре 1824 г.; наиболее вероятная дата, приходящаяся на четверг,— 16 октября. *1.* Имеется в виду «Отсроченная казнь» Паллада из подборки переводов «Цветы, выбранные из греческой анфологии» (МТ, 1827, № 17). *2.* Все поправки Дашкова были учтены.

15. Верховский, с. 38.

16. А. С. Пушкину. РА, 1880, кн. II, с. 502—503. *1.* Четверг на святой неделе — 2 апреля. Дельвиг приехал между 8 и 18 апреля. По рассказу брата Дельвига, А. А. Дельвига, после отъезда поэта в Витебск распространился слух о его смерти. «Пушкин, не получая от него вестей, послал к нему письмо на большом листе, на котором было написано: „Дельвиг, жив ли ты?“» (Совр., 1854, № 1, отд. III, с. 13; Пушкин, XIII, Dubia, 6).

17. Кобеко, с. 487.

18. Верховский, с. 40. Аттестат был выдан Дельвигу 29 мая (Гастфрейнд, с. 319—320).

19. ПК, с. 26. «Она» — С. М. Салтыкова, с которой Дельвиг познакомился у Рохмановых в Царском Селе в начале мая. 14 мая Салтыкова писала А. Н. Семеновой, что Дельвиг был у них три раза и познакомился с ее отцом (Михаилом Александровичем), «который им очарован» (Модзалевский, с. 164—165).

20. ЛН, т. 58, с. 50 (отрывок). Полностью — ПК, с. 26. *1.* «Подражания корану» Пушкина (4-е «подражание» напечатано в СЦ на 1826). Плетнев прислал текст при письме 19 мая. Стихи Пушкина Дельвиг давал читать Салтыковой (Модзалевский, с. 167). Дельвиг вернулся в Петербург 22 мая (ОА, т. III, с. 128); Салтыкова гостила у Рохмановых до 24 мая. *2.* По вторникам Салтыкова ездила слушать лекции Плетнева в пансион Шретер.

21. Кобеко, с. 487. Дельвиг был уволен «по прошению» 29 мая (Гаевский, 1, с. 21).

22. Это и все последующие письма к Салтыковой и письма к А. А. и Л. М. Дельвигам впервые — Сб. Пушкинского Дома на 1923 год. Пг., 1922, с. 78—95 (публ. М. Л. Гофмана). Письма не датированы; расположение и даты установлены М. Л. Гофманом; уточняются по косвенным данным, содержащимся в письмах С. М. Дельвиг к А. Н. Семеновой-Карелиной (Модзалевский, с. 164 и след.).

26. СПб. вед., 1866, № 146 (31 мая) (отрывок). Полностью публикуется **впервые**. *1.* Описка, вместо «Александровна». *2.* Е. А. Баратынский

(Боратынский, двойное написание фамилии отразилось в письме), служивший унтер-офицером в Финляндии, после длительных хлопот влиятельных друзей получил офицерский чин; о производстве стало известно в начале мая 1825 г. *3.* Известен лишь один альбом А. Н. Вульф с автографом стихов Дельвига (см. примеч. к стих. «В альбом А. Н. В—ф»), но с более поздней записью (1826). *4.* Маленькие друзья — дети Осиповой: Валериан, Михаил, Екатерина и Мария.

27. Изд. 1893, с. 155. Цель этого запроса неясна; по-видимому, он был связан не с литературной, а со служебной деятельностью Дельвига в Публичной библиотеке.

28. *1.* Изменение отношения М. А. Салтыкова к уже намеченному браку было связано с какой-то городской сплетней (см.: Модзалевский, с. 169—172).

29. *1.* Этот визит был, по-видимому, в конце июня; Вяземский (живший вместе с Карамзиным в Царском Селе) 2 июля был уже в Петербурге, 4 июля выехал в Ревель (ОА, т. V, вып. 1, с. 51—52).

34. *1.* Известие о свадьбе А. Н. Семеновой и Г. С. Карелина было получено в начале августа (Модзалевский, с. 175—176). *2.* Имеются в виду французские поздравительные стихи С. Л. Пушкина, с надписью «Другу моему Дельвигу» (см.: Сб. Пушкинского Дома, на 1923 год, с. 83).

35. *1.* Сочувствие к Карелиной было вызвано отсрочками свадьбы (Модзалевский, с. 172—173).

36. *1.* Е. А. Баратынский находился в Петербурге с начала июля до 11 августа 1825 г.

37. БЗ, 1858, т. I, № 4, с. 112 (как записка Всеволожского (?); Пушкин, XIII, с. 195). Приписка на письме А. С. Пушкина от 28 июля. *1.* Для переписки — к готовившемуся изданию. *2.* В конце апреля — во время визита Дельвига в Михайловское.

38. *1.* «Записки» («Автобиография») Б. Франклина — одна из популярных в России книг с конца XVIII в.; рассматривалась как руководство по нравственному самовоспитанию; высоко ценилась в лицейской среде. (См.: Николюкин А. Н. Литературные связи России и США. М., 1981, с. 101—103.) *2.* Mémoires inédits sur le XVIII siècle et la Révolution française, t. 1—8, 1825—1828.

41. *1.* Грязная — ныне ул. Марата. *2.* «Кудри» — романс М. Яковлева на слова «Песни» («Наяву и в сладком сне...») Дельвига.

43. Голос минувшего, 1917, № 1, с. 267 (публ. Н. О. Лернера). В письме идет речь о «Журнале изящных искусств», издававшемся Григоровичем (а не о СЦ на 1826, как считал Н. О. Лернер). *1.* В «Журнале изящных искусств» (кн. 3) опубликовано три стих. Ф. Н. Глинки: «Вечер на развалинах», «Ночная картина (с балкона)», «К Алине (при посылке красок)». Дельвиг посылал два из этих стих. Кн. 3 была процензурована А. И. Красовским 30 сентября, однако часть материалов включалась до-

полнительно; книга вышла только в ноябре. *2.* «Друзья» — идиллия Дельвига. *3.* См. примеч. к № 53.

44. *1.* П. Н. Рохманова родилась 14 октября 1825 г.

48. *1.* День рождения Салтыковой — 20 октября.

52. Письма к Вяз., с. 35—36, с неточной датой (28 ноября). *1.* В начале ноября Вяземский отправил Дельвигу через Жуковского «Коляску» и несколько «мелочей» и обещал прислать «К мнимой счастливице»; прозы готовой у него не было (см. письмо его к Дельвигу от 7 декабря 1825 г.— Труды Черниговской губ. архивной комиссии, 1899—1900, отд. I. Чернигов, с. 14). В СЦ на 1826 напечатано 5 стих. Вяземского («Альбом», «Мнимой счастливице», «Нарвский водопад», «О. С. Пушкиной», «Семь пятниц на неделе», «Характеристика»). «Коляска» была запрещена (см. письмо № 62). *2.* И. И. Дмитриев ответил 14 декабря и прислал «Подражания 136 псалму» и «Надпись к портрету лирика» (оба — СЦ на 1826, с подп.***). См.: Дмитриев И. И. Соч., т. II. СПб., 1895, с. 292. *3.* Дельвиг послал Вяземскому письмо Пушкина от октября — первой половины ноября 1825 г., где сказано: «Возьми себе весь портрет Татьяны до *От Ричардсона без ума,* да еще конец от *Своим пенатам возвращенный*» (Пушкин, XIII, с. 241). Текст 2-й главы «Онегина» сам Дельвиг привез от Пушкина Вяземскому (Пушкин, XIII, с. 165). Вяземский задержал отправку, так как жил в Остафьеве, а главу оставил в Москве; ответ он послал через Баратынского (ср. письмо ему Баратынского, написанное, несомненно, после 7 декабря, где он уведомлял: «Письмо ваше барону Дельвигу отправлено».— СН, кн. 5. СПб., 1902, с. 44). *4.* Вяземский уже знал об этом из писем самого Пушкина. *5.* «Русские поклонники в Иерусалиме».

53. ПК, с. 30, с датой: «первая половина 1826 г.». Датируется по содержанию. *1.* «О состоянии художеств в России». Первая часть напечатана в СЦ на 1825; вторая («окончание») — в СЦ на 1826. Письмо написано, конечно, сразу по получении первой части, работу над которой Григорович начал не ранее лета 1825 г. (см. письмо № 61). *2.* О своей болезни С. М. Дельвиг сообщала А. Н. Карелиной 24 ноября 1825 г. (Модзалевский, с. 184). *3.* Стих. «Друзья». *4.* Идиллия «Изобретение ваяния».

54. Верховский, с. 31—32, с датой: «Конец 1825 г.», датировано по содержанию. *1.* Это письмо неизвестно. *2.* Траур носили в связи с кончиной императора Александра I, известие о которой было получено в Петербурге 27 ноября. *3.* О каких стихах идет речь — не вполне ясно. Возможно, это были куплеты А. Е. Измайлова на наводнение 7 ноября 1824 г., наделавшие много шуму в петербургских кругах; они распространялись наряду со стихами Хвостова «К N. N. о наводнении Петрополя...», вызвавшими многочисленные эпиграммы (см.: П. Иссл. и мат., VIII, с. 163, 165—166, 168, 170—171, 193). Текст стихов см.: Вопросы литературы, 1979, № 8, с. 267—268 (публ. О. Проскурина). *4.* С 31 июля 1825 г. Дельвиг служил в Министер-

стве внутренних дел чиновником особых поручений (Гаевский, I, с. 21).

55. Гастфрейнд, I, с. 151—152; т. II, с. 264. *1.* Вольховский был 27 августа 1825 г. командирован в экспедицию для обозрения пространства между Каспийским и Аральским морями; перед отъездом постоянно бывал у Дельвига (Модзалевский, с. 193). *2.* Это письмо (написанное из Уральска) неизвестно.

56. Баратынский, 1869, с. 413—414, с купюрами и неточностями. Полностью публикуется впервые. *1.* Баратынский жил в Москве, в отставке. *2.* О цензурных преследованиях СЦ см. № 60. Это место письма, посланного по почте, в условиях перлюстрации отчасти объясняет резкость последующей характеристики декабристов, явно рассчитанной на чтение властями. О поведении Дельвига после 14 декабря см. вступ. ст., а также письмо № 57 и примеч. *3.* Имеются в виду «Стихотворения Александра Пушкина», вышедшие 30 декабря 1825 г.

57. РА, 1880, кн. II, с. 503—504. *1.* В январском письме 1826 г. Пушкин спрашивал о судьбе А. Н. Раевского, арестованного вместе с братом 29 и 27 декабря. Раевских допрашивал Николай; он же дал им после освобождения благожелательную аудиенцию; 21 января в «Русском инвалиде» было сообщено об их освобождении и о пожаловании А. Раевского камергером. *2.* Сообщение об аресте Кюхельбекера напечатано в «Русском инвалиде» (1826, 28 января). Как и все письмо, известия о Кюхельбекере рассчитаны на перлюстрацию. 22 декабря С. М. Дельвиг писала А. Н. Карелиной (с оказией), что все письма распечатываются на почте; в этом же письме — известие о поисках Кюхельбекера: «Дай бог, чтоб не открыли, где он; должно быть, он не здесь, так как его тщательно ищут. Я трепещу, что его схватят» (Модзалевский, с. 184—185). Кюхельбекеру предъявлялось обвинение в попытке покушения на в. к. Михаила Павловича, по ходатайству которого первоначальный приговор Кюхельбекеру — смертная казнь — был заменен двадцатью годами каторги и вечным поселением в Сибири. Версия о «сумасшествии», то есть экзальтированности и эксцентричности Кюхельбекера, поддерживалась друзьями и доброжелателями в расчете на облегчение его участи (см.: Переписка П., т. 1, с. 389—390). *3.* Статьи Дашкова «Русские поклонники в Иерусалиме» и «Еще несколько слов о Серальской библиотеке» задержались; к 7 февраля они еще не были получены (Модзалевский, с. 187). *4.* См. примеч. к № 52. *5.* Царицы гор — шутливое обозначение (формула из «Кавказского пленника») обитательниц Тригорского — семейства П. А. Осиповой.

58. Верховский, с. 29—30. *1.* Баратынский обосновался в Москве из боязни оставить больную мать.

59. Модзалевский, с. 191—192. Приписка на письме С. М. Дельвиг к А. Н. Карелиной от 8 марта 1826 г. *1.* В. Д. Вольховский был знаком с Карелиным еще ранее; в 1825 г. он рассказывал Дельвигам о его образованности, даре слова и либеральных взглядах

(М о д з а л е в с к и й, с. 177). В декабре 1825 г.— феврале 1826 г. Вольховский останавливался в Оренбурге, где жили Карелины. По возвращении из экспедиции он был арестован и отправлен в Петербург по обвинению в причастности к событиям 14 декабря, о чем еще не мог знать Карелин, писавший письмо, по-видимому, в середине февраля.

60. Б а р а т ы н с к и й, 1869, с. 414—415. Датируется по содержанию. *1.* Речь идет о книге: «Эда, финляндская повесть, и Пиры, описательная поэма, Евгения Баратынского» (СПб., 1826). *2.* Опечатка, вместо: сметешь. *3.* Четыре стиха (430—433): «Ему, злодею, в эту ночь Досталась полная победа. Чувств упоенных превозмочь Ты не могла, бедняжка Эда». *4.* Речь идет о «Русалке» и «Андрее Шенье» Пушкина, включенных в «Стихотворения Александра Пушкина». Сб. Пушкина получил цензурное разрешение 8 октября, но вышел в свет 30 декабря, сразу после декабрьских событий. «Андрей Шенье» (где не была пропущена четверть всего текста) стал ассоциироваться с современными событиями и в сентябре 1826 г. вызвал политический процесс. *5.* «Эда» и «Пиры» прошли цензуру 26 ноября 1825 г., вторичному цензурованию подверглись, видимо, в 1826 г. Была вырезана и перепечатана с. 51 со стихами 117—119 «Пиров» («Она свободою кипит, Как пылкий ум, не терпит плена»); в новой, печатной редакции: «Она отвагою кипит, Как дикий конь, не терпит плена». *6.* Рукописи для подготовки «Стихотворений Е. Баратынского», которые Дельвиг намеревался издать; переехав в Москву, Баратынский издал эту книгу с помощью Н. А. Полевого. 25 ноября 1827 г. он просил Полевого выслать 600 экземпляров Дельвигу, с которым у него «особые счеты и отношения» (Б о р а т ы н с к и й, 1951, с. 488). *7.* СЦ на 1826 вышли 7 апреля 1826 г. *8.* Дашков наводил справки для статьи «Еще несколько слов о Серальской библиотеке» (РА, 1891, кн. II, с. 362). *9.* «Русские поклонники в Иерусалиме». (Отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 году).

61. РА, 1880, кн. II, с. 503. *1.* «Отрывок об Овидии» — из поэмы «Цыганы» (стихи 177—226) в СЦ на 1826. *2.* К статье Григоровича приложены гравюры Е. Гейтмана, И. Ческого и С. Галактионова с картин и рисунков Н. Тверского («Ангел», со статуи И. Мартоса), А. Егорова («Сусанна»), В. Шебуева («Иоанн Креститель»), О. Кипренского («Отдыхающий садовник»), М. Воробьева («Вход в храм гроба господня»).

62. ПК, с. 29—30. *1.* «Коляска (отрывок из путешествия, в стихах)» была напечатана в МТ (1826, № 20). *2.* Новый цензурный устав, утвержденный 10 июня 1826 г., еще более стеснил свободу печати. *3.* Стих. Вяземского «Семь пятниц на неделе» содержало прямой выпад против Булгарина («Флюгарина» и «Фиглярина»); в рецензии на СЦ на 1826 было отмечено в числе стихов, достойных особенного внимания (СПч., 1826, № 43, 10 апреля).

63. М о д з а л е в с к и й, с. 195. Приписка на письме С. М. Дельвиг от 14 апреля 1826 г.

64. СПб. вед., 1866, № 146, 31 мая (отрывок). Полностью публикуется впервые.

65. РА, 1879, кн. II, с. 478—479. Приписка к письму П. А. Вяземского от 12 июня 1826 г. *1.* Ср.: Модзалевский, с. 192, 195, 197. *2.* Сообщение о готовящейся свадьбе Баратынского с А. Л. Энгельгардт Дельвиги получили от него в конце апреля — начале мая; в июле пришло письмо от его жены (Модзалевский, с. 194, 196). *3.* В 1823 г. больной Батюшков был помещен в доме г-жи Аллер, на берегу Карповки. *4.* Строка из «Певца во стане русских воинов» (1813) В. А. Жуковского. *5.* Начало популярной арии из оперы Цингарелли «Джульетта и Ромео» (1796); см.: Томашевский Б. В. Пушкин и итальянская опера. — ПС, вып. XXXI—XXXII. Л., 1927, с. 58—60. *6.* См. «Коллективное», № 3.

66. Письма к Вяз., с. 36. Датируется по содержанию. *1.* Письмо от 10 июля или от 14 августа 1826 г. (Пушкин, XIII, с. 286, 289, 291). *2.* Вяземский уехал в Ревель 13 июня с семейством Карамзиных и вернулся в Петербург 5 сентября; в 20-х числах июля сюда приехало и семейство Пушкиных (ОА, т. I, вып. II, с. 26, 58, 89).

67. Барсуков, т. I, с. 319 (отрывок). Изд. 1893, с. 160. *1.* Ошибка, вместо: Петрович. *2.* Погодин прислал Дельвигу изданный им альманах «Урания» (М., 1826). *3.* Сцена из трагедии З. Вернера «Двадцать четвертое февраля» (у Дельвига ошибка в заглавии) в переводе Погодина напечатана в ВЕ (1823, № 23—24). *4.* Погодин прислал повесть «Русая коса» (СЦ на 1827, с подп. «З⟨наменск⟩ий»).

68. СПб. вед., 1866, № 163, 14 июня (без последних трех фраз); полностью — РА, 1894, № 9, с. 143. Написано в связи с возвращением Пушкина из ссылки и аудиенцией его 8 сентября 1826 г. у Николая I, по-видимому, в ответ на письмо Осиповой. *1.* Письмо, цитируемое Дельвигом, неизвестно. *2.* Это намерение не было осуществлено, возможно, потому, что в Изд. 1829 песни не были выделены в особый раздел (Верховский, с. 111).

69. РА, 1880, кн. II, с. 504—505. *1.* Речь идет об альманахе Б. М. Федорова «Памятник отечественных муз» (1827), который в это время готовился к изданию. Федоров с 1821 г. по август 1826 г. был секретарем при А. И. Тургеневе. В альманахе были помещены отрывки из писем Карамзина и Батюшкова (к А. И. Тургеневу и др.), послание Батюшкова к Тургеневу и ряд других материалов, переданных Тургеневым (АТ, с. 52; РС, 1881, № 6, с. 188). *2.* Журнал — мемуары И. И. Дмитриева, над которыми он работал в 1820-х — 1830-х гг. *3.* Анне Петровне Керн — «К ***» («Я помню чудное мгновенье...», 1825); напечатаны в СЦ на 1827.

70. Модзалевский, с. 199. Приписка к письму С. М. Дельвиг от 1 октября 1826 г. *1.* Это письмо неизвестно.

71. Печатается впервые.

72. ПК, с. 28.

73. Верховский, с. 30.

74. Изв. Одесского губисполкома, литературно-художественное приложение к № 1084, 15 июня 1923 г., с. 3 (публ. Ю. Г. Оксмана). *1.* «Цыганы» вызвали опасения цензора П. И. Гаевского, но были 10 декабря допущены к напечатанию. Однако издание задержалось из-за необходимости послать поэму на цензурование в III отделение (письмо № 75). Поэма вышла к 15 мая 1827 г., но издавал ее уже не Дельвиг, а А. Ф. Смирдин.

75. Былое, 1906, № 5, с. 139. *1.* По-видимому, Дельвиг предвосхищает события. «Цыганы» вместе с другими произведениями Пушкина доставлены им Бенкендорфу только 23 февраля; задержка была вызвана болезнью (см. письмо № 78). Дельвиг был болен с середины декабря 1826 г.; в первой половине января 1827 г. наступило улучшение, с середины месяца вновь наступило резкое ухудшение (Модзалевский, с. 202—203). Вероятно, письмо написано как раз в первой половине января, когда Дельвиг мог выходить; в это время в Петербурге была и Арина Родионовна, и Лев Пушкин (Пушкин, XIII, с. 318). *2.* Пушкин остался должен Рылееву за отрывок из III гл. «Онегина», проданной им в альманах «Звездочка» (не вышедший из-за восстания) и напечатанный в СЦ на 1827 (Переписка П., т. 2, с. 114—115). *3.* Эти письма неизвестны. *4.* Л. С. Пушкин отправлялся в Нижегородский драгунский полк в Грузию; 31 января он заходил проститься с Дельвигами (Модзалевский, с. 203). *5.* Вероятно, до Дельвига дошел слух о сватовстве Пушкина к С. Ф. Пушкиной (Пушкин, XIII, с. 311); о нем слышал и Языков (ЯА, с. 412—413).

76. Печатается впервые по копии ЦГИА (подпись — автограф). См. № 60.

77. Изд. 1893, с. 161.

78. Сухонин С. Дела III отделения собств. е. и. в. канцелярии об Александре Сергеевиче Пушкине. СПб., 1906, с. 42. Помета Бенкендорфа: «отослать и написать Пушкину, что я удивляюсь, что он дал другому препоручение мне доставить свои сочинения». О нарушении субординации он написал Дельвигу и Пушкину 4 марта; в письме Пушкину он замечал, что «вовсе не имеет чести знать» Дельвига. В ответном письме Пушкин объяснил, что указанные сочинения были переданы Дельвигу для СЦ, но печатание остановлено «вследствие высочайшей воли», согласно которой все стихи Пушкина отправлялись для цензурования в III отделение (Пушкин, XIII, с. 322, 325—326). Все стихи были пропущены и напечатаны в СЦ на 1827; из-за задержки цензурования альманах вышел в свет с опозданием (25—28 марта 1827). *1.* «К***» — «Я помню чудное мгновенье...».

79. РА, 1880, кн. II, с. 505—506. *1.* Д. В. Веневитинов скончался 15 марта 1827 г. от случайной простуды; его смерть была неожиданным ударом для друзей. *2.* Это письмо Пушкина, адресованное Веневитинову, неизвестно. *3.* В письме от 2 марта 1827 г. *4.* Парафраза строчки из басни Крылова «Мальчик и змея» (1819).

80. Аргус, 1913, № 4, с. 120—121 (неточно). Датируется по содержанию. *1.* Дельвиги выехали в Ревель 2 июня, из-за шторма прибыли только 4 июня (Модзалевский, с. 208—209). *2.* Название замка и местности в окрестностях Ревеля (Таллина). *3.* См. 6-е примеч. к письму № 60.

81. СПб. вед., 1866, № 163, 17 июня (отрывок). Полностью публикуется впервые. *1.* М. А. Салтыков гостил у Дельвигов с 24 февраля до конца мая. *2.* Пушкин приехал 24 мая. 25 мая С. М. Дельвиг писала А. Н. Карелиной: «Надобно было видеть радость матери Пушкина: она плакала как ребенок и всех нас растрогала. Мой муж также был на седьмом небе,— я думала, что их объятиям не будет конца...» (Модзалевский, с. 204, 206—207). В Ревель Пушкин не приехал.

82. Верховский, с. 33—34. *1.* Здесь: православных (угодников). *2.* Гнедич был болен с весны 1826 г.; 9 августа он получил годовой отпуск для поездки на юг. *3.* Останки герцога дю Круа постоянно привлекали внимание как достопримечательность Ревеля; ср. описание их в «Поездке в Ревель» А. А. Бестужева (1821), в письмах Вяземского (ОА, т. V, вып. I, с. 56) и его стихотворении «Ночь в Ревеле» (1844) и в письме С. М. Дельвиг Карелиной от 1 июля 1827 г. (Модзалевский, с. 211). *4.* Дельвиг упоминает основные художественные ценности церкви св. Николая: алтарь XV в. из любекской мастерской Г. Роде и картину «Пляска смерти» Б. Нотке.

83. РА, 1880, кн. II, с. 506—507. Датируется по почтовому штемпелю (18 февраля) и по содержанию. Дельвиги были в Харькове 8 февраля. *1.* Имеется в виду ст. Булгарина «Обозрение русских альманахов на 1828 год», где «Цыганы» объявлены одним из «лучших созданий поэзии в Европе, а не в одной России»; в связи с «Борисом Годуновым» сказано: «Тени Шекспира, Шиллера, возрадуйтесь» (СПч., 1828, № 4, 10 января). *2.* Здесь и далее — шутливые парафразы евангельских цитат (см., напр., от Матфея, 3, 10). *3.* Дельвиг провел в Москве пять дней; 30 января Соболевский устроил в его честь ужин с участием Мицкевича, Погодина, Полевого, Максимовича и др.; «Литературный ужин» с участием Дельвига («барона») был и у В. Л. Пушкина вместе с Вяземским (Барсуков, II, с. 181; Модзалевский, с. 216; Пушкин В. Л. Сочинения. СПб., 1895, с. 119; Пушкин, XIV, с. 28). См. также примеч. к письму № 85. *4.* Раич был знаком с Пушкиным еще по Одессе (1823—1824) и общался в Москве в 1826—1827 гг.

84. Баратынский, 1869, с. 415 (неточно). *1.* Дельвиг намеревался приложить портрет Баратынского к СЦ на 1829, но не осуществил своего замысла. Портрет — по-видимому, литография 1828 г., изданная Н. А. Полевым (Хетсо, с. 592—593).

85. СПб. вед., 1866, № 168, 22 июня, без двух последних фраз. Полностью публикуется впервые. Датируется по содержанию и по связи с письмом № 86, которому, по-видимому, предшествует. Дельвиг мог ожидать первых писем из Петербурга не ранее начала марта. По контексту письма видно, что он долго не получал известий. *1.* В письме 4 мая

С. М. Дельвиг рассказывала о болезни своей и мужа (Модзалевский, с. 221—222). *2.* Возможно, газета А. Ф. Воейкова «Русский инвалид». *3.* О. С. Пушкина обвенчалась с Н. И. Павлищевым тайно от С. Л. Пушкина 27 января 1828 г.; благословляли молодых (по поручению Н. О. Пушкиной) А. С. Пушкин и А. П. Керн на квартире Дельвигов, бывших уже в Москве (Керн, с. 53—54).

86. Баратынский, 1869, с. 415—416 (с пропусками и неточностями). *1.* Письмо не сохранилось. *2.* Эта просьба могла возникнуть только до конца мая, когда Дельвиги начали готовиться к отъезду (Модзалевский, с. 223). *3.* «Обозрение русской словесности за 1827 год» (МВ, 1828, № 1, с. 59—84), расценена Булгариным как «наполненная противоречиями и ошибками всякого рода» (СПч., 1828, № 11, 26 января). Этот отклик Булгарина очень раздражал Шевырева, который «беспрестанно говорил» о нем (см. письмо № 83; Барсуков, II, с. 166—169). *4.* В МВ (1828, № 2) Дельвига упрекали за выделение в альманахе «поэзии» и «прозы»; под «поэзией» понимались не «стихи», а эстетическое качество жанров и произведений. *5.* Стих. Баратынского «Последняя смерть» (СЦ на 1828) оценивалось в той же статье как «отрывок», не заключающий в себе «полного смысла»; автор возражал Н. А. Полевому, находившему, что в нем «вдохновенная поэзия сливается с философическою идеею» (МТ, 1828, № 1, с. 125). Критическая оценка Баратынского как «поэта выражения» более, чем «мысли и чувства», содержалась также в «Обозрении...» Шевырева. Ответ на эти суждения, во многом совпадающий с письмом Дельвига, дал О. М. Сомов в СЦ на 1829 (см.: Вацуро, с. 152).

87. РА, 1880, кн. II, с. 506. *1.* А. А. Дельвиг-старший умер 8 июля. (См.: Модзалевский, с. 226—228.)

88. Гаевский, 4, с. 23. Написано из г. Чернь; в Чернском уезде было имение Л. М. Дельвиг. Дельвиги приехали сюда 20 июня. *1.* Это письмо неизвестно. *2.* При конторе МТ Полевые держали книжную торговлю. Ответ Полевого неизвестен, но отношения не расстроились: по пути в Петербург Дельвиг виделся с ним в Москве и рассказывал о следующем выпуске СЦ (МТ, 1828, № 15, с. 457; Пушкин, XIV, с. 28).

89. Модзалевский, с. 228—229. *1.* Неизвестно, сумел ли Карнильев помочь Дельвигу; к 14 августа Дельвиг с трудом достал часть нужной суммы для удовлетворения самых срочных кредитов, для чего «сделал 500 верст».

90. Полевой П. Н. История русской литературы в очерках и биографиях, ч. II, 4-е изд. СПб., 1883, с. 256—257. Неоконченный черновик прошения на «высочайшее имя», относящийся (по содержанию) к июлю 1828 г. Судьба его неизвестна. *1.* А. А. Дельвиг-старший был принят в службу сержантом эстляндского егерского корпуса в 1788 г. (1790— прапорщик, 1792 — поручик Ревельского гарнизона, затем морских батальонов). С 1797 г. плац-адъютант, с 1806 г. плац-майор в Москве. Накануне войны 1812 г. был полковником л.-гв. Измайловского полка.

8 июля 1812 г. получил орден св. Анны II класса с алмазами. С 1816 г. генерал-майор; позднее был окружным генералом внутр. стражи (ЦГВИА, ф. 489, оп. 1, № 7060, л. 488—489).

91. Письма к Вяз., с. 36. В дате описка: 3 ноября вместо 3 декабря (см. письмо № 92). *1.* Цитата из стих. Вяземского «Русский бог» (1828). *2.* «Ответ А. И. Готовцевой» (на ее послание «А. С. П⟨ушкину⟩»), присланный Дельвигу в письме от 26 ноября 1828 г. из Малинников. *3.* Вяземский адресовал Готовцевой «Стансы». Идея напечатать их в СЦ вместе со стихами Готовцевой и ответом Пушкина принадлежала Вяземскому и, по-видимому, обсуждалась им с Дельвигом в Москве в сентябре 1828 г. Все три стих. напечатаны в СЦ на 1829.

92. РА, 1880, кн. II, с. 507. *1.* Письма от середины ноября с «Ответом Катенину» и от 26 ноября (см. письмо № 91). *2.* Пушкин был увлечен А. А. Олениной летом и осенью 1828 г. *3.* Слегка пародийная цитация известного стиха из «Войнаровского» Рылеева, нравившегося Пушкину («Девятнадцатый век», кн. I. М., 1872, с. 368—369). *4.* Портрет работы В. П. Лангера; литография с него — в альманахе «Царское Село» (1830). В семействе Дельвига портрет этот считался несовершенным (М о д з а л е в с к и й, с. 243). *5.* «Бал» — поэма Баратынского; поступила в продажу несколько позднее пятницы (7 декабря). *6.* У Дельвига были «Видение», «Торжество победителей», отрывки из «Илиады», «Море» Жуковского; «Бедный богач», «Бритвы», «Пушки и паруса» Крылова; «Воспоминание», «В альбом П. А. О⟨сиповой⟩», «Город пышный, город бедный», «Два ворона», «К И. В. С⟨лёнину⟩», «К Я⟨зыкову⟩», «Любопытный», «Наперсник», «Не пой, красавица, при мне», «Ответ (А. И. Готовцевой)», «Ответ Катенину», «Подражание Анакреону», «Ты и Вы», «To Dawe, Esq», «IV глава из исторического романа» («Арап Петра Великого») Пушкина.

93. П. Иссл. и мат., т. I. М.; Л., 1956, с. 273 (публ. Я. Л. Левкович). Аналогичный протест против готовящейся контрафакции подал П. А. Плетнев от имени Пушкина. По-видимому, комитет принял меры: стихов Дельвига в «Северной звезде» не появилось, стихи Пушкина были напечатаны с подп. «Аn» («Anonyme»). Намек на этот инцидент сделан Бестужевым-Рюминым в «Северной звезде» (упоминание о «подьяческих жалобах» на издателя); протест был одной из причин постоянных нападок Бестужева-Рюмина на Дельвига и Плетнева. О контрафакциях Бестужева-Рюмина Пушкин писал в неопубликованных статьях («О публикации Бестужева-Рюмина в „Северной звезде“», 1829, и «Альманашник», 1830).

94. СПб. вед., 1866, № 168, 22 июня (отрывок). Полностью публикуется впервые. *1.* А. Н. Вульф 15 декабря 1828 г. уехал из Петербурга, чтобы отправиться на русско-турецкий фронт (ПС, вып. XXI—XXII. Пг., 1915, с. 40).

95. Б а р а т ы н с к и й, 1869, с. 417 (с неточностями и купюрами); полностью — В а ц у р о, с. 173—174. Датируется по содержанию.

1. Пушкин приехал в Москву, по пути в Арзрум, около 18 марта (Врем. ПК, 1963, с. 13—14). *2.* 26 марта было объявлено, что альманах почти отпечатан и поступит в продажу к первым числам апреля (СПч., 1829, № 37); он вышел 4 апреля. *3.* «Стихи к Зенеиде» — «Княгине З. А. Волконской, на отъезд ее в Италию». Волконская проездом останавливалась в Петербурге. *4.* «Стихотворения барона Дельвига» вышли к 13 апреля (СПч., 1829, № 45, 13 апреля). *5.* «Конец золотого века»; о ней Баратынский упоминал, впрочем, еще в 1828 г. (см. примеч. к этой идиллии). *6.* Романы Ф. Эмина в пушкинском кругу считались образцом низкопробной мещанской литературы. Ассоциация Булгарина с Эмином позднее появится и у Пушкина (ср., напр., «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов», 1831). См.: Степанов В. П. «Сочинения Эмина» в «Домике в Коломне».— Врем. ПК, 1972, с. 112—114. *7.* «Борский» был процензурован 3 января 1829 г. цензором К. С. Сербиновичем. *8.* См. ст. № 7.

96. Баратынский, 1869, с. 417—418, с купюрой. Полностью публикуется впервые. Написано в мае 1829 г., до отъезда Дельвигов на дачу (ср. упоминания об общении с Сомовым и Плетневым). *1.* В письме к Вяземскому, относящемуся, по-видимому, к июлю 1829 г., Баратынский упоминает о смерти младшей дочери (СН, вып. V, с. 46); см. также РС, 1908, № 12, с. 761; другой ребенок — дочь Александра. *2.* М. А. Салтыков был болен 3 или 4 месяца и собирался в мае лечиться в Москве; туда же предполагали приехать и Дельвиги. Дельвиг, кроме того, хотел перейти в Москву на службу и переехать «к концу лета или осенью» (см.: Модзалевский, с. 235—236).

97. Письма к Вяз., с. 36—37. Адресовано в Пензу, где находился Вяземский. *1.* А. Е. Измайлов считался изобразителем преимущественно «низкого быта» за натуралистические описания в его баснях. *2.* Дельвиг перефразирует замечание о Вяземском Баратынского; ср. его эпиграмму «Войной журнальною бесчестит без причины...» (1825) и воспоминания Вяземского: «Баратынский говаривал о мне, что в моих полемических стычках напоминал я ему старых наших бар, например Алексея Орлова, который любил выходить с чернью на кулачный бой» (Вяземский, т. I, с. 674). Тот же образ — в «Разговоре о критике» Пушкина: «Мне столь же нравится кн. В⟨яземский⟩ в схватке с каким-нибудь журнальным буяном, как и гр. Орлов в бою с ямщиком. Это черты народности» (Пушкин, XI, с. 90). *3.* Это письмо (написанное П. А. Плетневу) не сохранилось; оно было переслано Дельвигом родителям Пушкина (ЛН, т. 16—18, с. 774—775).

98. Из истории русской и зарубежной литературы. Саранск, 1964, с. 78 (публ. Г. Галина, отрывок). Полностью публикуется впервые. Слушалось в заседании комитета от 10 декабря 1829 г. 11 декабря газета была разрешена Главным управлением цензуры (ИРЛИ, 93/1, б).

99. Гаевский, 4, с. 37; приписка Сомова — там же, с. 38—39 (отрывок; полностью — РА, 1903, кн. III, с. 259—260). С М. А. Максимо-

вичем Дельвиг познакомился в 1828 г. в Москве; при встрече они разговаривали о народных русских песнях. В сентябре 1829 г. они виделись в Петербурге (Северные цветы на 1832 год. М., 1980, с. 290—292, 388—389). *1.* Русская песня «По небу...» (для «Денницы... на 1830 год»). *2.* Статья Максимовича «О цветке» (ЛГ, 1830, № 1, 1 января).

100. Изд. 1893, с. 168 (письмо Дельвига); Верховский, с. 45—46 (письмо Сомова). Сохранился только правый полулист письма. Речь идет о печатании альманаха «Царское Село». Датируется по содержанию. *1.* См. примеч. к письму № 92. *2.* Речь, несомненно, идет о переводе «Макбета», сделанном Кюхельбекером и пересланном родным; о нем Кюхельбекер сообщал Дельвигу в посланном с оказией письме от 18 ноября 1829 г. (РА, 1881, № 1, с. 140). Настоящее письмо — свидетельство попытки Дельвига подготовить перевод к изданию; напечатать его не удалось (см. письмо № 107); Дельвиг опубликовал только статью Кюхельбекера «Мысли о Макбете» (ЛГ, 1830, № 7, 31 января). См.: Левин Ю. Д. 1) Кюхельбекер — автор «Мыслей о Макбете».— РЛ, 1961, № 4, с. 191—192; 2) «Макбет» Шекспира в переводе В. К. Кюхельбекера.— ПК, 1981. Л., 1983, с. 30—58. *3.* В СЦ Дельвиг дал только старые стихи — «Застольную песню» и «Песню» («Что ты, пастушка, приуныла...»); см. примеч. к стих. «Фантазия».

101. Керн, с. 270—271. Датируется по содержанию. *1.* Шуточное прозвище — «2-й жены» — Дельвиг дал Керн, когда она жила в одном доме с Дельвигами (Керн, с. 76—77). *2.* Предложения П. М. Полторацкого в связи с какой-то «спекуляцией», связанной с потерей имения (ср.: Керн, с. 82), неизвестны. *3.* С. М. Дельвиг ждала ребенка.

102. Гаевский, 4, с. 41. Записка, посланная вскоре по приезде Дельвига в Москву 5 января 1830 г. *1.* «Денница... на 1830 год» вышла 5 февраля 1830 г. *2.* Игра слов: Люцифер (лат. «светоносец») — одно из имен дьявола в средневековой демонологии.

103. Переписка Пушкина, т. II. СПб., 1908, с. 115 (как письмо Вяземского и неизвестного); Пушкин, XIV, с. 62 (как письмо Вяземского и Дельвига). *1.* Цитата из «Лгуна» П. Корнеля, включенная Вяземским в статью «О московских журналах», о которой идет речь. Статья написана по просьбе Дельвига (Пушкин, XIV, с. 60), первая часть напечатана в ЛГ (1830, № 8, 5 февраля), вторая запрещена цензурой. *2.* Речь, вероятно, идет о старой эпиграмме: «Булгарин, убедясь, что брань его не жалит...»,— предназначенной еще для СЦ на 1826, но запрещенной цензурой (РЭ, с. 282, 734); в 1830 г. она, однако, потеряла актуальность и вместо нее в ЛГ появилась другая эпиграмма на ту же тему: «Ты целый свет уверить хочешь...» (1830, № 53, 18 сентября; ср.: Пушкин. Справочный том, с. 155); в отношении нее авторство Вяземского очень вероятно, хотя и не считается окончательно доказанным (Блинова, с. 90, 180; РЭ, с. 830). *3.* Статья Пушкина, печатавшаяся под анаграммой «Р» (ЛГ, 1830, № 4, 10 января); продолжение — ЛГ, 1830, № 12, 25 февраля.

104. Верховский, с. 35. Датируется по содержанию (см. ниже). *1*. По-видимому, речь идет о статье «Все благоразумные люди предвидели, что дружбе „Телеграфа“ с „Сыном отечества“ недолго сдобровать...» (ЛГ, 1830, № 23, 21 апреля), где цитируется пародия в СО и СА (1830, № 15, с. 165) с упоминанием Полевого. Статья эта (анонимная) атрибутируется Вяземскому (Блинова, с. 163). Она вызвала памфлет М. А. Бестужева-Рюмина на Дельвига «Сплетница» (СМ, 1830, № 49, 50).

105. РА, 1880, кн. II, с. 507—508. *1*. 6 мая 1830 г. состоялась помолвка Пушкина. *2*. Эпиграмма — «Не то беда, что ты поляк» (см. об этом ст. № 12).

106. Изд. 1893, с. 169. *1*. Девушка — дочь Н. М. и А. Я. Коншиных Ольга; Дельвиг был на ее крестинах (РС, 1908, № 12, с. 762).

107. Благонамеренный (Брюссель), 1926, № 3—4, с. 198—199 (неточно). *1*. «Макбет» см. примеч. к письму № 100. *2*. Речь идет о статье Пушкина «Денница. Альманах на 1830 год...» (ЛГ, 1830, № 8, 5 февраля, без подп.); газета была послана А. И. Тургеневу Дельвигом через Вяземского; Вяземский раскрыл и авторство Пушкина (РБ, 1914, № 4, с. 49). Дельвиг пересказывает письмо А. И. Тургенева Вяземскому от 2 июня 1830 г. (ОА, т. III, с. 202—203, 208). *3*. Слух о том, что Полевой уничтожил уже готовый 2-й том «Истории русского народа», отразился в рецензии Вяземского на 1-й том (ЛГ, 1830, № 31, 31 мая).

108. Изд. 1893, с. 170. *1*. По настойчивым хлопотам влиятельных друзей (в частности, В. А. Жуковского) ссыльный Ф. Н. Глинка был в марте 1830 г. переведен из Петрозаводска в Тверь. См.: Иезуитова Р. В. К истории ссылки Ф. Н. Глинки (1826—1834).— В кн.: Литературное наследие декабристов. Л., 1975, с. 331 и след. *2*. Л. С. Пушкин возвращался из отпуска на Кавказ 20 июля и ехал через Тверь.

109. ПС, вып. 29—30. Пг., 1918, с. 57. Объяснение по поводу статьи «Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии» дано в ответ на письмо Бороздина от 23 августа; в соответствии с требованиями Бенкендорфа и министра народного просвещения К. А. Ливена Бороздин требовал от Дельвига «показание об авторе статьи». Ответ Дельвига носит явно вуалирующий характер. *1*. Подробнее об этом писал в своем «объяснении» цензор Н. П. Щеглов (ПС, вып. 29—30, с. 57—58).

110. Вацуро, с. 204. Ответ на записку Деларю (на том же листе) с вопросом, где будут напечатаны присланные им стихи (название — его рукой, остальной текст — рукой Дельвига). «Выздоровление» и «Глицере» напечатаны в СЦ на 1831; «Слава нечестивца», как предлагал сам Деларю, в ЛГ (1830, № 61, 28 октября); «Эдемская ночь» — в «Альционе» Е. Ф. Розена, куда, видимо, была передана Дельвигом.

111. Письма к Вяз., с. 37—39. *1*. Во время холеры 1830 г. Вяземский жил в своем имении Остафьево. *2*. Дельвиг имеет в виду письмо Пушкина Плетневу из Болдина от 29 сентября, где Пушкин сообщал о своем наме-

рении ехать в Москву «сквозь целую цепь карантинов» (П у ш к и н, XIV, с. 113). *3.* «Отрывки из путевых записок» З. А. Волконской (СЦ на 1831), находившейся в это время в Риме вместе с С. П. Шевыревым. (См. письмо Шевырева к Дельвигу из Рима от 2(14) сентября 1830 г.— Лит. портф., с. 97—98). *4.* «Адольф» — переведенный Вяземским роман Б. Констана; 12 января 1831 г. Вяземский жаловался Плетневу, что не имеет известий о судьбе рукописи (Изв. ОРЯС, 1897, т. II, кн. 1, с. 92—93). *5.* В СЦ на 1831 напечатаны два отрывка из поэмы Баратынского «Наложница» («Цыганка»): «Новинское» и «Сара». *6.* В. Л. Пушкин умер 20 августа при Вяземском, который был на погребении в Донском монастыре 23 августа; на похоронах присутствовали многие московские литераторы. В ЛГ был напечатан краткий некролог (1830, № 51, 8 сентября). Статью о В. Л. Пушкине Вяземский написал в конце 1830 г., и А. С. Пушкин собирался передать ее для ЛГ, но не успел из-за смерти Дельвига (П у ш к и н, XIV, с. 138, 143—144); в печати она не появилась. *7.* Речь идет об «Элегии» Языкова («Я отыщу твой крест смиренный...» — СЦ на 1831).

112. РС, 1916, № 5, с. 262 (по копии из дел Петербургского цензурного комитета). Ответ на официальное письмо К. М. Бороздина от 31 октября. *1.* «Франция, назови мне их имена! Я их не вижу на этом печальном памятнике: они победили так скоро, что ты стала свободной прежде, чем успела их узнать» — четверостишие для предполагаемого памятника жертвам Июльской революции в Париже, перепечатанное в заметке «Смесь» (ЛГ, 1830, № 61, 28 октября). Стихи первоначально были отчеканены на медали «В память о французах, умерших за свободу 27, 28 и 29 июля 1830 г.» и напечатаны в газетах «Фигаро» и «Монитор» 10 августа 1830 г. (Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832. Л., 1927, с. 77, коммент. Б. В. Томашевского). А. И. Дельвиг сообщал, что они были получены Дельвигом в письме из Парижа (А. И. Д е л ь в и г, т. I, с. 111). *2.* Имеется в виду запрос Бенкендорфа К. А. Ливену от 30 октября, где указывалось на «неприличие» содержания стихов, могущих подать повод «к различным неблаговидным толкам и суждениям». Бенкендорф требовал для доклада императору сведений, кто именно прислал стихи к напечатанию. Этот запрос был повторен в письме Ливена Бороздину от 31 октября и Бороздина Дельвигу. Объяснение Дельвига Бенкендорф счел «не только недостаточным, но и непростительным для человека, коему сделано доверие издавать журнал», а «образ извинений» при личном разговоре «самонадеянным» и «дерзким» (письмо Ливену от 8 ноября). В ответ Ливен предлагал запретить Дельвигу издание газеты; 13 ноября последовала резолюция Николая I: «Семенову (цензору.— *В. В.*) сделать строгий выговор, а Дельвигу запретить издание газеты», о чем Бороздин довел до сведения Дельвига 15 ноября (З а м к о в Н. К. К истории «Литературной газеты» барона А. А. Дельвига. (Из архивных разысканий).— РС, 1916, № 5, с. 259—269).

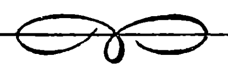
113. РС, 1916, № 5, с. 269.

114. РА, 1880, кн. II, с. 508. Датируется по почтовому штемпелю (17 ноября). *1*. Дельвиг хлопотал о пенсии матери, оставшейся после смерти мужа без средств и с огромной семьей.

115. РС, 1916, № 5, с. 270. Официальное письмо, написанное после сообщения Бенкендорфа, что газету разрешено издавать под редакцией Сомова (А. И. Дельвиг, т. I, с. 115—116). 24 ноября Сомов представил его со своим ходатайством Бороздину, 1 декабря последовало разрешение, 14 декабря о нем был уведомлен Сомов.

116. Дамский журнал, 1831, № 52, с. 185 (отрывок). Полностью — ПК, с. 32. *1*. Объявление об издании «Дамского журнала» на 1831 г. уже было напечатано (ЛГ, 1830, № 67, 27 ноября). *2*. Речь идет, по-видимому, о какой-то полемической статье против М. А. Бестужева-Рюмина, печатавшего пасквили и на Шаликова. *3*. См.: Моск. вед., 1830, 6 декабря.

117. Кобеко, с. 487—488. Речь идет о не востребованном с Дельвига в 1822 г. взносе в 100 рублей в пользу инвалидов (10 % от полученной им суммы в 1000 рублей, см. письмо № 4). Долг был заплачен С. М. Дельвиг уже после смерти мужа, 18 февраля 1831 г. (Верховский, с. 53—54).

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Аврора (рим.) — богиня утренней зари; в поэзии — утренняя заря.

Адонис — в греческой мифологии — красавец юноша, возлюбленный Афродиты (Венеры).

Аид, или *Айдес (греч.)* — подземный мир, царство мертвых.

Аквилон (рим.) — олицетворение северного ветра.

Актеон (греч.) — охотник, увидавший купающуюся Артемиду (Диану) и в наказание за это превращенный ею в оленя и растерзанный собаками.

Аматузия (греч.) — одно из имен Афродиты (Венеры).

Амврозия (амброзия) — пища олимпийских богов, поддерживающая бессмертие и вечную юность.

Амур (рим.).— См. *Эрот.*

Аониды (рим.) — музы.

Аполлон, или *Феб (греч.)* — бог солнца, покровитель поэзии и искусств.

Аргус (греч.) — многоглазое чудовище, охранявшее возлюбленную Зевса Ио; в переносном смысле — бдительный, неусыпный страж.

Арей (греч.) — бог войны; возлюбленный Афродиты; соответствует Марсу у римлян.

Атлантиды (греч.) — жители мифического острова в Атлантическом океане.

Бассарей (греч.) — одно из прозвищ Вакха (см.).

Бахус (рим.).— См. *Вакх.*

Борей (греч.) — бог северного ветра; в поэзии — холодный ветер.

Вакх (греч.) — бог вина и веселья, покровитель виноградарства.

Венера (рим.) — богиня любви и красоты; соответствует Афродите у греков.

Вулкан (рим.) — бог огня и кузнечного ремесла; родился хромым. Супруг Венеры.

Гамадриады (греч.) — нимфы, покровительницы деревьев.

Геба (греч.) — богиня юности, дочь Зевса; подносила богам на Олимпе нектар и амброзию.

Гелиос (греч.) — бог солнца; изображался на колеснице, с лучами или диском солнца над головой.

Гений (рим.) — добрый дух, хранитель человека.

Геркулес (рим.) — герой, совершивший множество подвигов, образец физической силы и бесстрашия.

Гимен, Гименей (греч. и рим.) — бог брака.

Гипербореи (греч.) — обитатели мифической страны на крайнем севере земли.

Горгона (греч.).— См. *Медуза*.

Грации (рим.).— См. *Хариты*.

Диана (рим.) — богиня луны и охоты, покровительница девственности.

Елисейские сады (греч.).— См. *Элизиум*.

Зевес, или *Зевс (греч.)* — верховный бог, царь и отец богов и людей.

Зефир (греч.) — олицетворение западного ветра; в поэзии — приятный легкий ветерок.

Игея, или *Гигиея (греч.)* — богиня здоровья.

Ир (греч.) — нищий, один из персонажей «Одиссеи» Гомера; в переносном смысле — бедняк.

Ира, или *Гера (греч.)* — сестра и супруга Зевса, царица богов.

Ифест, или *Гефест (греч.)*.— См. *Вулкан*.

Камены (рим.).— См. *Музы*.

Кастор и *Поллукс*, или *Диоскуры (греч.)* — братья-близнецы, образец неизменной дружбы.

Кипра, или *Киприда (греч.)* — одно из имен богини любви Афродиты (по названию острова Кипр, где в особенности был распространен ее культ).

Киферея (греч.) — одно из имен Афродиты.

Коцит (греч.) — река в подземном царстве мертвых.

К р о н (греч.).— См. *Х р о н о с.*

К р о н и д, Кронион *(греч.)* — сын Крона, одно из имен Зевса.

К р о н и о н (греч.).— См. *К р о н и д.*

К у п и д о н (рим.).— См. *Э р о т.*

Л а е р т и д (греч.) — сын Лаэрта, Одиссей.

Л е д а (греч.) — жена спартанского царя Тиндарея, в которую влюбился Зевс, явившийся к ней в образе лебедя.

Л е т а (греч.) — река забвения в подземном царстве.

Л и б е р (рим.) — бог виноделия, отождествлялся с Вакхом.

Л и э й (греч.) — прозвище Вакха.

М а р с (рим.).— См. *А р е й.*

М е д у з а (греч.) — одна из трех сестер горгон, чудовище со змеями в волосах; от ее взгляда все живое превращалось в камень.

М е р к у р и й (рим.).— См. *Э р м и й.*

М и д а с (греч.) — фригийский царь; приглашенный в качестве судьи на музыкальное состязание Аполлона и Пана, отдал предпочтение Пану, за что получил от Аполлона в наказание ослиные уши. В переносном смысле — глупый, невежественный судья.

М о м (греч.) — бог насмешки и злословия.

М о р ф е й (греч.) — бог сновидений.

М у з ы (греч.) — богини поэзии, искусств и наук.

Н а я д а (греч.) — нимфа вод.

Н е к т а р — напиток богов, делавший их бессмертными.

Н е п т у н (рим.) — бог морей.

Н е с т о р (греч.) — один из героев «Илиады» Гомера, царь Пилоса, мудрый старец, участник войны против Трои, пользовавшийся особым уважением греков за свою опытность и храбрость; в переносном смысле — умудренный опытом старец, мудрый советчик.

Н и м ф ы (греч.) — божества, олицетворявшие различные силы природы и обитавшие в лесах, горах, водах и т. д.

О к е а н (греч.) — титан, сын Урана, отец всех речных божеств.

О л и м п — гора в Греции, считавшаяся местопребыванием богов.

О р е с т (греч.) — сын Агамемнона, известный, в частности, своей неразлучной дружбой с Пиладом.

О р к (рим.) — бог смерти, соответствует Плутону у греков; подземное царство мертвых.

О р ф е й (греч.) — певец, своим пением и игрой на лире укрощавший диких зверей и приводивший в движение деревья и камни.

Паллада (греч.) — прозвище богини мудрости Афины, которая считалась также покровительницей наук, поэзии и искусств.

Пан (греч.) — бог лесов и пастбищ, изобретатель свирели.

Парки (рим.) — три богини судьбы, прядущие и обрывающие нить человеческой жизни.

Парнас — гора в Греции, считавшаяся местопребыванием Аполлона и муз.

Пинд — горный хребет в Греции; в мифологии считался владением Аполлона; символ поэзии.

Плутон (греч.) — владыка подземного царства мертвых.

Помона (рим.) — богиня плодов.

Прометей, Промефей (греч.) — титан-богоборец, похитивший огонь у богов и передавший его людям; в наказание был прикован к скале и каждое утро орел Зевса клевал его печень.

Психея (греч.) — героиня сказки Апулея, царевна, соперничавшая красотой с Афродитой; возлюбленная Амура.

Рея (греч.) — богиня, жена Крона и мать Зевса; местом особого ее почитания был остров Крит.

Сатиры (греч.) — лесные божества, спутники Вакха; изображались в виде людей с рогами, козьими ушами, ногами и хвостом.

Семела (греч.) — возлюбленная Зевса, мать Вакха.

Силен (греч.) — воспитатель и наставник Вакха; изображался в виде веселого пьяного старика.

Скиллийские сирены (греч.) — полуптицы-полуженщины, обитавшие на волшебном острове в Средиземном море и своим пением увлекавшие мореплавателей в морскую пучину. Чтобы спастись от сирен, Одиссей, проплывая их остров, привязал себя к мачте корабля.

Стигийские брега — берега Стикса (см.).

Стикс (греч.) — река в подземном царстве.

Тирс (греч.) — жезл, обвитый плющом и виноградными листьями, с сосновой шишкой на верхнем конце; принадлежность Вакха и его спутников.

Фаэтон (греч.) — сын бога солнца Гелиоса; получив от отца на один день разрешение управлять солнечной колесницей, не сумел с ней справиться и едва не сжег землю.

Фенрис (сканд.) — чудовищный волк, прикованный к скале; перед концом мира должен освободиться и пожрать верховного бога Одина.

Филомела (греч.) — афинская царевна, превращенная богами в ласточку; сестра ее Прокна была превращена в соловья. В поэзии название «Филомела» закрепилось за соловьем.

Флора (рим.) — богиня цветов и юности.

Фортуна (рим.) — богиня счастья, случая и удачи; изображалась с повязкой на глазах.

Фурии (рим.) — богини мщения, обитательницы подземного царства.

Хаос (греч.) — бездна, наполненная туманом и мраком, существовавшая до сотворения мира; из него возникла ночь.

Хариты (греч.) — богини красоты, радости, спутницы Афродиты и Вакха.

Харон (греч.) — перевозчик душ умерших через реки подземного царства.

Хрон, или *Хронос (греч.)* — олицетворение времени; изображался в виде старца с косой в руках, отец Зевса.

Цинтия (греч.) — одно из имен Артемиды (Дианы); в поэзии — обозначение луны.

Цирцея (рим.) — волшебница, чарами удерживавшая Одиссея на своем острове; в переносном смысле — обольстительная красавица.

Цитерия (рим.).— См. *Киферея.*

Эвмениды (греч.) — см. Фурии.

Элизиум (греч. и *рим.)* — блаженное царство теней умерших, загробный мир.

Эндимион (греч.) — прекрасный юноша, очаровавший своей красотой богиню луны Диану. Усыпив Эндимиона, богиня в течение многих лет навещала его в пещере и целовала спящего.

Эрмий, или *Гермес (греч.)* — вестник богов, считался также богом красноречия и торговли; изобрел лиру, натянув струны на панцирь черепахи; часто изображался с крылатым шлемом на голове и в высоких сапожках с крылышками.

Эрот (греч.) — бог любви; изображался юношей или мальчиком с золотыми крылышками, с луком, стрелами и колчаном.

Япетовы дети (греч.) — люди, сотворенные, согласно некоторым мифам, из земли Прометеем, сыном титана Япета.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

---

* В указатель включены имена, встречающиеся в текстах Дельвига. Страницы статьи и примечаний с упоминанием этих имен выделены курсивом.

* Данные о детях — в его формулярных списках 1819—1821 гг.: ЦГВИА, ф. 489, оп. 1, № 7060, л. 488—489, 496, 509, 513.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

«СТИХОТВОРЕНИЯ БАРОНА ДЕЛЬВИГА»

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИК 1829 ГОДА

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ. ПРОЗА

СТАТЬИ

КОЛЛЕКТИВНОЕ

СТАТЬИ ИЗ РАЗДЕЛА «СМЕСЬ» «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

ПИСЬМА

ПРИЛОЖЕНИЯ

РАННИЕ РЕДАКЦИИ И ПЛАНЫ
«СТИХОТВОРЕНИЯ БАРОНА ДЕЛЬВИГА»

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИК 1829 ГОДА

ПРОЗАИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ ИДИЛЛИЙ

СТАТЬИ

КОММЕНТАРИИ

Дельвиг А. А.
Д 29 Сочинения: Стихотворения; Статьи; Письма/ Сост., вступ. ст., коммент. В. Э. Вацуро.— Л.: Худож. лит., 1986.— 472 с., 1 л. портр.

Настоящее издание включает в себя впервые собранные все известные стихотворения Антона Антоновича Дельвига (1798—1831), ближайшего друга Пушкина и одного из самых значительных поэтов пушкинского окружения, а также избранные литературно-критические статьи и письма — превосходные образцы эпистолярной прозы своего времени. Письма ярко раскрывают дружеские, бытовые связи и литературно-эстетические взгляды и самого поэта, и современников его круга.

Д $\frac{4702010100-052}{028(01)-86}$ 24-86 ББК 84.Р1

Антон Антонович Дельвиг

СОЧИНЕНИЯ

Составитель
Вадим Эразмович Вацуро

Редактор *Т. Мельникова*
Художественный редактор *Р. Чумаков*
Технический редактор *Н. Литвина*
Корректор *Л. Никульшина*

ИБ № 3362

Сдано в набор 02.07.85. Подписано в печать 28.01.86. Формат 84×108[1]/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 24,78 +0,05 вкл.=24,83. Усл. кр.-отт. 25,46. Уч.-изд. л. 25,22+1 вкл.=25,27. Тираж 100 000 экз. Изд. № ЛП-72. Заказ № 1984. Цена 2 р. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература», Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Д-186, Невский пр., 28. Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.